

ЧГПУ ИМ. И. Я. ЯКОВЛЕВА

**НИКОНОВСКИЕ
ЧТЕНИЯ
2018**

Министерство науки и высшего образования РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева»

НИКОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Электронный сборник научных статей

Чебоксары
2018

УДК 371:008
ББК 71.0; 74.04 (2 Рос)
Н644

Никоновские чтения [электронный ресурс] : сб. науч. ст. по материалам III Всероссийского (с международным участием) культурологического форума «Никоновские чтения» (в память о Заслуженном работнике образования ЧР Г. Л. Никоновой)/ под ред. А. В. Никитиной. – Чебоксары : Чуваш. гос.пед. ун-т, 2018. – 294 с.

Издается по решению ученого совета Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева»
(протокол № 2 от 28 сентября 2018 г.).

Редактор: кандидат философских наук, доцент А.В. Никитина

Сборник включает материалы докладов участников III Всероссийского (с международным участием) культурологического форума «Никоновские чтения» (в память о Заслуженном работнике образования Чувашской Республики Г. Л. Никоновой) (20 апреля 2018 года), состоявшегося на базе ЧГПУ им. И. Я. Яковлева».

© Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я.
Яковлева, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЗРУКОВ А. Н. ЭКЗИСТЕНЦИЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА В УСЛОВИЯХ МЕТАНАРРАТИВНОГО БСОЛЮТА	6
ГАВРИЛОВА И. В., ЧЕРНЫШЕВА А. С. ЛЕКСИКА ЯПОНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	14
ГАНИН М. В. МАРГИНАЛИИ К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ КАТЕГОРИИ МЕРЫ В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ	21
ГОЛОВАЧЕВ В. С. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЭТНОФЕСТИВАЛЯ «ЗЕМЛЯ КАЛЕВАЛЫ»)	28
ДУВАЛИНА О.Н. АРПЕНТЬЕВА М. Р. НОМО OFFICIALIS И НОМО ANIMUS: ТРАНСГРЕССИЯ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ	33
ДЕМИНА Т. И., ВЛАСОВА Е. А. АЛГОРИТМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ В РАБОТЕ С ОДАРЕННЫМИ ДЕТЬМИ НА УРОКАХ ИСКУССТВА В ШКОЛЕ	42
ЕВДОКИМОВА О. К., СЕМЕЧКИНА Д. В. КОНЦЕПТ «СУДЬБА» В ПРОЗЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА	46
ЗАЙЦЕВА И. А. РОЛЬ КУРСОВОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ-КУЛЬТУРОЛОГОВ	56
ИВАНОВА И. К. МОДЕЛЬ ТРАНСГРЕССИИ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Ю.БУЙДЫ	64
ИСАЕВ Г. Г. ЗИМА В ЧУВАШИИ. К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ ТЕЛЕСНОСТИ В ПЕЙЗАЖНОМ ТВОРЧЕСТВЕ ГЕННАДИЯ ИСАЕВА	70
КОГАЙ Э. Р. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ	80
КОГАЙ Э. Р., БЕКИШЕВА Р. М. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ОБУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ ПРИ КОМПЕТЕНТНОСТНОМ ПОДХОДЕ	88
КОЛЧЕВА Э. М. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛАНДШАФТНОГО АРХЕТИПА РЕКИ В МАРИЙСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (1950–1980-Х ГГ.)	94
КОСЯКОВА Е. Ю. ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ПОЭЗИИ А. Н. МАЙКОВА	97
КРУГЛЯК Е. Е. ИЗМЕНЕНИЯ СЕМАНТИКИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЯЗЫКОВОГО И КУЛЬТУРНОГО КОНТАКТА (НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КВЕБЕКА)	106

КРАНК Э. О. ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ФОТОГРАФИИ В ОТНОШЕНИИ К АКСИОМАТИКЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ	112
КРАНК Э. О. С. СОНТАГ: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В ФОТОГРАФИИ	119
КУЗНЕЦОВА И. В. УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ-ТУРЦИЗМОМ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ В ЯЗЫКАХ НАРОДОВ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ	124
КУЛИЕВА Н. М., ГАСАНОВ С. Л., ГАСАНОВ Э. Л. О ЗНАЧЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНИЯ ПАТРИОТИЗМА В НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ	129
ЛЕНСКАЯ Н. А. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ	135
ЛЯПАЕВА Л. В. МОТИВ СВЕТА И ТЬМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Е.САДУР «ИЗ ТЕНИ В СВЕТ ПЕРЕЛЕТАЯ»	140
ЛЯПАЕВА Л. В. МИФОЛОГИЗАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ю. БУЙДЫ «ПОВЕСТЬ О КРЫЛАТОЙ ЛИБЕРИИ»	144
НИКИТИНА А. В., БОРОВАЯ М. А. МОДЕРН И НЕОГОТИКА В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XX ВЕКА	150
НИКОЛАЕВА А. Ю. ДИАЛЕКТИКА СИММЕТРИИ И АСИММЕТРИИ В ЧУВАШСКОЙ ПОЭЗИИ	156
ОКЕАНСКИЙ В. П., ОКЕАНСКАЯ Ж. Л. «ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН» В КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ	164
РОМАНОВА С. В. ТРАДИЦИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ БЕЛАРУСИ	173
УРСЕГОВА Н. А. ВКЛАД М. Н. МЕЛЬНИКОВА В РАЗВИТИЕ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ	179
ХМЕЛЕВСКИЙ М. С. УКРАИНСКАЯ ПЕСНЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ВОПРОСЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВОСПРИЯТИЯ	186
ХУСЯИНОВ Т. М. РАБОТА С ТЕКСТОМ КАК СФЕРА ИНТЕРНЕТ-ЗАНЯТОСТИ	192
ЧУРАКОВА О. В. ПРОВЕДЕНИЕ БИНАРНЫХ УРОКОВ ПО ИСТОРИИ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМУ ИСКУССТВУ В МУЗЕЕ	197
ШИНДЕЛАРЖОВА Я. ФОРМИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ И ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ ПРИ ОБУЧЕНИИ РОДНОМУ ЯЗЫКУ В ЧЕХИИ (НА МАТЕРИАЛЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ)	204

ШИШОНИНА Н. В. ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ	210
ЮРКИНА Т.Н. СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСЛОВИЦАХ С СИНТАКСИЧЕСКИМ ПАРАЛЛЕЛИЗМОМ	214
ПАСТУХОВА Л. Б., ЯКУШКИНА З. Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН	220
УШАКОВА Г. М., ТРУФАНОВА С. Л. КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ РАЗНОЖАНРОВЫХ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ- ФИЛОЛОГОВ	231
ГРИГОРЬЕВА А. О. ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ МУЗЕЙНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПРОГРАММЫ «ДЕТСКИЕ ОБРАЗЫ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ 1920–1930-Х ГГ.»	244
ИГНАТЕНКО К. В. ТАНЦЕТЕРАПИЯ КАК ОДИН ИЗ КОМПОНЕНТОВ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ	248
ИВАНОВА Т. В. INSTAGRAM И МОДНАЯ ИНДУСТРИЯ	251
КУЗЬМИН М. К. ДИСКУССИОННЫЙ КИНОКЛУБ КАК ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ (ИЗ ОПЫТА КЛУБА «POLYGON.DOC»)	255
КУЗНЕЦОВА М. Е. СТЕРЕОТИПЫ ГЕНДЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОЙ КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ	259
КУРНОСОВА Д. А. ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИЙ В ВЕК КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	266
МУТИНА О. Н. ФЕНОМЕН КУКОЛЬНОГО ДОМА В КУЛЬТУРЕ	271
ПЕТРОВА К. В. ИНФОГРАФИКА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ	277
СЕМЕНОВА И. В., КИРГИЗОВА М. М. ВАРИАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ	281
СЕМЕНОВА А. В. АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ МАРИШЫ ПЕССЛ	286
ФЕДОТОВА Д. Г. ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ	290

ЭКЗИСТЕНЦИЯ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО ТЕКСТА В УСЛОВИЯХ МЕТАНАРРАТИВНОГО АБСОЛЮТА

Безруков Андрей Николаевич

кандидат филологических наук, доцент
Башкирский государственный университет,
Бирский филиал

Аннотация. В статье осуществлен анализ действенной природы постмодернистского метанарратива. Основное внимание при анализе сосредоточено на малую прозу Виктора Пелевина. В частности эссе «Мост, который я хотел перейти» является базисом данной работы. Выявлено, что пелевинский текст вмещает на уровне сюжетики явные следы прозы Ивана Бунина («Поздний час»). Цитатный характер, интертекст, пастишизация, аллюзии, реминисценции образуют смысловое единство двух художественных систем. Основные методы исследования: герменевтический, рецептивный, сравнительно-сопоставительный. Условия абсолютной власти метасюжетов, элементов фактографического характера позволяют Виктору Пелевину расширить как текстовые, так и коннотативные уровни. Итогово сделан вывод, что спектральная диалогическая природа литературы поддерживается эстетической авторской комбинаторикой.

Ключевые слова: *постмодернизм, Виктор Пелевин, малая проза, метанарратив, дискурс, Иван Бунин, сюжет.*

THE EXISTENCE OF POSTMODERN TEXTS IN ABSOLUTE METHANARRACTION

Andrei N. Bezrukov

Abstract. The article analyzes the effective nature of metanarrative. The main focus of the analysis is on the small prose of Victor Pelevin. The essay “The bridge I wanted to cross” is the basis of the work. It is revealed that the text by Victor Pelevin contains at the level of the plot the obvious traces of Ivan Bunin’s prose (“The Late Hour”). The citative character, intertext, pastisation, allusions form the semantic unity of the two artistic systems. The main research methods: hermeneutic, receptive, comparative. The conditions of the absolute power of metaplot, elements of a factual nature allow Victor Pelevin to expand both textual and connotative levels. It is concluded that the spectral dialogical nature of literature is supported by aesthetic authorial combinations.

Keyword: postmodernism, Victor Pelevin, small prose, metanarrative, discourse, Ivan Bunin, the plot.

«Все люди от природы стремятся к знанию. Доказательство тому – влечение к чувственным восприятиям: ведь независимо от того, есть от них польза или нет, их ценят ради них самих...» [1, с. 65]. Редуцированный смысловой диалог художественных сознаний в литературной практике встречается достаточно часто. Значительно реже наблюдается имманентное сближение двух и более творческих голосов. Момент наивысшего соприкосновения указанных точек зрения ведет не только к авторскому заимствованию фразы, реплики, условного слова или образа – это распространяется в целом на всю стилистику текста, его *идиостилевое единство*. Сверхфразовая сфера, создаваемая писателем, наполняется одномоментно и реакцией на уже созданный текст, и рецепцией, неким толкованием, уже осмысленных явлений, фактов, событий. Следовательно, одним из эффективных приемов художественной объективации эпохи постмодернизма становится популяризация и акцент на явных/скрытых заимствованиях. Цитата как наиболее активная форма диалога раскрепощает действие автора, пролонгирует жизнь слова, связывает в единое культурное пространство разные области знаний.

Варианты античных диалогов, философские доктрины Нового времени, срезы памяти XX века – все вбирает и перерабатывает в своем синтетическом режиме эстетика постмодерна [8]. Диалогический характер литературы, межтекстовая коммуникация, оппозиция «текст – читатель», тезис «мир как текст» все это утверждения литературной теории XX века, в которой доминантным является принцип дуалистический корректности и смысловой дисперсии. Теоретически небезосновательно то, что: «Высказывание существует вне всякой возможности повторного появления, и связь, которую оно поддерживает с тем, что высказывает, не тождественна совокупности правил употребления. Речь идет о единичной связи, и если в этих условиях вновь появляется тождественная формулировка, то это, конечно, те же самые слова, которые уже были использованы, по сути, те же самые имена, в целом это то же самое предложение, но это не обязательно то же самое высказывание» [13, с. 176]. Поле игры, в которое попадает читатель, открыто в максимальную проекцию сознания, проекцию литературно-исторического процесса. Главным обязательным условием этого коллажа смыслов является герменевтическая компетентность. Достижение итогового результата – поиска смысла как формы действия – в данном случае полипозиционно. Рецепция выходит за грани только текста; восприятие, таким образом,

приобретает структуру комбинаторного кольца [6]. «Быть фиктивным – значит быть только изображаемым. Литературный вымысел – изображение мира, не претендующее на прямое отношение изображаемого к какому бы то ни было реальному, внелитературному миру. Фикция заключается в «деланьи», в конструкции вымышленного, возможного мира» [14, с. 32]. Намеченный феномен можно определить как принцип игровой текстуализации чужих *дискурсов* [4; 5].

Диффузия разных модулей художественных сознаний формирует полистилистику языка, сингулярность смысла, метанаррацию абсолюта. Сложение языка в смысловую иерархию образует *текст*. Текст, как цельное единство, имеет рамочный вид, начало и конец, точно организован, окончательно определено его фразовое/сверхфразовое членение, несомненно, что он характеризуется смысловой конвергенцией. Дробный анализ текста фрактально ориентирует читателя на выявление закономерностей, как его наличной структуры (трансцендентный формат), так и общих функциональных примет (имманентная действенная природа). С этой позиции, на наш взгляд, связность текста и постмодернистского дискурса очевидна. Следовательно, свойства, отмеченные в ходе анализа-оценки частной модификации знакового образования – текста, позволяют распространить их, но с рядом условных черт, в целом на дискурсивную практику письма.

Художественный дискурс является некоей кульминационной фазой конкретизации эстетической мысли, манерой изложения, повествования, маркером сознания, способом оценки действительного. Читатель, погруженный в языковую ткань, по мысли Ролана Барта, не может, да и не должен, раскрепоститься субъективно. Его «навскиданная форма комментария... - подражание» [2, с. 373]. Состоящая из элементов, графически зафиксированная система знаков имеет «материальную опору значения и вариант в собственном смысле слова» [12, с. 284]. Собственно знаки-функции создают ситуацию, при которой *потенциальный* читатель оказывается диалогичен тексту-произведению. Этот мыслимый диалог превращается бивокалично в игру со значениями, приращиваемыми и вкладываемыми в пространство художественного мира. На наш взгляд, методы рецептивной эстетики, герменевтики могут перспективно дополнить и конкретизировать диалогический характер литературы, связать тексты современной литературы с произведениями конца XIX – начала XX веков. Традиционный взгляд на постмодернистский текст как практику письма лишен понятия «текстовой продуктивности» (Юлия Кристева). Доминантой оценки будет уже не только установление идеальности формы, целостности

системы, наличие и конкретизация нарративного абсолюта, сколько соотношение перечисленного с фактом читательского ожидания и собственно *переживание* это факта. *Метадискурсивный* характер литературы говорит о варианте транс-знака, транс-кода, регулируемом сознанием читателя. Сферический, новый уровень прочтения позволяет воспринимать мыслимую реальность как образ, живущий в культуре вообще. Детальность сближения истин, продуктивность взгляда, точка опоры, фактор переживания – все это становится признаками рождаемой здесь и сейчас новой художественной иллюзии.

Смысловая идентификация *метасюжетов* в отечественной теории была конкретизирована в работах Ю. Левина, Н. Тмарченко, Н. Лейдермана, М. Липовецкого, В. Тюпы. В данном случае, вариации оценки касаются как лирики, так и прозы. Но общим, на наш взгляд, знаменателем, вероятно, должен стать тезис, что *метасюжет* – это структурированная система реверсивной рецепции культурно-исторического наследия, организованный вид *отсылки*, которая формирует как образный, так и событийный ряд, специфически сложенный поведенческий комплекс восприятия художественных реалий заглавными героями, а далее и верификация ирреальных событий читателями. При этом концентрация смыслового абсолюта достигается не только реинкарнацией истории как таковой, но влияет и на условия моделирования новой, еще не обозначенной точки зрения. Деструктурная коллизия, анти-норма и будет условием эстетической игры, которая формирует художественный *метанарратив*.

Система/структура, принцип/условие, функция/случай, граница/объем уже не являются обязательными для литературы; следует говорить о модальности референционной планки речи. Акт коммуникативного реагирования есть вызов традиционным нормам и правилам чтения. Сложность аспекта коммуникации не в непостижимости бытийной цели, а в адекватной реакции на переживания со-бытийного уровня. Текст, прорываясь на уровень дискурса, в зависимости от типа используемых отношений и ряда интертекстуальных включений преодолевает редуцированное фоническое мерцание, структурируется и манифестирует ряд новых этапов дальнейшего существования. Дискурсивное письмо не исходное понятие или структура, это временное становление языка, определение-констатация его новых, контекстных значений. Следует уточнить, что дискурс всецело связан с внетекстовой реальностью, системой *метасмыслов*, актуальных для автора, «переход к новой единице дискурса, образованной фразой или высказыванием, представляет собой сдвиг, разрыв, мутацию в иерархии уровней» [11, с. 137]. Создатель текста начально субъективен дискурсу, но

приращение дополнительных значений сбивает авторитетную фигуру демиурга в область интерсубъективности, да и «художественный дискурс распадается на частные версии (идиостили), которые в итоге смешиваются в конфликт голосов» [5, с. 24]. Тем самым достигается эффект постоянного соприсутствия автора, да и текста, процессу становления и развития.

Творческое наследие Виктора Пелевина располагается в постмодернистской художественной системе, где реальная действительность отражается в редуцированном, либо деформированном виде [7; 8], а образ мира выстраивается на основе внутрикультурных связей, диалогов с предшествующей литературной практикой. Метасюжет в прозе Виктора Пелевина создает биполярный контраст, одновременно происходит как бы и динамика становления нового текста, и реверсивный поворот к уже сказанному, созданному. Заимствуя наличное художественное начало, писатель отрывается в сферу предполагаемого, может быть, истинно желаемого. Срабатывает *эпистемологический комментарий*, мотивация на объяснение уже сказанного, верификации прочитанного.

Небольшое по объему эссе Виктора Пелевина «Мост, который я хотел перейти» [10, с. 350-351] представляет собой децентрированный текст, лишенный как линейного сюжета, так и смысло-организующего центра. Текстовое поле формируется автором в его сознании, памяти. Традиционные элементы художественного мира-реальности в рассказе-эссе как бы не существуют. Воспринимающий их субъект – потенциальный реципиент – возводит свой мир, свои концептуальные конструкции, свои магистрали динамики смысла. Как человек литературный, отталкиваясь от чужого текста, – автор, зависит от *прецедентного номинатива*, на схожий формат оценки настраивается и читатель.

Магистральный признак *персонажа* – но не буквально близкого самому автору-творцу – одиночество, условная дистанцированность от настоящего, реального мира. Герой Пелевина задается вечными вопросами: что есть наш мир? каковы его границы? есть ли предел/конечность живому/действительному? как объективировать для себя экзистенцию настоящего? Основная движущая сила эссеистского текста, как и всей пелевинской прозы – сомнение, которому подвергается все. Таким образом, метафизика столь часто затемняет собственно художественный пласт. Блочный метод разверстки смысла дает возможность автору двигаться вместе с читателем по касательной, так как формой связи с *прецедентными*, уже созданными *текстами* является аллюзийный, скрытый намек, цитатный принцип, пастишизация, ризомность.

Для Виктора Пелевина прогулка по мосту есть *жизнь*, движение по обреченному кругу, но с ориентиром на желание совершить какой-либо онтологически правильный, смелый поступок; отчасти верифицировать эстетические границы реальности, объективировать настоящее и необходимое сущее для *человека*. Прошлое, которое изображает или вспоминает автор рассказа-эссе наполнено обязательным стандартом живого и естественного. Это и возраст, это и велосипед, это и шоссе, это и песочные дома, и солнце, и неожиданная радость, и внутренняя грусть, и экзистенциальное молчание, и предполагаемый ответ. Не буквальный, но планируемый, не чужой, но свой, сформулированный индивидуально, целостно, с пониманием естественного, закономерного, циклического. Рассказ-эссе «Мост, который я хотел перейти» Виктора Пелевина в русле такой модели понимания обогащается также аллюзией на рассказ Ивана Бунина «Поздний час», который включен в цикл «Темные аллеи». Бунинский текст – это релевантная модель оценки настоящего, прощание с реально-осязаемым хроносом прошлого. Предчувствие исхода становится основой бунинского текста. Следует отметить, что «Поздний час» классический образец метафизического преодоления крайностей, мысленный переход в прошлое, некая переориентация во времени. «Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем» [3, с. 235]. Копии у Виктора Пелевина, конечно, не выходит, да это и не является самоцелью автора, но «мост – путь», «мост – акцент», «мост – обретение» – архитектурными гранями визуален для реципиента. Иван Бунин старается художественно прорисовать динамический спектр переживаний, создать эстетический эффект полного присутствия в живом, Пелевин же в своем тексте – обрести уверенность реализации точечного диалога с *предтекстом*, раскрепостить намеченный диалог от формальных ограничений, символически допустит аффект свободы мысли.

Напряженное сознание пелевинского героя стремится к постижению тайны Бытия. В детстве он «*строил из песка дома, которые разрушались каждый раз, когда мимо проходил речной теплоход или большая баржа*» [10, с. 350], во взрослом состоянии он думает, что «*я ведь не делал в жизни ничего много, а только мерил шагами этот висящий в пустоте отрезок дороги – мост...*» [10, с. 351]. Земное пространство здесь – *пустота*, а философская установка к мировоззренческой ориентации – относительность всего, вероятностность *другой реальности*. Мост поэтому следует видеть

антимodelью иного мира. У Ивана Бунина мост становится проводником в другую – *прошлую* – но тоже реальность: «*И я пошел по мосту через реку, далеко видя все вокруг в месячном свете июльской ночи. Мост был такой знакомый, прежний, точно я его видел вчера: грубо-древний, горбатый и как будто даже не каменный, а какой-то окаменевший от времени до вечной несокрушимости...*» [9, с. 30]. Величественно стилизует мост-данность в «Позднем часе» настоящую жизнь, он выступает неким рефреном, модусом приобретений, утрат, горьких потерь и радостных обретений. В этом и заключается, вероятнее всего, особый пафос реализма Ивана Бунина. Покидая бранный мир настоящего, бунинский герой как бы освобождается от желания высветить дистанцию крайностей, для него смыслом уже будет предвосхищение прежней радости, прежнего восторга: «Я знал, куда надо идти, я шел все прямо по проспекту – и в самом конце его, уже в нескольких шагах от задней стены, остановился...» [9, с. 35]. Образ пелевинского рассказ-эссе не готов остановиться только на этом, для него желанием так и остается обрести, высветить для себя образ – «*мост, который я так хотел перейти*» [10, с. 351].

Как отмечал М.М. Бахтин, «двойственную жизнь ведет и реплика всякого реального диалога: она строится и осмысливается в контексте целого диалога, который состоит из своих (с точки зрения говорящего) и чужих высказываний (партнера). Из этого смешанного контекста своих и чужих слов реплику нельзя изъять, не утратив ее смысла и ее тона. Она – органическая часть разноречивого целого» [3, с. 97]. Таким образом, художественный талант заключается в том, чтобы выстроить диалогические, *дискурсивные отношения* с идеальным реципиентом, подтолкнуть читателя к тому, чтобы в его сознании возникли определенные ассоциативные ряды, аллюзии, реминисценции, так как «в каждом роде сущего есть нечто соответствующее чему-то» [1, с. 369]. Виктору Пелевину удастся сделать это объемно и концептуально. Реверсивный ход в прошлое, на наш взгляд, сохраняет наследие преемственности литературы постмодернизма и отечественной классики. Общий ракурс проблем объединяет сюжеты, сводит текстовые сферы к *метасюжетике*. В данном случае – разверстке эмпирико-смысловой парадигмы, репрезентации бытийности, экзистенциальной отсылки к поиску аксиологических ориентиров.

Библиографический список

1. Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т.1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
4. Безруков А.Н. Иерархия художественного дискурса // *Litera*. 2017. № 2. С. 45-53.
5. Безруков А.Н. Интерсубъективный характер художественного дискурса // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2015. № 10-2 (52). С. 23-26.
6. Безруков А.Н. Ретроспективная стратегия герменевтического круга в пространстве художественного текста // *Язык и межкультурная коммуникация: материалы VI Межвузовской научно-практической конференции, 23-24 апреля 2009 г.* СПб.: Изд-во СПбГУП, 2009. С. 184-187.
7. Безруков А.Н. Симулятивно-знаковая природа художественной реальности (В. Пелевин. «Ника») // *Человек и природа в русской литературе (к 95-летию С.П. Залыгина): материалы международной научно-практической конференции (г. Мичуринск, 20-22 мая 2008 г.)*. – Мичуринск: МГПИ, 2008. С. 201-203.
8. Безруков А.Н. Философская эстетика постмодернизма: деконструкция языка и стиля // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2016. № 11(3). С. 14-16.
9. Бунин И.А. Полное собрание сочинений в 13 томах. Т.6. «Темные аллеи». Книга рассказов (1938-1953); Рассказы последних лет (1931-1952); «Окаянные дни» (1935). М.: Воскресенье, 2006. 488 с.
10. Пелевин В.О. *Relics: Избранные произведения*. М., 2005. 352 с.
11. Рикёр П. *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
12. *Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму*. М.: ИГ «Прогресс», 2000. 536 с.
13. Фуко М. *Археология знания*. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»; Университетская книга, 2004. 416 с.
14. Шмид В. *Нарратология*. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.

ЛЕКСИКА ЯПОНСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Гаврилова И.В., Чернышева А.С.

к.п.н., доцент каф. русского языка
Чувашского государственного педагогического
университета им. И.Я.Яковлева

студентка 4 курса
факультета чувашской и русской филологии
Чувашского государственного педагогического
университета им. И.Я.Яковлева

Аннотация. В статье дается обзор лексики, заимствованной из японского языка. Особое внимание уделяется механизмам адаптации слов японского происхождения.

Ключевые слова: заимствованная лексика; расширение лексического значение; сочетаемостные возможности; метафоризация.

LEXIQUE OF JAPANESE ORIGIN IN THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Gavrilova I.V., Chernysheva A.S.

Abstract. The article provides an overview of vocabulary borrowed from the Japanese language. Special attention is paid to the adaptation mechanisms of words of Japanese origin.

Keywords: borrowed vocabulary; expansion of lexical meaning; combining capabilities; metaphorization

Заимствованной лексике в современных лингвистических исследованиях уделяется немалое внимание. Как правило, предметом исследования становятся англоамериканские заимствования, которые, по подсчетам лингвистов, составляют около 75% всей иноязычной лексики [Григоренко О.В.]. Предметом же нашего исследования стала лексика, заимствованная из японского языка. Обусловлено это не только интересом к традиционной и новейшей культуре Японии, но и тем, что, несмотря на обращение исследователей к проблеме функционирования японских

заимствований (А. Х. Габдуллина, А. О. Манькова, Г. В. Хруслов), это явление ещё не стало предметом всестороннего многоаспектного лингвистического описания.

Лексика иноязычного происхождения изучается в рамках двух основных подходов : «аналитического (предполагающего всесторонний анализ заимствований) и нормативного (связанного с выражением научно обоснованной оценки процесса заимствования и его результатов)» [Григоренко О.В.].

Аналитический подход к описанию лексических заимствований предусматривает создание их классификаций на основе разных критериев:

- хронологического (с учетом времени появления и фиксации в языке);
- тематического (с учетом способности отражать реалии действительности);

- структурного (с учетом оформления лексемы грамматическими средствами заимствующего языка).

При изучении иноязычных слов определяются причины заимствований, а также пути и способы их освоения заимствующим языком.

В России особый интерес к Японии и японской культуре наблюдался на рубеже 19-20 вв., хотя российско-японские связи устанавливались ещё раньше: при Петре I была основана первая японская школа [Манькова А.О.]. Реалии японской культуры, жизни и быта японцев нашли отражение в русской литературе. В. Брюсов в сборнике лирических этюдов, представляющих жизнь многих народов мира, «Сны человечества»(1913) целый раздел посвятил Японии. К. Бальмонт, совершивший поездку в Японию, создал целый ряд произведений: «Страна-поэма», «Фейное творчество», «Игранья раковины» и др.

В последние годы заимствованные из японского слова становятся отражением реалий нашей жизни и культуры: мы идем в кафе «Якитория» для того, чтобы отведать блюда японской кухни – суси (суши), приправив их вассаби; по улицам наших городов разъезжают мицубиси, тойоты и мазды.

Анализ заимствованной из японского языка лексики, собранной по словарям [1, 2, 6, 8], позволил выделить следующие тематические группы:

- наименования природных явлений (*цунами*);
- наименования животных, растений (*соя, сакура, иваси, хин*);
- наименования одежды, предметов быта, оружия (*кимоно, оби, гэта, маваси, сюрикен, сякен, кусаригама, шимоза*);
- наименования кушаний и напитков (*суси/суши, роллы, сасими/сашими, сакэ, якитори, кусияки*);

- наименования явлений и предметов художественной культуры (*икебана, нецкэ, хокку/хайку, танка, бунраку, кабуки, бонсай, укие; хирагана*);

- наименования религиозных представлений, отвлеченных понятий, связанных с философией жизни (*амида, Хатиман, Ходэри, Фугэн босацу, синто, бусидо; хара*);

- наименование видов спорта и боевых искусств, а также предметов, связанных с ними (*каратэ, дзюдо, джиу-джитсу/дзю-дзюцу, дан, катана, сумо, доха, татами, оригами*);

- наименование людей по социальному положению, роду занятий (*бонза, гейша, даймё, микадо, камикадзе, куноити, ниндзя, самурай, сегун, синоби, рикша, тейсинтай, тэнно; сумотори, якодзун*);

- наименование органов власти, исторических периодов, событий, наименование неформальных организаций (*генро, икки, якудза*).

Помимо нарицательных имен в русский язык вошли и собственные имена: название островов (Хонсю, Хоккайдо), городов (Токио, Хиросима, Нагасаки), фамилии и имена (Акутогава Рюноскэ, Кобо Абэ, Харуки Мураками, японские писатели; Куросава Акира, кинорежиссер).

Наиболее известным именем собственным является название горной вершины Фудзияма, ставшей национальным символом Японии.

Не менее известно в Европе имя Чио-Чио-Сан. Так звали девушку из Нагасаки, героиню оперы Дж. Пуччини «Мадам Баттерфляй». По мнению Л.В.Успенского, переводчик искажил японское слово *Тьо-Тьо*, которое обозначает «бабочка», «мотылек». Другой исследователь добавляет, что в японском языке есть «слово тё: (с долгим гласным ё), которое значит «бабочка»», а двойное употребление этого слова использовалось для сокращенного названия имени и фамилии девушки *Тё:я(фамилия) Тё:ко(имя): Тё:тё*. [Хруслов Г.В., 126-127].

Проведенный тематический анализ заимствованной из японского языка лексики позволил увидеть, что в основном в русский язык вошли слова безэквивалентные, обозначающие уникальные для японской культуры явления и понятия, не имеющие аналогов в принимающем языке. Подобные лексические единицы принято называть экзотическими словами. «Употребление их обусловлено ...тематикой, необходимостью описания обрядов, быта, домашней утвари, обычаев, одежды и т.п. того или иного народа» [Крысин Л. П. 47].

Как правило, экзотизмы «не теряют ничего или почти ничего из черт, присущих им как единицам языка, которому они обязаны своим происхождением. Они не принадлежат... системе использующего их языка,

не функционируют в нем в качестве более или менее прочно связанных с лексически и грамматическим строем этого языка единиц» [Крысин Л. П. 49]. Поэтому многие японские заимствования в русском языке осмысляются как существительные, не обладающие способностью склоняться, например: *Это хокку было первым. Он пишет хокку. Он знакомится с новыми хокку. Без хокку не представляем японской поэзии.* Однако грамматическая система русского языка наделяет эти существительные признаками рода и числа: *японский камикадзе (м.р.) – настоящие камикадзе (мн.ч.); самовольное харакири (ср.р.); одно хокку (ср.р.); простое карате(ср.р.); горячее сакэ(ср.р.); вкусные суши (мн.ч.); куриные якитори (мн.ч.).*

В то же время «экзотизм, с заимствованием самого предмета (или обычая и т.п.), им обозначаемого, также может превращаться в заимствованное слово» [Крысин Л. П., 50], которое оформляется в языке его грамматическими средствами. Так, в русский язык вошло слово *соя* – название травянистого растения семейства бобовых. Японское *сё:ю* представляет собой заимствованное китайское *цзянью* (*цзян* «соевая подлива» и *ю* «масло»). В русском языке морфемный состав слова осмысливается иначе: в нем выделяется нечленимая основа *сой-* и флексия *-я*. Слово обладает способностью склоняться (*изготовить из со-и, добавить к со-е* и т.д.) и служит базой для создания нового слова: *соя* → *соевый*.

Как отмечают лингвисты, процесс адаптации иноязычных слов сложен и многообразен [Бахнина С.И.]

Освоение заимствованной лексики принимающим языком возможно за счет расширения первоначального лексического значения слова, изменение типа употребления. Например, японское *бо:дзу* (где *бо:* – «келья, монах», *дзу* – «главный, основной») проникло в русский язык через французский и закрепилось как *бонза* в значении «европейское название служителей буддийского культа в Японии» [7]. Однако это слов в русском языке получило ещё одно значение – «надменное, чванливое должностное лицо»: *советский бонза или просто знаменитый человек* [Евгений Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов» (1997)]; *бонза ранга секретаря обкома* [Николай Климонтович. Далее – везде (2001)]; *по виду и повадкам типичный парламентарий и, если хотите, «бонза»* [Р. Б. Гуль. Конь рыжий (1952)]. Для этого значения, сопровождающегося пометами «неодобр.», «разг.», в словарях приводятся синонимы – *руководитель, чиновник, шеф*.

Расширение лексического значения можно наблюдать и у слова *камикадзе*. Заимствованное в 30-40-е гг. 20 века (букв. *божественный ветер*, где *ками* – «бог», *кадзе* – «ветер») в значении «Японский летчик-смертник, погибший вместе с самолетом, атакуя цель (во время Второй мировой

войны)» [8] оно представлено в словарях как многозначное. Второе значение является переносным – «Тот, кто жертвует собою ради каких-либо обстоятельств; безрассудный смельчак». Именно в этом значении чаще всего употребляется *камикадзе* в современных художественных и публицистических текстах: *Пошла настоящая игра на встречах курсах, пролилось много крови! Ушедшие в «минус» – я, Бареев, Соколов, Широков – выступали в роли камикадзе: нам было уже все равно, с кем играть. Играли только на победу! Ананд не показал чего-то особенного. Просто подтвердил свой уровень, более того – ни одной партии с конкурентами он не выиграл, ну а Топалову и вовсе проиграл.* [Виорел Бологан. На встречах курсах (2004) // «64 – Шахматное обозрение», 2004.02.15]; *«Кукушками» во время финской войны называли снайперов, которые вели прицельный огонь по солдатам противника. Вейко – «кукушка»–камикадзе. Его, солдата эсэсовской дивизии «Норд», приковали цепью к камню – чтобы не убежал.* [Александр Поздняков. Александр Рогожкин снял «Кукушку» (2002) // «Известия», 2002.04.19].

У японских заимствований может развиваться метафорические значения. Например, слово *икебана* (*ике* – «держат в живом виде, держать в вазе с водой»; *хана/бана* – «цветок») [Хруслев Г.В., 135] имеет следующие словарные значения: «1. Искусство составления букетов из живых или засушенных растений (первоначально распространённое в Японии). Искусство икебаны. 2. Букет, составленный по правилам такого искусства. Делать икебану» [2]. Однако «икебана» может употребляться в значении «нечто прекрасное, гармоничное», «что-то красивое, необычное»: *Там как северный ландшафт. Во-первых, краски приглушенные, напоминающие сумерки на реке, – то самое красивое состояние природы, когда все успокаивается, и вот уже контрастов нет, а есть одни нюансы. Почему Валдай и северная природа? Потому что объекты воспринимаются либо по отдельности, либо массами, массивами такими – как икебана какая-то выдающаяся – потрясающая гармония.* [Александр Клейн. Зов бездны: глубины, тонкости и сложности, где только ты сам // «Пятое измерение», 2003]; *Тетка говорит: – А на кой мне скелет? Мужик говорит: – Ну, может, дети по нему будут анатомию изучать, или, допустим, стоит в комнате скелет – красиво, икебана.* [Лион Измайлов. Ремень (1992)]; *У меня была подружка, занимавшаяся всякой хреновенью типа мистики, эзотерические бредни, гороскопы, хиромантия, прочая икебана.* [Наталья Галкина. Вилла Рено // «Нева», 2003].

Слово *харакири* (*хара* – «живот», *киру* – «резать»), первоначально обозначающее «в Японии: способ ритуального самоубийства путём

вспарывания живота особым коротким мечом (принятый у самураев)» [2] в современной русской речи может употребляться в значении «самоубийство любым способом»: *Кем был «он», все мы знали без лишних слов. И молча, делая лаконичный жест рукой по горлу, я произнес звук, понятный всем, который сейчас изображу так: «кгх!». Вот этот звук и сопровождал мое «харакири» по собственному горлу.* [Валерий Аграновский. Вторая древнейшая. Беседы о журналистике (1976-1999)]; *«Лучше умереть, чем ошибиться» – так формулирует «самурайский закон» биологии академик Владимир Скулачев, директор Института физико-химической биологии МГУ. К «харакири» каждая клетка нашего организма готова в любой момент.* [Юлия СМИРНОВА. Наши клетки запрограммированы на самоубийство // Комсомольская правда, 2001.05.18].

Расширение сочетаемостных возможностей этой лексемы «позволяет углубить семантику сочетания, сделать его метафорическим, что ведет к усилению эмоционально-образного восприятия предметов и явлений» [11]. Употребление слова в таких контекстах, как «харакири для министров (в зн.: уменьшение численности) кабинета министров), «снятие с игры Алексея стало харакири», моральное харакири, политическое харакири, расширяет его значение до следующих значений: «смерть, гибель; прекращение деятельности, лишние возможностей».

Сочетаемостные возможности слова (*сделать себе харакири, совершить харакири, моё харакири, учинить над собой харакири*) позволяют увидеть, что *харакири* обозначает действие, направленное на субъекта, его совершающего.

Таким образом, у лексемы «харакири» наблюдается расширение лексического значения «самоубийство мечом» - «самоубийство» - «смерть, гибель» - «прекращение деятельности в какой-либо сфере человеческой жизни».

Однако это слово может употребляться в значении «*быть наказанным кем-то, получить нагоняй от кого-то*»: *Если не успею с отчетом, начальник мне харакири сделает*» [1]. Еще шаг — и мне сделают харакири. [Владимир Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002].

Еще один способ освоения японских заимствований – включение их в словообразовательные связи современного русского языка. Чаще всего так осваивается спортивная терминология. Так, наименование видов борьбы стали базой для созданий ряда производных слов, например:

сумо → сумо-ист → сумоист-к(а)
сумоист- → по-сумоистск-и
ск(ий)

Словообразовательной активностью характеризуются заимствования последних лет, отражающие такое явление массовой культуры Японии, как *аниме* – японская анимация. Поклонники этого вида искусства, общаясь друг с другом, активно используют производные слова. Так, японское прилагательное *кавай* – «милый», оформленное в русском языке как прилагательное *кавай-н(ый)*, стало базой для создания следующих слов: *некавайный*, *кавайн-еньк(ий)*, *кавайненько*, *кавайн-ость*, *кавайно*, *каваить(ся)*.

Проведенный анализ заимствований из японского языка позволяет увидеть следующее: являясь в массе своей экзотизмами, средством трансляции элементов японской культуры, эти слова более свободно и широко употребляются в современной речи, творчески осваиваются русским языковым сознанием.

Литература

1. Большой словарь русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2007.
2. Большой толковый словарь русского языка. – 1-е изд-е: СПб.: Норинт, 1998.
3. Бахтина, С. И. Семантическая деривация слов иноязычного происхождения в русском языке / С.И. Бахтина// Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 28. – С. 6–9. – URL: <http://e-koncept.ru/2017/770673.htm>.
4. Габдуллина, А. Х. Когнитивные основания и лингвокультурологические факторы заимствований из японского языка : автореф. дис. ...канд. филол. наук : 10.02.20 / А.Х. Габдуллина. – Челябинск, 2012 // <http://dissers.ru/1filologiya/kognitivnie>.
5. Григоренко, О.В. Иноязычные заимствования со значением лица в русском языке конца XX – начала XXI вв. / О.В. Григоренко // Вестник ИГЛУ. – 2012. – №3. – С.47-54. // <http://cyberleninka.ru/article/n/inoyazychnye-zaimstvovaniya-so-znacheniem-litsa-v-russkom-yazyke-kontsa-hh-nachala-xxi-vv>
6. Крысин, Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке / Л.П.Крысин. М.: Наука, 1968.
7. Крысин, Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Эксмо, 2008.
8. Манькова, А.О. Японские слова в русской поэтической речи начала XX в. / А.О. Манькова // Русский язык в школе. – 2011. – № 11. – С.58-60.
9. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой <http://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/>

10. Хруслов, Г. В. Японские заимствования в русском языке / Г. В. Хруслов // Русская речь. – 1971. – № 3. – С.124-136.

11. Чуева, Э.В. Сочетаемость слов, обозначающих комплексные природные явления, в художественной речи / Э.В.Чуева // «Духовность и ментальность: экология языка и культуры на рубеже XX-XXI веков» : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенева-Тян-Шанского, 2017 // https://elibrary.ru/download/elibrary_29853869_28691537.pdf

12. Национальный корпус русского языка // <http://ruscorpora.ru>

УДК 7.01

МАРГИНАЛИИ К ПРОБЛЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ ФИЛОСОФСКОЙ КАТЕГОРИИ МЕРЫ В МИФОПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Ганин М. В.

кандидат филологических наук,
технический редактор
редакционно-издательского отдела
Чувашского государственного
университета им. И.Я. Яковлева

Аннотация. В настоящей статье предпринимается попытка рассмотреть философскую категорию меры в пространстве ее мифопоэтических реализаций. Особенное внимание в работе уделяется механизмам развертывания категории на теоретико-терминологическом уровне поэтического и мифопоэтического дискурсов, формулируется проблема соотношения моментов «качества» и «количества» в видовых понятиях и родовом понятии «мера».

Ключевые слова: философская категория меры, количество и качество, мифопоэтический дискурс, модель мира, антропоморфизм, поэтический метр, ритм, Велимир Хлебников.

**Marginalia to the problem of implementation
of the philosophical category of “measure” in mythopoetic discourse**

Ganin M.V.

Abstract. This article attempts to consider the philosophical category of “measure” in the context of its mythopoetic implementations. The key focus of the article is on mechanisms of revealing of the category at the theoretical and terminological level of poetic and mythopoetic discourses, the problem of correlation of the “quality” and “quantity” aspects in subordinate concepts and the superordinate concept of “measure” is formulated.

Key words: philosophical category of “measure”, quality and quantity, mythopoetic discourse, world model, anthropomorphism, poetic meter, rhythm, Velimir Khlebnikov.

Античная философия и эстетика – ни платоновская, ни аристотелевская – немислимы без теоретизирования о понятии «мера»¹, невозможно представить и средневековые схоластические споры без введения *меры* в концептуальное поле диспутантов², также сложно допустить дальнейшее развитие философской мысли без «присутствия» означенной категории в системах Спинозы и Канта. Все же нам представляется справедливым утверждение о том, что наиболее полно учение о категории *меры* было разработано лишь в диалектической системе Г.Ф. Гегеля.

Итак, обратимся к определению *меры*, данному автором «Науки логики»: «В мере качественное количественно; определенность или различие дано в ней как безразличное; тем самым оно такое различие, которое не есть различие; оно снято; эта количественность как возвращение в себя, в котором она дана как качественное, составляет в-себе- и для-себя-бытие, которое есть *сущность* (курсив издания. – М. Г.)» [3, 420]. «Мера, – развивает дальше мысль философ, – есть в своей непосредственности обычное качество, обладающее определенной, принадлежащей ему величиной» [3, 428]. Определение Гегеля важно нам как опорная точка для понимания как универсально-философского, так функционально-эстетического содержания категории. Ведь уже в XX веке после и вне магистральной линии развития философии категория *Меры* теряет свой «универсальный и диалектический смысл» (А. Ф. Лосев) и подвергается редукции до рамок логических

¹ В задачи предлагаемого исследования не входит подробное рассмотрение генезиса сущности категории «мера». Однако отметим, что «мерные» представления в той или иной форме вырабатываются еще задолго до появления философом Платона и логико-диалектической системы Аристотеля. «Уже в тысячелетних глубинах народного сознания и языка, – утверждает А.Ф. Лосев, – зафиксирована тяга к той или иной реализации категорий Меры, особенно в ее познавательных и конструктивных функциях. Древние греки мыслили свое отдаленное прошлое в мифологической форме» [7, 390]. Идея *Меры* как фундаментальной характеристики бытия и мышления своеобразно преломляется в учении Гераклита о Логосе. Итак, *Мера* у Гераклита – это солнце, огонь. «Солнце <правит> <космосом> согласно естественному порядку <...> [13, 224]. «Солнце не преступит /положенных/ мер, а не то его разыщут Эринии, союзницы Правды» [13, 220]. Поскольку сущность мира – это огонь, то согласно Гераклиту, видоизменения огня определяют *Меру*.

² На категориальном уровне, как нечто «ментальное», *Мера* понимается уже в философских штудиях Николая Кузанского: «Умом (mens) является то, отчего возникает граница и мера (mensura) всех вещей. <...> его называют mens – от mensurare» [4, 388].

операций (например, у Г. Когена). Тем не менее, по утверждению А.П. Огурцова, *мера* вновь возникает «в связи с логико-операциональными проблемами измерения» [10, 533] и рядом революционных открытий квантовой механики.

Однако «проблемы измерения» в теории и практике, например, художественного творчества стояли всегда, и если мы обратимся к терминологическому аппарату философско-эстетического дискурса, то обнаружим мотивировки мерных наименований, требующие обращения к анализу специфики мифопоэтического сознания и даже историческим формам структурирования модели мира. Ведь формирование интересующей нас категории начинается с взаимодействия человеческого существа с внешней средой и последующего соотнесения себя с ней, в том числе и через создание различных артефактов. Сравнение предшествует процедурам измерения и счета и в качестве важнейшего этапа в развертывании *меры* следует признать «метрологическую» операцию градуирования [10, 6], при этом, если мы говорим о мифологическом «мире»³, надо понимать его «парадоксальное» устройство – «нерасчленим на признаки, но при этом в чрезвычайной степени расчленим на части (составные вещественные куски); наконец, однократность предметов не мешает... рассматривать... совершенно различные, с точки зрения немифологического мышления, предметы как один» [9, 59] – и несводимость архаических «метрологических» операций к внемифологическим, дескриптивным процедурам.

Теперь зададимся вопросом, какие устойчивые связи – семантические, логические, мифопоэтические – позволяют интересующей нас философской категории эксплицироваться в стержневых понятиях современного искусствознания – «мерность», «измерение», «пропорция», «метр», «ритм», «размерность» и др.? В классической энциклопедической статье «Мера» А.Ф. Лосев выделяет шесть (!) значений только «составляющих его (термина «мера» – М.Г.) моментов – качества и количества» и с «разным значением взаимосвязи этих моментов» [7, 389]. Обратим внимание на дефиницию этого слова под номером пять. Философ объединяет в одну группу понятия, «близкие по смыслу» к термину «мера» или «даже прямо совпадающие с ним» [7, 389]. Это термины «„пропорция“, имеющий значение равенства двух или нескольких числовых соотношений качественности», «грация», «„ритм“ и „метр“, указывающие тоже определенного рода синтез качества и

³ Лотман и Успенский допускают сосуществование мифологического мышления и мышления логико-силлогистического как в синхроническом, так и диахроническом срезе: «гетерогенность является исконным свойством человеческого сознания, для механизма которого существенно необходимо наличие хотя бы двух не до конца взаимопереводимых систем» [9, 66].

количества, то ли в его динамическом развертывании, то ли в его статическом построении», и даже термин «структура» [7, 389]. Делается вывод, что «от этих терминов *мера* отличается только своим обобщенным характером, в то время как все указанные понятия являются видовыми его определениями с тем или иным специфическим оттенком...» [7, 389].

На наш взгляд, обозначенные родо-видовые отношения требуют более глубокого разъяснения. Серьезной задачей исследователя могло бы стать обнаружение того, как моменты «качества» и «количества» в этих видовых понятиях соотносятся с взаимодействием элементов в родовом понятии, как происходит кристаллизация их специфических смысловых оттенков, уточнение семантической структуры, следовательно, как осуществляется шлифовка теоретико-терминологического инструментария философско-эстетического познания действительности.

Отметим, что в переводе на русский язык греческое слово «metron» означает «мера», «размер»⁴. В современном искусствознании в качестве одного из значений слова «мерность» выделяется следующее: «соотнесенность с единой мерой, понятие, близкое метру (сравн. ритм; рифма). Мерность и размеренность составляют основу пропорционирования – одного из способов гармонизации формы...» [1, 445]. Отсюда вытекает связь с «вторичным», «эстетическим аспектом» *меры* как «разумной соотнесенности с целым»⁵, того, «что находится между крайностями слишком великого и слишком малого (сравн. возвышенное; монументальность)» [1, 445]. Весьма важным представляется и «принцип соотнесенности искусственных форм с формами человеческого тела» [1, 446]. Здесь необходимо указать, что антропоморфизм в номинациях величин и «имен» измерения, вообще свойственный мифопоэтическому сознанию⁶, наиболее ярко проявляется в искусстве. Сверх того, именно этот «параметр» является одним из ключевых при описании мифопоэтической модели мира:

⁴ Стоит сделать этимологическое разъяснение: одно из «греческих» значений слова «Мера», зафиксированных П.Я. Черных, – это еще и «план» (древнеиндийские соответствия: «māti» – «измеряет», «сравнивает»; «mātrā» – «мера», «количество» [17, 524].

⁵ Очевидно, что такой взгляд на эстетическую плоскость осмысляемой категории характерен прежде всего для «античной классики и искусства Классицизма» [1, 445]. Заметим, что Гегель, определяя идеал как соразмерное, адекватное единство идеи и чувственной действительности, фактически исходил из понимания природы философской категории *меры*. Свое учение о трех исторических формах искусства – символической, классической и романтической, он также пропускает через призму «*Меры*» [7, 393].

⁶ На более высоком уровне научных обобщений необходимо обратиться к выводами Лотмана относительно «идеи изоморфизма» — одной «из ведущих концепций не только современной математики, но и науки вообще»: «носитель архаического сознания строил типично мифологическую модель, по которой вселенная, общество и человеческое тело рассматривались как изоморфные миры (изоморфизм мог простирается до установления отношения подобия между отдельными планетами, минералами, растениями, социальными функциями и частями человеческого тела)...» [9, 74–75].

«„человеческие” структуры и схемы часто экстраполируются на среду, которая описывается на языке антропоцентрических понятий» [12, 405]. Укажем на «классические» образцы – это «локоть, стопа, кисть руки» [1, 446].

Экстраполяция элементов антропоморфного ряда обнаруживается и в терминологическом обозначении «мерных» единиц в стихосложении. Достаточно определенно на это указала еще О.М. Фрейденберг: «Стихотворение, строфа по-гречески – поворот „ходьба” по латыни – „поворот”; нога – *мера ритма* и у греков и у римлян, а от них и у нас, – „стопа”; в прозе есть еще „член” периода, „колени” „нога” (курсив наш. – М.Г.)» [14, 75]. Более того, исследовательница выявляет, что изначальный каркас языка строится как «ритмическая конструкция» [14, 73], которая суть «первый строй языка» [14, 73]. Безусловно, что и названия отдельных стихотворных размеров⁷ также имели антропоморфическое соотнесение: «дактиль» (*daktylos* – «палец») [1, 446]. Основой поэтического ритма является «метр»⁸. По определению М.Л. Гаспарова, это – «самая общая схема звукового ритма стиха, т. е. предсказуемого появления определенных звуковых элементов на определенных позициях» [5, 536]. В более узком смысле допускается отождествление со «стопой», т.е. «метр» представляет собой «неделимую ритмическую единицу, с определенным расположением долгих и кратких слогов или же с акцентом (ударением) на подлежащем месте» [18].

В этом контексте представляется любопытным пример реализации *Меры* в поэтическом и теоретико-публицистическом наследии уникального русского поэта-экспериментатора начала XX века Велимира Хлебникова⁹, попытавшегося «отрефлексировать» инструментальный аппарат «словотворчества» на метауровне художественных, квазифилософских и мифопоэтических обобщений [2]. Так, в известном верлибре «Сон – то сосед снега весной...» (написанном предположительно в 1911 г.) интересующее нас понятие выступает в ряду омонимичных – но амбивалентных, внутренне противоположаемых и сближаемых – образований:

«Сон – то сосед снега весной, / То левое непрочное правительство в какой-то Думе. / Коса – то украшает темя, спускаясь на плечи, / То косит траву. / Мера – то полна овса, / То волхвует словом» [15, 241].

Здесь полная «мера» (количество) диалектически противопоставляется процессу «волхования словом» (качество). При этом выстраивание и

⁷ «Размер», с точки зрения современного стиховедения, – это «форма стихотворного ритма, последовательно выдержанная на протяжении стихотворного произведения или его отрывка» [5, 848].

⁸ В этом смысле в античных системах версификации «метр» буквально определялся как «мера стиха».

⁹ Себя поэт называл «меродателем».

семантической и ритмико-метрической структуры стихотворного текста («волхование»), согласно автору, находится в арифметико-мифологической парадигме предлагаемой читателю модели мира¹⁰ и парадоксально, через категорию *меры*, соотносится с *вне-положенной* реальностью («мера овса»).

Итак, рассмотренные выше аспекты взаимодействия элементов обсуждаемой категории обнаруживают потенции, восходящие к мифологической картине мира. Поэтому представляется важным препарировать механизм преломления категории меры в плоскости «видовых» структур – как в срезе раскрытия способов развертывания мифопоэтического сознания, так и в контексте более глубокого раскрытия диалектической природы этой категории.

Литература

1. Власов В.Г. Новый энциклопедический словарь изобразительного искусства: в 10 т. – Т. 5. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 768 с.
2. Ганин М.В. «Мера» как категория мифопоэтики В. Хлебникова : трансформация элементов : автореферат дис. ... кандидата филологических наук : 10.01.01. – М.: Рос. ун-т дружбы народов, 2013. – 21 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. – Т.1: Книга первая. Учение о бытии. – М.: Мысль, 1970. – 501 с.
4. Кузанский Н. Простец об уме // Сочинения : в 2 т. – Т. 1. – М.: Мысль, 1979. – С. 385–444.
5. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по обществ. наукам РАН. – М.: НПК «Интельвак», 2001. – 1600 стб.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. – М.: Мысль, 2001. – 558 с.
7. Лосев А.Ф. Мера // Философская энциклопедия: в 5 т. – Т.3. – М.: Советская энциклопедия, 1964. – С. 389-394.
8. Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – 525 с.
9. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Миф–имя–культура // Избранные статьи в трех томах. – Т. I: Статьи по семиотике и топологии культуры. – Таллинн: «Александра», 1992. – С. 58–75.
10. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН., Нац. общ.-науч. фонд; Научно-ред. совет: предс. В.С. Степин. – Т.2. – М.: Мысль, 2010. – 634 с.

¹⁰ Ср. теоретизирования В. Хлебникова в историософском трактате «Время – мера мира»: «Вопрос о сравнении „постоянных мира“ связан с соотношениями числа и слова...» [16, 107].

11. Огурцов А. П. Категория меры в истории диалектики // Вопросы философии. – 1964. – №12. – С. 33–44.
12. Топоров В. Н. Модель мира // Мировое дерево: универсальные знаковые комплексы : в 2 т. – Т.2. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. – С. 404–421.
13. Фрагменты ранних греческих философов. – Ч.1. – М.: Наука. – 576 с.
14. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности / сост., подгот. текста, коммент., указ. и послесл. Н. В. Брагинской; отв. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Восточная литература РАН, 1998. – 800 с.
15. Хлебников В. В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1: Литературная автобиография; Стихотворения, 1904-1916 / Под общ. ред. Р. В. Дуганова; Российская акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – 2-е изд. – М.: Дмитрий Сечин, 2013. – 541 с.
16. Хлебников В. В. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 6. Книга первая: Статьи (наброски). Ученые труды. Воззвания. Открытые письма. Выступления. 1904-1922 / Под общ. ред. Р. В. Дуганова; Российская акад. наук, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 448 с.
17. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – Т.1. – М. : Русский язык, 1999.
18. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. / под. ред. И. Е. Андриевского. – Т. XIX (37). – Спб. : Издательское общество «Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон», 1896. – Режим доступа: https://ru.wikisource.org/wiki/ЭСБЕ/Метр,_стихотворный_размер .

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОЕКТОВ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ
НАПРАВЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
УЧРЕЖДЕНИЙ КУЛЬТУРЫ И ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ
ЭТНОФЕСТИВАЛЯ «ЗЕМЛЯ КАЛЕВАЛЫ»)**

Головачев Владимир Сергеевич

аспирант
Московского Государственного
Областного Университета,
заведующий детской библиотекой № 207
имени В.В. Бианки ГБУК г. Москвы
«Централизованная библиотечная
система Западного округа»

Аннотация: в статье автор рассматривает вопрос организации проектов этнокультурной направленности в условиях взаимодействия учреждений культуры и образования. Также рассмотрены вопросы эффективного использования фольклора и литературы в качестве смысловой основы проекта. Исследование проведено на основе и методическом опыте реализации этнофестиваля «Земля Калевалы».

В работе отмечена целесообразность творческого сотрудничества образовательных учреждений и учреждений культуры в деле организации комплексных проектов этнокультурной направленности. Материал исследования может быть использован педагогами образовательных комплексов и сотрудниками учреждений культуры.

Ключевые слова: проект, учреждения образования, учреждения культуры, фестиваль, Земля Калевалы

**ETHNOGRAPHIC AND CULTURAL PROJECTS IN THE INTERACTION OF
CULTURAL AND EDUCATIONAL INSTITUTIONS (ON THE EXAMPLE OF THE
ETHNOGRAPHIC FESTIVAL «LAND OF KALEVALA»)**

Golovachev Vladimir

Moscow State Regional University. Russian Federation, Moscow

Abstract: in the article the author considers the organization of ethnographic and cultural projects for cultural and educational institutions. The questions of effective use of folklore and

literature as a basis of the project are considered. The study was conducted on the basis of the implementation of the ethno festival "Kalevala Land". The paper notes the expediency of creative cooperation of educational institutions and cultural institutions in the organization of complex ethnographic and cultural projects. The research material can be used by teachers and employees of cultural institutions.

Keywords: project, educational institutions, cultural institutions, festival, Kalevala Land

Характерной социокультурной особенностью современного российского общества является заметный рост национального самосознания, усиление стремления понять и изучить историю, культуру своего народа. Учитывая многонациональность нашего государства, отчетливо встает вопрос глубокого научного обоснования национальных факторов в воспитании детей. Необходимо учитывать, что сохранение и возрождение культурного наследия начинается с изучения истории и культуры своего края.

Национальное самосознание или этническая идентичность, как осознание своей принадлежности к определенному этносу, формируется у человека в первые годы его жизни. Так же являются ценными и важными полученные знания об истории и культуре других народов.

Для формирования познавательной активности современных детей и подростков сегодня необходимы новые формы и методы организации информационной, образовательной, культурно-просветительской и досуговой работы. В числе направлений, обеспечивающих их эффективность, ключевое значение сегодня принадлежит проектам, сочетающим в себе различные виды интеллектуальной, эмоциональной, практической и коммуникативной деятельности.

Проектный метод предполагает сотрудничество, сотворчество детей и взрослых, способом реализации личностно-ориентированного подхода, позволяющего глубже погружать обучающихся в тематику изучаемого материала, расширять социокультурные связи, передавать и осваивать инновационный опыт работы.

Научные исследования в области педагогики (Комарова Т.С., Артамонова Е.И., Зацепина, М.Б., Жукова Г.Е. и др.), опыт ведения проектной деятельности (Венгер Л.А., Веракса Н.Е, Дьяченко О.М. и др.) позволяют сделать вывод о важности и целесообразности организации проектной деятельности в условиях взаимодействия образовательных комплексов и учреждений культуры. Особую значимость данной работе придает использование этнографического компонента.

Ярким примером сотворчества учреждений культуры (детских библиотек, детских музыкальных и художественных школ)

и образовательных комплексов (включая дошкольные отделения) на основе тематического этнокультурного проекта, является ежегодный Международный этнофестиваль «Земля Калевалы».

Название этнофестиваля, тематическое наполнение и стилистическое решение основываются на творческом, культурном и историческом наследии карело-финского эпоса «Калевала» – литературного памятника мировой культуры, собранного и опубликованного в 1835 году Элиасом Леннротом (Elias Lönnrot, 1802–1884), на основе собранных карельских и финских песен.

Этнофестиваль объединяет государственные, общественные организации и учреждения, творческие и научные коллективы, индивидуальных участников из северных регионов России и Республики Финляндия (геокультурного пространства Калевалы – эпической страны, в которой живут и действуют герои эпоса), а также широкие круги участников и партнеров, в своей профессиональной и творческой деятельности работающих над тематикой эпоса, занимающихся сохранением и популяризацией самобытной материальной и духовной культуры Карелии, экологических, туристических и исследовательских проектах в регионе.

Этнофестиваль проводится ежегодно с 2007 года и включает в себя обширную программу творческих конкурсов, рассчитанную на широкую аудиторию: дошкольники и младшие школьники активно участвуют в конкурсе детского творчества «Калевала – страна солнца», для среднего школьного возраста проводится фотоконкурс «Лики земли карельской». Старшеклассники, решившие связать свою будущую профессию с творческими специальностями, охотно участвуют в конкурсе молодых дизайнеров «ОбразЭТНО».

Смысловая основа Этнофестиваля – книга (карело-финский народный эпос «Калевала»). Этим обусловлен интерес и активное участие в качестве творческих площадок Этнофестиваля учреждений библиотечного типа. На основе текста эпоса, в библиотеках проводятся тематические занятия с юными читателями, которым предлагается осмыслить сюжет и характеры героев эпоса и проиллюстрировать наиболее яркие и запомнившиеся моменты. Традиционными сюжетами творческих работ становятся и декоративные элементы украшения книжной полосы – графические заставки и концовки, замысловатые буквицы и виньетки, авторский акцидентный шрифт.

Многообразны подходы к работе с текстовым материалом эпоса и в образовательных комплексах. Помимо создания традиционных рисунков, посвященных сюжетной линии в рамках уроков ИЗО, интересны подходы к работе с аудиторией дошкольников: создание объемных творческих работ, декоративно-прикладных композиций из природного материала,

стилизованных масок, театральных и хореографических постановок по мотивам эпоса.

По итогам двенадцати лет работы Этнофестиваля и анализа качественной и количественной статистики участия учреждений в конкурсной программе, можно уверенно сказать, что наивысшие творческие результаты, высокий уровень мотивации и заинтересованности участников наблюдается в случаях эффективного взаимодействия учреждений культуры и образовательных комплексов в процессе подготовки юных участников Этнофестиваля.

В условиях подобного взаимодействия, учреждения библиотечного типа, берут на себя функции подготовки тематической литературы, подборки исторического, этнографического и художественного материала. Библиотекари проводят тематические презентации, интерактивные занятия с читателями, готовят передвижные книжные выставки в образовательных комплексах.

В свою очередь, образовательные комплексы обеспечивают широкий охват участников, адаптируют предложенный материал под учебный план, обеспечивают междисциплинарный подход (освоение материала на уроках литературы, ИЗО, тематических мероприятиях и игровых занятиях в дошкольном отделении).

Результатами подобного творческого сотрудничества учреждений и коллективов, слаженной совместной работы становится вдумчивое, заинтересованное участие детей в конкурсной программе детского творчества Международного этнофестиваля «Земля Калевалы», яркие и эмоциональные творческие работы. Восхищенные отзывы посетителей, незабываемые эмоции родителей и детей (для многих из которых это первый в жизни художественный вернисаж) – самое убедительное тому подтверждение.

Накопленный за период реализации Этнофестиваля методический опыт, статистические данные, наблюдения – это богатый материал для глубокого научного исследования в сфере нравственно-эстетического и духовного воспитания детей и подростков.

Взаимодействие учреждений культуры и образовательных комплексов на основе совместной проектной деятельности представляет собой конструктивную, творческую деятельность, разнообразное и вариативное сотрудничество, а также открывает новые перспективные возможности по формированию активной жизненной позиции, социального интеллекта и духовно-нравственных устоев подрастающего поколения.

Литература

1. Артамонова Е.И. Методика развивающего обучения в начальной школе: учеб.-метод. пос. – М., 1999
2. Библиотека и школа: новые аспекты сотрудничества /Библиотека и закон, 2014. – Вып. 37. – С.125-133
3. Головачев В.С. Вдохновение севера. Петербургские искусствоведческие тетради. – Спб.: Роза мира, 2014 – №14 – С.24-27
4. Герасимова Э.Р. Приобщение детей к истокам народной культуры через народное творчество //Дошкольное образование, 2015 – № 1 – С. 58-60
5. Зацепина М.Б., Жукова Г.Е. Музыкальное воспитание в детском саду. Средняя гр. 4-5 лет. – М.: Мозаика-синтез, 2002
6. Козлова С.А. Теория и методика ознакомления дошкольников с социальной действительностью. Учебное пособие.-М: Издательский центр «Академия», 1998 г.
7. Комарова Т.С., Зацепина М.Б.. Интеграция в системе воспитательно-образовательной работы детского сада. Пособие для педагогов дошкольных учреждений. –М.: Мозаика-Синтез, 2010 г.
8. Комарова Т.С., Антонова Т.В., Зацепина М.Б. Программа эстетического воспитания детей 2-7 лет, М., «Педагогическое общество России», 2005 г.
9. Князева О.Л., Маханева М.Д. Приобщение детей к истокам русской народной культуры: Программа развития личностной культуры дошкольников, « Детство - пресс», 2004 г.
10. Этнокультурное образование в Москве. Выпуск 10, серия: «Инструктивно-методическое обеспечение содержания в Москве» Центр «Школьная книга», 2002 г.

**НОМО OFFICIALIS И НОМО ANIMUS:
ТРАНСГРЕССИЯ И ТРАНСЦЕНДЕНЦИЯ**

Дувалина Ольга Николаевна, Арпентьева Мариям Равильевна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии развития и образования,
руководитель Центра социально-гуманитарных технологий
Калужского государственного
университета им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

доктор психологических наук, доцент,
член-корреспондент Российской академии естествознания
профессор кафедры психологии развития и образования
Калужского государственного
университета имени К.Э. Циолковского,
ведущий научный сотрудник
кафедры теории и методики
физического воспитания
Югорского государственного университета,
г. Ханты-Мансийск, Россия

Аннотация: Попытка преодоления кризиса сознания, перехода непроходимой границы между возможным и невозможным родилась из разочарования существующими границами культуры. Трансгрессия и трансценденция могут выступать механизмами развития личности и культуры, человечества, если имеют целью осознание и осмысление запретов и предписаний, а не только и не столько «пустой» экстаз сексуальности или смерти, насилия и превосходства, взятых самих по себе. Расширение поля культуры означает одновременное ее углубление: формирование и преодоление новых, «сверхграниц», предписаний и табу относительно других табу и предписаний, а не простой пересмотр существующих долженствований и ограничений.

Ключевые слова: трансгрессия, сакральное, десакрализация, трансценденция, порождение, запрет.

TRANSGRESSION AND TRANSCENDENCE

Duvalina O. N., Arpentieva M.R.

FGBOU BO «K. E. Tsiolkovskiy Kaluga state University».
associate Professor of developmental psychology and education
Russia, Kaluga
e-mail:mariam_rav@mail.ru

Abstract: An attempt to overcome the crisis of consciousness, the transition of an impassable boundary between the possible and the impossible was born out of frustration with the existing boundaries of culture. Transgression and transcendence can be mechanisms for the development of the individual and culture, of humanity, if they are to understand and comprehend the prohibitions and prescriptions, and not only and not so much the "empty" ecstasy of sexuality or death, violence and superiority taken by themselves. Expansion of the field of culture means its simultaneous deepening: the formation and overcoming of new, "superstrong"., Prescriptions and taboos relative to other taboos and regulations, rather than a simple review of existing obligations and limitations.

Keywords: transgression, the sacred, desacralization, transcendence, product, ban.

Попытка преодоления кризиса сознания, перехода непроходимой границы между возможным и невозможным родилась из разочарования существующими границами культуры. Сознание современного, во многом скорее атеистически-секулярного, сообщества характеризуется утратой связи с познаваемым, упорядоченным и внутренне структурированным миром, в иллюзорном измерении которого арефлексивно существовало традиционное общество. Постепенное уменьшение воздействия христианства, мусульманства, иудаизма и иных религий «одного Бога», на жизнь человечества, в определённом смысле способствовало не только его освобождению, но и повлекло за собой переосмысление религиозного понятия «сакральное» и представлений об интеллекте и разуме, лоскутизации и фрагментации бытия, сознания и самой веры, опирающихся на нее нравственных норм, то есть запретов и предписаний [6]. Разочарование в идеалах Просвещения, одним из которых является тотальная рационализация социальной жизни, побудило целый ряд современных философов и ученых, писателей и иных представителей искусства трансформировать понимание самого человека как *homo sapiens* и перейти к плюральной концепции человека. Десакрализация или трансгрессия – один из феноменов, описываемых в экзистенциализме, сопровождает этот процесс «плюрализации», связан с коммодификацией, консюмеризацией и иными видами прагматизации жизни, удалению из жизни нравственных императивов *ad hoc* как отживших и иллюзорных, к превращению *homo*

sapiens в ряд подвидов, включая homo officialis и homo dominus. Человек служебный, homo officialis, лишен и сознания, и нравственности. Человек-хозяин обладает сознанием, но лишен нравственности. Homo moralis – рудимент предшествующих веков, обреченный, с точки зрения раба и хозяина, на выживание. Однако, их точка зрения, согласно их же рассуждениям, не может быть конечной и тем более истинной: мир разделяется на мир, живущий по правилам духовно-нравственных предписаний и ограничений, и мир, их лишенный, живущий по правилам выгоды «для своих»: в Новом Завете заповедь о любви к ближнему – звучит как «возлюби... ближнего твоего, как самого себя (Лк. 10, 27), однако, она сочетается с предупреждением о том, что враги человеку домашние его (Мф. 10, 36). Дело в том, разъясняет Библия, что «Если кто, – говорит Христос, – приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником (Лк. 14, 26). И при этом – кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отречется от веры и хуже неверного (1 Тим. 5, 8). Возлюбить ближнего, как самого себя, – значит, и желать спасения ближнему, как себе. Домашние становятся врагами человека, то есть людьми, которые вольно или невольно желают ему зла, если и тогда, когда пытаются отвлечь его от веры или от жизни по вере, по нравственным принципам. Однако, и здесь и даже в самых тяжелых случаях остаются важными другие моменты: «любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас» (Мф. 5, 44). Возненавидеть своих близких, – это не призыв к ненависти в обычном смысле этого слова: нужно отвергнуть пристрастие к своим близким, склонность соглашаться с ними в нарушении предписаний и запретов, защищающих духовную жизнь.

Благодаря тому, что процессы и отношения людей к ценностям не носят однозначного и простого характера, и трансгрессия как отказ от привычных ценностей обретает две формы: позитивную (трансцендирующую, ресакрализирующую) и негативную (десакрализирующую). «Вектор (тренд) трансгрессии» и «вектор трансценденции» часто совпадают там, где трансгрессия обретает форму ресакрализации: поиск иного отказывается отказом от своего [2; 3]. И, напротив, там, где десакрализация не завершается обретением новых ценностей, трансгрессия остается негативной.

Согласно М. Фуко, трансгрессия есть акт эксцесса, злоупотребления, преодоления предела возможного, преступления – через предел, открывающего для использования ранее запрещенное: это сексуальность как утверждение человека и «смерть Бога», как отвержение Бога, в едином

опыте. Сходное понятие, «aufhebung», сходное с понятием трансгрессии, разработано Г. Гегелем: выход за пределы социального бытия и достижение позиции наблюдателя по отношению к исследуемым феноменам. Наиболее развернуто данное понятие дано Ж. Батаем, обосновавшим философскую, литературную, экономическую, теологическую стратегии преодоления социальных запретов, культурных традиций, моральных регуляторов, а также общих условий познания мира и самого себя человеком в опыте «абсолютной негативности» (экстаза как безумия, оргазма как бесконтрольности, смерти как несуществования) [7; 10; 15]. Исследованию этого феномена так или иначе также посвящены работы К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, А. Камю, М. Энафф, Р. Барта, С. де Бовуар, И. Канта и И.Г. Фихте, Ф.М. Достоевского Л.И. Шестова, Н.А. Бердяева, а позднее К. Фуст, С. Дженкс, Дж. Грегга, Р. Робертс-Хью, Дж. Волфрейса, П. Сталлибарс, А.Уайта (С. Foust, С. Jenks, J. Gregg, R. Roberts-Hughes, J. Wolfreys, P. Stallybras, A. White), А. White А.А. Грицанова, Д.Ю. Дорофеева, С.Н. Зенкина, О.В. Ивановской, Е.К. Краснухиной, М.А. Можейко, В.А. Подороги, С.М. Каштановой, О.В. Тимофеевой, Р.В. Ткаченко, В.Т. Фаритова, С.Л. Фокина, С.С. Хоружего и др. [7; 8; 9; 10; 11; 13; 14; 15]. Трансгрессия – попытка вырваться из плена общества, плена других людей, к самому себе, даже ценой отказа от культуры (временного или постоянного). При этом сакральное, как и предписанное (хотя и более явно, чем последнее) включает два аспекта: сакрально все, что вызывает благоговение, почитание, и то, что вызывает смертельный ужас и отвращение., - к нему относится как святое, так и нечистое. То есть сакрально любое табу, все что под запретом. и преодолевая границы, человек сталкивается именно «со всем»: карта на этом пути часто недоступна, ее нужно сделать, разграничить, то есть создать новые запреты и предписания. При этом наиболее мощные области запрета и предписаний – сексуальность и смерть, инстинкт благополучия и инстинкт размножения, за которыми неизбежно стоит Бог, инстинкт превосходства, власти. Рабство и насилие, царящие в нынешнем веке, включая эпоху постмодерна, показывают как человечество пытается исследовать эту зону запрещенного, переходя в своем бытии и сознании от Бога к дьяволу, от любви к ненависти, от преданности к предательству – и, через трансценденцию, обратно. При этом трансценденция как реализация принципа предельности подразумевает не только опору на собственные силы и цели, но и открытость воздействиям Жизни, Бога, возникновение синергий, преобразующих человека, размыкающего свою жизнь как тела или личности до жизни общества или души. Трансгрессия может быть как более или менее упорядоченной, так и полностью хаотичной: сама идея отказа от ценностных

оснований нарушает «принцип органона», подразумевающий, что каждое событие трансценденции или размыкания мира в себя или себя в мир подчинено строгим требованиям к содержанию и процессу, соответствия их формы и содержания, что позволяет понимать себя, сохраняя непрерывность и целостность жизненного потока не только в состоянии духовного делания, психотерапевтического диалога и т.д., но и в повседневности. с уходом тоталитаризма нравственный кризис не ушел, но только изменил свои проявления. Последние десятилетия следует рассматривать как его новый этап, который едва ли менее опасен, чем предыдущие: его проявления теперь не столь кричаще бесчеловечны, но зато более широки, охватывая уже не изолированные страны, а современную цивилизацию в целом. Однако, в последние годы – магической эпохи постмодерна с его тотальной «плюрализацией» как десакрализацией, бесчеловечность отношений интенсивно нарастает: от войн и террористических актов к массовым концлагерям и рабству в самых разных формах, начиная с рабства в образовательных, социальных, здравоохранительных и правоохранительных учреждениях.

Функция предписания людям определённых норм и правил поведения, а также связанных с ними ценностей, пожалуй, является основной в жизни общества. Эти нормы и правила, закреплённые в определённой системе запретов, становятся тем более эффективными и тем в большей степени подчиняют себе, чем более авторитетным является их источник. Из этого следует, что абсолютный характер этим предписаниям может дать лишь их сверхчеловеческое, Божественное, происхождение. Поэтому процесс социального взаимодействия, невозможный без выстраивания такой системы запретов и предписаний и следования им, предполагает (по крайней мере, в традиционном обществе) выход в сверхчеловеческую и сверхсоциальную сферу, которая и будет не чем иным, как сферой сакрального, Божественного. Сакральное, таким образом, осуществляет связь между внешним принуждением, исходящим от социальной среды, в которую включён данный индивид, и самим индивидом, который должен интернализировать те запреты и предписания, которые эта социальная среда навязывает ему. Индивид, входящий в данный социум, должен не просто подчиниться его воле, но и внутренне согласиться с ней. Иными словами, он должен принять те ценности, на основании которых выстроены данные запреты и предписания. Только при согласии большинства членов социума в принятии данных ценностей социум сможет функционировать как таковой, при отказе от ценностей сверхчеловеческого уровня общество разрушается [6; 12; 14].

С уходом тоталитаризма широкое распространение практик и установок трансгрессии, «преступания» всех и всяческих норм стало новой формой саморазрушения сообществ [4]. Психоделическая революция на Западе, а в некоей мере и в России, этический нигилизм, в высокой степени характерный для молодежных субкультур, для авангардного, а затем и новейшего трансавангардного искусства, атмосфера тотальной дозволенности, господства гедонизма и потребительства в масскультуре, резкая духовно-нравственная деградация и этическое падение и этический вакуум, возникшие после краха социализма в странах бывшего СССР и других социалистических стран, поставили общество на грань принятия морально-поведенческих стандартов уголовной среды: известные уголовники, не отказываясь от кодексов и всего стиля своей среды, становились публично знаменитыми и влиятельными членами общества, «законы тюрьмы» неявно подменили на рубеже веков законы социальные, и претендуют на смещение законов Божественных.

В жизни каждого человека происходит борьба на понижение или повышение: от червя до Бога, от себя к другому и т.д.. Говоря о результатах духовных практик и их значении для развития общества, необходимо помнить о плодах Духа в трактовке апостола Павла: «Плод же духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона» (К Галатам, 5:22-23) [4]. С.С. Хоружий, анализируя становление «постчеловека», отмечает необходимость создания синергичной герменевтики или герменевтики постчеловеческих трендов («векторов»), которая позволит осмыслить антропологические аспекты трансформации человечества, в том числе в процессе его «втягивания» в техногенный мир, понять тот способ, которым конституируется Человек, роль диалога и встречи «лицом к лицу» [4]. Психотерапия и иные духовные практики помогают понять и освоить этот способ а также оценить опасность современной антропологической ситуации, состоящей в активной и разносторонней игре человечества «на понижение» (самого себя), трансгрессию и разрыв человеческих, братских или дружеских отношений (отношений любви), их замены отношениями потребления (власти и использования).

О.А. Седакова отмечает роль дружбы между людьми: человек как существо трансцендирующее не совпадает со своей «наличностью» и не осмысляет в полной мере внутреннее, сущностное задание о том, когда, как и зачем выйти из нее, спасая» саму личность, и открывая ее для встречи с Другим [2, с.65-66,79]. Дружить могут лишь свободные люди, способные на «недефициентные», паритетные и зрелые отношения, опирающиеся на

нефиктивные жизненные цели (любовь). Дар дружбы в том, что другой дарит человеку его самого более – цельного, дарящего. По Седаковой О.А. дружба не должна смешиваться с отношениями, построенными по образу «кровных» связей – «кровного» братства, предписывающего любовь как компонент социальных связей в семье, или с утилитарными или вынужденными союзами, имеющими внешнюю цель или созданными определенными внешними обстоятельствами (имеющими в своей основе фиктивные жизненные цели). Друг дарит другу возвращение к себе, к своей сущности, своему theion, и в дар он ждет такого же - своего theion [2,с.41]. Другой стороной нравственного отношения, в том числе в результате духовных практик, выступает свобода: там где нет нравственности, нет дружбы и свободы дружить, там возникает сплоченность как вариант насильственной синергии (термин С.С. Хоружего), «связанность одной цепью». «В «сплоченности» нет личного внимания друг к другу и участия, уважения, нет свободного и добровольного единства с другими - свободным [5, с. 782 – 783]. Духовная практика при этом сочетает аскезу и восторг души, помогает осознанию как понимаю реальности - бодрствование и трезвение человека перед лицом угроз десакрализации и негативной трансгрессии. Дружба, любовь, служение – феномены ценностно осмысленные, предполагающие наличие универсалий, познанных и непознанных, постигаемых и непостижимых. Отношения же консюмеризма – рабство и каннибализм социальный, психологический и физический, использование и манипуляция и т.п. - могут существовать на основе отношений негативной трансгрессии: пока ткань жизненного «лоскута» не придет к окончательной фрагментации или не будет «дефрагментирована» ценностями более высокого уровня.

Современность дает возможность поиска и создания множества практик, созидających /постигающих человеческое в человеке, создающих пространство межличностного диалога. При этом основная проблема сегодня состоит в доминировании имитаций и симулякров, десакрализации и «детрансцендентализации». Вместе с тем, с начала времен «человек приучался нести не только физическую, но и метафизическую нагрузку, и прежде всего заботу» о «венных ценностях», « ... все то, что сегодня люди сбрасывают с себя в погоне за собственным комфортом» [4, с. 709]. Имитации возникают там, «где метафизические явления понимаются предметно, овеществляются: где «вечные ценности» - «не более чем предмет, который можно повторить ... где сознание отказывается идти на риск» - риск изменений и понимания, риск встречи и любви, риск неопределенности и выбора и т.д. [4, с.709].

Заключение. Исследованию феноменов трансгрессии и трансценденции так или иначе посвящены работы К. Ясперса, Ж.-П. Сартра, А. Камю, М. Энафф, Р. Барта, С. де Бовуар, И. Канта и И.Г. Фихте, К. Фуст, С. Дженкс, Дж. Грегга, Р. Робертс-Хью, Дж. Волфрейса, П. Сталлибарс, А.Уайта, а также Ф.М. Достоевского Л.И. Шестова, Н.А. Бердяева, А.А. Грицанова, Д.Ю. Дорофеева, С.Н. Зенкина, О.В. Ивановской, Е.К. Краснухиной, М.А. Можейко, В.А. Подороги, С.М. Каштановой, О.В. Тимофеевой, Р.В. Ткаченко, В.Т. Фаритова, С.Л. Фокина, С.С. Хоружего и многих других философов, социологов, психологов, культурологов. Во всех этих работах так или иначе олтмечается, что человек как индивид и как вид может выбрать быть человеком, в том числе человеком как носителем души (*homo animus*), более или менее гармонично, «из души» сочетающей многосложность мира и принципы духовной жизни, а может «уничтожить» себя как вид, разбившись на множество подвидов и форм «примитивного» существования без ценностей и идеалов, без культуры. Трансгрессия и трансценденция могут выступать механизмами развития личности и культуры, человечества, если имеют целью осознание и осмысление запретов и предписаний, а не только и не столько «пустой» экстаз сексуальности или смерти, насилия и превосходства, взятых самих по себе. Расширение поля культуры означает одновременное ее углубление: формирование и преодоление новых, «сверхграниц», предписаний и табу относительно других табу и предписаний, а не простой пересмотр существующих долженствований и ограничений.

Литература

1. Марков Б.В. Люди и знаки: антропология межличностной коммуникации . – СПб.: Наука, 2011. –522с.
2. Седакова О.А. *Moralia*. Том IV. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. – 505с.
3. Хоружий С. Зона // Альманах «Лебедь». 2005. № 445. 02 октября. Режим доступа: [http://www. lebed. com/2005/art4338. htm](http://www.lebed.com/2005/art4338.htm), дата обращения 10.07.2016)
4. Хоружий С.С. От синергийной антропологии к социальной философии, или диалог с Максом Вебером // Хоружий С.С. Новые методы в решении фундаментальных проблем социальной философии: синергийная антропология . – М.: ПОзнание, 2009. - 715с.
5. Хоружий С.С. Трансформативная антропология глазами синергийной антропологии (к проблеме Постчеловека) // Фонарь Диогена. Проект синергийной антропологии в современном гуманитарном контексте. – М.: Прогресс – Традиция, 2010. – С. 782 – 783.

6. Цыгуля Н.П.. Феномен сакрального в контексте социального бытия : дисс. ... канд. философ. наук. - Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2010.- 136 с.
7. Ange B. Transgression. – London, New York: Marturia Publications, 2017. – 416p.
8. Foust C. Transgression as a Mode of Resistance: Rethinking Social Movement in an Era of Corporate Globalization. Lexington Books, 2010. – 257p.
9. Gregg J. Maurice Blanchot and the Literature of Transgression. Princeton University Press, 1994. – 256p.
10. Jenks C. Transgression. Key Ideas. Routledge, 2003. – 216p.
11. Rawls J. Brief Inquiry into the Meaning of Sin and Faith. Harvard University Press, 2010. -288p.
12. Roberts-Hughes R. Erotic Transgression and Sexual Difference in Georges Bataille. [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/211943/Erotic_Transgression_and_Sexual_Difference_in_Georges_Bataille (дата обращения: 22.02.2015)
13. Stallybrass P., White A. The Politics and Poetics of Transgression. Cornell University Press, 1986. – 228p.
14. Transgression and Taboo. Critical Essays edited by Vartan P. Messier and Nadita Batra. College English Association – Caribbean Chapter Publications, 2005. 170 p.
15. Wolfreys J. Transgression: Identity, Space, Time. – London, New York: Palgrave Macmillan, 2008. 240p.

УДК 372.87

АЛГОРИТМЫ УПРАВЛЕНИЯ КАЧЕСТВОМ ОБРАЗОВАНИЯ В РАБОТЕ С ОДАРЕННЫМИ ДЕТЬМИ НА УРОКАХ ИСКУССТВА В ШКОЛЕ

Демина Татьяна Ивановна, Власова Елена Александровна

учитель искусства МАОУ «Школа №39
с углубленным изучением английского языка»
г. Казань.

учитель искусства МБОУ «Гимназия №40»
г. Казань.

Аннотация. В статье раскрываются алгоритмы управления качеством образования в работе с одаренными детьми на уроках искусства в школе. Обосновывается, что в рамках предметной области «Искусство» ведущими факторами педагогической деятельности являются креативность и творческое мышление.

Ключевые слова: искусство, качество образования, управление, креативность.

ALGORITHMS OF EDUCATION QUALITY MANAGEMENT IN WORK WITH GIFTED CHILDREN AT THE LESSONS OF ART IN SCHOOL

Demina Tatyana, Vlasova Elena

Abstract. The article reveals the algorithms for managing the quality of education in working with gifted children in art classes at school. It is substantiated that in the subject area “Art” the leading factors of pedagogical activity are creativity and creative thinking.

Keywords: art, quality of education, management, creativity.

Одними из ведущих факторов повышения качества образования являются креативность и творческое мышление, которые совершенствуются и развиваются предметной областью «Искусство» в школе. Очень важно не только выявить и развить творческую направленность ученика, но и сохранить её в изменяющемся мире. По теории А. Маслоу, способность к творчеству заложена в любом человеке. Определяющим фактором её развития является поддерживающая среда. На сегодняшний день в

образовательных школах работа с одаренными детьми по предметам искусствоведческого цикла активно транслируется на муниципальном и региональном уровнях. Заинтересованность учителей и обучающихся становится более значимой, выводя общую концепцию художественно-эстетических предметов в школе на более высокую ступень. Главное в работе с одаренными детьми - это структурированная и систематическая совместная деятельность по изучению ценностного наследия в области мировой художественной культуры. Сотворчество учителя и одаренного ученика способствует раскрытию способностей, созданию образовательного имиджа и формирует необходимые компетенции. Ключевые моменты в подготовке одаренного ребенка – это креативность профессиональной педагогики как основа инновации обучения и методическая работа в новом формате. Б. М. Теплов рассматривал одаренность как совокупность способностей. Для учителя искусства большой интерес представляет вопрос наличия общих и специальных творческих способностей обучающихся. Они выступают предпосылками раскрытия эмоциональности, интуиции, интеллекта, фантазии, воображения. Определив степень одаренности учеников, учитель должен заинтересовать их своим предметом, пробудить к творчеству, предпринять все возможное для развития их талантов через урочную деятельность, внеклассную работу и систему дополнительного образования. Учебно-воспитательная деятельность по развитию одаренности учащихся и их самосовершенствованию должна быть методически правильно организована.

Алгоритм работы с одарёнными детьми предполагает следующие этапы:

- **Диагностический** (мониторинг знаний, определение личностного уровня ученика, включающего социально-личностное, познавательно-речевое, художественно-эстетическое, психофизическое развитие);
- **Мотивационный** (развитие интереса к познавательно-творческой деятельности, стимулирование успешности);
- **Исследовательский** (уточнение и выявление затруднений, алгоритм составления индивидуальной маршрутной карты, формирование комплекса ЗУН, участие в научно-практических конференциях, конкурсах, фестивалях, олимпиадах по предмету);
- **Итоговый** (заключительный мониторинг, подведение итогов, рекомендации, корректировка индивидуальных программ, поощрение результатов).

Правильная организация работы учителя открывает широкие возможности для активизации и всестороннего развития способностей ученика.

Из многолетнего опыта работы авторов статьи следует, что наиболее продуктивным является метод проблемного обучения (проблемное изложение материала, поисковый и исследовательский методы). В процессе обучения ученик сам находит пути решения, что позволяет лучше понять материал и активизировать развитие интеллектуального потенциала. Самый высокий уровень творческого развития успешной личности реализуется путём самостоятельной работы. Процесс поиска информации на основе опорных понятий, предложенных учителем, вовлекает ученика в творческую деятельность и позволяет полностью усвоить учебный материал. Например, при написании эссе по художественной картине ученик получает опорную схему необходимых вопросов, помогающих последовательно формулировать правильный ответ.

Примерный анализ художественного произведения

1. Что я вижу (слышу), о чем читаю в произведении?
2. Какое впечатление на меня производит то, что я вижу (слышу), о чем читаю?
3. Есть ли у произведения автор (авторы)? Какое место занимает это произведение в его (их) творчестве?
4. Можно ли отнести произведение к какому-либо стилю, направлению, течению? Какие особенности этого стиля можно увидеть в произведении?
5. Как было создано произведение? Какие черты эпохи отразились в произведении? Что рассказывает произведение о времени его создания? (Дата создания: год, век).
6. Какое место занимает произведение в истории мировой культуры? Как оно повлияло на дальнейшее развитие искусства, какова сегодняшняя жизнь этого произведения? (Местонахождение: музей, город, страна).

При оценивании работ учащихся учитывается глубина и оригинальность понимания проблемы, логичное и оправданное расширение ответа на поставленный вопрос, раскрытие образной сущности произведения, знание специальных терминов и умение ими пользоваться. Важно знание имени автора и названия произведения искусства, места его нахождения и умение проводить анализ художественного произведения, соотносить характерные черты предмета искусства со временем его создания и чертами культурно-исторической эпохи, уметь хронологически сопоставлять шедевры искусства. Выражение личного мнения, способность чувствовать, передавать настроение работы, описывать свои впечатления от произведения искусства всегда дополнительно оценивается. Особое внимание должно быть уделено грамотности изложения, лексическому запасу и отсутствию речевых, грамматических, орфографических, пунктуационных ошибок.

Грамотно подобранные методические приемы и методы в сочетании с различными формами работы (самостоятельными, индивидуальными, групповыми) ведут к высокому познавательно-мотивирующему потенциалу. В Республике Татарстан созданы благоприятные условия для поддержки одаренных детей, во многом изменились подходы к преподаванию предмета «Искусство» в школе. С каждым годом увеличивается количество участников Всероссийской олимпиады школьников по предмету «Искусство» (МХК), наблюдается повышение результативности.

Работа учителя с одарёнными детьми – это сложный процесс, требующий высокой самоотдачи, личностного роста, педагогического мастерства, знаний в области психологии, тесного сотрудничества с преподавателями других предметных областей и родителями одарённых детей. Педагог должен выработать нужную стратегию подготовки к конкурсам, олимпиадам, конференциям, фестивалям. Учитывая эмоциональное состояние ученика, продумать необходимые рекомендации в его поддержку, сформулировать чёткие модели поведения. Одаренная личность полнее сможет раскрыться при условии раннего и полного выявления её природных талантов и начала целенаправленной работы по интеллектуальному развитию. Важно в каждом ученике увидеть «росток способностей» и помочь взрастить гармоничную личность.

Литература

1. Маслоу А.Х. Мотивация и личность. С-Пб.: Питер, 2016. – 400с.
2. Ушинский К.Д. Избранные педагогические сочинения. Т.2. М.: Педагогика, 1974. – 1024с.

КОНЦЕПТ «СУДЬБА» В ПРОЗЕ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Евдокимова Ольга Константиновна, Семечкина Дарья Владимировна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка и литературы
Чувашского государственного
университета имени И. Н. Ульянова, г. Чебоксары

студентка 3 курса ФриЧФиЖ
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н. Ульянова»

Аннотация. В центре внимания в статье один из наиболее характерных концептов в творчестве М.Ю. Лермонтова – концепт «судьба», берущий своё начало в лирике поэта. Авторы статьи прослеживают эволюцию данного концепта в творчестве Лермонтова от его ранних произведений до «Героя нашего времени». На примере трёх романов: «Вадим», «Княгиня Лиговская», «Герой нашего времени» – показано, как в аспекте концепта «судьба» раскрывается своеобразие Лермонтова-прозаика, а также особенности интерпретации его главной темы – темы своего поколения.

Ключевые слова: русская литература XIX века, М.Ю. Лермонтов, проза, концепт, судьба.

THE CONCEPT «DESTINY» IN PROSE OF M. YU. LERMONTOV

Evdokimova O. K., Semechkina D. V.

*I.N. Ulyanov Chuvash State University,
Russia, Cheboksary*

Annotation. The focus in the article is one of the most characterisation of concepts in the works of M. Y. Lermontov – the concept "destiny", originating in the lyrics of the poet. The authors trace the evolution of this concept in the work of Lermontov from his early works to the "Hero of our time". On the example of three novels: "Vadim", "Princess Ligovskaya", "Hero of our time" – shows how in the aspect of the concept of "fate" reveals the originality of Lermontov-prose writer, as well as the interpretation of its main theme – the theme of his generation.

Keywords: Russian literature of XIX century, Mikhail Lermontov, prose, concept, destiny.

Имя М.Ю. Лермонтова в отечественной литературе имеет свою неповторимую историю, которая сопоставима разве что с жизнью и творчеством А.С. Пушкина. Неслучайно представление о русской поэзии у нас ассоциируется прежде всего с этими поэтами, со строчками именно их стихотворений. Трагичность судьбы Пушкина и Лермонтова невольно сближает их в нашем сознании, хотя жизненная и творческая судьба поэтов очень разная. В этой связи обращение к «судьбе» как особой категории в художественном мире А.С. Пушкина или М.Ю. Лермонтова представляет и научный и чисто человеческий интерес.

В данной статье поставлена задача проанализировать концепт «судьба» в прозе М.Ю. Лермонтова. Судьба самого Лермонтова, нашедшая наиболее яркое отражение в его лирике, была не только трагической, но и преисполненной постоянным духовным поиском. Ранние утраты, страстное стремление к творческому самоопределению и обретению нравственно-философской истины – вот далеко не все аспекты духовных исканий поэта, определивших в итоге и его судьбу.

Лермонтов, не отделявший себя от своего поколения, но так до конца и не понятый современниками, – явление удивительное в русской литературе. Неслучайно впоследствии Д. Мережковский и В. Соловьёв называли его «сверхчеловеком» [6]. Немало интересных и глубоких работ посвящено творчеству поэта. Уже одно то, что была создана «Лермонтовская энциклопедия» [7], свидетельствует о всестороннем и глубоком исследовании художественного наследия Лермонтова, а выход в связи с 200-летием со дня рождения такого издания, как «М.Ю. Лермонтов: pro et contra: Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей» [6], яркий итог долгих размышлений о многогранном мире одного из самых лирических поэтов в русской литературе.

Удивительно, но в творчестве М.Ю. Лермонтова органично сочетались очень разные, порой, прямо противоположные чувствования и настроения. Лейтмотив одиночества, сквозной в лирике поэта, свободолюбивые мотивы и мотивы христианские, тема любви, патриотическая тема, особенно дорогая автору тема поэта и поэзии – вот те традиционные темы и мотивы, по которым мы узнаём Лермонтова. Однако все эти мотивы и темы, так или иначе, объединяются одним, столь характерным для поэта, мотивом судьбы. Нельзя сказать, что этот мотив в творчестве поэта широко изучен, можно назвать лишь отдельные публикации [10]. Тем не менее, этот мотив выделен в качестве самостоятельного в «Лермонтовской энциклопедии» [12], что,

вне всякого сомнения, подтверждает закономерность обращения к данной теме. Разветвлённость мотива судьбы, его неоднозначность, глубина проникновения, как в лирике, так и в прозе, придаёт творчеству поэта особый, почти сакральный смысл, а «судьба», скорее, выступает как концепт, определяющий вектор развития творчества автора и отражающий его сознание.

«Концепт» в литературоведении XXI века уже далеко не новое понятие, его почти вековая история известна и проанализирована в целом ряде специальных культурологических, лингвистических и литературоведческих исследований [1, 2, 3, 4, 8, 11]. Однако до сих пор нет единой, универсальной методики, позволяющей раскрыть концепт в полном объёме. Тем не менее, изучение творчества любого писателя с применением такого понятия, как «концепт», позволяет открыть в созданном им художественном мире какие-то новые, дополнительные смыслы.

В этой связи изучение творчества М.Ю. Лермонтова через призму концепта представляется и актуальным, и продуктивным. Так, в частности, именно в этой плоскости становится очевидным, что лейтмотив одиночества не исчерпывает всего многообразия лермонтовского творчества, которое находит выражение в целом ряде характерных концептов, имеющих свою иерархию. В свою очередь иерархия концептов, по сути, выражает творческую индивидуальность автора. Благодаря таким концептам, как «жизнь», «судьба», «дом», в его стихах и прозе получили развитие устойчивые представления о независимости, самооценности и неповторимости внутреннего мира человека, о его стремлениях и духовных поисках, о глубине переживания истины и о тех почти исповедальных чувствованиях, без которых невозможно самостоянье личности. В этой системе ценностей концепт «судьба» не только обретает особый смысл, но и доминирует в сравнении с другими.

Для того чтобы раскрыть эту мысль, обратимся к прозе М.Ю. Лермонтова, поскольку именно в прозе собраны воедино все те мотивы, темы и представления, которые отразились в его лирике. Концепт «судьба» в этой связи выступает связующим звеном, аккумулирующим главные мысли поэта не только о своей судьбе, человеческой и творческой, о судьбе своего поколения, но и о судьбе за пределами земного понимания.

Начав как поэт, М.Ю. Лермонтов пришёл к прозе не сразу: через откровенное подражательство и ученичество в раннем творчестве, через пересмотр уже сложившихся традиций в поэзии, через страстное стремление обрести собственное «я» в литературе. Поэт был в постоянном поиске, в том числе и жанровом: от лирических стихотворений к поэме и затем к драме. Но

этот поиск не ограничивался чисто литературными задачами, он был значительно шире, поскольку выразил стремление юного автора изобразить мир не только субъективный, но и объективный, где причинно-следственные отношения могли стать ответом на принципиально важные для него вопросы, и жизненные, и собственно эстетические, и общепhilософские. Не случайно на смену стихотворениям, посвящённым Н.Ф.И., приходит работа над поэмой «Демон» и параллельно – драмой «Странный человек». Драма появляется, в сравнении с поэзией, как более верное средство художественного исследования действительности, с тем чтобы попытаться найти ответ на один из главных для юного поэта вопросов: почему общество враждебно по отношению к человеку. Так поиск нравственно-philософской истины одновременно означал и поиск творческих решений. Фактически М. Лермонтов шёл в литературе по тому же пути, что А.С. Пушкин и Н.В. Гоголь, но его путь оказался более драматичным, как драматичны были его попытки обрести счастье в любви, искреннюю дружбу и, пожалуй, самое главное, дом в наиболее полном смысле этого слова. Все эти чувствования уже не укладывались в рамки поэзии, и потому следующим этапом для Лермонтова могла быть только проза, которая в 1830-е гг. в русской литературе, благодаря стараниям Пушкина и Гоголя, обретала своё лицо. И если в поэзии Лермонтов прекрасно знал, кому и почему он подражает, то в прозе для Лермонтова, по сути, образцов не было, здесь он был максимально самостоятелен. Тем интереснее представляется обращение к прозе поэта, сосредоточенно лирического, сумевшего придать русской прозе многие оттенки поэтического мировосприятия.

Вопрос о прозе появляется у Лермонтова ещё летом 1831 года, чуть ли не в самом начале творческого пути. Так, известно, что поэму «Демон», как вариант, он видел прозаическим произведением. Под аккуратно переписанной четвертой редакцией поэмы («По голубому небу пролетал однажды демон...») поэт сделал приписку: «Я хотел писать эту поэму в стихах: но нет. – В прозе лучше» [5, т. 2, с. 446]. Как видим, проза вызывала у Лермонтова неподдельный интерес, прежде всего, своими возможностями в сравнении с поэзией.

Всю прозу М. Ю. Лермонтова условно можно разделить на три этапа, соответствующие трем его произведениям в этом роде. Первый этап – это «Вадим» (1833-1834) [5, т. 4, с. 472], незавершённый роман из эпохи пугачевского восстания. Второй – «Княгиня Лиговская» (1836), тоже незавершенное произведение, которое чаще называют светской повестью, реже – романом, и которое обозначило переход от романтизма к реализму в лермонтовской прозе. Третий этап и третье произведение – «Герой нашего

времени» (1838-1840), которое волею судьбы подытожило творчество М. Лермонтова, его идейно-нравственные и эстетические искания. Несмотря на то, что первые два произведения не завершены, их можно рассматривать как художественно законченные, со своей темой и идеей, системой образов, ярко выраженной авторской позицией. Каждое из этих произведений – отражение определённого этапа творческой эволюции автора, когда однажды найденные решения пересматривались и когда творческий поиск не ограничивался характером главного героя (от романтической фигуры мстителя до героя времени), а распространялся на всё произведение в целом. В этой связи особый интерес представляет то, что не просто сближает эти три прозаических произведения М.Ю. Лермонтова, но позволяет говорить об их некоем смысловом единстве. На наш взгляд, это вопрос о судьбе.

Тема судьбы, как жизненного пути личности, – одна из наиболее традиционных тем не только русской, но и мировой литературы. В творчестве М.Ю. Лермонтова эта тема имеет какой-то особый смысл, приобретая те или иные оттенки, – рок, возмездие, жребий, закон, предопределение. Каждое из этих понятий имеет свое значение в контексте творчества поэта, выражая авторское мироощущение, представление о неведомой, тайной жизни мира, с которой неразрывно связана судьба. Это представление может иметь разную природу – от узкого бытового понимания до широких философских обобщений, однако каким бы оно ни было, важно то, что судьба, по Лермонтову, всё-таки есть. Судьба может быть доброй или злой, но именно она определяет земное бытие человека. И если в лирике авторское понимание того, что судьба есть, находит выражение в образе лирического героя, в поэтической лексике, особенно ранних стихотворений, то в прозе – это жизненные испытания, через которые проходят лермонтовские герои. Заметим, незаконченность «Вадима» и «Княгини Лиговской», возможно, тем и объясняется, что земной путь героев этих произведений ещё далёк от завершения и не во всём ясен, прежде всего, самому автору, тогда как судьба «героя нашего времени», в представлении Лермонтова, определилась. В этой связи «судьба» уже не может ограничиваться рамками только темы или мотива, а выступает как концепт, причём, знаковый в творчестве М.Ю. Лермонтова, отражающий наиболее характерные аспекты авторской картины мира. Именно с этих позиций концепт «судьба» реализуется сначала в «Вадиме», а затем в «Княгине Лиговской» и «Герое нашего времени».

Роман «Вадим» – первое серьёзное обращение М.Ю. Лермонтова к прозе, и обращение это кажется вполне закономерным в творческой эволюции поэта. Своему первому прозаическому произведению М. Ю.

Лермонтов дал очень любопытную характеристику. Так, в письме к М.А. Лопухиной от 28 августа 1832 года он писал: «...мой роман – сплошное отчаяние: я перерыл всю свою душу, чтобы добыть из нее все, что только могло обратиться в ненависть, и в беспорядке излил все это на бумагу» [5, т. 4, с. 393]. Авторское признание заслуживает самого пристального внимания: Лермонтов «перерыл всю свою душу», работая над произведением. В романе из времён Екатерины II автор передаёт свой строй чувств и настроений главному герою, и этот герой романтический. Горбуна Вадима нельзя назвать автобиографическим героем, но он чувствует и переживает так, как переживает сам автор, как переживал лирический герой ранней поэзии Лермонтова. Так, например, в стихотворении «Он был рожден для счастья, для надежд...» (1832) лирический герой размышляет о себе и о людях своего поколения:

Он равных не находит; за толпою
Идет, хоть с ней не делится душою;
Он меж людьми ни раб, ни властелин,
И все, что чувствует, он чувствует один!

[5, т. 1, с. 275]

Лирический герой одинок, но его одиночество равнозначно его судьбе. Именно эта мысль, начиная с ранних стихотворений, стала главной на протяжении всего творчества поэта, а работа над «Вадимом» ознаменовала перевод этой мысли из поэзии в прозу. В этом смысле роман «Вадим» можно назвать отчасти экспериментальным произведением. В романе из времён Екатерины II и пугачёвского восстания, где главный герой наделён почти сверхчеловеческими страстями, прослеживается судьба человека, одинокого и отчаявшегося, и этот герой, как мы видим, внутренне близок самому автору. М.Ю. Лермонтов раскрывает историю и характер Вадима не однозначно: Вадим предстает как романтический герой, протестующий и во многом справедливо против общепринятых норм современной ему жизни, однако его протест, как это свойственно романтическому герою, индивидуалистический, и в этом тоже видится проявление судьбы. Вадим, как был, так и остаётся одинок, и это одиночество становится для героя непреодолимым. Так в романе «Вадим», подобно предшествующей лирике, одиночество и судьба – две стороны одной медали, выступают как единое целое. Судьба героя оказывается неподвластной страстям и ненависти, которые им овладевают, судьба выше. В интерпретации Лермонтова, в этом было программное отличие прозы от поэзии: проза давала возможность выйти за пределы внутреннего мира героя, показать многообразие его связей

с миром окружающим, а главное – приблизиться к теме судьбы своего поколения, которая занимала поэта едва ли не с первых его произведений.

«Княгиня Лиговская» – произведение, условно говоря, переходного характера, в нём уже появляется, по определению Лермонтова, «герой нашего времени». В сравнении с «Вадимом» «Княгиня Лиговская» интересна как опыт прозаического произведения, рисующего жизнь и быт современного общества. Главный герой здесь – Печорин, в отличие от Вадима, лишён романтической загадочности и исключительности. Это человек света, он принадлежит к той же социальной среде, что и автор, поэтому события его жизни, его душевные коллизии отражают представления именно этой среды, и в то же время они сродни самому автору. В основе сюжета – история светских походов молодого столичного офицера Григория Александровича Печорина, «а между родными просто Жорж» [5, т. 4, с. 261]. Антипод главного героя – чиновник Красинский, типичный «маленький человек». Судьбы Печорина и Красинского пересекаются, однако развитие их взаимоотношений остаётся неясным, как ещё не совсем ясны судьбы «лишнего человека» и «маленького человека» в русской литературе. Неслучайно эта сюжетная линия не получила завершения в произведении, а роман так и остался незаконченным.

Тем не менее, в «Княгине Лиговской» тема судьбы своего поколения уже не просто намечена, а получает своё развитие: герой не только современник автора, он близок ему гораздо в большей степени, чем Вадим. Так сложилось, что современники Лермонтова практически в каждом его главном герое угадывали самого автора. Основания для этого действительно были, поскольку «творческая тоска» [9], свойственная поэту и за пределами литературы, в не меньшей мере характерна для его героев, особенно в его раннем творчестве. В этой связи отчасти автобиографичной можно назвать и «Княгиню Лиговскую», где, помимо всего прочего, как считают в лермонтоведении, нашли отражение эпизоды романа М.Ю. Лермонтова с Е.А. Сушковой [5, т. 4, с. 476]. Однако откровенная автобиографичность никогда не мешала Лермонтову размышлять о неразрешимых проблемах в собственной жизни, переводя их в план общефилософских. Напротив, личный опыт придавал художественному анализу большую убедительность. Лермонтову было свойственно изображение мира через призму глубоко личных чувств, переживаний и умонастроений. Причём, если в его поэзии мир земной был неразрывно связан с миром небесным (вспомним раннее стихотворение «Мой дом»), то в прозе в центре внимания земной мир и земная судьба.

В «Княгине Лиговской» судьба главного героя – это его жизненный путь, но этот путь ещё в самом начале. Может быть, поэтому герой «Княгини Лиговской» и «Героя нашего времени» имеет одно и то же имя, а итоговый роман М.Ю. Лермонтова состоит из отдельных повестей, где «Княгиня Лиговская» могла бы занять своё место. Во всяком случае, преемственность между этими произведениями, с точки зрения авторского замысла, очевидна. Данная мысль подтверждается и тем, что в центре внимания в «Герое нашего времени» вновь судьба главного героя. Так, сам Печорин в своем дневнике называет себя «топором в руках судьбы», и в этом есть претензия на исключительность. Однако исключительным героем Печорина всё-таки назвать нельзя, поскольку его история обусловлена и обстоятельствами его жизни, и историческим временем. В своём дневнике Печорин рассказывает о том, как сформировался его характер, и приходит к выводу, который невольно возвращает нас к истории Вадима: «Я был готов любить весь мир, – меня никто не понял: и я выучился ненавидеть» [5, т. 4, с. 95]. Но если в случае с Вадимом определяющей была воля судьбы, то с Печориным причина была всё-таки в нём самом.

Писатель создаёт образ современника, который принципиально отличается от героев его предшествующих прозаических произведений: во всём, что с ним происходит, он обвиняет прежде всего самого себя. И в этом есть предельная искренность (та самая лермонтовская исповедальность), но в этом заключается и своего рода игра – игра с самой судьбой. В каждой из повестей романа, кроме «Фаталиста», герой совершает эгоистические поступки. В «Бэле» Печорин уговаривает Азамата похитить свою родную сестру, а в итоге Бэла погибает; в «Максим Максимыче» Печорин беспричинно обижает добрейшего Максим Максимыча своим холодным равнодушием; в «Тамани» он от нечего делать разрушает планы честных контрабандистов; в «Княжне Мери» преследует Мери своими колкостями, а затем влюбляет ее в себя, смеется над Грушницким, что приводит к роковой дуэли. И только в повести «Фаталист» Печорин совершает смелый и благородный поступок, абсолютно лишённый эгоизма.

В «Фаталисте» главным становится спор о предопределении смерти человека и о судьбе. Герои приходят к выводу, что предопределение существует: пистолет был заряжен, но поручик Вулич остался жив. В отличие от других участников спора Печорин не ограничивается этим выводом, его взгляд оказался намного проницательнее: «странный отпечаток неизбежной судьбы» [5, т. 4, с. 136], который почудился Печорину в выражении лица Вулича, и в самом деле оказывается предвестником трагического и нелепого финала: Вулич погибает от руки пьяного казака.

Заметим, что в романе до «Фаталиста» тема судьбы возникала неоднократно. Так, Максим Максимыч говорит о Печорине в «Бэле»: «Ведь есть, право, этакие люди, у которых на роду написано, что с ними должны случиться разные необыкновенные вещи!» [5, т. 4, с. 14]. В «Тамани» Печорин спрашивает себя: «И зачем было судьбе кинуть меня в мирный круг *честных контрабандистов?*» [5, т. 4, с. 61]. В «Княжне Мери»: «...судьба как-то всегда приводила меня к развязке чужих драм...Какую цель имела на это судьба?» [5, т. 4, с. 99].

«Судьба» как высшая сила, как предопределение, как жизненный путь героя, как судьба своего поколения оказывается в центре повествования всего романа. И то, что герой совершает поступок, приносящий пользу людям, говорит о каком-то внутреннем исправлении, которое он переживает и которое ему даётся очень непросто. Судьба Печорина трагична: он умирает, покинув Россию. Так завершалось повествование о «герое времени», судьба которого более всего занимала автора, потому что в определённой мере это была и его судьба.

Художественное исследование жизни, начатое ещё в ранней лирике, завершилось в романе «Герой нашего времени». Обращаясь к теме судьбы, затрагивая проблему противостояния человека и судьбы, размышляя о предопределении и неизбежности смерти, Лермонтов приходит к выводу, что человек вправе проклинать свою судьбу и ненавидеть, как это делал Вадим из одноимённого романа, но он вправе и испытывать судьбу, как это делал Печорин в «Герое нашего времени», и в этом смысле данный герой наиболее близок автору, чья жизнь была постоянным испытанием, и человеческим, и творческим.

В заключение отметим, что именно в прозаических произведениях М.Ю. Лермонтов глубоко раскрыл темы, связанные с концептом «судьба» в разных его аспектах. Образ каждого из героев оказался носителем глубокого символического смысла, отразив в полной мере личные переживания автора и его размышления о судьбе своего поколения.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Истина: фон и коннотации // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова; редкол.: В. В. Петров, АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1991. – С. 21-30.
2. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. / Под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267 – 279.

3. Евдокимова О.К., Ляпаева Л.В., Федяй С.В. Концепт «сад» в русской и чувашской литературе XIX – XX вв. (А.П. Чехов, И.А. Бунин, А.С. Артемьев). // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2017. - № 3 (95). Ч. 2. – С. 50 -58.
4. Кубрякова Е.С. Концепт // Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. – М., изд-во МГУ, 1996. – С. 90-93.
5. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: В 4 т. / Ред. Андроников И.Л. и др. – М.: Изд-во Худож. лит., 1983 – 1984. Ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.
6. Лермонтов М.Ю.: pro et contra: Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Сост.: В.М. Маркович, Г.Е. Потапова – СПб: Изд-во РХГИ, 2002 . – 1078 с.
7. Лермонтовская энциклопедия / Сост. Мануйлов В.А. – М.: Советская энциклопедия, 1981. – 784 с.
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка //Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. / Под общ. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280-287.
9. Маркович В.М. Еще раз о "творческой тоске" // Нева. – 1994. – № 10. – С.268-275.
10. Подопрыголова Н.С. Миф как генезис мотива судьбы в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» [Электронный ресурс] / Н.С. Подопрыголова // КиберЛенинка: научно-электронная библиотека. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mif-kak-genezis-motiva-sudby-v-romane-m-yu-lermontova-geroy-nashego-vremeni> (дата обращения: 20.03.18).
11. Фоменко Ю.В. Что стоит за термином «концепт»? //Вестник Омского университета. – 2004. – №4. – С. 113-116.
12. Щемелева Л.М. Мотивы поэзии Лермонтова // Лермонтовская энциклопедия / Ин-т рус. лит. АН СССР; гл. ред. В. А. Мануйлов. – М. : Сов. энцикл., 1981. – С. 290 – 312.

РОЛЬ КУРСОВОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ- КУЛЬТУРОЛОГОВ

Зайцева Ирина Александровна

кандидат культурологии, доцент кафедры
теории и истории культуры
Самарский государственный институт культуры,
Самара

Аннотация. В статье рассмотрена проблема формирования профессиональных компетенций студентов, обучающихся по направлению подготовки Культурология средствами курсового проектирования. Автор, на примере опыта проектной деятельности студентов Самарского государственного института культуры показывает эффективность применения метода курсового проектирования в условиях реализации образовательных стандартов третьего поколения, а также выявляет педагогические условия формирования ряда профессиональных компетенций у студентов-культурологов в процессе изучения курса «Инновационная проектная деятельность в сфере культуры».

Ключевые слова: проект, культурологический проект, компетенции, профессиональные компетенции.

THE ROLE OF COURSE DESIGN IN THE FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE OF STUDENTS-CULTUROLOGISTS

I. A. Zaitseva

Annotation. The article deals with the problem of formation of professional competences of students studying in the field of cultural Studies by means of course design. The author, by the example of the project activity experience of students of Samara state Institute of culture shows the effectiveness of the method of course design in terms of the implementation of educational standards of the third generation, and reveals the pedagogical conditions for the formation of a number of professional competencies of cultural studies students in the course "Innovative project activities in the field of culture".

Keywords: project, cultural project, competence, professional competence.

Современная система высшего образования в связи с интенсивными процессами глобализации и интеграции в сфере культуры предъявляет к подготовке бакалавров-культурологов возросшие требования. Федеральный государственный образовательный стандарт третьего поколения ставит перед студентом-культурологом задачи овладения профессиональными компетенциями в рамках различных видов деятельности: научно-исследовательской, организационно-управленческой, проектно-аналитической и экспертной деятельности, а также культурно-просветительской и педагогической деятельности.

По мнению Т.Н. Андрухиной и В.Н. Михелькевича, именно «компетентностно-ориентированное образование, в частности, введение в учебный процесс профессиональных компетенций, позволяет разрешить противоречия между структурой профессиональной деятельности специалиста и структурой процесса подготовки к ней. Поскольку «научить» профессиональным компетенциям невозможно, необходимо строить и заранее задавать такие учебно-профессиональные ситуации, использовать такие методы, способы, приемы, средства обучения и виды учебной деятельности, в которых студент должен самостоятельно проектировать свои действия, принимать осознанные решения и их реализовывать»[1, с. 63].

В процессе учебной деятельности формирование профессиональных компетенций у студентов-культурологов проходит в различных формах: работа на лекционных и практических занятиях, курсовое и дипломное проектирование, прохождение различных видов практики: научно-исследовательской, педагогической, преддипломной и пр. «Каждая компетенция формируется не отдельной дисциплиной, практикумом или практикой, их совокупностью, образовательной средой вуза в целом, профессиональным и культурным уровнем педагогического коллектива и каждого вузовского педагога»[8, с.13].

Важным фактором, оказывающим влияние на успешное освоение студентами профессиональных компетенций, является курсовое проектирование. Курсовой проект – это такая форма организации обучения, при которой происходит смещение акцентов преподаватель - студент. «Проектант, с точки зрения Н.А. Бредневой, становится активным участником учебного процесса. Он проявляет инициативу, познавательную и творческую активность, самостоятельность в решении проблем. Преподаватель является пассивным руководителем процесса. Он создает условия для успешной проектной деятельности и становится организатором познавательного процесса студентов на основе диалогического, творческого взаимодействия и сотрудничества»[2].

Внедрение в практику высшего культурологического образования такой инновационной технологии, как метод проектов способно обеспечить не только систему личностных ценностей, необходимых для решения профессиональных и социальных задач, но и уровень и качество профессиональной компетентности студентов. «Данный вид работы предполагает творческую деятельность студентов-культурологов, направленную на достижение определенного результата – выработку проектного решения поставленной перед ними проблемы»[4, с. 199].

Е.Н. Леванова под методом проектов понимает «совокупность учебно-познавательных приемов, которые позволяют решить ту или иную проблему в результате самостоятельных действий учащихся с обязательной презентацией этих результатов» [5].

Проектная деятельность студентов играет важную роль в сфере современного высшего образования. Она направлена на формирование творческой среды вуза, проектной культуры студентов, а также формированию их профессиональных компетенций. «Проектная компетентность студентов, по мнению Н.А. Бредневой, это способность субъектов образовательного процесса применять современные технологии, проектные умения и навыки для создания интегрированных проектов, использовать организованную проектную деятельность для решения задач профессионального роста и развития» [3, с. 167].

В учебном плане по направлению подготовки Культурология, реализуемом Самарским государственным институтом культуры курсовое проектирование закреплено за дисциплиной «Инновационная проектная деятельность в сфере культуры». В рамках данной дисциплины студенты на теоретическом и практическом уровнях изучают и осваивают основные методы и технологии разработки социокультурных проектов.

Данная дисциплина направлена на формирование следующих профессиональных компетенций:

- «способность применять на практике приемы составления научных отчетов, обзоров, аналитических карт и пояснительных записок, владением современными способами научной презентации результатов исследовательской деятельности (ПК-2);

- готовность к проектной работе в разных сферах социокультурной деятельности, участию в планировании, разработке, документационном обеспечении и запуске инновационных проектов (ПК-6);

- способность владеть навыками проведения экспертизы и подготовки экспертных документов, сопровождающих принятие решений в социокультурной сфере (ПК- 7)»[9].

С целью формирования заявленных компетенций автором было разработано учебное пособие, которое ориентировано на активное усвоение студентами содержания курса посредством продуктивной проектной деятельности. Цель учебного пособия – помочь студентам изучить и освоить основные методы и технологии разработки инновационных культурных проектов в сфере культуры.

Также на основе учебного пособия разработан электронный ресурс, в рамках которого студенты могут по перечню гиперссылок просмотреть текст лекций, лекции-презентации, планы семинарских занятий, задания к самостоятельной аудиторной и внеаудиторной работе, а также документацию, необходимую для разработки, оформления и оценки культурного проекта.

Студенты вовлекаются в социокультурное проектирование начиная с первого курса обучения, включаясь в разработку и реализацию как кафедральных проектов, так и значимых для всего вуза. В процессе курсового проектирования студенты учатся разрабатывать перспективные планы реализации социального проекта, составлять отчеты по реализованным проектам в сфере культуры, овладевают навыками оформления проектной документации, презентации социокультурных проектов, оформления заявки на финансирование проекта, спонсорских пакетов.

Также студенты на практических занятиях знакомятся с основными нормативными документами, регулирующими проектную деятельность в социокультурной сфере, узнают о стратегиях финансирования культурных проектов, учатся анализировать проблемную ситуацию в области своего проектирования и выделять отдельные ее составляющие, формулировать экспертное заключение по содержанию проекта, анализировать их эффективность и результативность.

При разработке учебного проекта преподавателю отводится роль координатора, эксперта. По мнению Н.В. Чирковой, в рамках проектной деятельности «преподаватель выступает не в роли распространителя информации, а в роли консультанта, советчика, иногда даже коллеги обучаемого. Это дает некоторые положительные результаты: студенты активно участвуют в процессе обучения, приучаются мыслить самостоятельно, выдвигать свои точки зрения, моделировать реальные ситуации» [10, с. 363].

Итоговым продуктом курсового проектирования студента-культуролога должен стать культурологический проект. Культурологические проекты могут быть как историко-краеведческими, посвященные истории родного

края; этнографическими, нацеленными на изучение особенностей культуры, традиций и быта разных народов, народного творчества; искусствоведческими, посвященными проблемам искусства, литературы, архитектуры; проекты, направленные на развитие межкультурных коммуникаций между молодыми людьми разного этнического и социального статуса, говорящих на разных языках; научно-образовательные проекты (круглые столы, конференции, авторские курсы и пр.); научно-исследовательские и пр.

Для разработки учебного проекта необходимо наличие значимой в исследовательском, творческом плане проблемы, требующей интегрированного знания, исследовательского поиска для ее конкретного теоретического или практического решения. Продуктом проектной деятельности студента-культуролога может стать интернет-сайт, оформление кабинета, праздник, видеофильм, выставка, справочник, деловая игра (квест), экскурсия, конкурс и пр. «Крайне важным здесь является инициатива, самостоятельность, которые опираются на собственное видение, накопленный социокультурный опыт» [11, с. 200].

За прошедшие годы студентами Самарского государственного института культуры были разработаны и реализованы культурно-образовательные проекты-конкурсы межрегионального и международного значения: «Я рисую сказку: образ красоты в народных сказках», «Открытка, которая учит меня культуре мира», «Семейный альбом – память поколений», «Природа для всех – любите Землю», а также проект 3D экспозиции «Музей кочевых народов Поволжья», «Музей этнографии народов Поволжья», интернет-сайт «Образы страха в культуре народов Поволжья», проекты интерактивных игр «Этноквест», «Образы женщины-воина в фольклорных традициях народов Поволжья», музейной экспозиции «Кукла в детском обрядовом календаре русского народа», проект общественного «Литературного бала» в рамках всероссийской акции «Библио-ночь» и многие другие.

Привлечение студентов к совместной проектной деятельности с педагогами института культуры в различных акциях, конкурсах, круглых столах, способствуют росту их активности и самостоятельности, формирует чувство ответственности и самостоятельности. «Если обучение понимать, как преподавание (деятельность преподавателя) и учение (познавательная деятельность студента), то повышения активности, самостоятельности обучаемых можно добиваться посредством методической работы преподавателя, целью которой ставится развитие познавательного интереса студента» [7, с. 131].

Защита культурологического проекта – это самый важный этап в курсовом проектировании, позволяющий преподавателю на выходе оценить уровень сформированности у студента вышеуказанных профессиональных компетенций. Она проходит в форме проектного семинара либо в виде деловой игры, в ходе которых студент представляет свой индивидуальный культурологический проект, направленный на решение конкретной проблемной ситуации в сфере культуры. Команда экспертов из 6-8 человек, как студентов, так и преподавателей, оценивают по 5-ти бальной шкале уровень новизны проектного решения, полноту и четкость постановки целей и задач проекта, степень креативности презентации концепции проекта, умение студента четко и аргументировано отвечать на вопросы экспертов, качество оформленной отчетной проектной документации.

«Использование деловых игр, по мнению С.И. Линниченко, способствует развитию навыков критического мышления, коммуникативных навыков, навыков решения проблем, отработке различных вариантов поведения в проблемных ситуациях»[6, с. 236].

Важная роль здесь отводится научному руководителю курсовым проектом, который должен оценить не только качество оформления и презентации проекта, но и уровень сформированности у студента закрепленных за дисциплиной компетенций. На основе наблюдения за курсовой проектной деятельностью студентов-культурологов на протяжении последних пяти лет и опыта преподавания дисциплины «Инновационная проектная деятельность в сфере культуры» нами были разработаны уровни сформированности профессиональных компетенций, закрепленных за данным курсом.

Высокий уровень освоения компетенций характеризуется хорошо развитыми умениями и навыками в области научно-исследовательской, проектно-аналитической и экспертной деятельности. Обучающийся показывает высокий уровень владения учебной, периодической и монографической литературой в области своего проектирования, свободно оперирует понятиями, методами разработки социокультурных проектов. Студент владеет навыками анализа социокультурной ситуации, составления планов и отчетной проектной документации (паспорт проекта, смету, спонсорский пакет и пр.), умеет адекватно оценить проект по предложенным критериям. На вопросы преподавателя отвечает кратко, аргументировано, уверенно, по существу.

Средний уровень освоения компетенций характеризуется наличием у студента достаточно развитых умений и навыков, для создания проектов среднего уровня. Студент знает основные технологии социокультурного

проектирования, но при анализе социокультурной ситуации и составлении проектной документации допускает несущественные погрешности, умеет оценить проект не по всем предложенным критериям. На поставленные преподавателем вопросы отвечает неуверенно, допускает погрешности.

При низком уровне овладения профессиональных компетенций студентом-культурологом, его умения и навыки в области социокультурного проектирования недостаточно сформированы. Студент показывает слабые знания лекционного материала, научной литературы в области своего проектирования. Обучающийся затрудняется при анализе социокультурных ситуаций, неуверенно и логически непоследовательно излагает суть своего проектного решения, не может адекватно оценить проект. Отчетная проектная документация не представлена. Неправильно отвечает на поставленные преподавателем вопросы.

Исходя из вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что метод разработки и реализации культурологических проектов в рамках курсового проектирования может стать эффективным механизмом, обеспечивающим высокую готовность студентов-культурологов к осуществлению своей профессиональной деятельности. Курсовой культурологический проект позволяет доопределить, сформировать и повысить профессиональную компетентность студентов-культурологов, и тем самым обеспечить их конкурентоспособность на рынке труда. Умения и навыки разработки и внедрения в культурную практику такого рода проектов, освоенные в ходе обучения в вузе, может стать реальной возможностью для студентов создать себе рабочее место как в рамках существующих учреждений в сфере культуры, так и вне их.

Литература

1. Андрюхина Т.Н., Михелькевич В.Н. Система формирования профессиональных компетенций у студентов будущих специалистов автомобильного транспорта // Казанский педагогический журнал. – 2008. - № 7. – С. 57-65.

2. Бреднева Н.А. Проектная деятельность студентов в условиях междисциплинарной интеграции [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы современной науки. - 2012. URL: <http://naukarus.com/proektnaya-deyatelnost-studentov-v-usloviyah-mezhdistiplinarnoy-integratsii> (дата обращения: 8.04.2018).

3. Бреднева Н.А. Формирование проектной компетентности студентов в образовательном процессе вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2017. - № 5(71): в 3-х ч. Ч. 2. - С. 166-169.

4. Зайцева И.А. Проектная деятельность студентов-культурологов // Преподаватель как субъект и объект информационно-образовательной среды вуза: материалы XLIII науч.-метод. конф. / ГБОУ ВО «СГИК»; [под ред. О.А. Корниловой]. Самара, Изд-во: Самар. гос. ин-т культуры, 2016. – С. 198-201.

5. Леванова Е.Н. Творческий проект как метод активизации самостоятельной работы студентов-культурологов в рамках изучения музыкальных дисциплин [Электронный ресурс] // В мире научных открытий. 2014. URL: <http://naukarus.com/tvorcheskiy-proekt-kak-metod-aktivizatsii-samostoyatelnoy-raboty-studentov-kulturologov-v-ramkah-izucheniya-muzykalnyh-di>. (дата обращения: 08.04.2018).

6. Линниченко С.И. Применение интерактивных технологий при обучении студентов-бакалавров направления подготовки 51.03.01 Культурология // Преподаватель как субъект и объект информационно-образовательной среды вуза: материалы XLIII науч.-метод. конф. / ГБОУ ВО «СГИК»; [под ред. О.А. Корниловой]. Самара, Изд-во: Самар. гос. ин-т культуры, 2016. – С. 229-236.

7. Лукашева С.С. Некоторые аспекты методического сопровождения дисциплины «Фортепиано» направления Музыкознание и музыкальное прикладное искусство, профиля «Музыкальная педагогика» // Научно-методическое сопровождение ФГОС ВПО третьего поколения: материалы XL науч.-метод. конф. / ГБОУ ВО «СГИК»; [под ред. О.Л. Бугровой]. Самара, Изд-во: Самар. гос. ин-т культуры, 2015. - С. 131-132.

8. Сошников А.Е. Педагогические условия формирования социокультурных компетенций бакалавров по направлению подготовки «Культурология» в вузе: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук: 13.00.08 / Сошников Александр Евгеньевич; [Место защиты: Марийс. гос. ун-т]. - Йошкар-Ола, 2015. - 22 с.

9. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации «Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования по направлению подготовки 51.03.01 Культурология (уровень бакалавриата) от 3 декабря 2015 года. [Электронный ресурс]. URL: http://www.osu.ru/docs/fgos/vo/bak_51.03.01.pdf (дат обращения: 08.04.2018).

10. Чиркова Н.В. Методическое сопровождение самостоятельной работы студентов-бакалавров направления подготовки 033000.62 Культурология // Научно-методическое сопровождение ФГОС ВПО третьего поколения: проектирование и реализация: материалы XL науч.-метод. конф. / ГБОУ ВО «СГИК»; [под ред. О.Л. Бугровой]. Самара, Изд-во: Самар. гос. ин-т культуры, 2015. - С. 202-204.

11. Чирков М.С. Самостоятельная работа студентов-бакалавров по дисциплине «История» // Научно-методическое сопровождение ФГОС ВПО третьего поколения: проектирование и реализация: материалы XL науч.-метод. конф. / ГБОУ ВО «СГИК»; [под ред. О.Л. Бугровой]. Самара, Изд-во: Самар. гос. ин-т культуры, 2015. - С. 199-202.

УДК 821.161.1Буйда7-3

МОДЕЛЬ ТРАНСГРЕССИИ В МАЛОЙ ПРОЗЕ Ю.БУЙДЫ

Иванова Ирина Константиновна

кандидат филологических наук, доцент
Чувашский государственный
университет имени И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары

Аннотация. Работа посвящена текстологической проблеме – анализу рассказов из сборника «Прусская невеста» Ю. Буйды и «чудовского» цикла в ракурсе трансгрессивной модели. Автор анализирует систему художественно-выразительных средств повествования, прослеживает аллюзии в изображении «иного мира».

Ключевые слова: прусское время, объективированное и субъективированное повествование, трансгрессия, аллюзия.

MODEL OF TRANSGRESSION IN THE SMALL PROSE OF Y. BUIDA

I. K. Ivanova

Abstract. The work is devoted to the problem of textual analysis of short stories from the collection "the Prussian bride" Yu Buida and "Chudovsky" cycle from the perspective of transgressive model. The author analyzes the system of artistic and expressive means of narration, traces allusions in the image of "another world".

Keywords: the Prussian time, objectified and subjektivne narration, transgression, allusion.

В традиционной литературе, начиная с античности, человек мыслился как мера всего сущего, его субъективно-объективная реальность имела пространственно-временные координаты, однако в современной постмодернистской литературе человек становится объектом в зыбком, ущербном мире. Трагически осознавая собственную духовную пустоту, он одновременно находится в мире, переполненном знаками, символов, связей. Перед нами предстает не личность, определяющая или признающая время, а потерянная субстанция, которая не находит точки опоры и колеблется между экзистенциальными понятиями. «Тоска», «одиночество», «бытие», «познание» - все эти экзистенциальные категории еще связаны с философией и религией. В новом мире литературы нет точек опоры, так как нет привычного хронотопа, таков мир малой прозы калининградского писателя Юрия Буйды. Начиная с рассказов сборника «Прусская невеста» и рассказами, относящимися к так называемому «чудовскому циклу», писатель помещает своих героев в особое вневременное пространство, обозначенное соответственно как «прусское время» [б. 60] и как время мистическое. «Прусское время» имеет размытые, но все-таки привязанные к историческому событию границы - переселению русских на калининградские земли после Второй мировой войны. Время, в котором живут обитатели города Чудова, не определено ни в сутках, ни в месяцах, ни в годах, оно скорее похоже на «циклическое» время из романов Маркеса - такое же обволакивающее и мистически, мифологически зависимое. Возьмем, к примеру, первые предложения нескольких рассказов: «Было еще темно, когда она встала...», «Малина собралась продавать ресторан», «Он так увлекся насекомым движением секундной стрелки по циферблату...». Примечательно в данном ракурсе начало рассказа «Ореховая гора»: «Одни говорят, что Ореховую гору построили в середине тридцатых годов, другие утверждают, что произошло это не раньше сорок третьего-сорок пятого» [1. 228] И вроде бы автор дал читателю зацепиться за временной промежуток, только протянул тонкую ниточку, как тут же, в следующем предложении выбивает почву из под ног, обозначая мистические границы пространства: «Никакой горы там не было».[1. 228] А в следующем прямо отсылает к мифическому правремени: «Возможно кто-то из строителей вспомнил о земле обетованной из старинных народных преданий...- она называлась Беловодьем или Ореховой Горой».[1. 228] В этом рассказе Буйда, подобно Маркесу, создает свое женское «Макондо». На аллегорическом уровне возникает Ремедиос Прекрасная в образе Царицы: «мужчин из ее покоев в лучшем случае выносили вперед ногами, в худшем, как шептались, хватало обыкновенного веника, чтобы вымести останки...»[1. 230] И так же как

Макондо, Ореховая Гора была доступна только избранным, была «сказкой о рае», закончившим свое существование только после сброса водородной бомбы, так как женщины не желали сдаваться и проявляли чудеса героизма: «Так прекратилось существование царства любви между Уралом и Тихим океаном».[1. 234]

Если в традиционной литературе смысл бытия открывается через переживание внутреннего опыта, через молитву, молчание, уединение, национальную идентичность [9], обретение точки опоры, то, в противовес этому, постмодернистское повествование наполнено актами трансгрессии – особыми актами переступления любых границ: социальных, религиозных, нравственных, семейных, философских и пространственно-временных. И чаще всего таким первым преодолением считается преодоление табу сексуальности.

В рассказе «Бешенная собака любви» главная героиня «переступает», получая мотоцикл на свое шестнадцатилетие: «выкрутила ручку газа, рванула, помчалась, закричала, глаза ее вспыхнули, полыхнуло, слилась с железным зверем, исчезла, перестала быть, стала всем.» [1. 155] А дальше, мы видим ее, ненасытную, преодолевающую границы во всех смыслах: шесть мужей, бесчисленные романы, легко даются языки, легко преодолеваются страны-Россия, Турция, Франция, но все заканчивается одинаково- «распадаясь, превращаясь в ничто-ни облика, ни имени». [1. 157] Постмодернизм подчеркивает желание человека выйти за границы языка, психики и социума, в итоге теряя самого себя, но, согласно теории Фуко, это не травмирует личность, а приводит к появлению новых смыслов.[10] Именно через боль и смерть восстанавливается связь потерявшего и не осознающего себя человека с миром. То есть трансгрессивный способ добывания истины актуализируется в уничтожении физического и духовного. Для человека-творца преднамеренно предлагается автором не путь «восхождения» к гениальности, а наоборот, путь «падения» к телесному. В постмодернистской литературе «сексуальное неистовство» - это результат победы общества потребления, в мировоззрении человека снижается уровень трансцендентного и повышается уровень трансгрессивного. Инициация героя реализуется в опыте невозможного, в трансгрессивном переходе границ.

«Сексуальное неистовство» в литературе, начиная с Рабле, обозначало возвращение в лоно Матери-Природы, возвращение к началу, то есть к истине. Не случайно в рассказах Буйды возникают гротесковые образы и мотивы: необъятная женщина, «по которой трое мужчин могли путешествовать часами, не встречаясь друг с другом», невероятные груди,

«которые выскакивали из расстегнутого лифчика, как раскаленные ядра из чудовищной пушки», «невероятная жопендрия», солдатик, нырнувший внутрь женщины и пропавший там. Обращает на себя и тот факт, что многие герои рассказов Буйды это «изгои» от природы, отмеченные Праматерью от рождения: третья рука у князя Алешеньки (из одноименного рассказа), укороченная нога «на пятнадцать сантиметров» у Риты («Марс), крылья у Либерии («Повесть о крылатой Либерии»). Эти отклонения воспринимается либо как наказание (как в случае с Ритой), как знак темной силы, как в рассказе про князя Алешеньку, либо как дар и избранность, суть которого постигается после цепи трагических, трансгрессивных событий - Либерия совершает подвиг.

По мысли М. Бахтина, из смерти старого рождается новая жизнь, поэтому телесный низ ассоциируется с миром Праматери-земли, возвращение к которой осуществляется либо в сексуальном акте, либо в предании тела земле.[3] Амбивалентность концептов «жизнь»-«смерть» усиливается инвертированием оппозиции «низ» - «верх». Кладбище в рассказах Буйды, особенно в «кенигсбергском» тексте, становится не только пространством смерти, но и пространством жизни, притягивающим местом, расположенном на Седьмом холме, потому и тянутся сюда со всего города заблудшие души и обездушенные существа, лишенные имени, но наделенные прозвищами, онимами со смыслообразующей функцией (Начальник Свалки, Буяниха, Вита маленькая головка), с одной лишь надеждой - обретения смысла, и тогда похороны становятся праздником. [5] В сборнике «Прусская невеста» в рассказах фигурируют два кладбища: старое и новое. Именно новое воспринимается как трансгрессивная точка. Старое кладбище становится местом уединения, точкой соединения прошлого и настоящего, местом действительно упокоения (рассказ «Синие губы»), обозначенного четкими пространственно-временными характеристиками, поданными через старинные надгробия, предания о рыцарях и кладах и отсчитывающего по времени часиков, снятых с руки «прусской невесты» юными гробокопателями. На новом кладбище смерть не воспринимается как потеря, смерть-всего лишь граница, которая когда-нибудь должна быть преодолена человеком. Смерть в «кенигсбергском тексте» становится синонимом свободы.[5]

«Свобода» - одно из центральных понятий философии экзистенциализма. В данном ракурсе именно рассказы «чудовского» цикла близки к произведениям Камю и Сартра. О центральном персонаже «Повести о князе Алешеньке» сказано: «он был свободен, а свобода вне морали»[1. 220] и в таком контексте он может быть понят как герой повести

«Посторонний» А. Камю. Однако в этом произведении более четко обозначено присутствие Достоевского: и как писателя, и как героя, и как аллюзии. Онима главного героя объединяет двух персонажей известных романов Достоевского: князя Мышкина и Алешу Карамазова. Он же указывается в тексте как прототип Ставрогина из романа «Бесы». Кроме третьей руки герой Буйды наделен красотой «божественной, пленительной, страшной».[1. 207] Красота князя становится аморальной силой, пробуждающей темные начала не только в душе самого героя, но и людей, на него смотрящих (они «готовы были ради него на все»). [1. 213] Поменяв много ролей: революционера, убийцы, благородного и заботливого мужа и отца» [1. 220], князь стал «дьявольским Ничто, в котором находил Все, и был счастлив». [1. 220] Свою философию жизни князь решил открыть лично Достоевскому: «Принять зло глубоко в душу, стать злом, чтобы изжить его навсегда рад Золотого века...» Инициация героя реализуется в опыте невозможного, в трансгрессивном переходе границ. Буйда играет с традиционными ценностями, и в финале повести звучит неутешительный тезис в духе экзистенциализма: «эпоха безбожия неизбежна и в каком-то смысле необходима.»[1. 226] Автор вновь подводит нас к трансгрессивному акту.

Таким образом, прослеживая развитие сюжетных линий, анализируя изменения в трактовке образов от «калининградского текста» к рассказам о жителях города Чудова, к которым неприменимо понятие «обыватели», можно заметить изменение вектора автора в сторону многоуровневого мистицизма, который реализуется через модели трансгрессии.

Литература

1. Буйда Ю. Женщина в желтом: сборник. Москва: Изд-во «Э», 2015. 352с.
2. Буйда Ю. Прусская невеста. М. : Эксмо, 2015. 704 с.
3. Бахтин М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худ. лит., 1990. 230с.
4. Гулиус Н.С. Интерпретация мировой истории в романе Ю. Буйды «Ермо» // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Томск. Томский госуниверситет. Выпуск 7. Версии истории в русской литературе XX века, 2005 С. 210-226.
5. Иванова И.К. «Калининградский текст» Ю. Буйды // Проблемы марийской и сравнительной филологии: сб. ст. Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2017. С. 138-141

6. Иванова И.К. Нарративный дискурс в творчестве Г.Грасса и Ю.Буйды // Вестник ЧГПУ имени И. Я. Яковлева. 2017. №3. С. 59-65

7. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 240с.

8. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / [гл.научн. ред.Н. Д. Тамарченко]. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.

9. Сарбаш Л.Н. Инонациональное в творчестве П.И.Мельникова-Печерского//Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2011. №4. С. 320-328

10. Фуко М. О трансгрессии // Танатография Эроса: Жорж Батай и середины XX века. - СПб.,1994.С.116-117

Сведения об авторе

Иванова Ирина Константиновна – доцент кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И. Н. Ульянова», кандидат филологических наук, тел. 8-917-653-48-27, e-mail: leokon2@yandex.ru 10.01.00

**ЗИМА В ЧУВАШИИ.
К ВОПРОСУ О ФЕНОМЕНЕ ТЕЛЕСНОСТИ В ПЕЙЗАЖНОМ
ТВОРЧЕСТВЕ ГЕННАДИЯ ИСАЕВА**

Исаев Георгий Геннадьевич

главный хранитель
Чувашского государственного
художественного музея,
г. Чебоксары

Аннотация. Автор, исходя из концепции феномена телесности, раскрывает и интерпретирует смысловые акценты зимних пейзажей в творчестве чувашского художника Г.И. Исаева (1925-2007).

Ключевые слова: субъективность, феномен телесности, пейзаж, изобразительное искусство Чувашии, творчество Г.И. Исаева

**WINTER IN CHUVASHIA. TO THE QUESTION ABOUT THE PHENOMENON
OF CORPOREALITY IN THE LANDSCAPE GENRE OF GENNADY ISAEV**

Isaev G.

Abstract. The author, based on the concept of corporeality phenomenon, reveals and interprets the semantic accents of winter landscapes in the works of the Chuvash artist G.I. Isaev (1925-2007).

Keywords: subjectivity, the phenomenon of corporeality, landscape, Visual Arts of the Chuvash Republic, works of G.I. Isaev

Исследователи отмечают, что в творчестве чувашских художников пейзаж занимает значительное место и является самым распространенным жанром [8, 381], но при этом обнаруживает себя одним из самых консервативных, который мало развивается [9, 22]. Искусствоведы акцентируют следующий аспект: некоторые чувашские художники пейзажи зимнего периода обходят стороной [9, 22-23]. Данное явление аргументируется естественностью главной темы в жизнеустройении чуваша: с чем связана радость и горесть крестьянина – цветущая, дающая плоды земля [9, 23]. В связи с этим, отсутствие зимних видов выдается как символ чувашского мира [8, 381], то есть, отсутствие зимних видов в пейзажном

жанре Чувашии обосновывается на эмпирическом уровне как национальная специфика. Но при этом следует отметить, что чувашский этнос сформировался в регионе Волга-Урал, где по фенологическим наблюдениям зимний период довольно продолжителен, а снежный покров может держаться до шести-семи месяцев. Поэтому тезис о национальной специфике в пейзажном жанре именно при отсутствии зимних видов, на наш взгляд, вызывает сомнение. Более того, на теоретическом уровне исследований, обнаруживается, что в искусствоведении Чувашии отсутствует философский подход в осмыслении пейзажа, нет и соответствующей методологии интерпретации данного жанра в изобразительном искусстве.

Таким образом, цель нашего исследования – раскрыть значение телесно-ориентированного подхода в эпистемологии или феномена телесности (концепции телесности познания) - как нового методологического направления в искусствоведении, в том числе и в интерпретации пейзажного жанра. Для этого необходимо показать направления философского осмысления, методологию интерпретации пейзажного жанра и приложить его к творческому наследию художника Г.И. Исаева (1925-2007). Известно, что в творчестве Геннадия Исаева пейзажный жанр основной, а зимние виды Чувашии с конца 1960-х гг. занимает особое место.

Итак, как возможно философское осмысление пейзажа, как наметить методологию интерпретации этого жанра. Для этого, следуя поставленным задачам, прежде всего, обозначим и поясним понятие субъективности. Здесь допустимы два аспекта.

Что касается первого аспекта, как отмечает российский философ В.А. Лекторский, сознание, субъективность - это определенный способ взаимодействия познающего и сознающего существа с миром, а для человека также и с другими людьми и с созданным ими миром культуры. Какая именно информация извлекается из мира, определяется способом взаимодействия с ним, а последний зависит от строения тела познающего и сознающего агента, а также от особенностей, имеющихся у него рецепторов, от характера нервной системы и возможностей мозга, и, наконец, от особенностей культуры, в которую субъект включен [7, 899].

Таким образом, первый аспект, напрямую связан с основополагающими тезисами концепции телесности познания или феномена телесности: познание человека телесно нагружено, телесно обусловлено, так как телесность самым существенным образом обуславливает параметры восприятия человеком окружающего мира. То есть, мир поворачивается к нам той стороной, которую мы готовы видеть. А видеть мы готовы то, что отвечает нашей собственной внутренней природе [3, 189].

В такой парадигме когнитивная деятельность человека рассматривается холистически, целостно, системно. То есть, организм (тело-разум) и окружающий мир – есть единая система. Организм находится в циклическом взаимодействии, структурном сопряжении со средой, а внешняя среда становится частью собственной организации организма, его собственным созданием создающим его самого [6, 27].

Соответственно, положения концепции телесности находят практическое применение в топологии пространства человека – так как телесность «встроена» в пространство внешнего мира, в жизненное пространство, и активно взаимодействует с ним. В связи с этим, отметим гипотезу, базирующуюся на концепции телесности, о выделении границ телесности – зон, где происходит постоянное взаимодействие субъекта и окружающей среды, то есть, человека и внешнего мира [2, 331].

Первым наиболее «субъектным» и очевидным выступает слой тела человека – внутренняя граница телесности совпадает с поверхностью тела. Второй слой проявления телесности можно выделить как «кожу культурного тела» - одежду. Одежда как «кожа» тела культурного, встраивает субъект в социум, очерчивает социальное тело. И третий слой, наименее явный, слой телесности проявляет себя в организации субъектом окружающего пространства в ходе приспособительной деятельности [2, 331-332]. Субъект активно структурирует внешнее пространство, встраивая в него пространство собственной телесности, собственной личности, что проявляется в организации физической предметной среды окружающего мира. Так, по словам художника-архитектора Ф. Хундертвассера, предметная среда, как «третья кожа», может приобретать функцию «внешнего слоя» внутренней границы телесности [2, 423]. Таким образом, осмысление пейзажа как «третьей кожи», как функции «внешнего слоя» субъективности, открывает методологическую направленность интерпретации.

Более того, философы вводят понятие «индивидуальной объективной реальности», которое обуславливается природой и спецификой организации его телесности. Соответственно, специфика открытой к взаимодействию с данным конкретным субъектом сферы реального будет обусловлена генетическими, культурными, языковыми особенностями индивида, а также всеми теми, которые задаются личностной историей его формирования и развития. Мир обнаруживает себя человеку в облики, которое отвечает глубинным параметрам системы верований, убеждений, полаганий самого индивида [3, 185; 188]. Эти положения существенны как при интерпретации пейзажа, так и для осмысления второго аспекта субъективности.

Итак, что касается второго аспекта – познания субъективного мира другого человека. С одной стороны проще: «ставлю себя на его место»...то, что в философии и психологии называется эмпатией, что является работой зеркальных нейронов [7, 900]. Но здесь есть и сложности.

Если иной человек принадлежит к другой культуре, с иными представлениями о мире, ценностях и смыслах жизни...то поставить себя на его место довольно трудно, а в некоторых случаях и невозможно. Если мы изучим язык, на котором говорит этот человек, попытаемся постигнуть его культуру, то вести диалог с ним мы сможем, но скорее всего не будем в состоянии субъективно пережить то, что переживает он. Свойственное сознанию качество субъективной переживаемости получило название «квалиа» [7, 899]. Каждый человек – неповторимая индивидуальность. Поэтому когда мы с ним общаемся и понимаем его слова, это не значит, что мы воспроизводим все те ассоциации и личностные смыслы, которые возникают у него в связи с тем, что он говорит.

Но ментальные процессы (ментальность от латинского *mens* – ум, мышление, образ мыслей, душевный склад) могут быть поняты как информационные. В связи с этим отметим, что информационный подход в интерпретации чувашского пейзажа нами уже затрагивался через понятие релизера [4, 51].

Бесспорно, информация о мире записывается в нейродинамических структурах мозга. Можно эти структуры уподобить коду, с помощью которого шифруется определенное содержание. Поэтому кажется представимой такая задача: если мы расшифруем нейродинамический код, мы будем в состоянии выявить то содержание, которое записано в головном мозгу. Эти задачи, получившие название «чтения мыслей» (*mind reading*) или «чтения мозга» (*brain reading*), начинают решаться в современной когнитивной науке.

Здесь также необходимо обозначить ряд проблем. Например, два человека могут получать в принципе одинаковую сенсорную информацию, но по-разному ее осмысливать...это проблема различения референта и смысла. Гораздо сложнее понять, как можно «читать» мысли другого человека. Следует отметить, что при всей важности ведущихся сегодня в мире исследований работы головного мозга понять, как происходит познавательная деятельность (восприятие, мышление, вспоминание), на основании только лишь изучения работы мозга невозможно [7, 903; 905].

Важно понять не только как мозг перерабатывает информацию, но прежде всего то, каким образом он связан с внешним миром, пассивно ли он получает эту информацию или же она активно извлекается посредством

активных действий. Еще раз подчеркнем следующее - для человека особую роль играет мир культуры.

Следует отметить, что познание, сознание, человеческую субъективность характеризует не мозг, а отношение к миру. Поэтому изучение сложнейшей структуры головного мозга и происходящих в нем процессов должно быть соединено с анализом содержания перерабатываемой мозгом информации, а ключ к пониманию этого содержания находится в анализе отношений человека к миру [7, 905].

Итак, мы попытались подвести философский базис к осмыслению пейзажа «как индивидуальной объективной реальности» в результате определенного способа взаимодействия познающего субъекта с окружающим миром. Поэтому национальная составляющая в пейзажном жанре проявится в соответствии с «загруженностью» художника культурным «багажом» народа, представителем которого он является. Более того, способ взаимодействия индивида со сферой реального обусловлены не только генетическими, культурными, языковыми особенностями, но еще и глубинными параметрами его системы верований, убеждений, полаганий, то есть, мировоззрением художника.

В связи с этим, подход, предложенный в творчестве Геннадия Исаева, относительно пейзажного жанра, логически ложится в феномен телесности как динамично развивающегося и сложно организованного инструмента постижения познающим существом мира и самого себя. Акцентируем отношение художника к искусству и к творчеству: «Искусство – прежде всего дух. Слияние духа природы с моей душой – вот моя творческая и внутренняя установка, вот предел моего стремления» [12, 53]. В связи с этим также обозначим один из вариантов дефиниции духа в литературе: «Дух это не сами элементы природы, а способ их взаимосвязи, закон их функционирования» [10, 55]. Таким образом, проецируя феномен телесности на творческую установку Геннадия Исаева, правомерно говорить об индивидуальном способе взаимосвязи художника с окружающей природой.

Конечно, в 1960-70-е гг. художник вряд ли был знаком с книгой австрийского искусствоведа Макса Дворжака (1874-1921) «История искусства как история духа», название которой перекликается с его творческой установкой. И уж тем более, он не мог знать о телесно-ориентированном подходе в эпистемологии, которая интенсивно начала развиваться только в последние десятилетия XX века.

Но интимность, внутренняя искренность в воспроизведении своего восприятия на живописное полотно, интонирование цветовыми градациями душевного состояния от взаимосвязи с детства знакомыми ландшафтами, не

всегда находили отклик у зрителей: «... что видит, то и пишет» [12, 54]. Разумеется, художник, исходя из творческой установки, и не призывал к себе зрительского внимания: «Мои произведения не требуют шума, большой зрительской аудитории... Кто понимает – тому спасибо» [12, 53].

Все же было бы неверным утверждение, что творчество Геннадия Исаева не было замечено и не имело отклик у исследователей. Московский искусствовед С. Червонная в газетной публикации («Советская культура» от 23 мая 1985) отмечает следующее: «Особенным светом проникновенной любви к своему родному краю, вмещающему понятие Отечества, проникнуты пейзажи и натюрморты Геннадия Исаева... солнечные дали, холмы, нежно-зеленые косы цветущего хмеля - облик его земли, Чувашии, - все это нерасторжимо соединяет национальную самобытность с категориями нравственности, человечности, достоинства и благородства». Это был первый отзыв о творчестве художника на российском уровне, когда он стал экспонентом выставки «Большая Волга».

В книге Союза художников России «Мы помним...» (Москва, 2000) о художниках и искусствоведах – участниках Великой Отечественной войны – можно найти следующий отзыв: «Достоверны его пейзажи, одухотворенные поэтическим чувством автора, влюбленного в родную природу...».

При этом, что касается интерпретации зимних видов Геннадия Исаева, искусствовед М.А. Карачарскова в газетной публикации («Советская Чувашия» от 23 июня 1987) подмечает: «...здесь тихо, спокойно, хорошо...». Однако, отдельной статьи о пейзажах зимнего периода, которых у художника более сотни, нет. С одной стороны, это связано, на наш взгляд, с трудностью постижения и осмысления второго аспекта субъективности (о чем сказано выше), а с другой – отсутствие методологии интерпретации пейзажа как функции «внешнего слоя» субъективности, как «третьей кожи», семантика которой, предполагает не только познавательные, но и адаптивные, защитные аспекты. То есть, поддержание своей идентичности – автопоэтической целостности.

Вопросы автопоэзиса творчества Геннадия Исаева нами уже затрагивались [5, 117]. В понятии автопоэзиса отметим важный момент, который дает направление для интерпретации его зимних видов. Согласно Ф. Вареле автопоэзис есть самодообраивание, «восполнение недостающего». В самодообраивании присутствует элемент продвижения вперед, обновления, что является признаком творчества. Итак, какие новые интонации и смыслы привносят зимние пейзажи Геннадия Исаева.

Для этого, прежде всего, обозначим реперные точки или смысловые точки интерпретаций, связанные со следующими понятиями (категориями) в

эстетическом представлении чувашского народа: хӑт, хӑтлав, хӑтлӑх – это красота, порядок, благополучие, лад. Отметим тюркские соответствия чувашским понятиям: душа, дух, присутствие духа, благодать, уют, а также тунгусо-маньчжурские – счастье, удача, благодеяние [11, 335-336]. Кроме этого известно, что Хӑт – название божества, покровитель скота в пантеоне чувашских верований [1, 367]. Ряд зимних этюдов и видов деревни Байдеряково, села Кугеси отмечены интонациями уюта. Например, «Зимняя улочка», 1978 г. в собрании Каргопольского государственного историко-архитектурного и художественного музея; «Зимняя околица. Байдеряково, 1980 г. в собрании Чувашского государственного художественного музея – далее ЧГХМ; «Улица в Кугесях», 1982 г. в собрании ЧГХМ.

Для них характерен следующий смысловой и информационный код. Это, как правило, наличие в интерьере деревенских улиц посаженных деревьев (ветлы) и архитектурных элементов: домов, придворовых строений, сараев. Налицо присутствие чувашского духа в зимних видах. То есть, художник воспроизводит сельский архитектурно-парковый комплекс антропогенного происхождения с релизерами национальной идентичности или цивилизационный уровень пейзажа - как окультуренная человеком экосистема Чувашии.

Как более локальный интонационный вариант категории «хӑтлӑх» обозначим еще одно понятие: шӑплӑх – это тишина. Но не тишина смерти. Это касается фенологического короткого времени поздней осени, предвзяв с уже установившимся мягким снежным покровом («Зимний этюд», 1974 г.; «Зимние сумерки», 1976 г. в собрании ЧГХМ; «Три ветлы».1979 г.).

В 60-е годы прошлого столетия Геннадия Исаева, как художника, заботила не только проблема национальной идентичности в искусстве, но и судьба родного языка, в связи с сокращением в республике школ, преподающих на чувашском. В одном из интервью журналисту районной газеты О. Залогину «Ленин ялавӑ» («Ленинское знамя» за 1 января 1994) он поделился следующей историей. В течение нескольких лет художник ходил к окрестностям деревни Байдеряково писать этюды, фотографировать, зарисовывать и записывать цветовые градации зимнего пейзажа с лунным освещением. В один из этих пеших походов в морозную лунную ночь на пленэр, на тропинке, ведущей к деревне, художник обнаружил лежащего и замерзающего человека. Как он рассказывал, пришлось ему на себе дотащить этого замерзающего человека до деревни - до ближайшего жилья и спасти человека. И этот случай наложил своеобразный отпечаток на его работу с изображением оврага в лунную ночь. Выступающие на переднем плане из-под снега и продуваемые ветрами от эрозии крутые глинистые склоны на

фоне отлогих рельефов холмов, освещенные холодным лунным светом редкие деревья в низинах и, уходящая в перспективе, заснеженная даль без признаков жилья - это «пейзажная форма выражения мышления» [12, 54] художника о судьбе чувашского языка. Есть такое понятие в чувашском языке: кичемлӗх. Художник попытался выразить в «Лунном пейзаже» 1968-1970 г. чувство одиночества, заброшенности, безысходности человека, граничащее со смертью. Это одна из первых значительных работ в творчестве Геннадия Исаева. Более поздний вариант работы с таким же названием ныне хранится в Художественном фонде России (г. Москва).

Таким образом, это следующая реперная точка с отсутствием хӑтлӑх – как антитеза первой. Все интонационное разнообразие и богатство зимних видов художника, на наш взгляд, локализуется между этими смысловыми понятиями.

Отметим, что автопоэзис творчества Геннадия Исаева тем и отличается, что происходит, самодотраивание, самовосстановление, самодополнение, то есть, «восполнение недостающего», как было отмечено выше. В серии небольших этюдов художник изобразил колоды, наполненные до краев незамерзающей в самую суровую зиму родниковой водой, бьющей из глубин земли («Родник зимой 1976 г. в собрании ЧГХМ). Одинокая стаффажная фигура женщины с ведрами, идущая по тропинке пологого склона оврага к деревенскому жилью, привносит не только «оживление» в пейзаж, но и является, на наш взгляд, символом связующего звена, метафорой надежды на будущее родного языка. Этим же мотивом можно интерпретировать следующий пейзаж «У родника. Вяз», 1986 г. (собрание ЧГХМ). В данном случае художник не показывает непосредственно сам источник воды – под длинными голубыми тенями огромного вяза обозначена незаметная стаффажная фигура женщины с ведрами, поднимающаяся в гору. Если в этюдах с колодами читаются нотки некоторого сомнения, то в пейзаже с вязом, несомненно, преобладают уверенные интонации, близкие уюту и благополучию.

К концу 1980-х гг., обозначилась еще одна реперная точка в творчестве Геннадия Исаева: серия зимних видов Волги. При этом следует отметить, что в волжских этюдах летнего (самый ранний датирован 1960 г.) и осеннего периода художник в пространство пейзажа нередко привносит элементы цивилизации или близкое присутствие жилья: пасущихся домашних животных, стаффажные фигуры людей, водный транспорт Волги. Соответственно, в зимних видах таких элементов нет. Несмотря на это, зимняя Волга остается в пейзажном творчестве художника не только как

ландшафтообразующий релизер, но и как своеобразный культурный код или личностный смысл. Чем примечательны эти зимние виды Волги.

Прежде всего, важно отметить, что художник неоднократно практиковал исполнение пленэрных этюдов Волги именно в декабре месяце, иногда, в день своего рождения - 28. Для этого он специально приезжал на локальное место, известное у местного населения как «Птичий полет» (Козловского района Чувашии). Здесь Волга в своем течении образует крутой поворот, здесь река Аниш впадает в Волгу и в нескольких верстах родина художника - деревня Аксарина Мариинско-Посадского района. На одном из этюдов, исполненных с ракурса «птичьего полета», на розовом от солнца холме переднего плана, явственно можно заметить тень от художника рядом с этюдником («Волга в морозный день. Декабрь», 1991 г. - в собрании ЧГХМ). Это символ присутствия духа человека – своеобразный автопортрет художника, который в своем творчестве стремился к ясной и простой установке: «... Слияние духа природы с моей душой...».

Таким образом, телесно-ориентированный подход в эпистемологии (феномен телесности), несомненно, оправдывает себя как новое методологическое направление для искусствоведения.

Более того, понятие субъективности открывает, с одной стороны, возможности широкой интерпретации и осмысления творчества того или иного художника, а с другой - ограничивает искусствоведческие амбиции словесной или письменной передачи субъективной переживаемости – квалиа. Поэтому исследование и обозначение смысловых точек творчества в том или ином жанре, отталкиваясь от мировоззренческих установок художника, на наш взгляд, имеют более значимую перспективу.

Творческая установка художника Геннадия Исаева, в контексте развития изобразительного искусства Чувашии, ставит его, с одной стороны в особое положение. А с другой – требует от исследователя определенного уровня владения чувашским языком, а также знаний о культурных особенностях чувашского этноса и, тем самым, возможность приблизиться к личностным ассоциациям и смыслам художника. Также несомненным подспорьем для исследователя являются опубликованные автобиографические воспоминания, высказывания и интервью художника.

Литература

1. Ашмарин, Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. 16 (10) / Н.И. Ашмарин // Чебоксары: Чуваш. гос. издат., 1941. С. 367.

2. Бескова, Д.А. Телесное и архитектурное пространство: параллели и принципы анализа / Д.А. Бескова // Природа и образы телесности. И.А. Бескова, Е.Н. Князева, Д.А. Бескова. – М: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 328-425.
3. Бескова, И.А. Феномен интегральной телесности / И.А. Бескова // Природа и образы телесности. И.А. Бескова, Е.Н. Князева, Д.А. Бескова. – М: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 149-327.
4. Исаев, Г.Г. Ветлы Миттова. К вопросу о релизерах чувашского пейзажа / Г.Г. Исаев // Художественные традиции и музей. Вып. II. Заветы Миттова. Творчество А.И. Миттова и современные тенденции в искусстве Чувашии. Сб. статей. – Чебоксары: «Новое время», 2014. С.48-54.
5. Исаев, Г.Г. Автопоэзис Геннадия Исаева / Г.Г. Исаев // Никоновские чтения: сборник научных статей по материалам Международного культурологического форума «Никоновские чтения» (в память о Заслуженном работнике образования ЧР Г.Л. Никоновой): в 2-х тт. Т. I. Актуальные вопросы культурологии и искусствоведения / под ред. М.С. Уколовой, А.В. Никитиной, А.Ю. Николаевой. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. С. 117-122.
6. Князева, Е.Н. Сложность человеческой телесности: структура и динамика / Е.Н. Князева // Природа и образы телесности. И.А. Бескова, Е.Н. Князева, Д.А. Бескова. – М: Прогресс-Традиция, 2011. – С. 16-148.
7. Лекторский, В.А. О возможности познания чужой субъективности (комментарий к тексту Т. Нагеля «Что значит быть летучей мышью?» (What Is It like to be a Bat?)) / В.А. Лекторский // Анатомия философии: как работает текст / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М: Издательский Дом ЯСК, 2016. С. 897-906.
8. Малинина, А.А. Пейзаж / А.А. Малинина // Чувашская энциклопедия. Том 3: М-Се. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 2009. С. 381-382.
9. Мордвинова, А.И. Творчество А.И. Миттова в контексте художественной культуры 1960-х гг. / Мордвинова А.И. // Художественные традиции и музей. Вып. II. Заветы Миттова – Миттов пиле. Творчество Миттова и современные тенденции в искусстве Чувашии. Сб. статей. - Чебоксары: «Новое время», 2014. С. 22-23.
10. Обухов, В.Л. и др. Основы человековедения: Человек как микрокосм: учеб. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / В.Л. Обухов и др. // СПб: Химиздат, 2001. С. 55.

11. Федотов, М.Р. Этимологический словарь чувашского языка: в 2-х тт. Т. 2. С-Я / М.Р. Федотов // Чебоксары: Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. С. 335-336.

12. Яковлев, Ю.В. Тайновидец чувашской природы / Ю.В. Яковлев // Литературно-художественный и публицистический журнал Издательского дома «Хыпар». – Гл. ред. А.П. Леонтьев. – Чебоксары: ГУП «ИПК «Чувашия», 2007, № 1 (9). С. 53-54.

УДК 81'38; 801.6; 808

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МЕТАФОРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Когай Эльмира Радиковна

кандидат филологических наук,
и.о. доцента кафедры русской филологии
и мировой литературы
Казахский национальный
университет имени аль-Фараби
г. Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. Автор статьи обращается к проблеме метафоры. В статье на обширном фактическом материале рассматриваются изобразительно-выразительные возможности метафоры в художественном тексте, основные закономерности взаимодействия тропов. Материалом описания послужили произведения известных русских писателей и поэтов. Статья адресована преподавателям высших учебных заведений, интересующихся стилистикой текста, лингвистической поэтикой.

Ключевые слова: метафора, метонимия, олицетворение, оксюморон, переносное значение, конвергенция, контаминация.

FIGURATIVE AND EXPRESSIVE POSSIBILITIES OF METAPHOR IN THE LITERARY TEXT

Kogay E.R.

Al-Farabi Kazakh National University,
Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract. The author writes about the study of metaphors. The article deals with figurative and expressive possibilities of metaphor in the literary text. The article the interaction of tropes in the artistic text are considered. As a material of the description have served the works of famous Russian writers and poets. This article is addressed to lecturers of universities, higher educational institutions interested in text stylistics, linguistic poetics.

Keywords: metaphor, metonymy, personification, oxymoron, figurative meaning, convergence, contamination.

Вопрос об изобразительно-выразительных возможностях метафоры в художественном тексте имеет большое значение в системе подготовки квалифицированного филолога. Этот вопрос связан не только с теоретическими проблемами современной семантики, лексикологии, теории номинации, но и выходит в практику, в частности, в изучение функционального аспекта слова, его стилистических возможностей.

Метафора достаточно хорошо описана в научной и учебно-методической литературе. В научных статьях и монографиях освещается вопрос о природе метафоры, ее типологии, механизме образования, например: Н.Д. Арутюнова [1], М. Блэк [2], Э.В. Будаев [3], Э.В. Будаев и А.П. Чудинов [4], Дж. Лакофф и М. Джонсон [8], В.П. Москвин [9], Г.Н. Складарская Г.Н. [10], А.П. Чудинов [13] и др. В учебниках по лексикологии, стилистике, риторике, культуре речи можно найти определение метафоры, описание ее функций в текстах разных стилей и жанров, места в системе слов с переносным значением, например, учебники Н.С. Валгиной [5], Н.И. Гайнуллиной [6], Э.В. Кузнецовой [7], М.И. Фоминой [12], Д.Н. Шмелева [14] и др.

Слова в переносном значении – основа создания художественного образа и метафоре принадлежит ведущая роль. Зачастую она выступает в симбиозе с другими средствами изобразительности. В таких случаях можно говорить о взаимодействии изобразительно-выразительных средств. Взаимодействуя в пределах небольшого по объему фрагмента текста, тропы и стилистические фигуры вступают в отношения контаминации и конвергенции [11, 106]. Рассмотрим взаимодействие метафоры с другими тропами и стилистическими фигурами в художественном тексте.

Во-первых, наблюдается связь метафоры и другого компаративного средства, в частности, сравнения. Метафора в этих случаях поддерживается с помощью сравнения, например: «Он долго в дверь стучал без успеха, / А позади, как бабочка в плену, / Безвыходно и пыльно билось эхо. / Отбив кулак, он отошёл к окну» (Б.Л. Пастернак); «В тот день всю тебя, от гребёнок до ног, / Как трагик в провинции драму Шекспирову, / Носил я собою и знал

назубок, / Шатался по городу и репетировал» (Б.Л. Пастернак); «*В те места босоногою странницей / Пробирается ночь вдоль забора, / И за ней с подоконника тянется / След подслушанного разговора»* (Б.Л. Пастернак); «*И деревья, как призраки белые, / Высыпают толпой на дорогу, / Точно знаки прощальные дела* Белой ночи, выдавшей так много» (Б.Л. Пастернак). Конвергенция, представленная последовательным соединением сравнения и метафоры, конкретизирует изображаемое явление, делает его чувственно воспринимаемым.

Или другой пример: «*Как будто внутренность собора – / Простор земли, и чрез окно / Далёкий отголосок храма / Мне слышать иногда дано. / Природа, мир, тайник вселенной, / Я службу долгую твою, / Объятый дрожью сокровенной, / В слезах от счастья отстою»* (Б.Л. Пастернак). Индивидуально-авторская метафора «отстоять церковную службу в храме природы» рождается из сравнения мира, вселенной с собором – главным храмом, в котором осуществляется богослужение.

Сравнение может стать источником метафоры, например: «*Как в пулю сажают вторую пулю / Или бьют на пари по свечке, / Так этот раскат берегов и улиц / Петром разряжен без осечки»* (Б.Л. Пастернак). С этих строк начинается стихотворение Б.Л. Пастернака «Петербург». Пытаясь постичь дух города на Неве, задуманного и спланированного Петром Великим, поэт с помощью сравнений с ружьем, пулей, выстрелом создает образ Петербурга, чье рождение воспринимается не как строительство, а как дуэль, спор.

Сравнение может не только порождать метафору, но и обновлять ее, например: «*Кругом семенящейся ватой, / Подхваченной ветром с аллея, / Гуляет, как призрак разврата, / Пушистый ватин тополей»* (Б.Л. Пастернак); «*Во льду река и мерзлый тальник, / А поперек, на голый лед, / Как зеркало на подзеркальник, / Поставлен черный небосвод»* (Б.Л. Пастернак). Общепозитическое сравнение неба с зеркалом, кажется, не может дать ничего нового читательскому восприятию, однако в стихотворении Б.Л. Пастернака «Зазимки» возникает вселенский образ неба-зеркала, стоящего на подзеркальнице и вглядывающегося в свое отражение, в ледяную поверхность реки.

Выразительным может быть и особый вид метафоры – олицетворение, в частности, развернутое олицетворение. Накладываясь на метафору (явление контаминации), оно усиливает эмоциональное воздействие образа: «*Открылся, в жару, в лихорадке и насморке, / Больной горизонт – и двory озирали»* (Б.Л. Пастернак); «*Глаза шитьем за лампою слеза, / Горит заря, спины не разгибая»* (Б.Л. Пастернак); «*Это, зубами стуча от простуды, / Льет через край ледяная струя»* (Б.Л. Пастернак); «*У окна, опоздавши к*

спектаклю, / *Вяжет вьюга из хлопьев чулок*» (Б.Л. Пастернак); «*Мирянин-март* украдкою пропитывал / Тропинки парка терпкой синевой?» (Б.Л. Пастернак); «В воротах *вьюга вяжет сеть* / Из густо падающих хлопьев» (Б.Л. Пастернак).

Метафора может наслаиваться не только на компаративные тропы. С этой точки зрения представляют интерес оксюморон: «Она была живой *костёр из снега* и вина» (А.А. Блок); «Но *красоты их безобразной* / Я скоро таинство постиг» (А.С. Пушкин); «Жить, храня *веселье горя*, / Помня радость прошлых весен...» (В.Я. Брюсов). Оксюморон подчеркивает внутреннюю конфликтность, противоречивое психологическое состояние, например: «*чужбина-родина*» (М.И. Цветаева); «*ледяной огонь* вина» (В.Я. Брюсов); «*смысл бессмысленных вещей*» (Ю.Н. Тынянов). Смысловые контрасты, усиливающие образность текста, особенно характерны для стихотворений русских поэтов-символистов, что непосредственно связано с поэтикой «двоемирия». Языковой контраст используется не только как средство образности в тексте. Нередко оксюморон встречается в названии произведения, например, «Живой труп» Л.Н. Толстого, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Горячий снег» Ю. Бондарева.

Во-вторых, выразительность метафоры нарастает в случае, когда она сопровождается метонимией. В результате такого взаимодействия возникают различные виды метафорических метонимий. Например, Борис Пастернак, описывая весеннюю буйно цветущую сирень, использует цветочное прилагательное «лиловый» в метонимическом значении (цветки сирени лилового цвета) в сочетании с метафорой «зданье из воска» (в этой метафоре подчеркивается «скульптурность» соцветий сирени): «*Лиловое зданье из воска* / До облака вставши, плывет» (Б.Л. Пастернак). Вступая в отношения контаминации, метафора и метонимия передают чувственные характеристики цветущей сирени: цвет, форма, количество.

Сочетание этих двух тропов порождает различные виды метафорических метонимий. В основе метафорических метонимий лежит: сочетание звуковых обозначений с цветочными прилагательными: «Трава *шептала сонно зелёные слова*» (Ф.К. Сологуб), «*красный зов зари*» (А.А. Блок), «И сады, и пруды, и ограды, / И кипящее *белыми воплями* / Мирозданье – лишь страсти разряды, / Человеческим сердцем накопленной» (Б.Л. Пастернак); сочетание отвлечённого существительного с цветочными прилагательными, например: «В углах улыбки, на щеках, / На прядях – *алая прохлада*» (Б.Л. Пастернак), «Луга мутило *жаром лиловым*» (Б.Л. Пастернак), «*Лиловые топи* угасших язычеств» (Б.Л. Пастернак), «Давно меж листьев налились / *Истомой розовой* тюльпаны» (А.И. Анненский),

«серая нежность тумана» (М.А. Кузмин); сочетание цветowych прилагательных с количественными метафорами, например: «клиник *белый рой*» (А. Белый).

Повышенную образность приобретает слово, у которого совмещаются в одном контексте метонимическое и метафорическое значение, например: «Покраснела рябина, / Посинела вода. / *Месяц, всадник унылый*, / Уронил повода» (С.А. Есенин). Образное выражение «месяц, всадник унылый» содержит слово «унылый», которое означает грустное, печальное выражение «лица» и является метонимией и одновременно выступает как особый тип метафоры – олицетворение. Или сочетание метафорического и метонимического значений, переплетенное со сравнением, например: «Душа – душна, и *даль табачного / Какого-то, как мысли цвета*» (Б.Л. Пастернак).

В-третьих, в художественных текстах встречается прием удвоения обозначения одной и той же реалии, когда в небольшом по объему контексте сосуществует слово в прямом значении и его метафорическое обозначение: «*Золото, золото* падает с неба! – / Дети кричат и бегут *за дождём*» (А.Н. Майков); «Напрягаются крылья, как парусы, / На руле костенеет рука, / А кругом – взгромождённые *ярусы*: / *Облака – облака – облака*» (В.Ф. Ходасевич); «Ночи зимние бросят, быть может, / Нас в бездумный и дьявольский бал, / И меня, наконец, уничтожит / Твой разящий, твой *взор*, твой *кинжал!*» (А.А. Блок).

Нередко прямое и не прямое обозначения могут отрываться друг от друга: «Когда городская выходит на стогны *луна* – бледная *жрица*, сходящая в мир бездыханный» (О.Э. Мандельштам). Помимо двойных обозначений возможно множественное обозначение одной и той же реалии, вызывающее разнонаправленные ассоциации. Они могут быть объединены в одном сложном образе, основанном на разных смысловых признаках: «Тонкие *змейки серебра* блещут на влаге уснувшей; / *Две незабудки: два сапфира* – / Её очей приветный взгляд» (А. Фет); «Зёрна глаз твоих *осыпались, завяли...*» (С.А. Есенин); «Я огражу тебя *оградой* – / *Кольцом живым, кольцом из рук* / И нам, как дым, струится надо / Седым туманом – *в алый круг*» (А.А. Блок).

В-четвертых, образ создается через отношение метафоры к контекстному окружению. Отношения между метафорой и контекстным окружением могут разворачиваться в двух направлениях. В одних случаях метафора стремится распространить своё влияние на непосредственное словесное окружение, подчиняя себе относительно широкий контекст. Яркий тому пример стихотворение Е.А. Баратынского «Дорога жизни», в котором последовательно разворачивается метафора «жизнь человека – это дорога»:

В дорогу жизни снаряжая

Своих сынов, безумцев нас,
Снов золотых судьба благая
Даёт известный нам запас.
Нас быстро *годы почтовые*
С корчмы довозят до корчмы,
И снами теми роковые
Прогонны жизни платим мы.

В других случаях выразительность метафоры достигается за счет изолированности от окружающего контекста, самостоятельности и несогласованности с контекстом, например: «На вёрсты и вёрсты протянулось болото, / Поросшее зелёной *обманною травой* – / И многих манит *к обманным изумрудам*» (К.Д. Бальмонт).

Изолированность может проявляться и в особом соотношении заглавия, содержащего прямое обозначение реалии и текста произведения, включающего метафору, как, например, в стихотворении Б.Л. Пастернака «Определение поэзии»:

Это – круто налившийся свист,
Это – щёлканье сдавленных льдинок,
Это – ночь, леденящая лист,
Это – двух соловьёв поединок.
Это – сладкий заглохший горох,
Это – слёзы вселенной в лопатках,
Это – с пультов и флейт – Фигаро
Низвергается градом на грядку.

Этот прием был использован поэтом и в других стихотворениях: «Душа», «Определение души», «Определение творчества».

Эффектен приём обыгрывания разных значений одного слова в одном контексте. Именно на этом приеме, обыгрывании значение и оттенков смысла глагола «играть» – построено стихотворение Б.Л. Пастернака «Вакханалия»:

<...>То же бешенство риска,
Та же радость и боль
Слили роль и артистку,
И артистку и роль.

Словно буйство премьерши
Через столько веков
Помогает умершей
Убежать из оков.

Сколько надо отваги,
Чтоб *играть* на века,
Как *играют* овраги,
Как *играет* река.

Как *играют* алмазы,
Как *играет* вино,
Как *играть* без отказа
Иногда суждено.

Как *игралось* подростку
На народе простом
В белом платье в полоску
И с косою жгутом. <...>

В-пятых, выразительность слова в метафорическом значении, как правило, усиливается, если автор использует развёрнутую метафору, подчиняя ей достаточно большой по объёму текст, например: «Я должна *сгореть* вся любовью, чья стихия огонь. Мы пытаемся *поджечь* своей страстью других, но если они холодны, ничего не получается, и мы *сгораем* в одиночестве. До двадцати восьми лет я презирала всех, кто бесится от любви, а теперь узнала, как *вспыхивают и испепеляются* дни и ночи моей жизни, никому не нужные и пригодные лишь для того, чтобы послужить *хвостом, сухой для пожирающего огня*. Я провожала Митю в последний путь без слёз, с *вытлевшей ямой в груди* вместо сердца» (А.А. Ким). На первый взгляд общепоэтическая аналогия «любовь – огонь» уже мало что может дать художественному восприятию, но в творческом контексте романа-сказки А.А. Кима «Белка» происходит обновление традиционной поэтической формулы. Это достигается за счёт развёртывания метафоры, и в итоге рождается представление о любви как о пожирающем огне, который ничего не оставляет после себя, кроме серого пепелища, на котором вряд ли когда-нибудь вырастет новое чувство.

Таким образом, использование метафоры, метонимии, сравнения, их комбинирование, развёртывание в тексте, столкновение в одном контексте одновременно слова в прямом и переносном значении, обыгрывание разных значений одного слова, наложение изобразительно-выразительных средств, взаимодействие тропов и стилистических фигур (контаминация и конвергенция) порождают разнонаправленные ассоциации, создают эмоционально-экспрессивный ореол слов, что в итоге приводит к

повышению выразительности художественного произведения, усиливает образность текста и его эмоциональное восприятие читателем.

Литература

- 1 Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 5-32.
- 2 Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 153-172.
- 3 Будаев Э.В. Становление когнитивной теории метафоры // Лингвокультурология. 2007. Выпуск 1. С. 19-35.
- 4 Будаев Э.В., Чудинов А.П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-ет, 2006. 214 с.
- 5 Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И. Современный русский язык: Учебник. М.: Логос, 2002. 528 с.
- 6 Гайнуллина Н.И. Лексикология русского языка. Учебное пособие. Алматы: Қазақ университеті, 2003. 223 с.
- 7 Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М.: Высшая школа, 1989. 216 с.
- 8 Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер с англ. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
- 9 Москвин В.П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. М.: ЛЕНАНД, 2006. 184 с.
- 10 Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб.: Наука, 1993. 152 с.
- 11 Туранина Н.А. Контаминация и конвергенция тропов в художественном тексте // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2010. №1. С. 106-109.
- 12 Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. М.: Высшая школа, 2001. 416 с.
- 13 Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000). Екатеринбург: Уральский гос. пед. ун-ет, 2001. 238 с.
- 14 Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. Учебное пособие для студентов. М.: КомКнига, 2006. 336 с.

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ ОБУЧЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМ ДИСЦИПЛИНАМ ПРИ КОМПЕТЕНТНОСТНОМ ПОДХОДЕ

Когай Эльмира Радиковна, Бекишева Райхан Мухитовна

кандидат филологических наук,
и.о. доцента кафедры русской филологии
и мировой литературы
Казахский национальный университет
имени аль-Фараби,
г. Алматы, Республика Казахстан.

магистр педагогических наук,
старший преподаватель кафедры
общего языкознания и европейских языков
Казахский национальный университет
имени аль-Фараби,
г. Алматы, Республика Казахстан.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о переходе казахстанских вузов к компетентностной модели обучения. Авторы статьи обосновывают тезис о том, что стратегия формирования образовательного процесса на основе компетентностного подхода предполагает переход от традиционных дидактических принципов обучения к специфическим принципам обучения. В статье говорится о необходимости изменения целей и задач обучения, пересмотра содержания образовательных программ и учебных дисциплин, методов и приемов обучения лингвистическим дисциплинам.

Ключевые слова: компетенции, общие компетенции, специальные компетенции, коммуникативная компетенция, учебная дисциплина, Дублинские дескрипторы.

GOALS AND OBJECTIVES OF TEACHING LINGUISTIC SUBJECTS BY A COMPETENT APPROACH

E.R. Kogay, R.M. Bekisheva

Kazakh National University named after Al-Farabi

Abstract. The article deals with the problem of the transition of Kazakhstani universities to the competence model of education. The authors of the article substantiate the thesis that the strategy of formation of the educational process on the basis of a competent approach implies a transition from traditional didactic principles of teaching to specific principles of teaching. The article is about the necessity of changing the goals and objectives of teaching, revision of the content of educational programs and academic disciplines, methods and techniques of teaching linguistic disciplines.

Keywords: competences, general competences, special competences, communicative competence, academic discipline, Dublin descriptors.

The system of higher education in Kazakhstan is undergoing significant changes. "The overall goal of educational reforms in Kazakhstan is the adaptation of the education system to a new socio-economic environment" [1, p.4]. The model of higher education, focused solely on encyclopedic and academic knowledge of graduates, doesn't meet the demands of the labor market any more, new demands of society and time. The modern situation requires a fundamentally different approach to the learning process. The basis of the teaching process at al-Farabi Kazakh National University is the competence approach, which allows us to overcome the gap between the level of training of specialists in higher education and the requirements that are imposed on the specialist at his workplace after graduation.

Competent approach, general competences, social and ethical competences, special competencies, subject competencies, professional competences are concepts relevant not only for pedagogy, didactics and teaching methods, but also for each teacher working with students. Competencies are understood as "the ability of students to apply knowledge and skills in professional activities acquired in the process of teaching" [2, 4].

Competence is the integral quality of personality, characterizing the ability to solve problems and typical problems in real life situations, using knowledge, learning and life experiences, values and inclinations. "Ability" in this context should be understood not as a "predisposition", but as "skill". "Capable", that is, "knows how to do."

At present there is not a single classification of competences in science, not a single point of view on how much and what competences should be developed by a graduate of a university. In the "State Obligatory Standard of Education of the Republic of Kazakhstan. Higher education. Undergraduate. Basic provisions. State Educational Establishment of the Republic of Kazakhstan 5.04.019 - 2011 "it is determined that" the results of training are expressed through competences and are

designed on the basis of Dublin descriptors of the first level of education (bachelor's degree). Descriptors of the first level assume the ability: to demonstrate knowledge and understanding in the studied area, including elements of the most advanced knowledge in this field; to apply this knowledge and understanding on a professional level; to formulate arguments and solve problems in the area under study; to collect and interpret information for the formation of judgments, taking into account social, ethical and scientific considerations; to communicate information, ideas, problems and solutions to both specialists and non-specialists [2, 24].

"The Dublin descriptors, which represent a description of the level and the volume of knowledge, skills and competences acquired by students upon completion of the educational program of each level (level) of higher and postgraduate education, are based on learning outcomes, competences formed, and the total number of credit (credits) units of ECTS " [2, 6].

The general competence of higher education and special competences developed for each specialty of higher education, taking into account the requirements of employers and the social request of society, are singled out, differentiated, defined and hierarchically distributed in the State Obligatory Standard of Education of the Republic of Kazakhstan short GOSO [2, 25-26]. This normative document describes in sufficient detail the requirements for "general education, socio-ethical, economic, organizational and managerial competences, readiness to change social, economic, professional roles, geographical and social mobility in conditions of increasing dynamism, changes and uncertainties" [2, 25].

It should be noted that general and special competences are formed firstly in the learning process, secondly, they manifest themselves in the context of a particular academic discipline or subject area, and thirdly, are revealed in the student's personally significant activity. The difference between general competences and special ones lies in the possibility of transferring general competences from one educational area to another and the lack of this peculiarity in special competences. Another difference of special competences is related to the student's ability to attract knowledge, skills and abilities that are formed within the framework of a particular academic discipline, to solve specific problems.

In connection with the above, the goals of higher education are changing. Knowledge as the sum of objective information is contrasted with knowledge as a complex of skills that allow the graduate to achieve the desired result. There is a shift in emphasis from the "accumulation of knowledge" to "the application of knowledge in practice," which leads to a change in the educational paradigm and involves the search for such methods and methods of teaching students, in which they acquire the skills to use the acquired knowledge in various professional

situations (more widely. – life!), that are often problematic, stressful. With a competent approach, the applied, practical, pragmatic nature of higher education is strengthened. The answer to the simple and honest question of what skills obtained during training the graduate can use after graduating from university, is the quintessence of the competence approach.

Characterizing the signs of the student's competence, it should be taken into consideration firstly, that they constantly expand from discipline to discipline, from course to course, for example, due to changes in the volume of accumulated knowledge and skills, in connection with worldview changes, an objective change in the world and the processes occurring in it, with the change in the requirements of society to the "successful personality".

Secondly, competence is always oriented towards the future, in fact, it manifests itself in the abilities of students to organize their own education, its level, relying on one's own abilities, and on the other, taking into account the requirements of the future.

Thirdly, the student's competences have the activity character of generalized skills and abilities based on subject knowledge in specific fields of science.

Fourthly, competences lay the basis for implementing the optimal choice of a means to solve a particular problem situation and help in the process of forming a student's adequate assessment of his knowledge and potential opportunities.

Fifth, competence is associated with the motivation for continuous self-educational activity.

When studying linguistic disciplines in the bachelor's degree in a higher educational institution, the competence approach allows one to answer the question at what level the student speaks the language / languages. Levels of language proficiency are related to linguistic possession (knowledge of the norms of the literary language), linguistic (knowledge of the language, its structure), communicative (the use of linguistic means), socio-cultural (culture of speech and associated with it ethics of communication on a national cultural basis).

Strengthening the applied nature in the preparation of graduates-philologists contributes to the shift of emphasis towards the formation of primarily communicative skills. Thus, as a result of studying a complex of linguistic disciplines, a graduate of the university's philological faculty should not simply acquire the sum of knowledge. He must learn to analyze, classify linguistic facts in order to conduct various types of speech activity; to assess linguistic facts in terms of normality; to analyze linguistic units in terms of the correctness, accuracy and appropriateness of their use; to evaluate written statements in terms of language design, the effectiveness of the communicative tasks; to conduct a linguistic analysis of texts of various functional styles and varieties (substyles and genres) of

the language; to create own speech utterances in accordance with the tasks assigned; to exercise speech self-control. The accomplishment of tasks can be done with the help of modern teaching technologies, which are understood as a set of special forms, methods, techniques of teaching systematically used in the educational process.

So, for example, one of the effective methods of forming communicative competence is to involve students in public speech, oratory. This includes participation in dialogue, discussion, debates, polemics; performance in the role of a speaker, opponent, etc. This speech activity contributes to mastering different functional styles of speech, first of all scientific and journalistic. The important means of creating opportunities for communication in classes of the linguistic cycle is the modeling of communicative-situational problems, which, in fact, make it possible to bring the learning process closer to the natural conditions of communication in specific life situations. By modeling communicative and situational tasks, the teacher forms the student's ability to master different pragmatic situations, to choose from a variety of language tools precisely those that will best correspond to the peculiarities of the speech situation.

Organization of classes using communicative and situational tasks allows the student to use in practice the accumulated knowledge and experience, and also to raise the level of the culture of speech communication, aiming at observing the norms of the literary language, ethical norms and rules of speech behavior. Such activities create the motive for addressing speech, the need, the desire to speak, the awareness of the purpose of communication.

The heuristic methods of training can become a catalyst for the formation of communicative competence. It is known that heuristic training is a set of techniques for activating creative, non-standard, nontrivial thinking of students, whose main task is to create new educational results: theories, research, ideas, hypotheses, compositions, works of art, etc. This is such a form of teaching in which the educational dominant is preserved within several days providing personal cognition of students of the language, cultural or other educational skills. There is an immersion into a certain historical epoch or event, in the work of a writer or poet, into the structure of the native or foreign language. Comprehension of the phenomenon, and not mechanical cramming as a result, contributes to acquiring of new knowledge. And the knowledge which was acquired by students independently. Parallel to the creative process of acquiring new knowledge there takes place the process of consolidating the acquired knowledge in the form of skills and abilities.

Modern pedagogy, didactics, teaching methods have accumulated a vast arsenal of methods, techniques, forms of heuristic training skillful and appropriate

use of which helps to form general and special competences of students. It should be noted that all these methods, techniques and forms of teaching will be effective provided they are reasonably correlated with the goals and objectives of a particular lesson. It is not necessary to absolutize this or that technique or method of teaching. When it comes to the effectiveness of educational activities, it is more correct to talk about a harmonious and reasonable combination of traditional, heuristic and other methods and techniques of teaching.

Any modern technology of teaching represents a synthesis of the achievements of pedagogical science and practice, a combination of traditional elements of past experience and that is the result of social progress, the requirements of the changing world.

Bibliography:

1. The State Program for the Development of Education of the Republic of Kazakhstan for 2011-2020. Approved by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan of 07.12.2010 №1118.

2. The state compulsory standard of education of the Republic of Kazakhstan. Higher education. Undergraduate. Basic provisions. State Obligatory Standard of Education of the Republic of Kazakhstan 5.04.019 - 2011.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛАНДШАФТНОГО АРХЕТИПА РЕКИ В МАРИЙСКОМ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ПОЗДНЕСОВЕТСКОЙ ЭПОХИ (1950-1980-Х ГГ.)

Колчева Эльвира Мазитовна

кандидат искусствоведения, доцент
ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»,
г. Йошкар-Ола

Аннотация. В статье сделан обзор художественных репрезентаций одного из ведущих архетипов географического ландшафта традиционной культуры мари – реки в условиях господства метода социалистического реализма на позднем советском этапе 1950-80-х годов. Их характеризует тенденция развития от типического реалистического образа профанного уровня к символу, указывающему на сакральные смыслы. Можно констатировать тенденцию к преодолению художниками-неоромантиками семантических схем социалистического реализма, приращение базовой ментальной модели архетипа *реки* смыслами, связанными с культуросохранительными функциями этнических архетипов.

Ключевые слова: этнокультурный архетип реки, марийское изобразительное искусство

ARTISTIC REPRESENTATION OF LANDSCAPE ARCHETYPE OF THE RIVER MARI IN THE FINE ARTS OF THE LATE SOVIET ERA (1950-1980-IES.)

Kolcheva E.M.

Abstract. The article gives an overview of the artistic representations of one of the leading archetypes of the geographical landscape of the traditional culture of the Mari river under the domination of the method of socialist realism in the late Soviet period of the 1950s – 80s. They are characterized by a tendency of development from a typical realistic image of the profane level to a symbol indicating sacred meanings. It is possible to state a tendency to overcoming by neo-romantics artists of semantic schemes of socialist realism, increment of the basic mental model of the archetype of the river by the meanings connected with cultural functions of ethnic archetypes.

Keywords: ethno-cultural archetype of the river, Mari fine art

Этнокультурный архетип мари *река/озеро* (*универсальный архетип – мировая река*) в иерархии традиционных ценностных образов советского периода, как выявили исследователи марийского фольклора Глуховы, занимает высокую позицию, следуя сразу за архетипом поля [1, с.74.]. Синкретически он связан с водной стихией, статус которой чрезвычайно высок в любой культуре. В конкретных географических условиях марийского края водная стихия воплощается в образах реки, озера, родника. Среди главных природных богатств Республики Марий Эл они занимают наряду с лесом важнейшее место. Реки и озера республики небольшие, но их обилие определило и образ жизни, и фольклор, и особенности мировоззрения марийского народа. Изобразительное искусство МАССР как одна из форм этнокультурной рефлексии также предлагало художественные репрезентации этого архетипа, осмысленные в идеологической парадигме социалистического реализма.

Художники П. Горбунцов, А. Бутов, Б. Пушков и многие другие, воспевали главным образом в монументальных полотнах могучую Волгу (П. Горбунцов «На реке» (1970); А. Бутов «Приволье» (1974), «Васильсурская стрелка» (1986); Б. Пушков «Ветер верховой» (1989) и др.). Видимо, это связано с ролью Волги в русской культуре (Б. Пушков «Волга-матушка» (1967), Ю. Белков «Родина» (1987)), а также с тем, что эти художники писали свои картины, обращаясь главным образом к культуре горных мари. Эти пейзажи как сложившийся иконографический тип пишутся всегда панорамно, с высокой точки обзора, что отсылает к традициям русского эпического пейзажа. Б. Пушков, конструируя в живописи марийский космос (триптихи «Песня», «Песня о Родине»), разворачивает его неизменно на фоне Волги.

Романтическое и лирическое начало выражалось чаще в камерных пейзажах, посвященных малым рекам и озерам. В этих произведениях оживало исполненное нуминозности и тайны начало. Сказанное можно отнести в первую очередь к произведениям знатока многих диких уголков Марийского края, страстного любителя охоты, С. Подмарева («Над Маркитаном» (1983), «Вечный зов» (1983) и др.).

Интимное затаенное чувство выразил в своих речных пейзажах З. Лавреньтев («Река Юшутка сливается с Илетью» (1975); «Дубы над рекой Сурой» (1978) и др.). Многие запечатленные им места являются знаковыми для культуры мари, имеют историческое значение. Например, место слияния Юшута и Илети – топографический кластер марийской традиционной культуры. По преданиям здесь в XIII в. в семье бедного охотника родился с могучий и справедливый богатырь Чоткар-патыр [2]. Мифологема героя

отражает культ усопшего защитника народа, заповедавшего будить его в лихую годину, но отвернувшегося от своего народа, потревожившего его дух попусту. Река Сура хранит историческую память горных мари. В устье Суры на вершине горы находилось горномарийское поселение Цепель, резиденция марийских князей. На этом месте русские воздвигли город Васильсурск, в окрестностях которого все же сохранилось несколько этнокультурных объектов мари: Чертово городище (памятник древнемарийской культуры конца I тыс. до н.э.), Цепельская священная роща и почитаемый мари Супротивный ключ [3].

Родникам в этнической культуре всегда присваивался священный статус. В изобразительном искусстве этот образ также выступает маркером традиционного мира мари, например, у Михайлина в линогравюрах он предстает («У родника» (1974)) примиряющим два разных мира, новый советский и уходящий традиционный, он изображен мощным, объединяющим началом, утоляющим жажду и дающим жизнь.

На исходе советского времени реалистические образы начинают уступать место знаковым. На картине И. Ямбердова «Родник Чавайна» (1989), написанной уже в четко выраженной символистской стилистике, родник выступает метафорой, а не иллюстрацией. Хотя у Чавайна имеется рассказ «Родник», вошедший в «Третью книгу для чтения» (1910). Это «познавательные по содержанию лирические этюды Чавайна, рисующие сезонные картины природы и жизнь человека в природе («Зима», «Весной», «Родник» и др.)... В них нет действия, соответственно внимание читателя сосредоточено не на событийной стороне текста, а на эмоциональном состоянии повествующего» [4, с. 153]. И. Ямбердов указывает на природные истоки (культурно-архетипические) творчества Чавайна. На картине художник создает магическую атмосферу мифического леса с родником, возле которого изображена сова/филин, дополнительный архетипический знак мудрости.

Таким образом, можно констатировать тенденцию к преодолению семантических схем соцреализма художниками-неоромантиками в репрезентациях геоландшафтных архетипов традиционной культуры мари, приращение базовой ментальной модели архетипа *реки* на завершающем этапе смыслами, связанными с культууроохрнительными функциями архетипов.

Источники и литература

1. Глухов, А.В., Глухова, Н.Н. Системная реконструкция марийской этнической идентичности. – Йошкар-Ола, 2007.

2. Богатыри земли марийской // Волжский краеведческий музей. – URL: [http: vkm.mari-el.muzkult.ru/bogatyry_zemli_mariiskoi/](http://vkm.mari-el.muzkult.ru/bogatyry_zemli_mariiskoi/) Дата обращения 12.04.2018.
3. Васильсурск. История. – URL: <https://dic.academic.ru/> Дата обращения 12.04.2018.
4. Кудрявцева Р.А. Рассказы С.Г. Чавайна в контексте теоретических проблем современного литературоведения. // Проблемы марийской и сравнительной филологии. - Йошкар-Ола, 2015. С. 153.

УДК 821.161.1.09«18»(092):398

ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ПОЭЗИИ А. Н. МАЙКОВА

Косякова Елена Юрьевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры литературы и культурологии
Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению образа Александра Невского в творчестве А. Н. Майкова. Жанрово-стилевое своеобразие произведения поэта в аспекте православного мирозерцания автора становится непосредственным объектом исследования.

Ключевые слова: А. Н. Майков, Александр Невский, православие, жанрово-стилевое своеобразие.

THE IMAGE OF ALEXANDER NEVSKY IN POETRY OF A. N. MAYKOV

Kosyakova H. Y.

Abstract. The article is devoted to the research of the image of Alexander Nevsky in the works of A. N. Maykov. The genre and stylistic originality of the literary work in the poet's aspect of orthodox view has become the direct subject of the research.

Keywords: A. N. Maykov, Alexander Nevsky, Orthodoxy, genre and stylistic originality.

В творческом наследии А. Н. Майкова большое место занимают произведения, в которых отразился глубокий интерес поэта к родной истории. Закономерным итогом изучения А. Н. Майковым русского исторического процесса стали такие замечательные произведения автора, как цикл стихотворений «Отзывы истории», перевод «Слова о полку Игореве». Этой же теме подчинены стихотворения из циклов «Юбилеи», «Страны и народы», «Века и народы», «Дома», перевод «Из Апокалипсиса», рассказы для детей о русской истории и многое другое.

Стихотворение «В Городце в 1263 году» (1875) из цикла «Отзывы истории» посвящено самому трагическому этапу в истории России, в жизни русского государства – этапу татаро-монгольского ига. Как справедливо отмечают историки, XIII век – «период самого ужасного потрясения для Руси. С востока на нее нахлынули монголы с бесчисленными полчищами покоренных татарских племен; с северо-запада угрожало ей немецкое племя под знаменем немецкого католичества» [1, с. 126]. Но А. Н. Майков в своем произведении обращается не только к изображению этой тяжелой години в истории русского народа. Поэта привлекает в первую очередь личность великого князя Александра Ярославовича Невского, сумевшего в эпоху борьбы с сильными внешними врагами (татаро-монголами, шведами, немцами) сохранить целостность Руси, ее национальную самобытность.

Александр Невский вошел в историю как знаменитый полководец, смелый и расчетливый военачальник, выдающийся государственный деятель, талантливый дипломат. Будучи человеком дальновидным, он понимал, что о серьезном сопротивлении татаро-монгольскому игу в то время не могло быть и речи. При той малочисленности, нищете и разрозненности русского населения в восточных землях нельзя было и думать о военных выступлениях против Золотой Орды. Поэтому следовало найти другие пути. И как верно отмечал Н. И. Костомаров: «Оставалось отдаться на великодушные победителей, кланяться им» [1, с. 131]. Князь Александр Ярославович понял и принял этот путь, как «передовой человек своего времени» (там же), как правитель, который «любил Отечество более своей княжеской чести» [2, с. 285]. Он вынужден был поддерживать с Золотой Ордой мирные отношения, а потому ему неоднократно приходилось ездить на поклон к великому хану. Именно после одного из таких путешествий в Золотую Орду в 1263 году Александр Невский скончался по дороге домой в Городце на Волге.

Жизни и ратным подвигам великого русского князя посвящен памятник древнерусской литературы XIII века «Повесть о житии Александра Невского». В рукописях она не имеет устойчивого названия и именуется

«житием», «словом» или «повестью о житии». Это произведение представляет собой княжескую биографию, соединяющую в себе черты воинской повести и жития. Содержанием произведения древнерусского автора является краткое изложение основных, с его точки зрения, эпизодов из жизни Александра Невского, которые позволяют воссоздать героический образ князя-воина, доблестного полководца, дальновидного политика. Описания знаменитых военных походов Александра Невского таких, как битва со шведами на Неве, разорение ливонской крепости Копорье, освобождение Пскова, победа над немцами на Чудском озере, дипломатических отношений русского князя с Ордой и папой римским являются центральными эпизодами «Повести...». В соответствии с житийными традициями подчеркиваются христианские добродетели Александра. О таких, как он, говорит автор, пророк Исая сказал: «Князь благу въ странах – тих, уветливъ, кротокъ, съмерень, по образу божию естъ» [3, с. 436]. Он «сироте и вдовици въправду судяй, милостилюбець, благу домочадцемъ своимъ и вънешнимъ от странъ приходящимъ кормитель. <...> бо иереелюбець и мьнихолубецъ, и нищя любя, митрополита же и епископы чтяше и послушааше их, аки самого Христа» [там же]. Это идеал мудрого князя, правителя и полководца.

А. Н. Майков в стихотворении «В Городце в 1263 году» решает обратиться к заключительной части «Жития», повествующей о болезни и кончине великого князя Александра Ярославовича Невского на обратном пути из Орды в одном из волжских городов. Поэт избирает этот эпизод древнерусского произведения, что дает возможность показать историю Руси того времени, роль князя Александра в ней через «правду психологическую». Описание последних минут жизни героя позволило автору показать силу любви Александра Невского к Родине, к своему народу, более полно раскрыть его внутренний мир.

Воспоминания и раздумья князя в последние минуты жизни дают возможность А. Н. Майкову одухотворить ту далекую эпоху, а сам Александр Невский, страдающий о судьбе своего народа, предстает в глубине и величии характера. Прикасаясь к болевым точкам русской истории, поэт акцентирует не столько достоверные исторические детали прошлого, сколько стремится проникнуть в духовную сущность исторической личности, осознающей свое предназначение в истории.

Произведение имеет интересную композицию: реальность и видения героя чередуются. Стихотворение начинается с лирического зачина, построенного на противопоставлении картин торжества природы и скорби людей:

Ночь на дворе и мороз.
Месяц, два радужных светлых венца вокруг него...
По небу словно идет торжество;
В келье ж игуменской зрелище скорби и слез... [4, с. 163]

Небо радуется, что вскоре обретет нового светлого ангела. А. Н. Майков, как истинный православный человек, подчеркивает, что смертью человека его существование не заканчивается и каждому воздается по его заслугам. «Зрелище скорби и слез» и торжество небес указывают на то, что из жизни уходит прекрасный человек, заслуживший своими добродетелями почитание среди людей и царство небесное. Уже в зачине А. Н. Майков характеризует своего героя. Антиномия небесное-земное поэтом рассматривается в стихотворении еще как государственное-человеческое. А. Н. Майков не только этим произведением, но и всем творчеством развивает мысль о необходимости правителей ставить свои личные, «человеческие» интересы на службу народу, государству.

В композиционном построении стихотворения «В Городце в 1263 году» А. Н. Майков использует прием народной лирической песни – ступенчатое сужение образа с целью выявления конечного, наиболее важного образа – образа умирающего Александра Невского:

Ночь на дворе и мороз.
Месяц, два радужных светлых венца вокруг него...
По небу словно идет торжество;
В келье ж игуменской зрелище скорби и слез...
Тихо лампада пред образом Спаса горит,
Тихо игумен пред ним на молитве стоит;
Тихо бояре стоят по углам.
Тих и недвижим лежит головой к образам
Князь Александр, черной схимой покрыт... [4, с. 63]

Ступенчато-нисходящий ряд, располагающийся в начале произведения, последовательно перечисляя образы пространственные (двор, келья), все более сужаясь, дает наиболее узкий в своем объеме, но, с точки зрения художественного задания стихотворения, самый главный образ лежащего на смертном одре князя Александра, перед мысленным взором которого возникают картины его прожитой жизни.

Для эмоционального выражения трагизма происходящего в келье, А. Н. Майков прибегает к анафоре. Повторяющиеся в начале трех строк наречия «тихо» и краткое прилагательное «тих», с одной стороны, усиливают, нагнетают атмосферу скорби и слез, с другой стороны, подчеркивают уход человека согласно христианским представлениям.

Необычный характер строфики и рифмовки произведения привлекает внимание, заставляет задуматься. А. Н. Майков изображает героя, находящегося на пороге вечности, когда происходит осознание прожитого. Перед смертью Александр Невский, как на исповеди, подводит итоги земного пути, в видениях воскресают самые важные, трагические события истории страны и его жизни.

Первая картина, которая возникает перед мысленным взором князя, рисует образ степи. Для него, как для всякого русского человека, степные просторы – место гибели многих родных и близких людей. Поэтому в представлении лирического героя степь – «беспредельная», «бурая», это «выжженная солнцем» земля, на которой ничего не растет, а только «войлок разостлан». Перед Александром приоткрывается завеса прошлого, и он видит своего отца Ярослава Всеволодовича, изможденного, бледного, слабого, в момент его кончины на обратном пути из Орды (в 1246 году). Великий князь Ярослав II умер, не имея и последнего утешения сомкнуть глаза на родной земле. Лирический герой объясняет смерть отца тем, что:

Шел из Орды он, как данник, как раб...

В сердце, зная, сил не хватило обиду стерпеть... [4, с. 163]

Понимание повторения истории: «так и мне умереть!», вызывает у Александра Невского стон бессилия и отчаяния. Он вынужден в современных исторических условиях продолжать гибкую политику отца в отношении Золотой Орды и, смилив родовую гордость и честь, быть данником, «рабом» великих ханов.

Но вот в сознании умирающего князя появляется новое видение:

Видит: шатер, дорогой, златотканый шатер...

Трон золотой на пурпурный поставлен ковер...

Хан восседает среди тысячи мурз и князей...

Князь Михаил перед ставкой стоит у дверей... [4, с. 163–164]

Поэт выводит на сцену нового исторического героя – князя Михаила Черниговского. В народной памяти он остался благодаря своему героическому поступку. Будучи в ханской ставке, он должен был соблюсти древний языческий обычай: «... пройти между двумя огнями для очищения от зловредных чар, которые могли пристать к хану» [1, с. 131]. Князь Михаил отказался исполнить обряд, заявив: «Я могу поклониться царю вашему, ибо небо вручило ему судьбу государств земных; но христианин не служит ни огню, ни глухим идолам» [2, с. 278]. За это был предан жестокой смерти: «Топчут ногами и копьями колют его...» [4, с. 164]. Но Александр Невский не мог поступить также. Он должен был сохранить свою жизнь, чтобы оберегать свой народ. Князь понимал, что в данный исторический момент с

таким грозным врагом как Золотая Орда у Руси нет возможности бороться открыто, а потому он вынужден был пойти на унижение и пройти языческий обряд, в чем перед смертью каялся перед иконой:

«Я ж, говорит, поклонился болванам, чрез огонь я прошел,

Жизнь я святому венцу предпочел...

Но, – на Спасителя взор устремив:–

Боже! Ты знаешь: не ради себя,

Многострадальный народ свой лишь паче души возлюбя!..» [4, с. 164].

В речах князя мы слышим мотивы христианского смирения, терпения, желания пострадать за святое дело.

В видениях Александра появляется образ многострадального народа. А. Н. Майков поднимает новую, важную тему взаимоотношений князей и русского народа. Простые люди много страдали на своем веку, на их плечи всегда ложились самые трудные задачи – это понимают и автор, и лирический герой. Любовь к народу – основа всех поступков русского князя: «Многострадальный народ свой лишь паче души возлюбя!..», восклицает Александр. Но и простые люди восхищаются своим князем, его ратными подвигами в борьбе со шведами и немцами:

«Сам ты водил нас, и Биргер твое

Помнит досель на лице, чай, копье!..

Рыцари – памятен им пооттаявший лед!..

Конница словно как в море летит кровяном!..» [4, с. 164].

А. Н. Майков через образ Александра Невского показал зарождение чувства национальной гордости в народе, а следовательно момент становления сильной русской державы. Слова простых людей отсылают нас к самым знаменитым сражениям русского князя. Битва в устье Невы и Ледовое побоище доказали силу русского оружия и остановили территориальную экспансию с северо-запада, тем самым предотвратив окончательный распад Руси, ее окатоличивание.

Поэт в своем произведении воссоздает пафос сочинения XIII века, вкладывая в уста народа мысли о том, что на Руси есть князья способные постоять за русские земли в борьбе с врагом, воинская доблесть которых внушает страх и уважение окружающим Русь народам.

Третье видение Александра Невского воскрешает события сильных волнений в Новгороде (1259 год), когда народ решил не повиноваться воли великого князя и не платить поголовную дань, требуемую монголо-татарами. Александр вспоминает, как новгородцы требовали от него решительных действий против ига Золотой Орды, считая:

«Нам ли баскаков пустить

Грaбить казну, на правeж нас водить?
Злата и серебра горы у нас в погребах,
Нам ли валяться у хана в ногах!» [4, с. 164].

Новгород, в отличие от многих русских городов, до этого времени не был обложен данью, и большую часть населения составляли довольно зажиточные купцы, бояре. Именно они, не желая расставаться со своим прежним положением, восстали против тягостной ханской повинности и стали увещевать Александра на борьбу с татаро-монгольским игом, напоминая ему о былых победах над западными противниками. Даже сейчас, на пороге смерти, эти воспоминания вызывают сильный гнев в душе русского князя, «очи сверкнули огнем». Он как бы еще раз отвечает на обвинения в бездействии:

«..... Эй вы, торгаши!
Бог на всю землю послал злую мзду.
Вы ли одни не хотите Его покориться суду?
Ломятся тьмами ордынцы на Русь – я себя не щажу,
Я лишь один на плечах их держу!..
Бремя нести – так всем миром нести:
Дружно, что бор вековой, подыматься, расти,
Веруя в чаянье лучших времен,–
Все лишь в конец претерпевый спасен!..» [4, с. 164–165].

Александр, вслед за автором, в своем монологе развивает две основные идеи. Во-первых, основой менталитета русского человека, а также базой, на которой создано и развивается русское государство, является православие. Не учитывать этот важный момент нельзя. Другая, не менее важная идея – идея единения всего народа ради борьбы с иноземными захватчиками и процветания родного Отечества: «Бремя нести – так всем миром нести // Дружно, что бор вековой, подыматься, расти». А. Н. Майков показывает, что политика русского князя по отношению к Золотой Орде определялась историческим временем, Александр Невский не мог поступить иначе. В смирении гордости ради народа: «... претерпевший же до конца спасется» (Матфей, X, 22) – подвиг князя-воина, князя-христианина. И здесь нельзя не согласиться с мнением Н. М. Карамзина, считающего, что «имя святого, ему (Александру Невскому. – *Е. К.*) данное, гораздо выразительнее Великого; <...> Александр же мог добродетелями своими только облегчать жестокую судьбу России» [2, с. 293].

Повторяющийся рефрен «Тихо лампада пред образом Спаса горит... // Князь неподвижно во тьму, в беспредельность глядит...» объединяет картины воспоминаний, видений Александра Невского в единое целое и

помогает воссозданию широчайшей картины исторической жизни Руси через образ Александра – святого воина, готового принять смерть ради Родины и народа. Важным для А. Н. Майкова здесь было выразить исторические чувства русского народа, ярким, вершинным воплощением которого являлись его святые. Александр Невский предстает в произведении А. Н. Майкова именно в такой ипостаси. Он подводит итоги своей жизни воина, но воина святого. Именно в такой личности, по мнению поэта, сосредоточена суть истории русского народа, его духовный подвиг отражается в элементах древнерусского жанра видения, введенных в повествование.

Перед нами возникает образ идеального героя, идеального князя. Поэт воплощает в стихотворении основную суть житийной литературы. Обращение А. Н. Майкова к традициям жанров видения, жития и воинской повести определяет жанровое своеобразие произведения поэта «В Городце в 1263 году».

Картина будущей России возникает как воплощение мечтаний Александра Невского:

Видит он: облитый словно лучом золотым
Берег Невы, где разил он врага...
Вдруг возникает там город... народом кишат берега...
Флагами веют цветными кругом корабли... [4, с. 165]

Русь стала великим государством благодаря духовным основам, заложенным многими великими деятелями, в том числе и Александром Невским. Поэт говорит о преемственной взаимосвязи поколений русских людей, о значении Невского как звена в истории страны. Без подвига Александра Невского не было бы подвига Петра I – великого реформатора России:

Гром раздается; корабль показался вдали...
Правит им кормчий с открытым высоким челом...
Кормчего все называют царем...
Гроб с корабля поднимают, ко храму несут,
Звон раздается, священные гимны поют...
Крышу открыли... Царь что-то толпе говорит...
Вот перед гробом земные поклоны творит...
Следом все люди идут приложиться к мощам...
В гробе ж – князь видит – он сам... [4, с. 165]

Последняя картина видений лирического героя приоткрывает завесу будущего, и Бог дает ему возможность предвидеть свою жизнь в вечности, предвидеть свою святость (мощи Александра Невского были перенесены Петром I в 1724 году из Владимира в Санкт-Петербург, в Александро-

Невскую лавру). Этот образ позволил выразить основную мысль А. Н. Майкова – Россия сможет выжить, если будет почитать своих святых. Историю страны поэт видит через развитие на Руси святости. Исторический процесс для поэта и его героев не непреодолимая стихия, живущая по своим законам. Его движение обусловлено высшей духовной силой, которая поддерживает и направляет русских людей в роковые годы.

Финальные строки произведения подчеркивают авторскую мысль о святости Александра Невского:

Словно как свет над его просиял головой –
Чудной лицо озарилось красой [4, с. 165].

Поэт, описывая последние минуты лирического героя, его переход в мир иной, использует характерологическую лексику: «свет просиял», «лицо озарилось», «чудная краса». Тем самым автор прямо указывает на приобщение Александра Невского к царству Божьему. В финале, как и в зачине стихотворения, происходит противопоставление картин радости неба и скорби среди людей. Кончина Александра описывается как великое горе для всей русской земли. Игумен, узнав о смерти возлюбленного князя, «зарыдав, возгласил: «наше солнце зашло!» [4, с. 165]. Но, несмотря на общий трагический колорит произведения, в нем нет пессимизма, потому что на Руси в «чудной красе и сиянии» появился новый святой – покровитель земли русской.

Именно концовка стихотворения способствует раскрытию основной мысли произведения: истинное величие и бессмертие человека определяется подвижнической жизнью, «деланием» во имя Родины, во имя своего народа, во имя сохранения святости на русской земле.

Литература

1. Костомаров, Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей : в 2 кн. Кн. 1 / Н. И. Костомаров. – М. : СВАРОГ, 1995. – 768 с.
2. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – М. : ЭКСМО, 2003. – 1024 с.
3. Памятники литературы Древней Руси: XIII век / вступ. статья Д. С. Лихачева ; общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. – М. : Худож. лит., 1981. – 616 с.
4. Майков, А. Н. Полное собрание сочинений. С критико-биографическим очерком и портретом автора : в 4 т. Т 2 / А. Н. Майков ; под ред. П. В. Быкова. – 9-е изд., исправл. и доп. – СПб. : Издание товарищества А. Ф. Маркса, 1914. – 223 с.

**ИЗМЕНЕНИЯ СЕМАНТИКИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЯЗЫКОВОГО И
КУЛЬТУРНОГО КОНТАКТА
(НА ПРИМЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ ФРАНЦУЗСКОГО
ЯЗЫКА КВЕБЕКА)**

Кругляк Елена Евгеньевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры романо-германской
филологии и переводоведения
Саратовский государственный
университет имени Н. Г. Чернышевского
г. Саратов

Аннотация. В данной статье рассматриваются некоторые вопросы семантических преобразований на материале политической лексики французского языка Квебека. История французского языка Квебека неразрывно связана с историей франко-английского языкового контакта на территории Канады. Развиваясь обособленно от французского языка Франции, канадский вариант французского языка приобрёл свои отличительные черты. Одной из таких черт является наличие лексических единиц с изменённой семантикой, семантических англицизмов.

Ключевые слова: лингвокультурное влияние, семантические изменения, квебекский французский язык

**SEMANTICS CHANGES AS A RESULT OF LANGUAGE AND CULTURE
CONTACT
(ON THE EXAMPLE OF POLITICAL LEXIS OF THE QUEBEC FRENCH
LANGUAGE)**

Kruglyak Elena

Abstract. Some questions of semantic transformations are considered on the basis of the political vocabulary of the French language of Quebec in this article. The history of the French language of Quebec is inextricably linked with the history of French-English language contact in Canada. Developing apart from the French language of France, the Canadian version of the French language acquired its distinctive features. One of these features is the existence of lexical units with changed semantics, semantic Anglicisms.

Keywords: lingvocultural influence, semantic changes, Quebec French

Вопрос отношения языка и культуры продолжает оставаться одним из самых актуальных вопросов лингвистики. Контакты различных стран мира в области культуры, экономики, науки приводят к взаимодействию как народов, так и их языков и культур. Характерным примером такого взаимодействия и даже взаимопроникновения является контакт англо- и франкоязычного населения на территории Канады.

Невзирая на все усилия франкоязычного населения сохранить свой язык и самобытность, политическая, экономическая, торговая жизнь и культурная жизнь в Канаде ориентируется на англосакскую культуру. Являясь языком приоритетной культуры в Канаде, английский язык на протяжении многих лет оказывал влияние на язык жителей Квебека. И только к концу XIX века среди франко-канадцев возникло осознание того, что их язык – наследство, которое они передавали из поколения в поколение, поэтому его следует беречь от опасности, которую представляют многочисленные англицизмы, проникающие в те или иные сферы их языка. Началась серьёзная лексикографическая работа, последствия которой стали поистине грандиозны. Французский язык в Канаде приобрёл статус официального наравне с английским языком.

Долгое время, находясь под влиянием самых различных факторов, наиболее важным из которых был, конечно же, контакт с английским языком, французский язык канадских переселенцев превратился в очень сложную и вместе с тем очень интересную языковую сущность. С одной стороны в его основе лежала лексическая база французского языка Франции, с другой стороны он приобрёл специфические черты. Французский язык Канады сохранил разговорную и устаревшую лексику, диалектизмы французского языка Франции, в нём можно встретить канадианизмы, морскую терминологию, англицизмы, индейские заимствования. Все языковые явления, от фонетики до семантики (особое место занимают семантические англицизмы), французского языка Канады обладают в той или иной степени национальной спецификой, отличаясь от французского языка Франции.

На сегодняшний день стало понятным, что кроме различий в языке франко-канадцы сформировали и свой код национальной коммуникации, основанный в какой-то степени и на национальных стереотипах восприятия представителей другой культуры. Говоря на французском языке в условиях постоянного контакта с английским языком и культурой, франко-канадцы

сформировали своё собственное языковое сознание, для которого характерна общая франко-английская картина восприятия мира со своими кодами межличностного взаимодействия, отличные от общефранцузских.

Рассмотрим результат такого культурно-языкового воздействия английского языка на французский язык Квебека на примере политической лексики. Говоря об общих причинах, влияющих на изменения в семантической структуре общественно-политической лексики, отметим, прежде всего события социального и политического характера. С развитием общества, со сменой общественного строя, идеологии некоторые понятия устаревают и им на смену приходят новые. Это, в свою очередь, приводит к тому, что в языке появляются новые слова, а старые изменяют свои значения. Результатом изменения семантической структуры слова является развитие многозначности, синонимизации и омонимизации.

Специфика общественно-политической лексики французского языка Квебека обусловлена прежде всего тем, что речь французских переселенцев в XVI - XVIII веках не была единообразной, тем не менее литературным языком владела лишь незначительная часть переселенцев (представители администрации и высших слоёв общества, в то время как основную часть составляли выходцы из разных провинций, говорившие на диалектах). После 1760 года, проиграв войну и оставив большую часть своих территорий в Канаде англичанам, французская элита, владевшая литературным французским языком, вернулась во Францию. Оставшиеся франко-канадцы были недостаточно образованы и к началу XIX века лишь 4 % из них умели читать. В то же время англо-канадская нация формировалась в совершенно иных политических условиях: англичанами, переселившимися на территорию Канады, не был утерян контакт со своей исторической родиной, и поэтому государственно-политическая система в Канаде строилась по английскому образцу. Кроме того, уникальное географическое положение, своеобразная история страны и раздвоенное мироощущение её жителей не могли не оказать влияния на политический ландшафт Канады, который приобретал специфические черты [1]. Вместе с формированием политической системы здесь образовалась специфическая английская политическая терминология.

Анализ различных источников показал, что собственно французская общественно-политическая терминология в то время вряд ли была хорошо известна франко-канадцам [2, 3, 8]. Для общения на политические темы они пользовались заимствованиями из английского языка, причём многие термины были похожи на французские по своей орфографии и значению. Например, существительное *cédule* во французском языке Квебека

употребляется в значении «расписание; график; план мероприятий, работ; программа действий; приложение, дополнение (к закону, контракту)» [7]. Данное существительное присутствует параллельно и во французском языке Франции. Это слово греческого происхождения во французский язык Франции попало через латинский и до VIII века означало: 1) долговая расписка; 2) клочок бумаги, на котором записывалась информация для запоминания [5, с. 133]. Второе значение этого слова было утеряно, а первое расширилось. Таким образом, *cédule* в языке Франции стало юридическим термином, обозначающим «постановление о назначении экспертов или привлечения свидетелей» и «категория доходов (при определении налога)». Из французского языка Франции данная лексическая единица перешла в английский язык в 1397 году (*schedule*) с его вторым значением, которое со временем превратилось в «расписание; график; список; перечень» (*Voici la cédule des activités pour la semaine prochaine*) [4]. Простые франко-канадцы с XVIII века лишённые связи со своей родиной, не могли знать изменений значения, произошедших у этого существительного во французском языке Франции. Таким образом, в конечном итоге был заимствован английский омоним с английской семантикой и английской сферой употребления.

Существительное *comté*, употребляющееся во французском языке Квебека в значении «избирательный округ» (*Les habitants de ce pays sont bien alarmés par les incursions que les Sauvages ont fait dans les parties de l'Ouest de ce comté*) [9], во французском языке Франции обозначает «графство» [6, с. 392]. История этого слова начинается со времени, когда Англия была поделена на графства, так же как, впрочем, и Франция. Норманнские короли Англии, используя терминологию французской феодальной системы, заменили собственный аналогичный термин *shire*, на французский, который со временем превратился в *county*. Англо-канадцы, в свою очередь, перенесли этот термин на свою территорию, и со временем его значение поменялось на «округ». Позже квебекцы заимствовали этот термин у англо-канадцев именно в этом значении [7].

В подобной ситуации оказалось и слово *royauté*, которое сегодня во французском языке Франции означает: 1) королевская власть; 2) член королевской семьи; 3) королевские привилегии; 4) арендная плата за разработку недр; 5) авторский гонорар [6, с. 1656]. Во времена правления норманнов на территории Англии это слово было заимствовано английским языком из французского со значением «королевская власть». Но, семантическая структура английского слова *royalty* значительно расширилась, в ней появились новые значения, с изменившимся значением данное существительное было заимствовано квебекцами. На данный момент

во французском квебекском оно означает: «лицензия» и «авторское право» (*La royauté du Times est assurée par un grand administrateur, John Walter II, et de remarquables éditeurs*) [10].

Характерна также судьба устаревшего во французском языке Франции слова *libelle*. За свою почти тысячелетнюю историю это слово претерпело значительные семантические изменения. Во французский язык Франции оно попало из латинского и обозначало «небольшой рассказ, памфлет, сатирическое произведение, воспоминания, билет, афиша, рекламация». Оно также использовалось для обозначения «еретических произведений, судебных запросов и уведомлений, сертификатов, рекомендательных писем». Но, начиная с XI века оно стало употребляться также в значении «памфлет, пасквиль» [5, с. 429]. Английский заимствовал это слово из старофранцузского в XIII веке со значением «маленькая книга; просьба; петиция, но в рамках английского языка значение его поменялось, а сама лексическая единица перешла в юридическую терминологию со значением «клевета» [7]. В современном французском языке Квебека оно употребляется именно в этом значении (*Une poursuite importante a été intentée à l'instance du premier-ministre MacKenzie pour libelle, contre l'éditeur du Canadien*) [9].

Различное развитие семантического содержания во французском и английском языках отмечено и у слова *offense*. Во французском языке Франции оно означает 1) оскорбление, обида; 2) прегрешение, грех перед Богом; 3) оскорбление главы государства [6, с. 1270]. В английском языке оно имеет следующие значения: 1) проступок; 2) обида, оскорбление; 3) правонарушение, преступление; 4) наступление (воен.). Английский и французский термины были заимствованы из латыни, при этом французский язык сохранил религиозное и юридическое значения, а английский язык религиозное значение утратил. Французский язык Квебека заимствовал английский юридический термин в значении «правонарушение, преступление, проступок» (*C'est Péguy qui, analysant vers par vers la prière d'Iphigénie, montrait qu'elle était un chef-d'oeuvre d'offense et de cruauté*) [10].

История слова *patente* начинается с XVI века. Это французское прилагательное, происходящее от латинского *potius* «открытый, явный, очевидный», в XVI веке употреблялось в выражении *lettres patentes* «королевская грамота». Однако с 1695 года данный документ стал обозначаться субстантивированным прилагательным *patente*. Значение этого слова со временем изменилось. В XVIII веке оно обозначало «разрешение на ведение торговли или производства», а несколько позже им стали называть «торгово-промышленный налог и квитанцию об оплате торгово-промышленного налога» [5, с. 555]. Английский язык заимствовал из

французского одновременно прилагательное и существительное *patente*. Но первое слово в английском языке стало обозначать «патентованный, оригинальный, собственного изобретения», а второе – «патент». Квебекцы, в свою очередь, заимствовали это слово из английского языка, но во французском языке Канады оно расширило свою семантическую структуру и стало употребляться в значении 1) право пользования земельным участком; 2) изобретение; 3) механизм, устройство (*Y donne une patente pour agrandir les dessins à Albert qui, déjà, veut démonter l'appareil*) [10].

В заключение отметим, что лексика французского языка Квебека как никакая другая демонстрирует влияние языков, в контакте с которыми она оказалась. Она представляет собой наслоение трёх культур, мировоззрений и языковых картин мира (французской, англо-канадской и самобытной квебекской).

Литература

1. Василенко М. В. Современная партийная система Канады // Переосмысление Канады: Кросскультурные размышления о канадском обществе: Сборник науч. статей. Вып. 1. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2002. С. 58 - 72.
2. Клоков В. Т. Французский язык в Северной Америке. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 398 с.
3. Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде. М.: Либроком, 2012. 218 с.
4. Banque de dépannage linguistique [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.oqlf.gouv.qc.ca> (дата обращения: 14.04.18)
5. Dubois J., Mitterand H., Dauzat A. Dictionnaire étymologique et historique du français. Paris: Larousse, 1993. 822 с.
6. Dubois J. Dictionnaire de la langue française. Paris: Larousse, 2001. 2109 с.
7. Le grand dictionnaire terminologique [Электронный ресурс]: // URL: <http://www.granddictionnaire.com> (дата обращения: 14.04.18).
8. Poirier C. Dictionnaire historique du français québécois: monographies lexicographiques de québécismes. Sainte-Foy, 1998. 641 p.
9. Trésor de la langue française au Québec [Электронный ресурс]: URL: <http://www.tlfq.ulaval.ca/ilq/resultats.asp?page=1&forme=46918&r3=&r4=&r5=&r6=&r7=&r8=xxxxx&r13=> (дата обращения: 14.04.18).
10. Trésor de la Langue Française informatisé – Site du laboratoire ATILF [Электронный ресурс]: // URL: <http://atilf.fr/> (дата обращения: 14.04.18).

**ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ФОТОГРАФИИ В ОТНОШЕНИИ К
АКСИОМАТИКЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА. К
ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Кранк Эдуард Освальдович

кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Чувашский государственный
институт культуры и искусств;
доцент кафедры литературы и культурологии,
Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева

Аннотация. Представляя собой набор познавательных условностей, аксиоматика позволяет выстроить непротиворечивую гносеологическую модель, которая формирует вторую реальность, культурную. В этом отношении аксиоматическая редукция является переходом от онтологии к экзистенции. Аксиоматической редукции автор противопоставляет редукцию фотографическую, которая, содержа в себе определенное объективное знание об объекте, не претендует на знание адекватное. В парадоксальности такого рода познания содержится эпистема более достоверная по отношению к содержанию бытия, чем какая бы то ни было гносеология.

Ключевые слова: фотография, философия, феноменология, гносеология, аксиоматика, редукция, онтология, экзистенция, эпистемология, технология.

**EPISTEMOLOGY OF PHOTOGRAPHY IN RELATION TO THE AXIOMATICS OF
THE COGNITIVE PROCESS. BY RAISING THE PROBLEM**

E.O. Krank

Abstract. Representing a set of cognitive conventions, axiomatics makes it possible to build a consistent epistemological model that forms the second reality, the cultural one. In this respect, axiomatic reduction is a transition from ontology to existence. The author contrasts with axiomatic reduction another reduction –photographic reduction, which, containing a certain objective knowledge about the object, does not pretend to knowledge adequate. The paradox of

this kind of knowledge contains an episteme more authentic in relation to the content of being than any gnoseology.

Keywords: photography, philosophy, phenomenology, gnoseology, axiomatics, reduction, ontology, existence, epistemology, technology.

История науки, и философии прежде всего, указывает нам на метафизическую редукцию как на способ миропонимания, с целью создания логически внятной мыслительной формы, основу которой составляет определенный набор аксиом, т.е. законы, заданные в качестве изначальных и безусловных истин, неприкосновенных в плане возможности их пересмотра. Сведение многообразия опыта к аксиомам есть выражение гносеологического подвижничества человека, но, вместе с тем, и его страха перед непредсказуемым миром – страха не столько даже перед смертью, сколько перед изменяющейся жизнью. Поэтому стремление заключить бытие в некие аксиоматические схемы находит свое выражение в редукции его многообразия, сводимого к нескольким более или менее общепринятым установкам.

Такого рода гносеология при всем познавательном героизме отдельных личностей в истории науки, никогда не сможет привести человека к адекватному восприятию жизни. Порождая, за счет умножения познания, технологические новшества и удобства, человек не в состоянии воспроизвести самое жизнь, само бытие, реальность-как-она-есть, и потому познание как путь выявления закономерностей, в той или иной степени мыслимых в качестве универсальных, а следовательно – безусловных и в этом смысле аксиоматических, не решает проблему бытия человека, не отвечает на вопрос, как устроен мир, в чем состоит адекватный этому мироустройству способ «правильного» его осмысления и соответствующая этому осмыслению форма существования человека. Напротив, воспроизводя на основе постигнутых законов свою вторую гносеологическую реальность (т.е. реальность в той или иной мере технологическую, цивилизационную, в понимании О. Шпенглера [см.: 16; 14, с. 221-238]), человек окружает себя ее технолого-гносеологическими паллиативами, разного рода приспособлениями, насущными в плане овладения отдельными сторонами жизненной практики ради цивилизационного удобства, экономии сил и времени, ради личной свободы от насущных обстоятельств и забот.

Реализуя свою свободу за счет создания этой второй реальности, выраженной в его технологическом окружении, человек невольно стремится в нее переселиться, для чего ему необходимо научиться в ней ориентироваться, научиться пользоваться всё более совершенными плодами

технологических усовершенствований. Постепенно эта вторая реальность замещает первую, т.е. собственно бытие; жизнь подменяется культурой, регламентирующей существование, и справляться с этим регламентом, его ускоряющимися изменениями, следуя всё более новым аксиомам, законам и порожденным ими технологическим созданиям, становится всё более трудно, но необходимо с целью максимально актуального существования. Человек, таким образом, пребывает в состоянии перманентной погони за всё более ускоряющим свое движение технологическим прогрессом. Рано или поздно эта погоня заканчивается, по причине ли смерти догоняющего, по неспособности его быть в состоянии погони (болезнь, увечье, старость), либо в результате сознательного отказа от такой свободы, выбрав в качестве альтернативы буколику “simple life”, религиозную доксу или иные ригористические элементарности. Причем эти последние также строятся на положениях, понимаемых аксиоматически и не вызывающих сомнений у их адептов, вопреки своему убогому и часто вздорному характеру. Разница в том, что научная аксиоматика предполагает известную логическую обусловленность и красоту.

Занятый проблемой насущной экзистенции и овладения аксиоматическими моделями, человек утрачивает свое изначальное, фактом рождения данное ему онтологическое пространство. Оставим в стороне современные сетования по поводу образовательной и личностной деградации в цивилизационную эпоху, столь многочисленно представленные в культурологии и философии, начиная с Шпенглера [15, с.122-132] и Бердяева [3, с. 162-174], продолжая Кассирером [7, с. 3-30], Канетти [6, с. 392-444], Ортегой-и-Гассетом [11, с. 202-206], Гессе [4, с. 11-16] и заканчивая Маклюэном [10], Фукуямой [12, с. 431-505] и становящимися всё более популярными теориями инволюции и деградации [5]. Напротив, попытаемся предположить, что в этом переходе из онтологической реальности в реальность экзистенциальную может состоять назначение человека, коль скоро аксиоматическая редукция столь свойственна его природе. Однако при этом переходе онтологическое пространство вовсе не исчезает, не умалывается, поскольку дано человеку извне, – оно коллапсирует в том смысле, что становится всё более закрытым, «неактуальным», как бы свернутым в плоскость на манер упаковочной бумаги за ненадобностью.

Окруженный порожденными им культурно-технологическими химерами, человек онтологически остается совершенно неприкаян, незащищен, всё более одинок, поскольку про себя-то он знает о своем онтологическом корне, но, будучи оторван от него стволем и ветвями технологии и культуры, глазами зеленого листа глядит он с высоты на свое

основание (если вообще способен увидеть его сквозь толщу других листьев), глядит с растерянностью и недоумением, поскольку оказывается совершенно безоружен перед онтологическими катаклизмами: стихийными бедствиями, эпидемиями, войнами и личным несчастьем. Культурно-технологическая экзистенция бессильна перед феноменом жизни, не может воссоздать ее, найдя адекватный ответ ей, а следовательно – не может быть действительно актуальной, не может не быть отрывом, паллиативной подменной, самообманом, уходом от того, что онтологически насущно.

Сложность не в том, чтобы уяснить, куда человек движется, в каком направлении, а в том, что, куда бы он ни двигался, в сторону культуры ли, цивилизации ли (если взять дихотомию Шпенглера-Бердяева), в призрачный ли мир виртуальности, – его ожидает успех в той же мере, как и неуспех-разочарование-катарсис. Сложность заключена в самой проблеме человеческой свободы, в неприкаянности этой свободы, пред-оставленности человека самому себе. Человек не может просто существовать, находя удовлетворение в самом процессе жизни и следовании своим биологическим инстинктам, ему нужно существовать «правильно», «истинно». Отсюда его этичность, состоящая как в выработке моральных парадигм, их разрушении и трансформации; отсюда и аморализм (имморализм), который есть не что иное, как та или иная степень выработки определенной «новой» моральной аксиоматики (и не только собственно морального, но также гносеологического и онтологического свойства), причем эта аксиоматика, будучи таковой, сформировавшись и найдя свое выражение в элементарности, универсальности и известной ортодоксальной обязательности для социума или какой-либо из его субкультур, т.е. определяя собой экзистенцию, – содержит в себе моменты сомнительности, проблематичности в отношении собственной адекватности в степени тем большей, чем она безусловней принята окружением, социальными институтами, обществом в целом.

Эволюция человека, если понимать под нею смену аксиоматических парадигм, подсказывает ему, что наиболее продуктивным является не отрицание устоявшейся парадигмы и замена ее другой, а постоянное уточнение, расширение, комментирование, коннотирование исходной аксиоматики, что, конечно же, чревато ее размытием, релятивистичностью, ризоматичностью, обрастанием множеством поправок и даже исключений, в свете чего подвергается пересмотру ее целевые атрибутивные установки: элементарность, универсальность, всеобщность, безусловность. Можно сказать, что сегодняшнее постмодернистское мышление строится на невозможности (или, по крайней мере, изначальной относительности) какой

бы то ни было аксиоматики, не отрицая при этом сам механизм необходимости ее формирования, всё более сводя ее к частному случаю, к конкретике экзистенции, к «письму» (в Бартовском понимании [2, с. 51-114]), к дискурсивно-коммуникативному (т.е. в той или иной мере политическому, имущественному, властному – словом: заинтересованному) акту. Даосское недеяние, буддистское созерцание, христианское непротivление суть разные выражения ущербности любой человеческой аксиоматики, в рамках которой молчание есть не критичное опровержение (опрокидывание) самого аксиоматического механизма.

Фотография имеет ко всему сказанному двойное отношение. С одной стороны, со стороны феноменолого-онтологической, она умалчивает о происходящем, о том, что она запечатлела, предполагая при этом возможность наложения любой семантической (а, следовательно, гносеологической) сетки на отображенный кусочек жизни. А с другой – экзистенциально-цивилизационной – стороны, фотография приумножает виртуальное пространство человеческого существования, способствуя указанной выше тенденции перехода от онтологии к экзистенции, усугубляя призрачность бытия через подмену его перманентного перетекания из одного состояния в другое квантирующими это бытие, отдельными фрагментами бытия и одновременно сосуществующими с ними копиями этих фрагментов.

Упомянутый нами феноменолого-онтологический аспект фотографии, предметом которой всегда мыслится частный случай, в своем молчаливом (анти-аксиоматичном) дискурсе, между тем, содержит в себе другую аксиоматику – именно аксиоматику Da- Sein, вот-бытия [см. об этом: 13, с. 391-407]. Эта вторая аксиоматика, вызванная к жизни частным случаем (мгновением) бытия объекта, заключена в самом фотографическом акте, во взаимном со-бытии объекта и фотографа; в выборе объекта, в созерцании его и сопереживании ему, в операциональных действиях по производству снимка и способу его предъявления. Но поскольку в фотографии мы имеем дело, по выражению того же Барта, с аористом [1, с. 115, 142], всегда с прошедшим временем, аксиоматика привходит в фотографию «задним числом», через механизм отбора, экспонирования отобранного снимка, заинтересованности в нем тех или иных общественных страт, т.е. в конечном счете – в зрительском интересе. Однако эта последующая аксиоматика, ее соответствие-несоответствие «горизонтам ожидания целевой аудитории», всегда содержит в себе возможность дополнения, коннотативного переосмысления, расширения или сужения интерпретации, что в конечном счете может привести к переосмыслению денотата, т.е. получить в глазах

зрителя значение противоположное тому, которое закладывал в свое визуальное сообщение фотограф.

Другими словами, как бы кто-либо ни относился к снимку, вычитывая в нем те или иные сведения, сам снимок остается всегда тем, что он есть. Его сущностная молчаливая созерцательность, «не-деяние» и «непротивление» бытию пребывают в постоянной соотнесенности с действиями фотографа и другими субъектами социализации снимка приблизительно в той же мере, как дуалистичен трактат Лао-Цзы [9], который, проповедуя не-деяние, совершает действие по его написанию, или как буддистское созерцание сопряжено с различными практиками, а следовательно – практическими действиями, или, наконец, как христианское «непротивление» чревато подвижничеством, т.е. сугубым действием, действием в квадрате.

Подобным же образом следует трактовать и экзистенциальный аспект: приумножая виртуальность человеческого существования, фотография постоянно «возвращает» человека в «аорист», указывая ему на вехи прошлого его самого или же пространственного и временного окружения, тем самым взывая к его памяти об онтологической родине. Именно: память о былой экзистенции, будучи образованием виртуальным, обязывает человека если не к «поступку», то, по крайней мере, к отношению к когда-то бывшему – отношению, окрашенному своего рода сожалением о нем, осознанием невозможности вернуть прошедшее и свойственные ему надежды, которые так или иначе потерпели крах (даже если они осуществились, то в совершенно иной форме, чем были замыслены), – сожалением, которое, по Н. Бердяеву [3, с. 142-143], чревато «катарсисом», а значит – возможностью постижения смысла прошедшего, того, что запечатлено на снимке.

Такое познание преодолевает экзистенциальные и гносеолого-аксиоматические насущности, оставляя человека наедине с собственной эпистемологией. Будучи максимальной редукцией бытия объекта в плане его существования в пространстве и времени (пространство сведено к плоскости, а время – к условному мгновению) [см. об этом: 8, с. 80-83], фотография подвергает сомнению гносеологическую редукцию, а вместе с ней и те аксиомы, на которых эта последняя редукция зиждется.

Подведем итог. Итем, построение любой гносеологической теории основывается на изначально принятой аксиоматике. Представляя собой набор познавательных условностей, аксиоматика позволяет выстроить непротиворечивую гносеологическую модель, которая, будучи признанной, формирует вторую реальность, которую можно назвать технологической или культурной. В этом отношении аксиоматическая редукция является переходом от онтологии к экзистенции. Эта технолого-культурная

экзистенция замещает онтологию человека, являясь паллиативом эпистемологического знания. Аксиоматической редукции мы противопоставили редукцию фотографическую, которая, содержа в себе определенное объективное знание об объекте, не претендует на знание адекватное. В парадоксальности такого рода познания, в этой его семантической неопределенности содержится эпистема более достоверная по отношению к содержанию бытия, чем какая бы то ни было гносеология.

Литература

1. Барт, Р. Camera Lucida. Комментарий к фотографии / Ролан Барт ; пер. с фр. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 192 с. : ил.
2. Барт, Р. Нулевая степень письма : пер. с фр./ Ролан Барт. – М. : Акад. проект, 2008. – 431 с.
3. Бердяев, Н. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М.: Мысль, 1990. – 176 с.
4. Гессе, Г. Игра в бисер : роман / Герман Гессе ; пер. с нем. С. Апта. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2003. – 446 с. – С. 11-16.
5. Исследование: в конце XX века люди стали глупее. – [Электронный ресурс; дата обращения: 01.09.2018]. – <https://republic.ru/posts/91185>.
6. Канетти, Э. Человек нашего столетия / Э. Канетти; пер.с нем. – М.: Прогресс, 1990. – 474 с.; ил. – (Зарубеж. худож. публицистика и докум. Проза). – С. 392-444.
7. Кассирер, Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер; пер. с нем. А. Муравьева // Проблема человека в западной философии / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – 552 с. – С. 3-30.
8. Кранк, Э. О. Фотография как практическая феноменология: к постановке проблемы / Э. О. Кранк. – Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. – Казань: изд-во Казанского гос. ун-та культуры и искусства. – 2016. – № 4. – С. 80-83.
9. Лао-Цзы. Дао дэ Цзин. – [Электронный ресурс; дата обращения: 01.09.2018]. – <http://lib.ru/POECHIN/lao1.txt>.
10. Маклюэн, М. Понимание медиа: внешние расширения человека / Маршалл Маклюэн ; пер. с англ. В. Николаева. – М. : Канон-Пресс : Кучково поле, 2003. – 464 с.
11. Ортега-и-Гассет, Х. Новые симптомы / Х. Ортега-и-Гассет; пер. В. Бибахина // // Проблема человека в западной философии / Сост. и послесл. П. С. Гуревича; общ. ред. Ю. Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – 552 с.

12. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ, Поифграфиздат, 2010. – 588 с. – (Психология). С. 431-505.

13. Хайдеггер, М. Время и бытие // Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления : пер. с нем. / Мартин Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с. – С. 391-407.

14. Хайдеггер, М. Вопрос о технике // Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления : пер. с нем. / Мартин Хайдеггер. – М. : Республика, 1993. – 447 с. – С. 221-238.

15. Шпенглер, О. Закат Европы: Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер; пер. с нем. С. Э. Борич. – Минск: Попурри, 2009. – 704 с.

16. Шпенглер, О. Человек и техника / О. Шпенглер; пер. с нем. – [Электронный ресурс; дата обращения – 01.09.2018]. – <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/3131>.

УДК 77:701

С. СОНТАГ: К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ В ФОТОГРАФИИ

Кранк Эдуард Освальдович

кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин,
Чувашский государственный
институт культуры и искусств;
доцент кафедры литературы и культурологии,
Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева

Аннотация. В статье освещается проблема субъектного начала в фотографии. На основе критического анализа, связанного с понятием «субъективности», утверждаемого С. Сонтаг в ее эссе, посвященном фотографии, мы склонны видеть моменты своеобразной феноменологической редукции. Процесс редуцирования освобождает объект от контекстной обусловленности, предполагая его самодовлеющее значение в фотографическом дискурсе.

Ключевые слова: фотография, философия, феноменология, пространство-время, фрагментация континуума, репродуцирование, текст изображения, Сонтаг.

S. SONTAG: THE QUESTION ABOUT THE SPECIFICS OF INTENTIONALITY IN PICTURES

E.O. Krank

Abstract. The article highlights the problem of the subjective principle in photography. Based on the critical analysis associated with the notion of "subjectivity", asserted by S. Sontag in her essay on photography, we tend to see moments of a peculiar phenomenological reduction. Reduction process releases the object from contextual conditioning, suggesting its value is self-contained in the photographic discourse.

Keywords: photography, philosophy, phenomenology, space-time, fragmentation of the continuum, reproducing, iconic text, Sontag.

В феноменологическом отношении съемочный акт представляет собой обретение объекта, «заклучение феномена в скобки», то, что Э. Гуссерль называет «эпохе», превращение феномена в объект визуального (и не только) интереса. Книга эссе С. Сонтаг «О фотографии» стала своего рода фундаментальным исследованием для современной метафизики фотографии. В ней интенциональность фотографии представлена в довольно противоречивом виде, что мы и попытаемся показать в этой статье. Между тем, американская исследовательница впервые попыталась создать комплексное описание фотографии, поэтому критическое осмысление апофатической конфигурации фотографии, созданной С. Сонтаг, может способствовать выработке более адекватного культуролого-философского отношения к фотографии как уникальной культурной практике и виду искусства.

Если фотографию рассматривать как практическую феноменологию [см. об этом: 4, с. 80-83], то для С. Сонтаг это была бы, вероятно, весьма несовершенная феноменология, поскольку интенция в фотографии, судя по тому, как наш автор ее характеризует, носит внешний, случайный, субъективный, произвольный характер. Такого рода интенция является худшим вариантом гуссерлианской «естественной редукции», главным пороком которой является ее субъективность и произвольность. Так, в «Картезианских медитациях» Э. Гуссерль постулирует, что «в <...> интенциональности конституируется новый смысл бытия, который выходит за пределы исключительно собственной сферы моего монадического Ego не

как *Я-сам*, но как такое, которое *отражается* в моем собственном Я» [1, с. 122]. Интенциональность фотографа, по С. Сонтаг, состоит в чем-то совершенно обратном. Она пишет: «...привлекательность их [фотографий. – Э. К.] в том еще, что в мире, замусоренном фотореликтами, они как бы имеют статус "найденных объектов", непредумышленных срезов мира» [6, с. 96].

Вообще говоря, «найденный» – прекрасный эпитет в применении к объекту в фотографии, довольно точный в интенциональном плане [см. об этом: 2, с. 92-98]. Правда, в приведенном выше отрывке он уточняется словом «непредумышленный», а значит – «найденный» объект есть объект, по С. Сонтаг, произвольно избранный, подобранный, попутный, случайно оказавшийся под рукой, *не интенциональный*: ««Произвольность фотографического свидетельства указывает на то, что реальность в принципе не поддается классификации. Реальность складывается в набор *случайных фрагментов* – неизменно заманчивый, броский, упрощенный способ общения с миром [курсив наш. – Э. К.]» [6, с. 111].

В приведенном фрагменте, помимо проблемы случайности-произвольности съемочного акта, содержатся также несколько других важных проблемных составляющих: проблема реальности, отображенной посредством фотографии, которая под ее воздействием становится чем-то таким, что не поддается парадигмальному осмыслению; проблема иллюзорной прозрачности средства и проблема фотографии в ее отношении к коммуникации.

Остановимся на произвольности и непредумышленности съемочного акта. Эта случайность-произвольность «фотографического свидетельства», по мнению писательницы, связана с субъективностью не столько даже видения фотографа, сколько ситуации, определяемой наличием камеры и ее (а также и его, фотографа) готовностью фиксировать что угодно. Неразборчивость в съемке «заряжена» на неожиданность для самого фотографа момента превращения феномена в объект. Субъективность фотографии как бы накладывается на изначальную объективную достоверность световой копии – объективную постольку, поскольку запечатлевание объекта происходит не рукотворным, а механическим способом, т.е. как бы исключает прямое воздействие фотографа на бытие объекта, в чем С. Сонтаг прекрасно отдает себе отчет, говоря о «двойкой способности камеры – субъективировать реальность и объективировать ее...» [6, с. 232].

Бесспорно, фрагментация реальности рамкой видеоискателя субъективирует видение, но *именно благодаря субъективации видения и*

происходит преобразование внешней обстоятельственной среды феномена во внутреннюю, «феноменологическую» обстоятельность. Парадокс, отмеченный С. Сонтаг, есть столь же необходимое свойство фотографии, как и ее способность к репродукционности и дискретированию действительности. Это свойство носит в себе тайну антиномичности, актуальность («привлекательность») которой сродни тайнам пространства и времени [5, с. 9-12], которые неразличимы и размерны (да и размеренны) в их внешней простертости до тех пор, пока наша интенция не нарушает этой размерности-размеренности. *Фотография есть удивительное средство соединять в себе случайное и значимое, субъективное и объективное, свободный выбор и несвободу в соответствии с антиномичным устройством самого человека, его психики, мыслительной способности, со свободой выбора и роковой зависимостью от смерти, а также – от тех архетипических ситуаций, в которые он вписывается вне его воли, но в результате ее проявлений.*

Сравнивая фотографию с живописью эпохи “modernity”, С. Сонтаг утверждает свободу последней от фигуративности, приводя в пример как наиболее показательное проявление спонтанного («сюрреалистического») творчества абстрактный экспрессионизм Джексона Поллока, – и несвободу фотографии от «объекта»: «В отличие от живописи фотография по самой своей природе не может расстаться с объектом» [6, с. 128]. Однако требовать для фотографии свободу и независимость от объекта всё равно, что требовать для феноменологии свободу от феноменов.

Субъективное начало в фотографии есть начало интенциональное или, лучше сказать, интенцирующее: фотография интенцирует размытое феноменальное (обстоятельственное) поле [подробнее об этом см.: 3, с. 67-72], находя в нем объекты и структурируя это поле вокруг них. С. Сонтаг неоднократно употребляет в значении «интенция» слова «интерес», «интересное»:

– «фотография – одно из главных средств для присвоения вещам и ситуациям особого качества <...>: "интересное"» [6, с. 227];

– или: «фотограф был обязан не просто видеть мир, такой как есть, включая общеизвестные дива, но *пробуждать интерес* новыми визуальными решениями» [6, с. 121];

– или: «шелушивая сухую коросту привычного видения, фотография создает другую привычку – *видения интенсивного* и вместе с тем холодного, озабоченного и отчужденного, зачарованного *незначительными деталями, увлеченного несообразностями* [курсив наш. – Э.К.]» [6, с. 133-134].

Получается, что дискретированность как феноменальное свойство фотографии, с одной стороны, и субъективность в использовании камеры – с другой, повинны в том, что средство создает неверное, недостоверное, «несообразное» и «случайное» представление о тех или иных моментах действительности, а интенциональность фотографии, упираясь в «непроизвольность» нахождения объекта и «неразборчивость» фотографа, пребывает на довольно непрочной почве факультативного «интереса» к объектному миру, соотносимого со свойством артефактов, индуцированных фактом съемки, быть в той или иной мере «интересными» зрителю.

Таким образом, этот интерес объектного и артефактного свойства, являясь специфическим видом интенциональности, заключает феномен «в скобки». Процесс редукции может характеризоваться как актуализированный не вовсе осознанным намерением фотографа произвести снимок. Континуальные (обстоятельственные, пространственно-временные, причинно-следственные связи) разорваны дискретированностью момента съемки, в процессе которого пространство сводится к плоскости, а время фрагментируется в условное мгновение. В результате съемочного акта обстоятельственный контекст призван к умолчанию о себе самом; имеет место лишь ненастоятельная и иногда не вполне явная указательная отсылка к его, контекста, наличествованию.

Литература

1. Гуссерль, Э. Картезианские медитации / Э. Гуссерль; пер. с нем. В. И. Молчанова. – М.: Академический проект, 2010. – 229 с. – (Философские технологии).
2. Кранк, Э. О. S. Sontag: апофатика фотографии / Э. О. Кранк. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. – 204 с.
3. Кранк, Э. Очерки по феноменологии фотографии. Часть 2. Обстоятельственное поле / Эдуард Кранк. – Чебоксары: изд-во Чув. гос. пед. ун-та, 2014. – 120 с.
4. Кранк, Э. О. Фотография как практическая феноменология: к постановке проблемы / Э. О. Кранк. – Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. – Казань: изд-во Казанского гос. ун-та культуры и искусства. – 2016. – № 4. – С. 80-83.
5. Кранк, Э. О. Эпистемологические смыслы пространства и времени в контексте феноменологического исследования фотографии / Э. О. Кранк. – Вестник Казанского государственного университета культуры и искусства. –

Казань: изд-во Казанского гос. ун-та культуры и искусства. – 2015. – № 4-2. – С. 9-12.

6. Сонтаг, С. О фотографии / С. Сонтаг ; пер. с англ. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2013. – 272 с.

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С КОМПОНЕНТОМ-ТУРЦИЗМОМ РЕЛИГИОЗНОЙ ТЕМАТИКИ В ЯЗЫКАХ НАРОДОВ БЫВШЕЙ ЮГОСЛАВИИ

Кузнецова Ирина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары

Аннотация: В статье рассматриваются устойчивые сравнения народов бывшей Югославии (боснийцев, македонцев, сербов, хорватов, черногорцев). Рассматриваемые фразеологизмы так или иначе связаны с областью религии и содержат в себе культурную информацию благодаря наличию в их составе лексемы, заимствованной из турецкого языка. В некоторых случаях приводятся инославянские фразеологические параллели той же структурно-семантической модели. Этимология и комментарии позволяют понять внутреннюю форму и семантику устойчивого выражения.

Ключевые слова: фразеология, устойчивые сравнения, лексическое заимствование, турцизм, духовная культура, религия

SIMILES WITH THE COMPONENT OF TURKISM ON RELIGIOUS THEMES IN THE LANGUAGES OF THE NATIONS OF THE FORMER YUGOSLAVIA

Kuznetsova Irina

Abstract: The article deals with similes of the nations of the former Yugoslavia (Bosnians, Macedonians, Serbs, Croats, Montenegrins). The phraseological units related to the religious field contain cultural information due to the presence of lexical borrowings from the Turkish language. In some cases, other Slavic phraseological parallels of the same structural and semantic model are considered. The etymology and commentary give an opportunity to understand the internal form and semantics of similes

Keywords: phraseology, similes, lexical borrowing, Turkish, spiritual culture, religion

«Пять веков находясь под властью Османской империи, все южные славяне, в том числе православные и католики, в той или иной степени заимствуют турцизмы на всех уровнях языка» [7, с. 228]. В языках народов бывшей Югославии их также немало. Лексическим заимствованиям из турецкого языка в сербском и хорватском языках посвящены работы А. А. Алиевой [1] и А. Шкалича [10], в македонском – Е. Е. Ужинина [6]. Турцизмы в народной речи и литературе Боснии и Герцеговины подробно описал А. Шкалич [9]. В фундаментальном труде А. Шкалича и диссертационном исследовании А. А. Алиевой часть лексического материала дополняется фразеологизмами, содержащими в своем составе слова турецкого происхождения. Богатый фразеологический материал во время полевых исследований в современной Боснии и Герцеговине собрал М. С. Хмелевский [8]; в составе фразеологизмов мы видим в основном полностью освоенные в предыдущие столетия заимствования, уже не воспринимающиеся как чужеродные слова.

Надо помнить, что старо-турецкий (староосманский) язык насыщен арабо-персидскими элементами; есть в нем заимствования и из других языков (греческого, иврита и т.п.). Поэтому наблюдаются расхождения в квалификации языка-источника лексем в словаре А. Шкалича [10] и в книге «Речник српскохрватскога књижевног језика» (далее – РСХКЈ) [4]. Так, слово *ćuprija* ‘мост’ Шкалич трактует как грецизм [10, с. 200], при лексеме *terezija* (*terazije*) ‘старые базарные железные весы с двумя чашами – одна для гирь, другая для товара’ стоит помета *персизм* [10, с. 612], а в РСХКЈ эти слова причисляются к турцизмам [4, т. 6, с. 369; 186]. *Зејтин* в обоих словарях квалифицируется как арабизм, причем при заимствовании произошло расширение значения. Ср. *зејтин* (*zejtin, zeitin*) ‘масло растительного (оливковое, подсолнечное, льняное), реже животного происхождения: *рибљи зејтин* ‘рыбий жир’) [4, т. 2, с. 294] и араб. *zäytün* ‘маслина’; *zäyt* ‘масло’ [10, с. 650]. Эти слова встречаются в устойчивых сравнениях (УС): *стајати као на Дрини ћуприја* /стоять как на Дрине мост/ ‘вечно, прочно, незыблемо’; *уједначити се као добре теразије* /уравновешиваться как хорошие весы/ ‘приводить к общему знаменателю, унифицировать; сделать в соответствии с требованиями что-л.’; *одударати од свега као кап зејтина од воде* /отскакивать от всего как капля масла от воды/ ‘как с гуся вода’ и характеризуются как турцизмы [1]. К истории страны, попавшей под власть Османской империи, восходит выражение *pade Bosna ko dozrelo jabuko u sultanovo krilo* /пала Босния, как созревшее яблоко, в объятия султана/ ‘свершилось что-либо неминуемое и заранее предрешенное, чему

невозможно противостоять' [7]. УС *oči kao fildžani* /глаза как чашки/ 'о больших (от удивления или страха) глазах' связано с материальной культурой мусульман [8]. Здесь босн. *sultan* < тур. *sultan* < араб. *Sultān*, а *fildžan* (*филицан*) 'фарфоровая чашка без ручки для черного кофе' опять-таки характеризуются по-разному: как турцизм [4, т. 6, с. 671] и как персизм [10, с. 283]. И это объяснимо: турецкий язык в силу исторических причин стал как языком-источником, так и (часто) языком-посредником между языком-источником и языком-реципиентом.

Так как заимствований самых разноплановых тематических групп из турецкого языка в составе УС народов бывшей Югославии довольно много, ограничимся УС, связанными с религией, а именно – с исламом. Значительное количество исламизмов восходит к арабскому языку – языку Корана, языку веры, что в значительной мере повлияло на языки народов, исповедующих эту религию или имеющих прямые контакты с турецким языком и культурой.

К сфере «Религия» относятся слова, обозначающие культовые строения. Заимствованный через посредство турецкого языка арабизм *џамија* (*džamija*) 'молитвенный мусульманский храм с одним и более минаретом; мечеть' известен всем южным славянам. На территории бывшей Югославии УС с этим словом зафиксированы в Черногории: *жали га ка православни џамију* /оплакивает его как православные мечеть/ (ирон.) [3, № 1382] и на территории Боснии и Герцеговины: *čuvati kao džamiju* 'беречь с большой любовью, заботой'; *sređeno kao u džamiji* 'очень аккуратно'; *čisto kao u džamiji* 'очень чисто' (это УС образовано по модели «чисто + как + в молитвенном храме», ср.: рус. *чисто как в церкви (храме божьем)*; укр. *чисто як у церкві [на великдень]*; болг. *чисто като в църква*; серб. *чисто као у цркви*; макед. *чисто како [во] црква*; хорв. *čisto kao (ko, ka) u crkvi*; словц. *čisto (čistučko) ako v kostole*). Такие разные ассоциации мечеть вызывает потому, что в Черногории (хотя войска Османской империи и вторгались на ее территорию) оставались островки, не покоренные османами; на боснийско-герцеговинском же ареале процесс исламизации проходил достаточно интенсивно.

Байрам у сербов и хорватов – 'мусульманский религиозный праздник', у македонцев – 'мусульманский праздник'; в старо-османском – 'религиозный праздник', 'праздник вообще', 'торжество, юбилей', 'веселье' [Škaljić 1966: 114]. Т.е. в сербском *bajram* – это экзотизм ('мусульманский религиозный праздник'), а в языке боснийских мусульман – 1) 'религиозный праздник', 2) разг. 'обычный праздник' (ср. с текстом объявления в городе Сараево: *Izleti u Istanbul za novogodišnji bajram*). В году их два: Рамазан и Курбан-байрам; это

календарные праздники с нефиксированной датой. Первый наступает после поста Рамазан и длится три дня, второй – спустя два месяца и десять дней после рамазанского поста и продолжается четыре дня. В македонской фразеологии отразилась традиция мусульман во время Байрама и исламского обряда *сунет* (обрезание крайней плоти) определенным образом подстригать детей мужского пола. Этот традиционный для мусульман постриг для немусульманского окружения выглядел необычно, что мотивировало появление УС *потиишиан како Турче за Бајрам, потиишиан како Турче за сунет* «о подстриженном странно, необычно человеке». Славомира Рибарова считает, что под *Турче* подразумевается «ребенок турецкой национальности» [5, с. 139]. Однако слово обозначает не только представителей этноса, но и южнославянских мусульман-славян, принявших ислам («которые в свою очередь правоверных турок называют *османли*») [2, с. 105]. *Turčín* в народных песнях и в обычной речи означает мусульман: «“vlah и turčín” = nemusliman i musliman» [10, с. 624]. Поэтому, на наш взгляд, в УС речь идет о мальчишке-славянине, вероисповедание которого ислам.

С названием девятого месяца мусульманского лунного календаря, месяца строгого поста от восхода до заката солнца (тур. *ramazan* < араб. *ramaḍān*) связано УС *trajati kao ramazanski post* ‘о чем-либо, делящемся очень долго (пейор.)’, возникшее в языке боснийских славян, исповедующих ислам. Оно имеет ту же структурно-семантическую модель, что и рус. *тянется* (длинный, долгий) как *Великий пост*; укр. *волочеся як великий піст*; болг. *дълъг като велики (великите, великденски, великденските) пости*; серб. *дугачак као велики пост*; польск. *długi jak post wielkanocy*.

Фразеологии бошняков известно и УС с противопоставленными планами содержания и выражения *veselo kao na dženazi* ‘очень грустно, тихо’, где *dženaza* (*ценаза*) – ‘мусульманское погребение, похороны’. Слово (< тур. *cenaze* < ар. *ġānāzā*, сокращение от *dženaza-namaz* [10, с. 238]) имеет также другие значения: 1) ‘намаз, совершаемый в мечети по усопшему непосредственно перед похоронами’ (ср. со словами известного писателя Иво Андрича: «То није обична подневна молитва, него ценаза, молитва за покојника» [4, т. 6, с. 913]); 2) ‘мертвец, покойник, умерший’. Однако инославянские тождества фразеосемантической группы ‘неуместные веселье, радость, смех’ (рус. *весело как на поминках (похоронах; веселится (смеется) как дурак на похоронах (поминках)*; укр. *весело як дурному на похоронах*; серб. *весели као на даћи*) позволяют говорить о том, что в УС лексема *dženaza* означает именно похороны.

В выражениях серб. *Да је памет до кадије као што је од кадије, другојаче би било /был бы ум кади, как у кади, было бы по-другому/; Да је*

памети до кадије као од кадије, пуна шака браде /был бы ум кади, как у кади, полная ладонь бороды/ – ‘об очень довольном человеке’ мы видим компонент *кадија* (<тур. *kadi* < ар. *qādī*). Кади(й) – мусульманский судья, рассматривающий дела на основе шариата, т.е. совокупности юридических и религиозных норм, прописанных в Коране. В Черногории слово встречается в выражении *Он зна и умије ка да је учио код кадије* /Он знает и умеет, как будто учился у кадии/ ‘об умном и умелом мужчине’.

Надо отметить, что по сравнению с другими странами бывшей Югославии заимствований из турецкого языка (чаще выступающего в роли языка-посредника), связанных со сферой «Религия», значительно больше на боснийско-герцеговинском ареале, где распространен ислам и где мусульманские религиозные понятия – это реалии повседневности. Об этом свидетельствуют и полевые записи М. С. Хмелевского.

Список цитируемой литературы

1. Алиева А. А. Турецкие лексические заимствования в языке И. Андрича и современном сербохорватском литературном языке : Автореф. дисс. ... канд. филол. наук (10.02.03). – Ленинград, 1983. – 23 с.
2. Керимова М. М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. – Москва : ИЭА РАН, 1997. – 206.
3. Радовић Ј. Збирка народних изрека. – Титоград : Графички завод, 1962. – 247 с.
4. Речник српскохрватскога књижевног језика. – Т. 1–6. – Нови Сад : Матица српска, Загреб : Матица хрватска, 1967–1976.
5. Рибарова С. Етноними во македонските и чешките споредбени фраземи // *Frazeologia a językowe obrazy świata przełomu wieków*. – Opole : Uniwersytet Opolski, 2007. – С. 137–143.
6. Ужинин Е. Е. Турецкие заимствования в языках восточно-средиземноморского ареала : языковые контакты на территории Османской империи : Дисс. ... канд. филол. наук (10.02.22). – Москва, 2008. – 289 с.
7. Хмелевский М. С. Особенности фразеологии города Сараева // Национальное и интернациональное в славянской фразеологии. XV Международный съезд славистов. 20–27 августа 2013 г. – Минск : Беларусь – Greifswald : Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald. Institut für Slawistik, 2013. – С. 227–231.
8. Хмелевский М. С. Отражение истории, культуры и традиций Боснии в языке и фразеологии // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Vol. 60. – № 1. – Budapest : Akadémiai Kiadó, 2015. – С. 79–86.

9. Škaljić A. Turcizmi u narodnom govoru i narodnoj književnosti Bosne i Hercegovine. – Т. 1–2. – Sarajevo : Institut za proučavanje folkloru : Dopunska izdanja, 1957.

10. Škaljić A. Turcizmi u srpskohrvatskom jeziku. – Sarajevo : Svjetlost, 1966. – 662 s.

О ЗНАЧЕНИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ОТРАЖЕНИЯ ПАТРИОТИЗМА В НАРОДНОМ ТВОРЧЕСТВЕ

Наргиз Мелик кызы Кулиева

главный научный сотрудник
Института Археологии и Этнографии
Национальной Академии Наук Азербайджана,
доктор исторических наук, профессор
г. Баку, Азербайджан

Сеймур Ляtif оглу Гасанов

специалист Азербайджанского
Технологического Университета,
докторант
г. Гянджа, Азербайджан

Эльнур Ляtif оглу Гасанов

главный специалист
Гянджинского Отделения НАНА,
доктор философии по историческим наукам.
г. Гянджа, Азербайджан

Аннотация. В статье были отражены научные выводы в пословицах и поговорках о таких родственных ценностях, связанных с любовью к родине как семья, брак, семейные отношения и т.д., созданных азербайджанским народом на протяжении многих веков. Также, впервые были исследованы основные особенности изучения данных фольклорных образцов как важных историко-этнографических источников.

Ключевые слова: семья, пословицы, традиция, поговорки, народное творчество.

ABOUT SIGNIFICANCE OF STUDY OF THE REFLECTION OF PATRIOTISM IN FOLK ART

Nargiz Guliyeva, Seymur Hasanov, Elnur Hasanov

Abstract. Article reflected the scientific opinions in proverbs and sayings about such related values based on love to motherland as family, marriage, family relations etc., created by the Azerbaijani people for many centuries. Also, for the first time have been researched the main features of investigation of these folk-lore samples as an important historic-ethnographical source.

Keywords: family, proverb, tradition, sayings, folk art.

Пословицы и поговорки, включающие в себе мудрость народа, а также результаты жизненного опыта, накопленные на протяжении многих веков - это богатое духовно-эстетическое сокровище [1, с. 249]. Нужно отметить, что в разных странах пословицы и поговорки назывались по-разному, как например «наставленные слова», «крылатые слова» (qanadlı sözlər), «золотые слова», «смех языка», «жемчуг без веревок», «целебные слова», «народная школа», «плоды опыта» и др.

Для выделения глубоких мыслей, идей в разных пословицах, обычно используются отдельные значимые мысли:

«Тяни дерево пока гнется, учи дитятку пока слушается» [2, с. 32].

«Близкий сосед лучше дальней родом» [2, с. 13].

Как в предисловии, так и в разных частях (боях) «Китаби-Деде Коргуд»а есть пословицы и поговорки:

«Долг матери не вернешь».

«Сын творение отца» и др.

В данном эпосе довольно много пословиц как в виде стихов, так и в форме прозы.

Какая же польза, от дедушкина достояния,

Если в уме нет достояния? [1, с. 250]

В отличие от пословиц, в поговорках некоторая идея дается в неполном виде. Например: «Ты выиграл», «Получил по полной?», «Что твое лицо, что верблюжье», «Раздельный брат, чужой сосед», «В мешке конь водится» и др.

Пословицы и поговорки по смыслу очень богаты, они отражают жизнь, быт народа. Среди них встречаются и такие, с помощью которых возможно более углубленное исследование исторического прошлого, традиций наших предков [1, с. 252].

Довольно много пословиц и поговорок отражающих роль и значение родителей в семейной жизни, в воспитании детей:

«Муж и жена одна сатана» [2, с. 74]

«В лесу медведь, а в доме – мачеха» [2, с. 19]

«Жена мужем красна» [2, с. 49]

«У кто есть матушка, у того галовишка гладкая» [2, с. 138]

Место, поведение, важность участия матерей в семье ярко отражены именно в разных пословицах:

«Хорошая жена – юрт» [2, с. 143]

Также интересны пословицы, которые отражают самые разные особенности женского характера, их быт, работу и отношение к другим людям:

«Без хозяина – дом сирота» [2, с. 143]

«Добрая жена дом сбережет» [2, с. 25]

«На немилой жениться – заживо в граб ложиться» [2, с. 76]

В отдельных пословицах можно проследить важность создания семейного очага, воспитание детей. Например,

«Встанешь рано - будешь с работой, женишься рано – будешь с семьей» [2, с. 25]

Или же,

«Трижды человек дивен бывает: родиться, жениться, умирает» [2, с. 135]

Наши предки говорили: – «Без мужа, что без голова» [9, с. 11]

В пословицах особое место занимает значение семьи, ее священность. Например, мужчины, бросающие семьи, создавая новую считаются грешными.

«Больше баб в семье – больше греха» [2, с. 15]

«Птица крыльями сильна, жена мужем красна» [2, с. 112]

В семье дети считаются важными членами. Например, «Дети благ – дать божья».

«Тени дерево, пока гнется; учи дитятку, пока слушается».

«Горько есть, да жаль покинуть».

«Старший брат, как второй отец».

«У бедного дети, а у богатого телята».

«Устами младенцев глаголет истина».

«Без отца - полсироты, а без матери и вся сирота» [2, с. 12].

В семье особое место занимают бабушки и дедушки. Уважение к взрослым считается важным фактором семейной жизни. Бабушки и дедушки имели особое влияние в семье и активно участвовали в воспитании детей:

«Дарку замуж выдать не пира испечь» [2, с. 44].

«Без столбов забор не стоит» [2, с. 12].

«Кто отца уважает, так и детям хорошую долю готовит» [2, с. 65].

«Холостого сватать не посылают» [2, с. 143].

«Все в семье спят, а невестке молоть велеть» [2, с. 25].

«Замолчал, как воды в рот набрал» [2, с. 52].

Нужно отметить, что в формировании пословиц и поговорок особое место занимают фразеологизмы, устойчивые словосочетания. Так например, можно отметить данную пословицу - «Губа появилась раньше зуба». Кажется, что здесь все ясно, нет ничего нового. Но все не так. Если связать данную пословицу с одним случаем, то все становится ясным. Данная пословица служит объяснению родственных связей между людьми [1, с. 259].

Важным показателем, как пословиц, так и поговорок является сравнение. Именно благодаря сравнению мыслей в данных жанрах можно найти главный смысл их. Например, «Собака лает, да караван едет», «Кому беги, кому лови твердить», «Долг платежом красит», «А вы друзья, как ни садитесь, все в музыканты не годитесь», «Апрель с водой - май с травой», «А там хоть трава не расти», «Коза с волком тягалась — одна шкура осталась», «Козел отпущения», «Косу острят на траву, а меч — на главу», «Кошка мышей ловить не устанет, вор воровать не перестанет», «Кошке - игрушки, а мышке — слезки», «Люди ссорятся, а воеводы кормятся», «Лямку три, налегай да при» и др [1, с. 254].

Можно с уверенностью отметить, что почти все отрасли жизни и быта народа отражены в пословицах и поговорках.

Пословицы отличаются от поговорок тем, что первые конкретно имеют ясность, отличаются высокими приемами изложения мыслей. Поговорки же не имеют той четкости, какими славятся пословицы.

Пословицы и поговорки также отличаются тем, что сохраняют в себе основные особенности исторического развития духовных ценностей, формирования характерных черт быта и др. Важным фактором здесь особенно нужно отметить, что установить хронологическую дату данных примеров народного творчества довольно трудно. Примером может служить пословицы и поговорки о народных песнях и других видов народного искусства. Например: «Не видал и слышал песен подобных».

Можно предположить, что данный пример считался одним из древних вариантов народных песен пастухов.

В процессе работы древних людей создавались такие поговорки как:

«По одежке протаивай и поиски» [2, с. 106].

«От плохой состаришься, от хорошей помолодеешь» (Yaxşı arvad kişini bay eylər, yaman arvad-zay) [2, с. 102].

Важным показателем в исследовании пословиц является факт об их близости с загадками. Например: «Шубу два раза в год снимает», «Кто под шубою гуляет?», «Не прядёт, не ткёт, а людей одевает», «По горам, по долам ходит шуба да кафтан», «Заплелись густые травы, закудрявились рога, да и сам я весь кудрявый, даже завитком рога», «Явился в жёлтой шубке:- Прощайте, две скорлупки!», «Вся мохнатенька, четыре лапки, сама усатенька, два яхонта под шапкой», «Зубастых, мохнатый, как есть начнёт - песенку поёт», «Часто умывается, а полотенцем не утирается», «Глазищи, усище, хвостище, а моется чаще всех» и др.

Одним из основных источников создания Азербайджанских пословиц и поговорок является ашугское творчество, стихи. Творчество Азербайджанских ашугов – представителей народного творчества сыграло особую роль в развитии пословиц. Например:

«Близкий сосед лучшее дальней родни» [2, с. 13].

«Чуж-чуженин, а стал семьянин» [2, с. 148].

В пословицах также прослеживаются корни древних традиций, моральных ценностей народа.

«У любви нет глаз» [2, с. 138].

«Я его кола чем, а он меня в спину кирпичом» [2, с. 150].

Несомненно, установить точную дату возникновения пословиц и поговорок довольно трудно [1, с. 253].

Такие примеры пословиц, а также поговорок как «Взгляни на Лейли глазами Меджнуна», «Меджнун от любви сума сошел, а черные языки сказали убежал отдыхать», «Кто пойдет по стопам Меджнуна, тот в конце Лейли найдет» «Умер Фархад, нет клика о ремесле», «Трудится словно Фархад», «Если же мельником стал, позови Короглу», «Короглу говорил: храбрость полнота силы, часть же его осторожность» и др. возникли от разных эпосов, басен, легенд.

Такие жанры народного творчества как лирические стихи – баяты, колыбельные песни и др. служат важным источником создания пословиц и поговорок. Потому что, эти виды фольклора тесно связаны с пословицами между собой. Поэтому, данные жанры служили развитию создания отдельных пословиц. Например:

«Ребенок мой, мед мой,

Дитя обманет мой.

Сладким бывает родной сынок,

Горьким тоже ребенок мой».

Встречаются и такие пословицы, которые до наших дней сохранились в виде баяты (четверостишия) без малейших изменений:

«Выстрели сперва с ружья!
Поправь как надо, выстрели с ружья!»
Молодыми останутся мужа,
С хорошей женой, да с конем».

«Семейная ссора, что весенний дождь». [2, с.132].

Загадки как один из жанров фольклора считается важным источником пословиц и поговорок.

«Яблоко от яблони далеко не падает» [2, с. 32].

С данной точки зрения, семейные отношения нашего народа отражаются в пословицах и поговорках азербайджанцев и их исследование имеет важное значение. Наши нравственные традиции, созданные азербайджанским народом на протяжении многих веков и дошедшие до наших дней в форме пословиц и поговорок, без сомнения отражают наши духовные ценности.

Литература

1. Azərbaycan ədəbiyyatı tarixi. Altı cildə, I cild. Bakı: Elm, 2004. 340 s.
2. Atalar sözləri və məsəllər. Bakı: Azərnəşr, 1971. 258 s.
3. Əbdülqasım Hüseynzadə. "Atalar sözləri və məsəllər". Bakı: Elm və təhsil, 2013. 457 s.
4. Nərgiz Quliyeva. Etnoqrafiya və etnologiya. Bakı: ADPU, 2009. 300 s.
5. Azərbaycan etnoqrafiyası. II cild. Bakı: Elm. 2008. 234 s.
6. Nərgiz Quliyeva. Azərbaycanca müasir kənd ailəsi və ailə məişəti. Bakı: Elm, 2005. 450 s.
7. Elnur Hasanov. About comparative research of poems of “Tresuary of mysteries” and “Iskandername” on the basis of manucrypt sources as the multiculturalism samples. International Journal of Environmental and Science Education. 11 (16), pp. 9136-9143.
8. Nərgiz Quliyeva. XIX-XX əsrlərdə Bakı şəhər əhalisinin ailə və ailə məişəti. Bakı: Elm, 2011. 350 s.
9. П. Зюмтор. Опыт построения средневековой поэтики. СПб., 2002. с. 78-79.
10. Даниленко В.П. Картина мира в пословицах русского народа. СПб.: Алетейя, 2017. 374 с.

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Ленская Наталья Алексеевна

ассистент кафедры иностранных языков,
Санкт-Петербургский государственный
химико-фармацевтический университет,
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В статье рассматриваются различные методики, используемые для преподавания иностранного языка в неязыковом вузе. Приведены основные принципы организации учебного процесса, определены цели и задачи коммуникативного метода. С целью улучшения навыков общения рассматриваются следующие приемы: видеоуроки, общение с носителем языка, игры, просмотры видеофильмов. Уделяется внимание проблемам, которые возникают при обучении студентов с разным уровнем подготовки по иностранному языку. Также поднимается вопрос самостоятельной работы студентов и вопрос мотивации, напрямую связанный с эффективностью обучения.

Ключевые слова: иностранный язык, методы, учебный процесс, самостоятельная работа, мотивация.

NEW APPROACHES TO TEACHING FOREIGN LANGUAGE IN NONLINGUISTIC HIGHER EDUCATION INSTITUTE

N. A. Lenskaia

Abstract. The article examines different methods of teaching a foreign language in a nonlinguistic higher education institution. The main educational principles, goals and tasks of the communicative approach are defined. In order to improve communicative skills, the following techniques are used: video lessons, communication with a native speaker, games, watching video films. Attention is paid to problems that arise when teaching students with different levels of training in a foreign language. It also addresses the issue of student independent work and the issue of motivation, directly related to the effectiveness of studying.

Keywords: foreign language, methods, educational process, independent work, motivation.

Актуальность. В настоящее время существует большое количество различных методик для преподавания иностранного языка в высших учебных заведениях [3, 6, 9]. В связи с тем, что от выпускников неязыковых вузов требуются умения, которые позволяли бы вести диалог как на бытовом уровне, так и в профессиональной сфере, обучение иностранному языку носит многоцелевой характер. Помимо образовательной, воспитательной цели необходимо выделить и основную, практическую цель – развитие коммуникативной компетенции студентов, формирование умений и навыков иноязычного общения. На сегодняшний день для реализации этих целей чаще всего прибегают к следующим методам обучения:

1. Прямой метод.
2. Грамматико-переводной метод обучения.
3. Аудиовизуальный и аудиолингвальный методы.
4. Коммуникативный метод.

При прямом методе обучения преподаватель делает акцент на язык, используемый в повседневной жизни. Обучение происходит в устной форме и в качестве главной цели выступает, в первую очередь, обучение разговорному языку. В процессе занятия используется иностранная литература, и новые темы также объясняются на иностранном языке. Классический грамматико-переводной метод дает углубленное понимание грамматической структуры, тренирует навыки чтения и перевода при помощи грамматических правил, лексической части при этом уделяется недостаточно внимания. Суть аудиовизуального и аудиолингвального методов состоит в передаче языка через четкие структуры, заучивание происходит при помощи аудио и видеозаписей. Студентам показывают видеоролики, художественные и документальные фильмы на иностранном языке как адаптированные так и оригинальные (для студентов с более высоким уровнем владения языком). В этом случае работают одновременно два канала восприятия – зрительный и слуховой, в результате чего в голове студентов возникают ассоциации, что позволяет лучше запоминать язык.

Целью методов является овладение живым, разговорным языком [4, с. 411]. Однако стоит отметить, что на сегодняшний день большинство преподавателей обращаются к коммуникативному методу изучения иностранного языка. Многие считают, что на изучение грамматики при таком методе отводится мало времени, но на самом деле это не совсем верное утверждение. подача грамматической информации происходит в несколько другом ракурсе. После обсуждения какой-либо темы студенты дискутируют по пройденному материалу на иностранном языке, и в процессе этого дискурса выявляются грамматические пробелы, которые, преподаватель, в

свою очередь, исправляет и разъясняет при помощи дополнительных упражнений. Также для изучения языка преподаватель может использовать различные коммуникативные игры в случае когда студентам предлагается разделить на группы и потом внутри группы происходит дискурс на выбранную тему и аргументация своего выбора. Эффективными приемами являются использование текстов с иностранных форумов, проведение видеоуроков с носителями языка, разнообразные совместные проекты, подготовка презентаций на иностранном языке. Суть данного метода заключается в создании реальных ситуаций общения. Очень важным является то, что он обладает огромным разнообразием упражнений: здесь используются ролевые игры, диалоги, симуляции реальной коммуникации [7, с. 85]. Коммуникативные методы обучения характеризуются следующими чертами [11]:

- Целью обучения является не только освоение грамматического или лингвистического материала, но и коммуникативной компетенции, которая, в свою очередь, охватывает социокультурную и компенсаторную цели.

- Организация речевого материала ориентирована прежде всего не на форму, а на его функцию в процессе обучения.

- Передача или восприятие нужного сообщения являются первостепенными задачами, а лексическая и грамматическая правильность выносятся на второй план.

- Конечной целью коммуникативно-ориентированного обучения является использование языка в неотработанных и неотретированных контекстах под руководством преподавателя.

- Выбор материалов, их аутентичность, а также информационный пробел и обратная связь являются характерными чертами коммуникативного метода обучения.

Важную роль в обучающем процессе играет самостоятельная работа студентов, так как зачастую в неязыковых вузах наблюдается нехватка аудиторных часов. Такая проблема решается за счет так называемого вариативного компонента, который предполагает проведение практических занятий по профессиональному иностранному языку преподавателями профильных кафедр. На таких занятиях рассматриваются проблемы, связанные напрямую с профилем подготовки, и предполагают обсуждение таких проблем на более компетентном, профессиональном уровне [1, с. 25]. Задания для самостоятельной работы должны, в первую очередь, представлять интерес для студентов, что, в свою очередь, будет повышать их мотивацию при изучении иностранного языка. Например, как показывает практика, чтение иностранной периодики по выбранной специальности

помогает не только быть в курсе последних новостей, но и помогает расширить словарный запас, улучшить грамматические и письменные навыки. Многообразие журналов, газет позволяет заниматься со студентами с различным уровнем подготовки по иностранному языку, а разнообразные статьи будут интересны для самостоятельного изучения [8, 10].

Эффективность обучения напрямую связана с мотивацией студентов к изучению иностранного языка. Низкая мотивация обусловлена ограниченностью применения иностранного языка в учебных, профессиональных условиях. И здесь для профильных кафедр и кафедр иностранных языков есть широкое поле деятельности в сфере налаживания международных образовательных и исследовательских контактах, совместных международных проектов, академических обменов и пр. [2, с. 127]. Совместное творчество объединяет и придает дополнительную важность объединяющему началу, которым, в частности, в условиях конкурса, является необходимость освоения определенных языковых явлений, как бы малозначительны они ни были [5, с.482].

Помимо мотивационной проблемы, можно выделить следующий круг проблем, характерных для неязыковых специальностей:

1. Разный уровень владения иностранным языком.
2. Сложность разработки единого учебно-методического плана для неязыковых специальностей ввиду неодинакового уровня подготовки студентов.
3. Проблема работы со студентами, имеющими «нулевые» знания по иностранному языку.

Разумеется, все эти проблемы тесно взаимосвязаны и следует отметить, что эффективность современных методов обучения иностранному языку зависит от многих факторов. В связи с дефицитом учебного времени в неязыковом вузе занятия должны иметь комплексный характер. Каждому аспекту (фонетике, грамматике, аудированию, чтению, разговорной и письменной речи) необходимо уделять внимание с целью рационального использования аудиторных часов. Преподавателю лучше действовать в рамках лично-ориентированного подхода, что может выражаться в подборе индивидуальных учебных материалов, дополнительных заданий и текстов для студентов с разным уровнем владения языком. Все используемые материалы должны быть аутентичными, способствующие повышению мотивации, а профессионально-ориентированный характер обучения отражаться в учебной цели и содержании обучения.

Литература

1. Аксенова Н.В., Шепетовский Д.В. Организация внеаудиторной работы студентов как мотивация к изучению английского языка в техническом ВУЗе // Молодой ученый. - 2014. - №7.
2. Батунова И.В. Современные педагогические технологии на уроках иностранного языка как важное условие повышения качества образовательного процесса // IV Международная научно-практическая конференция: Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия - Новосибирск: Международный научный институт «EDUCATIO», 2014. - С. 126-128.
3. Вагина И.В. Сравнительный анализ систем профессионального образования России // Наука и школа - М.: МПГУ. – 2010. - № 6 - С. 25-26.
4. Громова О.А. Аудиовизуальный метод и практика его применения - М., 1977.
5. Домашнев А.И. Методика преподавания английского языка в педагогическом вузе - М., 1983.
6. Методика преподавания иностранных языков на новом пути // Иностранные языки в высшей школе / Под ред. М.В. Гумилева. - М.: МПИ, 1952. - Вып. 1. - С. 3–15.
7. Мильруд Р.П., Максимова И.Р. Современные концептуальные принципы коммуникативного обучения иностранному языку // Иностранные языки в школе - № 4, 2000.
8. Нечаев Н.Н. Психолого-педагогические основы разработки современных образовательных технологий в обучении иностранным языкам // Современные средства реализации целей обучения иностранному языку по новой программе (неязыковые вузы) / Под ред. К.Г. Павловой. - М: МГЛУ. - Вып. 467. - 2002 - С. 5-22.
9. Павловская И.Ю. Методика преподавания иностранных языков // Обзор современных методик преподавания - Изд-во Санкт - Петербургского Ун-та, 2-е изд. - 2003. - С. 3-4.
10. Панюшина О.А. Некоторые особенности преподавания иностранного языка с использованием информационных технологий в современных условиях // Обучение и воспитание: методики и практика 2013/2014 учебного года / Сборник материалов VII Международной научно-практической конференции (г. Новосибирск, 2 октября 2013 г.) - Новосибирск: ЦРНС, 2013. - С. 79-85.
11. Munby J. Communicative Syllabus Design - Cambridge: Cambridge University Press, 1981. - 238 p.

МОТИВ СВЕТА И ТЬМЫ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Е.САДУР «ИЗ ТЕНИ В СВЕТЕ ПЕРЕЛЕТАЯ»

Ляпаева Лариса Васильевна

кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им.
И.Н.Ульянова»
г. Чебоксары

Аннотация. В статье анализируется повесть Е. Садур «Из тени в свет перелетая» с точки зрения мотивов света и тьмы как бинарных. Выделены другие мотивы - красоты и смерти, сада и леса, духовных исканий, проблема веры как опоры в жизни.

Ключевые слова: Е.Садур, мотив света и тьмы, хронотоп, духовные искания.

THE MOTIF OF LIGHT AND DARKNESS IN THE WORK OF E.SADUR "OUT OF THE SHADOWS INTO THE LIGHT FLYING"

L.V.Lyapaeva

Abstract. The article analyses the novel E. Sadur "out of the shadows into the light flying" in terms of the motivations of light and darkness as binary. Other motifs-death and beauty, spiritual quest, the problem of faith as a foothold in life.

Keywords: E.Sadur, motif light and darkness, chronotop, spiritual quest.

В современной литературе выделяется значительный пласт произведений, посвященных судьбе женщины. Как правило, это очень эмоциональная проза, в которой фабульность отступает на второй план, а образы героинь лишены романтического ореола, в их жизни есть лишь ностальгия по идеалу, их настоящее – безнадежный замкнутый круг. Таковы произведения Л.Петрушевской («Страна», «Отец и мать»), Е.Чижовой («Время женщин») Л.Улицкой («Сонечка», «Пиковая дама»), в этом же ряду и произведение Е.Садур. Повесть Е.Садур «Из тени в свет перелетая» характеризуется монтажной композицией, сущность которой определяется дискретностью изображаемых событий, разбитостью на фрагменты. В этом

случае оправданным оказывается анализ сквозь призму мотивной структуры. Об актуальности данного подхода исследователи замечают следующее: «Фабула все меньше используется в романах. Мотивная структура приобретает решающее значение для наррации [1, 299].

В романе изображен мир глухой провинции, который состоит из ряда констант - хронотопов, где протекает жизнь героев: школа - больница-церковь - универмаг - театр - дома (лачуги). Быт и бытие определяется этими пространственно-временными координатами, эмоциональная атмосфера которых дополняется ссорами и конфликтами с соседями. Герои привязаны к этому миру, перемещения носят стихийный характер и ничего не меняют в жизни людей, мир их замкнут, безысходен. В эпицентре изображения история одной семьи, взятая в нескольких поколениях-историях женщин, их несостоявшегося семейного счастья и любви: прабабки Зои, бабушки Алисы, ее дочери Инессы Доновой и внучки Лизы. Судьбу каждой из героинь пронизывают мотивы света и тьмы, становясь сквозными, лейтмотивными, не случайно они укоренены в названии произведения, являющимся реминисценцией из стихотворения А.Тарковского «Бабочка в госпитальном саду». В оппозиции названия «свет и тьма» выделена не статика, а движение из тени в свет. Эпиграф из «Кондака на преставление Серафима Саровского» («Мира красоту и яже въ нем тленная оставив...») вводит новый мотив - «красоты» как закона гармонии мира, тесно связанный с мотивом смерти как кратковременном пребывании человека в мире. В итоге весь заголовочный комплекс (название плюс эпиграф) носит духовно-христианский характер [4,141]. Известно, что понятия «свет» и «тьма»-понятия евангельские, сущность которых многократно интерпретируется в тексте Библии, в частности, в «Евангелии от Иоанна», становясь оценочными, превращаясь в универсальные критерии поведения: «...свет пришел в мир, но люди более возлюбили тьму, нежели свет, потому что дела их были злы, а поступающий по правде идет к свету». Здесь четко определены законы жизни: есть свет и тьма, и есть дела человеческие, которые ведут либо к свету, либо к тьме.

Мотив красоты имеет прямое отношение к девочке Лизе, что подчеркивается несколько раз в самом тексте через рецепцию окружающих: «Лицо Лизы обещало быть редко красивым, и уже сейчас в размягченных совсем по-детски чертах угадывалась будущая красота» [5,15]. Однако красота понимается широко, в аспекте духовно-нравственном. В Лизе все «настоящее»: и голос, и поведение, и понимание жизни, и поступки. Она щедро одарена природой, талантом, пишет стихи, тянется к искусству. Но в среде, где все представления искажены и перевернуты, остаться ангелом

просто невозможно. В произведении есть два контрастных эпизода, в которых раскрывается душа героини. Первый эпизод в универмаге, куда девочка заходит каждый раз после школы, чтобы через витрину посмотреть на игрушки, которых у нее нет (лейки, совки, посуда). Там она видит, как мать одноклассника Димки Югова покупает ему грузовик и солдатиков. От отчаяния она просит у своей матери 15 копеек на детскую посуду и получает их, но вынуждена у дверей универмага отдать их «алкашам», которые напомнили об ответном ходе. Так из мира света (детской мечты) девочка оказывается в мире страшной реальности - тьмы. Второй эпизод связан с «отдыхом» матери в компании пьющих шабашников и Танечки Зотовой, актрисы, для которых все происходящее – норма. Но для Лизы это и есть тьма жизни: «Лиза шла в глубь леса... Она хотела совсем уйти в лес, чтобы даже голосов их не слышать... Она хотела, чтобы лес сомкнулся над ней, как вода, что как будто ее и нет совсем» [5, 26]. Душа Лизы чувствительна, отзывчива и благодарна. Так, ощущение детского счастья и радости в ней возникло из будничного эпизода, когда бабушка Алиса гладила простыни, а солнечный свет играл на них. И в ней живет эта память о счастье. Однако провинциальный мир не прощает ей ничего: ни хорошей учебы, ни стихов, которые она читает перед зрителями на конкурсе в день Победы, ни красоты. Важно, что стихотворение, которое она выбрала, называется «Сад» - так вводится еще одна смысловая мотивная оппозиция «лес-сад» как альтернативы жизненных ориентиров, при этом сад ассоциируется с гармонией, а лес – с хаосом [2, 50-51].

Светоносное начало в романе воплощено в образах икон - «Николая Угодника и Богородицы Всех Скорбей с кинжалами в ладонях», оставшихся от прабабки Зои, умершей в конце войны, молившейся по ночам, а днем иконы тщательно скрывались от постороннего взгляда. После смерти Алисы иконы потерялись, о них Лиза даже не вспомнила, но потом она как бы случайно на них наткнулась, и они «заговорили». Глядя на эти семейные реликвии, Лиза произносит: «Как же Тебе не больно... Я поняла, я так люблю Бога, что мне хочется плакать» [5,22]. Инесса, несмотря на то, что является «пятном района », потому что пьет, понимает свою дочь и говорит: «Это от молитв. Когда читаешь молитву, все отчаяние души вмещается» [5,22].

В судьбе каждой из героинь проступают одни и те же жизненные ситуации, которые надламывают характер и не дают возможности реализовать лучшие качества и свойства души. Этим объясняются метания героинь от тьмы к свету. Почти зеркально отражаются одни и те же ситуации в жизни Зои - Алисы – Инессы – Лизы. Но в судьбе каждой из них возникает

своя альтернатива как противостояние тьме, и связана она с обретением или утратой веры в безбожном мире. И эти переходы свидетельствуют о неустойчивости, неспособности противостоять активному злу. Так оказывается загубленным талант Инессы, которая пишет стихи, работая гардеробщицей в театре, пьет, собирает милостыню, тянется к церкви, но получает не спасительную беседу от о.Александра, а сухие рекомендации читать молитвы, что не спасает от пагубной страсти. Смерть бабушки Алисы и последующие за ней ритуальные действия завершаются падением Лизы, которое она осознает сама спустя время, но это всего лишь повторение эпизода из жизни Инессы. Стихийные пути героини по жизни становятся осмысленными, когда к Лизе возвращается память рода, веры, и она видит все события как звенья одной цепи, когда все церковные ритуалы видятся ей знаками новой жизни, а за прошлое становится совестно [3,94]. Это происходит накануне Пасхи, когда Лиза находит в бабушкиной комнате иконку Богородицу Всех Скорбей, и ее ощущения преображаются: «Я нашла ее, и мне так же стало, как тогда в детстве, перед Пасхой, так же хорошо, до слез. Я поняла: вернулось! А ночью приснилась мне Пасха, будто бы меня нарядили Богородицей и водят вокруг церкви...как же мне теперь быть, когда я только что вспомнила, как надо, и первое счастье вернулось, а я тут же во сне насмеялась над этим?» [5 ,34]. Мотив веры как опоры в жизненных ситуациях пронизывает всю повесть, с этой целью вводится экскурс в предысторию семьи, когда эпизоды из жизни одной героини зеркально отражаются в последующих поколениях. Однако повесть не завершается обретением истинного пути Лизой, но смысл жизненных исканий героини, открывается через подтекстовость всей цитаты, вынесенной в название:

Из тени в свет перелетая
(Она сама и тень и свет)
Где родилась она, такая,
Почти лишенная примет?[6,66].

В этом контексте жизнь героини-это бесконечный путь соприкосновения со злом жизни и отталкивания от него («перелет») ,поэтому она « и свет и тень» вбирает в себя одновременно.

Литература

1.Багратион – Мухранели И. Мотивная структура как один из способов трансляции традиции //Русский традиционализм: история, идеология, поэтика, литературная рефлексия. Серия «Универсалии культуры».Вып. VII: монография/отв. ред. Н.В.Ковтун.- М.: Флинта: Наука, 2016. С.299-316.

2.Евдокимова О.К.,Ляпаева Л.В.,Федяй С.В. Концепт «сад» в русской и чувашской литературе XIX-XXвв. (А.П.Чехов,И.А.Бунин, А.С.Артемьев)//Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я .Яковлева. 2017.Т.2.№3(95).С.50-58.

3.Ляпаева Л.В. Концепт пути и его национальная специфика в творчестве Б.К.Зайцева// Нижегородский текст русской словесности: сборник статей по материалам V Международной научной конференции/Отв.ред. В.Т.Захарова. При поддержке РГНФ (проект №15-04-14068).- Н.Новгород: Мининский университет, 2015.-С.94-97.

4. Ляпаева Л.В. Название и эпиграф как способ формирования «горизонта ожидания» в рассказах Б.Зайцева «Волки» и «Земная печаль»// Русская литература в современном культурном пространстве. Литература о литературе. Проблема литературной саморефлексии: материалы V Всероссийской конференции (2-3 ноября 2009 года).-Томск :Издательство Томского государственного университета, 2010.- С.141-146.

5. Садур Е. Из тени в свет перелетая//Знамя .-1994.-№8. С.7-34.

6.Тарковский А. Быть самим собой. –М.:Советская Россия.-1987.-256 с.

УДК821.161.1Буйда.01 «Повесть о крылатой Либерии»

МИФОЛОГИЗАЦИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИИ Ю. БУЙДЫ «ПОВЕСТЬ О КРЫЛАТОЙ ЛИБЕРИИ»

Ляпаева Лариса Васильевна

кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Чувашский государственный
университет им. И.Н.Ульянова»
г. Чебоксары

Аннотация. В статье анализируется произведение Ю. Буйды «Повесть о крылатой Либерии» с точки зрения мифологизации действительности. Отмечается, что мифологизация становится основным принципом создания художественного мира. Прием повтора, введение предысторий героев имеют большое значение для поэтики писателя. В данном произведении они способствует формированию мифа о герое.

Ключевые слова: Ю.Буйда, «Повесть о крылатой Либерии», мифологизация, чудо, повтор, предыстория.

MYTHOLOGIZATION IN THE WORK YU. BUYDA "STORY ABOUT WINGED LIBERIA"

L.V.Lyapaeva

Abstract. The article analyzes Yu. Buida's novel "the Story of the winged Liberia" from the point of view of mythologization of reality. It is noted that mythologization becomes the basic principle of creation of the art world. The reception of repetition, the introduction of the backstories of the characters are of great importance for the poetics of the writer. In this work, they contribute to the formation of the myth of the hero.

Keywords: Yury Buyda, "the Story of a winged Liberia", mythologizing, wonder, repeat, background.

Особенностью современной постмодернистской прозы является обращение к событиям и фактам мировой и русской истории, отдаленных и ближайших эпох, однако ракурс изображения существенно отличается от реалистической эстетики. Это отличие исследователи назвали «постмодернистским квазиисторизмом», сущность которого определяется тем, что исторический факт важен не сам по себе, а существует в контексте биографии человека, поэтому он носит прикладной характер, допускающий некоторую неоднозначность трактовки [7,478]. Так, в частности, в романе Ю.Буйды «Синяя кровь» жители Чудова утверждают, что « Гитлер – незаконный брат Сталина»[3,15]. И этот дискурс выявляет и ироничность, и абсурдность, и игровое начало, и квазиисторизм, но при этом важна и мысль о том, что названные исторические личности действительно «братья» по созданию тоталитарной модели государства. В аспекте «постмодернистского квазиисторизма», по мнению литературоведов, развиваются творческие искания В.Залотухи, Викт. Ерофеева, В.Пьецуха, В.Шарова, М.Кураева, М.Берга, Ю.Буйды [7,478]. Для творчества Ю.Буйды характерно обращение к событиям гражданской войны, коллективизации, Великой Отечественной войны («Полный бант», «Ермо», «Прусская невеста», «Синяя кровь», «Повесть о крылатой Либерии»), но писателя интересует в первую очередь феномен судьбы человека во времени, и эта установка определяет особый принцип изобразительности, который связан с созданием мифа о герое [6,59]. Подтверждением является и предисловие автора к одному из сборников рассказов, в котором Ю.Буйда писал следующее: « Я не знал иного способа постижения этого мира, кроме сочинения этого мира....Это было творение мифа» [2,8]. Творчеству Ю.Буйды в большей степени, на наш взгляд, соответствует формула «мифологический реализм», включающая в себя

упорядочивание стихийного начала жизни. В центре нашего внимания «Повесть о крылатой Либерии», которая интересна с точки зрения мифологизации реальности. Изображаемые события в повести относятся к исторической эпохе 30-40 - годов XX века. В «Повести о крылатой Либерии» архетипический миф о чуде, о герое, о подвиге реализуется через становление и преобразование Либерии под влиянием обстоятельств, личных (ее любовь) и народных (война) [5,174]. Важно, что в центре внимания повести не герой мужчина, что традиционно для мифа, а героиня. Выстраивание мифа начинается с необычного факта рождения героини - Либерия родилась с крыльями. Отец Иван Бортников гордился, что произвел человека «новой породы», который положит начало «преображению человечества, окрыленного и свободного от унижительного притяжения к земле и другим старым ценностям и идеалам» [1,150]. Известно, что после гражданской войны одна из идей создания новой страны была связана с мифом о «человеке новой породы» и о светлом будущем, которым оправдывались все жертвы революционных событий. Именно поэтому внешность Либерии воспринималась отцом, убежденном в правомерности действий новой власти и самому причастному и к революции, и к продразверстке, и к коллективизации, не как уродство, а как реализованное чудо, к которому склонна была вся его семья в прошлом. Развертывание фольклорно - мифологического дискурса «чудо» далее дано в ироническом модусе, многократно варьируясь, начиная с семантики названия городка, где происходит действие (Чудов), продолжая упоминанием о прабабке, «умеющей разговаривать со змеями», и прадеде, уверовавшем, что если он прыгнет с колокольни, то вырастут крылья, но вырос хвост [10, 56-57]. В этом ироническом спектре дан и образ Либерии, которой крылья мешали ходить, поэтому она все время и сидела на жердочке, под навесом, и далека была от идей «настоящей жизни» [1, 175-181]. В духе времени отец занимался ее самообразованием, особое внимание уделяя изучению трудов К.Маркса. Но если весь мир устремлен был в будущее, то Либерию мысль о будущем пугала, она не видела в нем себя. Отец, взяв ее на охоту, увидел, что она принесла добычу, справившись с функцией собаки, и понял, что ее будущее - в доставке разных почтовых отправок, «собрания сочинений Троцкого», например. Так происходит «заземление» мифа, движение от необычного (чудесного) к обыденному [4,60; 8,105]. Столь подробная предыстория Либерии и нескольких поколений ее семьи необходима для формирования собственно мифа о герое. Однако становление Либерии далее проходит несколько этапов, и начинается с освоения надземного пространства, с ее первого полета над городком, когда она поднялась выше

стометровой колокольни храма Вознесения Господня. Определилась и «география» полета, его время («под луной»): Либерия делала круг над Чудовом, уходила в сторону Москвы, где «высился грозный замок с зубчатыми стенами и башнями, увенчанными алыми звездами» [1, 152]. Мифологизирован и реальный образ Кремля, превратившийся в сказочный замок. Полет стал ее естественным состоянием, где ей было «хорошо, вольно и сладко». Второй очень важный этап определен встречей Либерии с летчиком самолета «И-16» Николаем Городецким в небе и зарождением чувства любви. В жизни им не пришлось встретиться, Николай «боялся разрушить на земле то, что было живо в небе» [1,154]. Однако кульминацией крушения мифа о любви Либерии является смерть - подвиг Николая Городецкого в конце июня 1941 года, когда все происходит на ее глазах, а сама Либерия ранена. Эта же ситуация подготавливает Либерию к совершению подвига. Далее изображение реальных событий дано не средствами реалистической эстетики, а опять в сказочно - мифологической модальности: летчики Люфтваффе получили приказ «стереть с лица Земли русскую столицу», уничтожив и «грозный замок с зубчатыми стенами и башнями, увенчанными алыми звездами» [1,154]. Повтор какой - либо детали или ситуации – любимый прием в творчестве писателя, выполняющий разные функции, о чем неоднократно упоминают исследователи [6,62;11,191]. В данном произведении повторяющаяся деталь (Кремль – замок) способствует мифологизации действительности.

В любом мифе четко выражено разделение добра и зла, при этом важна победа добра над злом. И в сознании Либерии действия «лучших летчиков Люфтваффе» оцениваются как зло жизни: «Зло стремительно приближалось, и Либерия вдруг поняла, что должна сделать...она устремилась навстречу германской армаде» [1,155]. Столкновение «крылатой женщины» с флагманским самолетом, которым управлял лучший пилот рейха Фридрих фон Лилиенкрон, было мгновенным и смертоносным для всех, но в итоге устоял «грозный замок». В этом главном эпизоде, характеризующем мифологическую героиню, подчеркивается красота ее облика в рецепции врага: «...это был не русский истребитель, а женщина - крылатая женщина. Она была огромна и красива, и тело ее было охвачено ярким и яростным пламенем, и никогда еще Фридрих фон Лилиенкрон не видел ничего прекраснее» [1,156]. В повести структурно выделен нарратив о предыстории летчика Люфтваффе, его семье, взглядах, культуре. Но эта предыстория Фридриха фон Лилиенкрона изложена в стилистике реалистической поэтики, в то время как предыстория Либерии дана с установкой на миф. Эти две предыстории контрастны по отношению друг к другу. Повторы и

предыстории создают такую композиционную особенность повести, как симметричность.

Однако Либерия и Фридрих фон Лилиенкрон - это герои сознательного, а не стихийного действия, решительного поступка, смысл которого сугубо индивидуален и определен принадлежностью к разным этническим мирам [9,236;12,122-123]. Лилиенкрон – олицетворение немецкой культуры, дед которого герой франко-прусской войны, отец - друг Хайдеггера, сам Фридрих защитил диссертацию о Рильке, поклонник творчества Ф. Достоевского. К войне он относился не как к трагедии, а философски, как к «высшему проявлению абсолютного духа» [1,155]. Финальная сцена, где происходит гибель Лилиенкрона, передает нам работу сознания героя, его размышления над фразой Рильке, которой завершается письмо отца: «...прекрасное – то начало ужасного, которое мы еще способны вынести» [1,157]. Однако в структуре повествовательного дискурса повести смерть героев дана как сознательный выбор, который входит в систему координат, являющейся запредельной тайной бытия, где соединены смерть, любовь и Бог.

Мифологизация событий Великой Отечественной войны позволила Ю.Буйде раскрыть повторяемость и универсальность моделей исторического развития, показать абсурдность войны.

Литература

1. Буйда Ю. Повесть о крылатой Либерии // Любовь, или Не такие, как все: сборник рассказов. -М.: Изд-во «Э»,2016.- С.149-156.
2. Буйда Ю.В. Прусская невеста.-М.:Эксмо,2015.-704 с.
3. Буйда Ю. В.Синяя кровь.-М.:Эксмо,2012.-320 с.
4. Бычкова О.А. Герой в символическом пространстве романа А.Иванова и фильма А.Велединского «Географ глобус пропил» //Литература в школе .-2016.-№4.-С.17-19.
5. Иванова Н.А. Мотив подвига в романе Б.Зайцева «Дальний край»//Образ народной культуры в литературе. Сборник, посвященный 65 – летию со дня рождения Д.В. Абашевой.-Чебоксары :Новое время.-2016.- С.173-176.
6. Иванова И.К. Нарративный дискурс в творчестве Г.Грасса и Ю.Буйды //Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева- 2017.- № 3(95)Ч.2-С.59-65.
7. Лейдерман Н. Л.,Липовецкий М.Н. Современная русская литература 1950-1990-е годы.В 2т.:учеб.пос. Т.2.-М.:Изд.центр «Академия»,2006.- 688 с.

8. Ляпаева Л.В. Мифопоэтика рассказа И.Шмелева «Гассан и его Джеджи»//Проблемы культуры в современном образовании: глобальные, национальные, регионально-этнические. Сб. науч. ст. под редакцией Г.Л. Никоновой, А.В. Никитиной. - Чебоксары :ЧГПУ,2015.-С.104-106.

9. Ляпаева Л.В. Система мотивов в произведении З.Прилепина «Патологии» // Нижегородский текст русской словесности: сб. ст. по материалам VI Международной конференции/Отв. ред. В.Т.Захарова При поддержке РГНФ(проект№17-04-14074г).-Н.Новгород:Мининский университет,2017.-С.233-237.

10. Романова Т.Н. Зоонимы в художественном тексте (к вопросу об использовании ономастического материала в подготовке филологов) // Инновационные подходы в обучении лингвистическим дисциплинам в национальном педвузе: проблемы, перспективы, опыт.Ч.1. Мат. Всерос. конф. - Чебоксары: Изд-во Чуваш. пед. ун-та,2011.-С.56-60.

11.Савельев И. Буйда 2:0. Юрий Буйда // Вопр. лит. -2012.-4.С.188-201.

12.Сарбаш Л.Н. Инонациональное полиэтническое направление русской литературы XIX века: репрезентация полиэтнической Волги // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я.Яковлева - 2017.- № 3(95)Ч.2- С.122-128.

**МОДЕРН И НЕОГОТИКА
В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ КОНЦА XX ВЕКА**

Никитина Александра Валерьевна

кандидат философских наук,
доцент кафедры литературы и культурологии
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева
г. Чебоксары

Боровая Мария Александровна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной и всеобщей истории
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева
г. Чебоксары

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о модификации неоготики в конце XIX века. Авторы предполагают, что неоготика в модерне имеет артистическую природу и является своего рода жестом, применявшимся для репрезентации важных смыслов для купечества и иностранцев, живших в России.

Ключевые слова: неоготика, модерн, архитектура, артистизм.

**ART NOUVEAU AND GOTHIC REVIVAL ARCHITECTURE IN RUSSIAN
CULTURE OF THE END OF THE XX CENTURY**

**Nikitina Alexandra
Borovaya Maria**

Abstract. The article deals with the question of the modification of neogothic at the end of the XIX century. The authors suggest that neogothic in modernity has an artistic nature and is a kind of gesture used to represent important meanings for merchants and foreigners who lived in Russia.

Keywords: neogothic, modern, architecture, artistry

Большую роль в оформлении модерна в России оказали заметно участвовавшие к концу XIX века русско-европейские художественные связи. Многие русские художники и архитекторы получали дополнительное образование при университетах, школах и студиях Европы, что расширяло возможности русского искусства. Формирование русского модерна также произошло благодаря влиянию купеческой культуры. С. Мамонтов, С. Рябушинский, А. Морозов и др. были частыми посетителями европейских городов. Роскошество, изящность и необычайность европейского модерна и вообще архитектуры формировали их художественный вкус. Поэтому в России здания в стиле модерн появляются, прежде всего, в купеческой сфере. Так, особняк А. Морозова, проект которого выполнен архитектором Виктором Мазыриным, создан под влиянием неомавританской архитектуры (дворец Пена в Синтре), английская готика повлияла на формы особняка С. Рябушинского.

В русской архитектуре модерн развивался в нескольких направлениях. Первое направление было связано с деятельностью Абрамцевского кружка. Второе – опиралось на сочетание приемов стилизации, основные принципы которого были выявлены художниками Абрамцево, и общеевропейского стиля ар-нуво. Третье направление было сформировано неорусским стилем с его гипертрофированными формами национального древнерусского зодчества домонгольского периода. Четвертое направление обозначилось под прямым влиянием школ западноевропейского модерна: Венский сецессион, школа Макинтоша, бельгийская архитектура, финский национальный романтизм.

Модерн был достаточно пластичным стилем. Архитектурные особенности модерна зависели как от региона, так и от общей градостроительной концепции. Основным типом архитектуры модерна в Москве был частный особняк, а в Петербурге – доходный дом. Москва, которая поражала разнообразием, цветом, пространственной свободой, определила и существенные особенности московского модерна. Возможность свободной постановки здания, не ограниченной другими постройками определила пластическую выразительность масс, разнообразие композиционных приемов, зрелищность фасадов, цельность и объемность особняков. В Петербурге модерн был вынужден вписываться в строгий и классический контур города. Модерн здесь более сдержан, более регламентирован, более выдержан. Возможно, здесь сказало влияние новой архитектуры скандинавских стран с их стремлением к претворению

национальных мотивов в орнаменте, к широкому использованию натурального камня и дерева, к суровости форм. Финские архитекторы А. Гезеллиус, А. Линдгрен, Э. Сааринен оказали большое влияние на архитектуру «северного» модерна. Новаторским оказалось решение пространственного положения здания в петербургской вариации модерна: замкнутый «двор-колодец» раскрывается в *курдонер*. «Северному» модерну были присущи черты рациональности, которые проявлялись в геометричности и графичности форм, в тонком гармоничном сочетании камня и кирпича, металла и стекла. Московский модерн – безудержно яркий, синий, голубой, светло-желтый, «северный» – серый, сдержанный из-за частого использования в оформлении зданий серого гранита.

Особое влияние на русский модерн оказал готический стиль. Готика заражала модерн романтичностью и возвышенностью духа, причудливой архитектурной декорацией, смелостью в пространственных решениях, внутренней органичностью образа, единством архитектурной формы и конструкции (т.е. декоративных и функциональных элементов).

Готика «вернулась» на архитектурную арену уже в начале XIX века благодаря Огастесу Пьюджину – английскому архитектору, который вдохновлялся этим средневековым стилем в строительстве современных ему сооружений.

Выдающимся мастером русского архитектурного модерна, соединившим готику и модерн, был Федор Шехтель, который уже в одной из первых своих крупных работ – особняке З. Г. Морозовой, использовал композиционные и декоративные приемы готики. Выбор данного стилевого направления объясним, хотя достаточно странен. Дело в том, что во многом российская архитектура тогда находилась под влиянием национальных идей, которые были взрощены в эпоху Николая II. Обращение к стилистике английской неоготики было, с одной стороны, своего рода вызовом аристократическому миру со стороны «нуворишей», а с другой, знаковой репрезентацией викторианского мира, к которому таким образом оказывались причастными люди нового мира.

Особняк З. Г. Морозовой создан как средневековый фантастический замок, населенный волшебными существами: в парадных интерьерах здания в оформлении использованы сказочные существа, которые создают определенное настроение загадочности и таинственности, парадная лестница с перилами, перевита змеями и драконами, окно-витраж обращен в сад. Особое внимание уделил Ф. Шехтель интерьерам, созданным в стиле английской готики. Немаловажную роль в этом сыграл М. Врубель, исполнивший декоративные панно «Утро», «Полдень», «Вечер»,

экспрессивную скульптуру «Роберт и монахини», расположенную у входа на парадную лестницу. Рыцарская тема поддержана гобеленом на стене лестницы с изображением средневековой охоты, а также соответствующей атрибутикой в орнаменте и украшениях.

Проектирование особняка З.Г. Морозовой знаменовало начало реального процесса пересмотра норма регулярного градостроительства: в частности, сформировалась свободная по отношению к улице композиция здания. Кроме того, Ф. Шехтель смог не только выразительно соединить богатый декор с лаконичной формой, но и создать гармоничное разнообразие фасадов здания. Таким образом, представление об общем облике здания можно получить, лишь обойдя его со всех сторон. Особняк акцентирован угловой башней, которая является композиционным стержнем всех объемов здания, что также вписалось в русло архитектурных новаций того времени.

Стоит отметить, что ранее Ф. Шехтель спроектировал роскошный особняк М.С. Кузнецова в готическом стиле, однако, к сожалению, здание полностью утратило первоначальный облик, исчезло и внутреннее убранство.

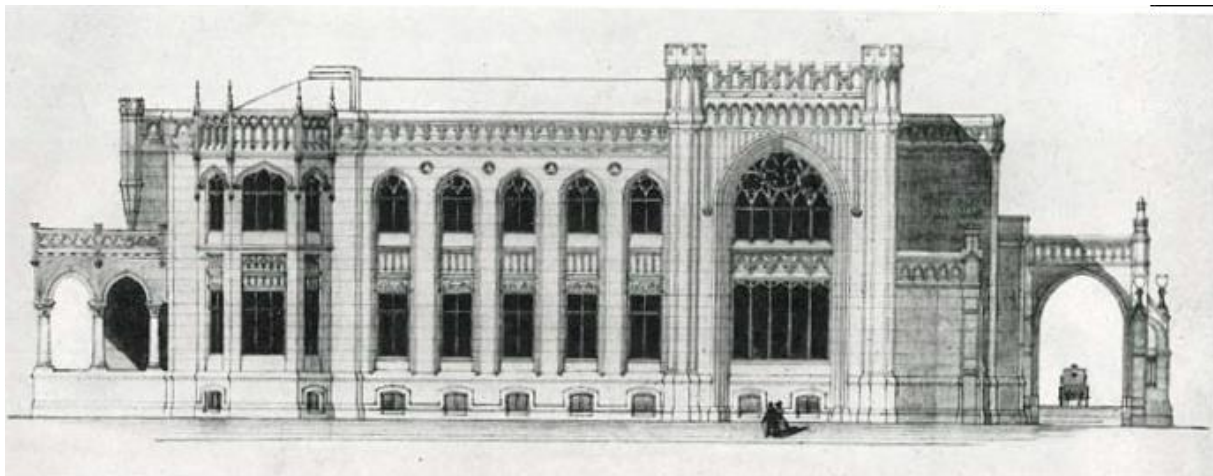

Рис 1. Проект фасада особняка З.Г. Морозовой. 1893 г.

Единство и целостность композиции достигается не только архитектурно-художественными приемами, но и новым центрическим принципом организации внутреннего пространства. В особняке был намечен прием организации «круговой анфилады», развивающейся по спирали вокруг холла и парадной лестницы, которая станет ведущим композиционным приемом в сооружениях модерна и, прежде всего, в работах Ф. Шехтеля.

Во многом московская модерновая неоготика была стихийна. Однако всякий раз выбор неоготики являлся своего рода заявлением. С одной стороны, московская неоготика обозначала стремления купечества обозначить свое место и влияние через присвоение культурной традиции (особняк Свешниковых-Новиковых, особняк А. А. Бахрушина, особняк

Леман¹¹). С другой стороны, выбор неоготики был обусловлен иностранным наследием в Москве. Так, Собор Непорочного Зачатия Пресвятой Девы Марии в Москве (1901–1911) в неоготическом стиле был построен для московских поляков. Дом крестьянина Антона Фролова, построенный в 1913–1915 годы архитектором В.А. Мазыриным являлся символом находившейся ранее здесь Немецкой слободы.

Неоготика была достаточно распространена в Санкт-Петербурге. Здесь уже имелись своим традиции строительства неоготических сооружений:

Церковь св. Александра Невского в Петергофе - парк Александрия (арх. К.Ф. Шинкель, 1830-1834 г.), Большие императорские конюшни в Петергофе (арх. Н.Л. Бенуа. 1848 г.), Немецкая реформаторская церковь (арх. Г.Э. Боссе, Д.И. Гримм. 1872-1874 гг.) и др. Однако под влиянием модерна скандинавских стран неоготика приобрела совершенно иное звучание. Северный модерн отличался строгим, лаконичным стилем. Архитектуру северного модерна можно разделить на три части, каждая из которых преследует свой творческий метод. В первом случае зодчие стремились к стилизации – воспроизведению средневековых памятников северной архитектуры: нормандских замков и романских базилик. Вторая сторона более подвержена влиянию франко-бельгийского Ар Нуво с его изогнутыми линиями. В третьем случае зодчие склонялись к рациональному направлению, где композиция состояла из линий и геометрических форм. Северный модерн по духу отвечал требованиям готического стиля: подобранные сочетания материалов, естественных и искусственных, где каждый выигрывает по соседству с другим. Цоколь часто обработанным финляндским гранитом, часто грубо обработанным, но кое-где гладко тёсаным, со скульптурой. Стены верхних этажей покрывались цементной штукатуркой, напоминающей мох, или отделочным кирпичом. В элементы отделки присутствовал постоянный спутник северного модерна – орнамент, повествующий нам о северном фольклоре и образами северной флоры и фауны. Часто использовалась майолика, цветная керамическая плитка. Очертания зданий массивны. Такие формы говорят нам о силе природы, её монументальности. Северный модерн играет на контрастном сочетании фактур, цветотональных плоскостей, форм и совершенно различающихся оконных проемы. Все эти правила превращают фасады в полном смысле слова в ожившую северную поэму.

Искусствовед Б.М. Кириков отметил, что «эта архитектура резко отличается от всех остальных течений европейского модерна, и имеет ярко

¹¹ С этим особняком дело обстоит сложнее. Здесь скорее не присвоение чужой традиции, а обозначение своей. Дом принадлежал купцу Роберту-Нильсу Карлу Леману.

выраженный романтический характер, ей присущи подчеркнутая монументальность, своеобразная мощная пластика, объемно-пространственная и силуэтная выразительность» [1,16].

Самый знаменитый представитель северного модерна в Петербурге – Федор Иванович (Фредрик) Лидваль (1870-1945), рожденный в «северной столице» в 1870 году в семье обрусевших шведов. В 1900-е годы работы Лидваля стали играть значительную роль в зодчестве Петербурга. Поначалу он, как и многие, был сторонником стиля «модерн», господствовавшего в то время. Как одна из самых ранних известных работ, часто в пример приводится «Дом Лидваля» на Каменноостровском проспекте, 1-3, доходный дом, выполненный в стиле неоготики, построенный архитектором по заказу матери в 1899-1904 г. До своей вынужденной эмиграции Лидваль проживал в этом доме в 1918 году.

Основные черты, отличающие дом от других стилей, это «готические» окна, различная по фактуре и цвету отделка, обилие декоративных элементов. Ритм чувствуется во всех архитектурных деталях сооружения: сочетания окно с простенками, ритмические линии балконов и эркеров, продиктованные планировкой квартир и дополнительных помещений. Изображения прячущихся волков, играющих зайцев, крадущихся ящериц, соколов, филина, переплетенных корней деревьев, папоротников и мухоморов раскрывают нам сюжеты северной лесной жизни, которые показаны в барельефе в каменных порталах подъездов. Орнаменты флоры и фауны на стенах сооружения выполнены из тальк-хлорита. Широко известен балкон с огромным пауком и орнаментом из кованных решёток, где «цветут» металлические подсолнухи. Интересно то, что композиция имеет сюжет и олицетворяемые образы, например, паук – символ рукоделия, ремесла, а также в более широком понимании – судьбы. Примечательно то, что, начиная с Лидваля, в постройке петербургских сооружений появляется двор-курдонер. Здание с парадным двором, с фасадами, щедро украшенными мотивами северной флоры и фауны, положило начало застройке Каменноостровского проспекта. Таким образом, «Дом Лидваля» является ярким примером синтеза готики и архитектуры модерна, со своей асимметрией, богатым по пластике фасадом, с разнящимися по формам проёмами и сочетаниями плоскостей и форм.

В целом, неоготика в России соответствовала общему духу артистизма, присущему серебряному веку. Неоготика являлась своего рода жестом, применявшимся для репрезентации важных смыслов для их носителей. Формально архитектура неоготики была лишь обобщенным образом

готического стиля (недаром для его обозначения применяется также термин «псевдоготика»).

Литература

1. Кириков Б.М. «Петербургский модерн» // Панорама искусств. - № 10. - М., 1987.
2. Никитина А.В. Русская культура XX века и современности : учебное пособие. – Чебоксары: Изд-во ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2016.

УДК 101.8: 821

ДИАЛЕКТИКА СИММЕТРИИ И АСИММЕТРИИ В ЧУВАШСКОЙ ПОЭЗИИ

Николаева Анастасия Юрьевна

преподаватель кафедры литературы и культурологии
Чувашского государственного педагогического
университета им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары

Аннотация. Статья посвящена анализу взаимосвязи симметричного (упорядоченного, устойчивого, повторяющегося) и асимметричного (изменчивого, трансформирующегося) элементов в творчестве чувашского народа, на примере речитативов, стихотворений, романа в стихах.

Ключевые слова: диалектика, симметрия, асимметрия, поэзия.

DIALECTICS OF SYMMETRY AND ASYMMETRY IN THE CHUVASH POETRY

Nikolaeva A. Y.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the relationship between the symmetrical (orderly, stable, repetitive) and asymmetric (variable, transforming) elements in the creativity of the Chuvash people, on the example of recitatives, poems, a novel in verse.

Keywords: dialectics, symmetry, asymmetry, poetry.

Понятия симметрии и асимметрии, изучаемые в последние десятилетия отечественными и зарубежными учеными, тесно связаны с понятиями устойчивости и изменчивости, порядка и беспорядка, организации и

дезорганизации. Это способствует более глубокому проникновению в диалектику процессов развития. Ряд исследователей отмечает, что вплоть до недавнего времени симметрии отводилось ведущее место, а асимметрии – подчиненное, как бы второстепенное [1, 48; 32–39].

Изучение элементов симметрии и асимметрии в методологическом плане ценно тем, что оно наглядно демонстрирует соотношение и взаимодействие парных философских категорий «устойчивость – изменчивость», «функция – структура», «движение – развитие». Идея о подобной взаимосвязи симметричного и асимметричного элементов может явиться методологической основой при исследованиях в различных сферах человеческой деятельности. Говоря о связи между симметрией и асимметрией, следует отметить пересмотр первичных представлений о них: симметрии отводилось ведущее место, а асимметрии – подчиненное. Широкое применение понятия симметрия в различных сферах деятельности привело к тому, что ее стали рассматривать как самостоятельную философскую категорию, противопоставляя асимметрии.

В наиболее простой трактовке современное определение симметрии формулируется следующим образом: симметричным называется такой объект, который можно как-то изменять, получая в результате то, с чего начали. Предполагается неизменность объекта по отношению к каким-то преобразованиям, выполняемым над ним. Симметрия встречается повсеместно: как в природе, так и в человеческом творчестве. Неслучайно, что посредством симметрии человек всегда пытался постичь и создать порядок, красоту и совершенство. Идея симметрии, безусловно, присуща всему человеческому творчеству. Но именно природа издавна учила человека понимать симметрию. Фактически мы имеем дело с симметрией везде, где наблюдается какая-то упорядоченность, регулярная повторяемость. Однако при внимательном рассмотрении здесь выявляются и асимметричность, и ее особая роль в процессах организации.

Задача нашей работы – исследование симметрии и асимметрии в творчестве чувашского народа.

Большой интерес в этом плане представляют примеры симметрии в чувашских речитативах, например в «мунча такмакё» («баный такмак»), трех классических тестах, записанных во время комплексной экспедиции в Башкирскую АССР В. Г. Родионовым [4, 66–67]. В д. Три Ключа Шаранского района А. С. Петрова (1906 г.р.) исполнила такмак следующего содержания (слоги и места отдельного вытягивания некоторых гласных отмечены знаком « - », паузы – знаком «U»):

Ан-нў хут-нй мун-ча мар U

А-су ту-нӑ ву-тӑ мар U
Чун кан-тӑ-ӑр сан кан-тӑр U
Сул-сӑ.. пе-ек са-а-рӑл U
Хӑм-ла пе-ек хӑ-ӑ-нар U
Тӑ-ӑр-са-ан ё-ёс-ле U
Ёс-ле те-е вы-ля та кул

Как видно из примера, исполнитель выравнивает длину строк постоянно, стремясь к ритмической структуре 4+3. При этом симметрия слоговых групп достигается путем образования в конце каждой строки (ритмической единицы) цезур, равных по длине слогу (слогу-цезура). Только в последней строке цезура заменена слогом *кул*.

Следующие два текста мало отличаются друг от друга.

Аш-шӑ ту-нӑ мун-ча мар U
А-мӑш хутӑн. мун-ча мар U
Лӑ-пӑр лӑ-пӑр лап-к(а) ай-не U
Мук-ка су-ри са-пӑ-нать U
Тул чус-ти нек хӑ-нар-тӑр U
Мил(ё)к сул-си нек са-рӑл-тӑр U

Последние две строки третьего текста выглядят иначе:

Ми-лӑк сул-си нек са-рӑл U
Тул чус-ти-и нек хӑ-нар U

Слово «милёк» (веник) исполнительница произносила без сокращения гласного ё, поэтому лексему «пек» (подобно) она переносит из первой слоговой группы во вторую.

А речитативы «Сухӑру-йыхравсем» («заклички» в магических обрядах вызывания солнца, дождя, при гаданиях о погоде и др.) строились на основе временной симметрии двух ритмических групп. В случае нехватки слогов в словах они растягивались (ка-ай-нӑ «по-ше-ел»), а в противном случае – сокращались (*вниккӑн* вместо *вуниккӑн*). *Хӑвел пӑ-ӑх, хӑвел пӑх,*

Ачу шыва ка-ай-нӑ
В(у)никкӑн туртса к[ӑ]ла-ар-нӑ
Солнце, выгляни, солнце выгляни,
Дитя твое в воде утонуло,
12 (человек его) вытащили [4, 68].

По мнению исследователя В. Г. Родионова [4], важным фактором, способствовавшим образованию ритмической формулы со структурой 4+3, является мифологическое мышление тюрков. А на материале чувашского женского костюма искусствовед А. А. Трофимов [7] доказал, что древние предки чувашей представляли следующую модель мира: 4 сферы (этажа)

верхнего мира (поверхность земли + 3 этажа верхнего мира) + 3 слоя (этажа) нижнего (подземного мира). Здесь, на наш взгляд, можно говорить о разновидностях симметрических пространств. В чувашской мифологии цифрой 4 обозначалось, прежде всего, пространство по горизонтали, а цифрой 3 – по вертикали. Их сочетание означало все мироздание. Другими символами этих миров были четырехугольник (земля, остров и т.п.) и треугольник (столб, дерево и т.п.) (это примеры геометрической симметрии). Эта модель мира встречается и в эпических заговорах, где структура мироздания описывается в форме «мирового дерева»: «В 77 мирах золотое гумно, на золотом гумне золотой пень, на золотом пне золотая курочка».

Сочетание частей 4+3 как одной целостности встречается и в следующем представлении древних чувашей. Созвездие Большой Медведицы чувашами называлось Алтӑр Ҫӑлтӑр («Ковш-Звезда»): очертание основания ковша обозначалось четырьмя звездами, составляющими четырехугольник, а рукоятка – тремя (это – пример геометрической симметрии). Чувашский ковш для пива, используемый в древности во время жертвоприношений, символизировал модель мира и содержал те же самые части [4, 108].

Сохранение темы и ее изменение (разработка, развитие) – это и есть диалектическое единство симметрии и асимметрии. И чем удачнее решает исполнительница, поэт, художник проблему соотношения между симметрией и асимметрией, тем выше художественная ценность произведения. Красота любого произведения определяется тем, как решается в нем проблема диалектики симметрии и асимметрии. Это проявляется в ритме, инверсии (ритмы, обращенные во времени, звучащие от конца исходного ритма к его началу), параллелизме, речитативах. Повторения приобретают особую красоту тогда, когда они произносятся с вариациями, когда симметрия сочетается с асимметрией. Так, в основе любого ритма в композиционных блоках заговоров, приговоров, молитвословий и благопожеланий чувашей лежит повторяемость. По мнению древних, слово обретало магическое свойство только в том случае, если оно повторялось несколько раз подряд. Наиболее древняя структура текстов вербальной магии – структура эпических заговоров. Все они трехчастны, каждый композиционный блок произносился по три раза и т.д. Строфы многообразных заговоров полностью состоят из строк с синтаксическим повтором. Повтор лексический не всегда совпадает с синтаксическим [4, 103–104].

И. В. Гёте подчеркивал важность композиции и утверждал, что «всякая композиция основана на скрытой симметрии». Мы не будем анализировать

законы композиции в поэзии. Ограничимся некоторыми примерами, иллюстрирующими признаками симметрии-асимметрии в поэзии.

Как известно, стихотворение состоит из рифмованных строк. Каждая строка разбивается на стопы – повторяющиеся сочетания ударных и безударных слогов. Стопа может рассматриваться как период (элементарная ячейка) в стихотворных строках. Но одна строка – это ещё не стихотворение. Элементарная ячейка стихотворения – строфа – состоит из нескольких строк с определенным чередованием рифм. Это чередование рифм повторяется от строфы к строфе. Структура стопы и строфы определяют характер симметрии-асимметрии стихотворения. При этом симметрия диктует законы, а асимметрия открывает простор для фантазии.

Познакомимся на конкретных примерах с несколькими стихотворными метрами: ямбом, хореем, амфибрахией. Стихотворный метр определяется структурой стопы. Будем обозначать, как это принято, ударные слоги символом - , а безударные символом U. У ямба стопа двусложная с ударением на втором слоге: U-. У хореев стопа двусложная с ударением на первом слоге: -U. У амфибрахий стопа трехсложная с ударением на среднем слоге: U-U. Кроме стихотворного метра, надо учитывать количество строк в строфе и характер чередования рифм в строфе. Это чередование будем обозначать набором латинских букв. Например, вот такой 14-буквенный набор АВАВССДДЕФФЕГГ означает, что в 14-строчной строфе 1-я строка созвучна 3-й, а 2-я созвучна 4-й (в первом четверостишии рифмовка перекрестная: АВАВ). Затем следуют два двустишия с парной рифмовкой (строки 5-я и 6-я, а также 7-я и 8-я: ССDD). После двустиший идет кольцевая рифмовка: рифмуются строки 9-я и 12-я, а также 10-я и 11-я (ЕФФЕ). И, наконец, две последние строки с помощью рифмы снова соединены в двустишие (GG), вследствие чего конец строфы звучит как мощный аккорд. Именно так: ямбом и рассмотренными 14-строчными строфами написан «Евгений Онегин» А. С. Пушкина [6, 236–237]. Вот перед нами одна из онегинских строф:

A	<i>В тот год осенняя погода</i>	U- U- U- U-
		U
B	<i>Стояла долго на дворе,</i>	U- U- U- U-
A	<i>Зимы ждала, ждала природа.</i>	U- U- U- U-
		U
B	<i>Снег выпал только в январе</i>	U- U- U- U-
C	<i>На третье в ночь. Проснувшись</i>	U- U- U- U-
	<i>рано,</i>	U
C	<i>В окно увидела Татьяна</i>	U- U- U- U-

		U
D	<i>Поутру побелевший двор,</i>	U- U- U- U-
D	<i>Куртины, кровли и забор,</i>	U- U- U- U-
E	<i>На стеклах легкие узоры,</i>	U- U- U- U-
		U
F	<i>Деревья в зимнем серебре,</i>	U- U- U- U-
F	<i>Сорок веселых на дворе</i>	U- U- U- U-
E	<i>И мягко устланные горы</i>	U- U- U- U-
		U
G	<i>Зимы блистательным ковром.</i>	U- U- U- U-
G	<i>Все ярко, все бело кругом.</i>	U- U- U- U-

Подобное сочетание симметрии и асимметрии мы можем видеть в произведениях чувашского поэта Юрия Айдаша [2], автора замечательных сонетов и романов. Он с детства увлекался творчеством А. С. Пушкина. Когда он работал над романом «Атнер», то выбрал тот же стихотворный метр, каким написан лучший роман Пушкина «Евгений Онегин». По мнению Айдаша, именно онегинская строфа, благодаря своей уникальной ритмике и необычному сочетанию всевозможных рифм, могла обуславливать тонкое очарование стихотворения. Рассмотрим одну строфу из романа «Атнер»:

A	<i>Анчах та пурӑнӑҫ йыхравӑ,</i>	U- U- U- U-
		U
B	<i>Ун вилӑмсӑр сасси, юрри,</i>	U- U- U- U-
A	<i>Урам шӑв-шавӑ, ҫын йӑславӑ,</i>	U- U- U- U-
		U
B	<i>Илӑртекен тӑнче пурри –</i>	U- U- U- U-
C	<i>Ҫак чӑрӑлӑхӑн ыр хӑвачӑ</i>	U- U- U- U-
		U
C	<i>Атнер чунне тӑреклӑх пачӑ;</i>	U- U- U- U-
		U
D	<i>Сывалчӑ вӑл та чирӑнчен.</i>	U- U- U- U-
D	<i>Кашни ҫапла-ҫке пирӑнтен:</i>	U- U- U- U-
E	<i>Чи йывӑр ҫухату та эрлӑк,</i>	U- U- U- U-
		U
F	<i>Нихҫан тавӑрӑнми, хакли</i>	U- U- U- U-
F	<i>Пулса юлатӑ те ҫул палли –</i>	U- U- U- U-

<i>E</i>	<i>Каллех пурнатпӑр ҫён синкерлӑх</i>	U- U- U- U- U
<i>G</i>	<i>Ҫапса үкериччен тедре...</i>	U- U- U- U-
<i>G</i>	<i>Йӑлт кивӗ-кивӗ тӗнчере.</i>	U- U- U- U-

У романа «Атнер» есть большое сходство с романом «Евгений Онегин». Но все же нельзя говорить о том, что Ю. Айдаш полностью скопировал произведение А. С. Пушкина. Если даже Айдаш использует в романе тот же стихотворный метр, что и Александр Сергеевич, то у его романа своя особая философия, свой уникальный сюжет и свои художественно-выразительные средства [8; 9].

Даже тем людям, которые не разбираются в стихотворных метрах, нетрудно отличить хорей от ямба. Если в двусложной стопе ударение ставится не на втором, а на первом слоге, то это и есть хорей – достаточно энергичный напористый стихотворный метр. Вот, к примеру, 4-строчная строфа из стихотворения Михаила Сеспеля «Эпӗ вилсен» [5, 67]:

<i>A</i>	<i>Эп вилсен – мана пытарӑр</i>	U U U U
<i>B</i>	<i>Ҫӱл[л]ӗ ту тӑрне.</i>	U U
<i>A</i>	<i>Йӑмрасем лартса хӑварӑр</i>	U U U U
<i>B</i>	<i>Ман тӑпра ҫине.</i>	U U

Для амфибрахия характерна степенность звучания. Стопа здесь, напоминаем, трехсложная и ударение ставится на среднем слоге. Разделенные не одним, а двумя безударными слогами, все ударные слоги звучат солидно, значительно. Стихотворение М. Сеспеля «Хурӑҫ шанчӑк» написано амфибрахией. Вот строфа из этого стихотворения:

<i>A</i>	<i>Ҫӗр-шывӑм хӑюллӑн вӑранӗ,</i>	U-U U-U U-U
<i>B</i>	<i>Тапранӗ кӑвар кайӑкла:</i>	U-U U-U U-
<i>A</i>	<i>«Ҫук, ҫук» теекен улталанӗ,</i>	U-U U-U U-U
<i>B</i>	<i>Кам «ҫук» тет, ун чунӗ – чӑлах</i>	U-U U-U U-

Нужно отметить, что именно Михаил Сеспель впервые в литературоведении разработал правила написания стихотворения и постановки ударения и написал посвященный этому научный труд. То есть можно сказать, что он продолжил традиции чувашского фольклора и показал диалектику симметрии и асимметрии в чувашской поэзии.

Итак, мы можем сделать вывод, что все поэты мира владеют искусством сочетания симметрии и асимметрии (явной или скрытой) и на

основе этого создают гениальные литературные произведения. Таким образом, диалектика симметрии и асимметрии находит свое отражение и в чувашской поэзии.

Литература

1. Абдеев, Р. Ф. Философия информационной цивилизации: Учебное пособие / Р. Ф. Абдеев. – М. : ВЛАДОС, 1994. – 336 с. : ил.
2. Айдаш, Ю. Г. Сăвăлла роман / Ю. Г. Айдаш. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1995. – 207 с.
3. Ключарев, Г. А. Идея симметрии: её обоснование и развитие в частных науках / Г. А. Ключарев, Л. С. Кузнецова // Философские науки. – 1990. – № 4. – С. 32–39.
4. Родионов, В. Г. Генезис и эволюция речевого стиха / В. Г. Родионов // Чувашская народная поэзия. – Чебоксары: НИИ ЯЛИЭ при СМ Чувашской АССР, 1990. – С. 65–109.
5. Сеспел, Михаил. Сърнисен пуххи / Михаил Сеспел. – Шупашкар: Чăваш кĕнеке издательстви, 1999. – 383 с.
6. Тарасов, Л. В. Симметрия в окружающем мире / Л. В. Тарасов. – М. : ООО «Издательский дом «ОНИКС 21 век»: ООО «Издательство «Мир и образование», 2005. – 256 с. : ил.
7. Трофимов, А. А. Антропологизация модели мира и народный женский костюм чувашей / А. А. Трофимов // Актуальные вопросы истории и теории чувашского искусства. – Чебоксары: НИИ ЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1979. – С. 3–44.
8. Чемаков, И. Юрий Айдашăн «Атнер» хайлавĕ чăваш лиро-эпика ытамĕнче / И. Чемаков // Тăван Атăл. – 1996. – № 12. – С. 1–9.
9. Эктел, В. П. Пĕчĕк тĕнче те аслă. Статьясем, рецензисем / В. П. Эктел. – Шупашкар: «Калем», 2002. – 144 с.

**«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»
В КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ДИНАМИКЕ**

Вячеслав Петрович Океанский

доктор филологических наук,
профессор по кафедре культурологии;
заведующий кафедрой культурологии и литературы
Шуйского филиала Ивановского государственного университета;
эксперт РАН

Жанна Леонидовна Океанская

доктор культурологии,
профессор по кафедре культурологии и литературы;
профессор кафедры иностранных языков
и профессиональных коммуникаций
Ивановской академии противопожарной службы ГПС МЧС России;
эксперт РАН

Аннотация. В статье обосновывается жизненная необходимость прочтения отечественной литературы в широком контексте культурной истории на примере вершинного наследия «солнца русской поэзии».

Ключевые слова: история культур, гипертренды, Россия, Европа, Византия, самопознание, грядущее.

**«EUGENE ONEGIN»
IN THE CULTURAL AND CIVILIZATIONAL DYNAMICS**

**Oceansky V. P.,
Oceanskaja Zh. L.**

Abstract. The article explains the vital need to read Russian literature in the wider context of the cultural history of the example vertex heritage «the sun of the Russian poetry».

Keywords: history of the cultures, giper-trends, Russia, Europe, the Byzantine Empire, self-knowledge, the future.

«Литература, - отмечал ещё полвека назад М. М. Бахтин, - неотрывная часть целостности культуры, её нельзя изучать вне целостного контекста культуры. Её нельзя отрывать от остальной культуры и непосредственно (через голову культуры) соотносить с социально-экономическими и иными факторами. Эти факторы воздействуют на культуру в её целом и только через неё и вместе с нею на литературу. Литературный процесс есть неотторжимая часть культурного процесса... Из необозримого мира литературы наука (и культурное сознание) XIX века выделила лишь маленький мирок (мы его ещё сузили). Восток почти вовсе не был представлен в этом мирке. Мир культуры и литературы, в сущности, так же безграничен, как и вселенная. Мы говорим не о его географической широте (здесь он ограничен), но о его смысловых глубинах, которые так же бездонны, как и глубины материи. Бесконечное разнообразие осмыслений, образов, образных смысловых сочетаний, материалов и их осмыслений и т. п. Мы страшно сузили его путём отбора и путём модернизации отобранного. Мы обедняем прошлое и не обогащаемся сами. Мы задыхаемся в плену узких и однотипных осмыслений... "Евгений Онегин" создавался в течение семи лет. Это так. Но его подготовили и сделали возможным столетия (а может быть, и тысячелетия)...» [1, с. 344–345].

Совершенно справедливо указывая, что «так называемый литературный процесс эпохи, изучаемый в отрыве от глубокого анализа культуры, сводится к поверхностной борьбе литературных направлений, а для нового времени (особенно для XIX века), в сущности, к газетно-журнальной шумихе, не оказывавшей существенного влияния на большую, подлинную литературу эпохи», при том, что «могучие глубинные течения культуры... остаются не раскрытыми, а иногда и вовсе не известными исследователям» [1, с. 330] – Бахтин явно провоцирует нашу мысль на работу с последними...

В истории России было два определяющих гипертренда – византийский и западный (долгое время воспринимавшиеся у нас по модели внутреннего конфликта «отеческого» и «сыновнего», «старого» и «нового», чему найдётся множество подтверждений в отечественной религиозной философии, художественной словесности и журнальной публицистике). Вероятнее всего, мы сегодня стоим у истоков новейшего гипертренда, который можно было бы назвать восточным. С этим связаны и более широкие макроцивилизационные перспективы, обусловленные поворотом на Восток. Он оказывается подлинно возможен лишь как преодоление западного гипертренда, то есть в существенной мере – изнутри последнего. Подчеркнём, что этот поворот на Восток – не просто путь России, но он открывается и как планетарная макроцивилизационная перспектива, своего

рода – иноглобализм... Однако же именно России, по всем раскладам, здесь предстоит сыграть какую-то решающую роль. Глобальный вектор культурно-цивилизационного движения русского мира, связанный с процессом постепенного расширения и оформления его гигантского пространства всегда был направлен с Запада на Восток, то есть диаметрально противоположен историческому вектору складывания самой западной цивилизации.

В бахтинском упоминании пушкинского «романа в стихах», определённого В. Г. Белинским в качестве «энциклопедии русской жизни», есть потрясающий вызов к расширению сознания до тех формирующих горизонтов, которые были названы «большим временем» истории культуры. В этом вершинном наследии Пушкина можно обнаружить рождение крупномасштабного культурологического мышления и футурологического россиеведения.

Для того, чтобы убедиться в этом, осуществим герменевтический комментарий двух строф (XXXIII-ей и XXXIV-ой) седьмой главы романа «Евгений Онегин» – а сначала напомним их:

XXXIII

*Когда благому просвещенью
Отдвинем более границы
Со временем (по расчисленью
Философических таблиц,
Лет чрез пятьсот) дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут,
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведёт крещёный мир
На каждой станции трактир.*

XXXIV

*Теперь у нас дороги плохи,
Мосты забытые гниют,
На станциях клопы да блохи*

*Заснуть минуты не дают;
Трактиров нет. В избе холодной
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурант висит
И тщетный дразнит аппетит,
Меж тем как сельские циклопы
Перед медлительным огнём
Российским лечат молотком
Изделье лёгкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.*

Мы не однажды обращались к этому футурологическому сюжету в своей исследовательской [2, с. 30–31] и преподавательской [3, с. 40–44] практике. Прочитаем эти строки с опорой на морфологические идеи крупнейшего западного культуролога XX века – Освальда Шпенглера (1880 – 1936). Обычно-то полагают, что поэт здесь не выходит слишком далеко за пределы привычной нам бытовой иронии – тем не менее, мы берёмся утверждать, что автор осуществляет космизирующий подъём над бытом, движется к постижению макроисторического бытия и в силу его масштабности прикасается к необычному. В приведённых строках поэтическая мысль Пушкина затрагивает фундаментальные культурно-цивилизационные вопросы, возникающие в русле проблематики ‘Россия и Европа’ и далеко выходящие за её пределы.

Согласно шпенглеровской диагностике «русско-сибирского» будущего, должного свершиться в мгlistых недрах третьего тысячелетия от Рождества Христова, мир этой культуры пребывает пока в младенческом состоянии и его космостроительному цветению ещё не пришло время. Один из самых ярких отечественных учёных и мыслителей рубежа тысячелетий, филолог-переводчик В. В. Биbihин раскрывает всю первородную мистическую мощь этого восходящего тоталитета: «...не верьте мёртвой тишине брошенной деревни, бессилию, грязи: именно на этом онемелом, омертвелом просторе готовится новый неостановимый размах. <...> Европа и мир захвачены будут, может быть не та Европа что к Западу и не тот мир что на Земле» [4, с. 525].

Шпенглер же говорит о последовательно сменяющихся одна другую трёх великих культурных возможностях, содержащихся в историческом христианстве и не имеющих прямого отношения к его конфессиональным разделениям: христианство магическое (арабо-византийское) – христианство фаустовское (западноевропейское) – христианство будущее (русско-

сибирское). Восходящий в руинах ещё более древней, чем умирающая «фаустовская», и почти уже исчезнувшей с поверхности земли «магической» цивилизации русский «крещёный мир» призван озарить человеческое существование новыми *вечными смыслами*. Европейская же цивилизация приживается в этом мире с известным «циклопическим» трудом: «нам не пристало просвещение» чуждого и состарившегося культурного мира, поющего над нашей колыбелью свои жутковатые предсмертные песни и вампирически посасывающего нашу континентальную утробу через нефтегазовые трубы... Этому специфическому «просвещению», сущностно принадлежащему «великолепному мраку чужого сада» и его известной «школе», поэт интуитивно противопоставляет некое *софийное* «благое просвещение», привходящее к нам отнюдь не из Европы, а – с горних небесных сфер, символически просвечивающих и в том храме, где послы князя Владимира не ведали: на земле они находятся или на небе.

В рассматриваемой образной композиции из пушкинского романа особое место занимает станционный трактир, оказывающийся своеобразной метонимией отсутствующей еды – *насущенного хлеба*. Голодные российские дороги тут не лишены, однако, последнего упования – метафизической надежды на торжествующее культурное воплощение граничащей с евхаристическим прошением («хлеб наш насущный даждь нам днесь») «философии урожая», когда в будущем всё обязательно будет. А потому можно во многих отношениях согласиться с Н. А. Бердяевым (1874 – 1948), писавшим о чисто отечественных «истоках и смысле русского коммунизма», как, впрочем, можно видеть в этом и более универсальную ситуацию: изгнанному из рая, голодному и страждущему человечеству *снятся сны*, которые воплощаются великими культурно-цивилизационными возможностями как *сбывшиеся грёзы*.

«Жизнь земная - отмечал свт. Игнатий Брянчанинов, - представляется скорооканчивающимся странствованием, события её сновидениями, благо её – кратковременным обольщением очей, кратковременным, пагубным обольщением ума и сердца» [5, с. 31].

Последняя строфа пушкинского «эпоса частной жизни» содержит важнейшие для понимания нашей дальнейшей логики «сведения»; это – заключительная исповедь автора, который здесь обращается к истокам своего замысла:

*...даль свободную романа
Я сквозь магический кристалл
Ещё не ясно различал.*

*А та, с которой образован
Татьяны милый идеал...
О много, много рок отъял!
Блажен, кто праздник жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина.
Кто не дочёл её романа,
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.*

Мысли великих немцев легко узнаваемы здесь: так, радикализирующий кантовскую метафизику «певец мировой скорби» Артур Шопенгауэр указывает на «вкус вина», который «ощущается только после первого бокала», а для «философского мага» Новалиса «мы живём в огромном романе», ибо «роман есть жизнь, принявшая форму книги»... Интересно, что и Владимир Ленский, названный Татьяною «братом» – «поклонник Канта и поэт». Но, как совершенно справедливо отмечал А. С. Позов, «здесь есть прямой намёк на реальность Татьяны и на её смерть» [6, с. 168].

Речь по сути и идёт у Пушкина о смерти (более того – блаженной кончине!) главной героини и её идеального прототипа, сливающихся за «посюсторонними» пределами жизненного «романа» и даже ранее того – за пределами пушкинского текста: ещё Ю. М. Лотман в своём известном комментарии рассматривает «ту, с которой...» как художественный приём, усиливающий реальность присутствия Татьяны. Поэтому в экзистенциологическом отношении именно восьмую (число «восемь» – сакрально-нумерологический символ вечности) главу следует считать итоговой и заключительной (о чём свидетельствует эпиграф к ней, подразумевающий «прощание навсегда»), открывающей некое инвариантное духовное завершение в смысловой и бытийной бесконечности, доступной в опыте Христовой Церкви. Под заключительной частью мы будем понимать не столько даже вообще восьмую главу, сколько три её последние строфы, позволяющие читателю выйти на уровень символично-иконографических соответствий (заключительной части – Целому духовно-смысловой перспективы романа). Целое замысла здесь символически оформлено и присутствует, раз-решаясь в этой части.

После известных работ митрополита Антония Храповицкого, архиепископа Иоанна Шаховского, В. С. Непомнящего и особенно монографии Е. А. Трофимова «Метафизическая поэтика Пушкина» (Иваново:

ИВГУ, 1999 – мы рецензировали это издание) для нас стало закономерным православное прочтение пушкинского наследия. Его вершина вполне может быть раскрыта как протоэкзистенциалистский роман-притча, в иконографическом контексте которого доминируют не социально и психологически мотивированные характеры, но человеческие типы, вовлечённые в духовно-нравственную коллизию, связанную с некоторым безусловным метафизическим выбором.

Памятный всем со школьной скамьи ответ Татьяны Онегину («...я другому отдана. / Я буду век ему верна») Е. А. Трофимов прочитал так, что выделенные слова неожиданно обрели более глубокий смысл, нежели это традиционно интерпретировалось. «Другой» – это совсем иной, нежели уважаемый, но недостаточно любимый супруг-князь, с которым обручена Татьяна. «Другой» – это Бог, сочетавший в церковном таинстве венчания её судьбу с судьбою князя и давший заповедь: «Что Бог сочетал, того человек да не разлучит». «Век» – это вечность: в пограничной критической ситуации Татьяна, «любящая» Онегина («Я вас люблю (к чему лукавить?)»), отдаёт себя этому «другому» всецело, исповедуя вечную «верность», прежде всего, «ему». И в ответ – Бог принимает её, сокращая дни её земного заточения. С одной стороны, в человеческом измерении она «отъята роком» – но здесь же сразу Пушкин оставляет некое «иконографическое» (в «обратной перспективе») указание на блаженство раннего ухода из этой жизни. Онегин до некоторой степени «как будто» бы способен понять всё это: «Стоит... как будто громом поражён». Е. А. Трофимов видит здесь символику апокалиптического грома, низвергающего главного героя в бездну... В этом же ключе истолковываются «шпор внезапный звон» (Суд), появление Татьянинного «мужа» (Бога), «минута злая» для Онегина (осуждённого «Демона» – именно так проименованного автором в заключительной восьмой главе)... Подразумевается метафизическое наказание героя и наше прощание с ним. На самом же деле, во всяком случае – как это нам представляется, с Онегиным прощается лишь Пушкин... И страшный карающий гром лишь «как будто» бы «поражает» главного героя – на деле он остаётся невредим и пройдёт сквозь всю последующую русскую жизнь и, соответственно, литературу: Печёриным, Базаровым, Раскольниковым, Свидригайловым, Ставрогиним – разнохарактерными героями, составляющими как бы метахарактерологию «русского скитальца», «лишнего человека», в сущности – более или менее «злодея» (в самом «возвышенном», нищепанском смысле), претендующего на «переоценку ценностей». Его судьба – под вопросом. Испытания (испытания «любовью») главных героев романа Пушкина приводят к разным итогам. Татьяна от своей ранней мечтательности отходит,

проходя через искушения и мытарства, и при этом – восходит, духовно возрастает. Онегин же от своей многоопытности проходит через искушения путь духовной деградации: убивает своего друга, пытается соблазнить жену другого друга... Татьяна выстаивает в искушениях, её путь завершён – будущее Онегина весьма проблематично... Пушкин же, идя со своими героями, начав когда-то этот путь с «добрым приятелем» Онегиным, духовно растёт в отличие от последнего («Всегда я рад заметить разность / Между Онегиным и мной»). Зрелому Пушкину много роднее и ближе «милая» Татьяна, равно как и погибший на дуэли Ленский (ср. с какой одухотворённостью описывается его смерть!). Автор и сам во многих отношениях повторяет их судьбу. Всё это необходимо учитывать для верного понимания конца пушкинского романа.

В целом Пушкин движется от западных начал просветительского неопикурейства, «магического кристалла» масонства и байронического романтизма («великолепный мрак чужого сада») – к восточному христианству и церковному Православию. Так, «романтизм и шеллингианство, - писал Л. П. Карсавин, - были неудавшейся попыткой Запада вернуться в Православие, ему неведомое, но до некоторой степени им предугадываемое» [7, с. 12]. Эта «попытка» просматривается и у самого Шеллинга в его «философии Откровения», и у неоромантиков – вплоть до Рильке и позднего Хайдеггера. Осмысление всего этого материала представляется важнейшим именно в бахтинском теоретическом контексте «большого времени», а не в «коротких замыканиях» пресловутой и расхожей «пушкинистики», вообще не позволяющей пролить духовный свет на интересующий нас «исход Татьяны» [8, с. 32–35].

В глубинно-историческом существе пушкинские герои выражают различные макрокультурные начала: Татьяна – восточно-византийское, Онегин – западно-фаустовское. Антиподом Татьяны будет Анна Каренина Л. Н. Толстого, антиподом Онегина – толстовский альтер-эго Константин Лёвин... Две противоположных философии сакрального коллективизма и профанного индивидуализма составляют внутренний смысловой нерв этого напряжения (не будем, конечно, здесь рассматривать, а лишь укажем: советскую социалистическую пародию – на первый, и американскую капиталистическую – на второй).

В научно-методических разработках нашего авторства мы обращаемся к подобному культурологическому прочтению разнохарактерного наследия других отечественных авторов Нового времени [9; 10]. Заслуживают аналогичного внимания и более ранние наши учебно-методические труды [11; 12].

В целом же, культурологическое изучение русской словесности в современной школе проливает свет не только в глубины прошлого, но и в мглистое будущее России и человечества [13; 14], а значит – имеет самое прямое отношение к нашему самопознанию и грядущему.

Литература

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: «Художественная литература», 1979.
2. Океанский В. П. Россия и кризис: проблемы исправления имён // Научный поиск: научный журнал. 2012. № 4 (6).
3. Океанский В. П. Сакральный космос россиеведения: Учебное пособие спецкурса по культурологии / Под общ. ред. д. ист. н., проф. А. А. Федотова. Иваново, 2016.
4. Биbihин В. В. Узнай себя. СПб.: «Наука», 1998.
5. Сокровища духовные: из творений Святителя Игнатия Брянчанинова. М., 1994.
6. Позов А. С. Метафизика Пушкина. М.: «Наследие», 1998.
7. Карсавин Л. П. Предисловие // Хомяков А. С. О Церкви. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1926.
8. Океанский В. П. Исход Татьяны: герменевтика заключительной части романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» // Художественный текст и культура. Вып. III. Материалы и тезисы и тезисы докладов на Международной конференции 13 – 16 мая 1999 г. Владимир: ВГПУ, 1999.
9. Океанский В. П. Культура Нового времени: герменевтический обзор. Монография. Шуя: Центр кризисологических исследований ФГБОУ ВПО «ШГПУ», 2011.
10. Океанский В. П. Русская словесная культура в контексте цивилизационной макроистории: Учебное пособие россиеведческого спецкурса по культурологии / Под общ. ред. д. ист. н., проф. А. А. Федотова. Иваново, 2017.
11. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Герменевтика словесности и культуры: Учебное пособие. Иваново; Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШГПУ», 2010.
12. Океанский В. П. Русская словесность: древность и классика. Учебное пособие. Шуя: Центр кризисологических исследований ГОУ ВПО «ШГПУ», 2011.
13. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Будущее России и кризисы цивилизаций (диалектическая футурология культуры) // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». Т. 4 (2013). Вып. 2.

14. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Россиеведение: гипертренды и макроцивилизационные перспективы // Научный поиск: научный журнал. 2016. № 3.

УДК 82=161.1(476)

ТРАДИЦИЯ В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ БЕЛАРУСИ

Романова Светлана Викторовна

аспирант Учреждение образования
«Витебский государственный
университет имени П. М. Машерова»
Витебск, Республика Беларусь

Аннотация. С конца XX в. о себе активно заявила русскоязычная литература Беларуси. Особенностью нового культурного явления стала его ориентированность на традиции русской культуры и литературы. Русскоязычные авторы обращаются в своем творчестве к темам Афганской войны, Чернобыля, распада СССР, пытаются осмыслить актуальные проблемы современности. В центре повествования – человек и его сознание. Показывая сложный процесс становления личности, писатели в преемственной связи с традициями русской классической литературы утверждают самоценность человека.

Ключевые слова: русскоязычная литература Беларуси, традиции русской классической литературы, Афганская война, авария на Чернобыльской АЭС, распад СССР.

TRADITION IN RUSSIAN-LANGUAGE LITERATURE OF BELARUS

S. V. Romanova

Abstract. Since the end of the twentieth century the Russian-language literature of Belarus has actively expressed itself. The peculiarity of the new cultural phenomenon was its focus on the traditions of Russian culture and literature. Russian-language authors turn in their work to the topics of the Afghan war, Chernobyl, the collapse of the USSR, trying to comprehend the actual problems of our time. In the center of the narrative is a person and his consciousness. Reflecting the complex process of the formation of the individual, the writers, in continuity with the traditions of Russian classical literature, affirm the person's self-worth.

Key words: russian-language literature of Belarus, traditions of Russian classical literature, Afghan war, the accident at the Chernobyl nuclear power plant, USSR collapse.

Современный литературный процесс Беларуси представляет собой достаточно сложное и неоднородное явление. С конца XX в. о себе активно заявляет литература, написанная авторами на русском языке. Многими исследователями предпринимаются попытки осмыслить этот своеобразный историко-культурный феномен – русскоязычная литература Беларуси.

Знаковым явлением в 2003 г. стал выход в свет антологии поэзии русскоязычных авторов Беларуси «Современная русская поэзия Беларуси» (составитель А. Аврутин) и последовавших за ней книг литературной критики Ю. Сапожкова «На просторе слова» и В. Гниломедова «На рубеже времен. Русскоязычная поэзия Беларуси».

В 2007 году издается хрестоматия «Минская школа» на рубеже XX-XXI веков» (составитель И. С. Скоропанова), в 2010 – сборник научных статей преподавателей кафедры БГУ под редакцией С. Я. Гончаровой-Грабовской «Русскоязычная литература Беларуси к. XX-н. XXI в.», – на данный момент наиболее изучено творчество представителей неформального объединения «Минская школа». Художественная парадигма русскоязычной драматургии Беларуси исследуется в монографии С. Я. Гончаровой-Грабовской «Русскоязычная драматургия Беларуси рубежа XX–XXI вв. (проблематика, жанровая стратегия)».

Большинство научных работ посвящено анализу литературного произведения или творчества отдельных авторов, однако существует целый ряд нерешенных проблем в выделении самостоятельного явления и истории создания русскоязычной литературы Беларуси. По мнению некоторых ученых, одной из самых сложных задач можно назвать нахождение связей с традициями классической русской и белорусской литературы. Так, по мысли А. Н. Андреева: «История русской литературы Беларуси определяется литературно-историческим контекстом. Учет этого контекста, выявление взаимосвязей русской литературы Беларуси с другими литературами, уже обладающими собственной историей, – прежде всего русской и белорусской, – это и есть самое трудное» [2, 189].

Опора на опыт русской классической литературы формирует повествовательные стратегии в творчестве многих русскоязычных авторов. На наш взгляд, русская классическая литература всегда была ориентирована, прежде всего, на внутренний мир человека, об этом свидетельствуют вошедшие в речевой оборот и ставшие притчей во языцех выражения «выделывание» людей (Ф. М. Достоевский), «диалектика души» (Л. Н. Толстой), «трилогия вочеловечивания» А. А. Блока и др. Антропологический вектор определяет развитие и русскоязычной литературы Беларуси.

Становление творчества русскоязычных авторов протекало в сложный, переходный исторический период, связанный с распадом СССР и формированием нового миропорядка. Динамика социокультурных процессов дестабилизирует положение человека в современном мире. Внимание русскоязычных авторов обращено к проблемам современности, осмысление которых часто подается через актуализацию прошлого. Главными темами в творчестве писателей становятся тема Афганской войны (1979-1989), Чернобыльской катастрофы (1986), распад СССР (1991).

Константой повествования произведений становится обращение к глубинным формам сознания человека.

Философское осмысление событий последней трети XX в. продуцировало развитие социально-философского романа в творчестве русскоязычных авторов. Историческая действительность воспринимается как ряд нелогизированных, парадоксальных ситуаций – непознаваемость и абсурдность бытия побуждает обращаться к формам условно-метафорической образности. Прибегание к элементам фантастики, условности и гротеска связано с развитием технократического мышления и использованием приемов постмодернистской поэтики.

Философия постмодернизма органично вписывалась в социокультурную ситуацию страны в период исторических преобразований к. XX в. Изменения в обществе повлекли за собой кризисное сознание, ощущение трагичности и гибельности бытия. Причины внешнего характера, влекущие личные трагические переживания автора, становятся основой мироощущения в творчестве писателей. Ведущий мотив, связанный с развитием трагического сценария будущего в социально-философском романе русскоязычных авторов, является эсхатологический. Апокалипсические коллизии и библейские аллюзии в творчестве писателей возводят антиутопию к жанру Откровения/Апокалипсиса Иоанна Богослова.

Экспликация авторской модальности реализуется в художественной ткани произведения у каждого автора по-разному. Так, концептуальная метафора «Гефсиманский сад» в одноименном романе Э. Скобелева охватывает три пласта в пространственно-временной структуре: история Иешуа, письма из трагического 1917 г., современная действительность. Трагический проект будущего все же оставляет слабую надежду на развитие другого сценария в том случае, если человек найдет в себе внутренние духовные резервы, осознает цель жизни и степень своей ответственности: «Наша цель и смысл – восстанавливать гармонию в себе, в окружающих, во всем мире» [6, 333].

По мысли многих исследователей, распаду Советского Союза сопутствовали трагические события к. XX в. – Афганская война и взрыв на Чернобыльской АЭС. Хроника того времени свидетельствует не только о больших физических, но и духовных потерях для нашей страны.

Обострение проблем социально-политического характера, разжигание межнациональной розни в современном мире становятся причиной ретроспективного обращения писателей к драматическим событиям Афганской войны. Дивергенция противостоящих точек зрения, многообразие форм выражения авторской концепции войны стали причиной развития «новой военной прозы» (И. Сухих). Термин «новая военная проза» подчеркивает преемственную связь с традициями военной прозы о Великой Отечественной войны и предполагает своеобразное видение проблемы Афганской войны. Военный конфликт на территории Афганистана в отличие от Великой Отечественной «священной», «освободительной» войны в сознании людей воспринимается как историческая ошибка и «бессмыслица». Противоречивый взгляд на участие советских воинов-интернационалистов в военной кампании в Афганистане 1979 г. в прозе русскоязычных авторов заставляет отказаться от монохромного восприятия этих событий и выявляет поликаузальный характер драматических событий. Тем не менее, война как пограничная ситуация, определяет доминантный смыслообразующий мотив прозы писателей – экзистенциальный. Мотив отчужденности воспроизводит кафкианскую модель мироощущения во многих произведениях «новой военной прозы».

Реальные события, положенные в основу повествования, находят воплощение в художественно-документальной прозе писателей, в которых граница реального и вымысла весьма подвижна в силу авторской концепции. Своеобразие мифопоэтической картины мира, экзистенциально охватывающей структуру художественного текста, выражается в установке на объективность и документальность, углубленный психологизм.

Формы экзистенциального сознания находят отражение в художественно-документальной повести «Цинковые мальчики» С. Алексеевич, художественно-документальных очерках «Среди афганских гор А. Чайки» и «Поле жизни» А. Савицкого и др.

Авторы, тяготея к художественно-документальным формам повествования, раскрывают психологию невымышленного героя – солдата, который принимал участие в боевых действиях, прошёл крещение «огнем и боем». Находясь все время в пограничной ситуации, характер солдата «выкристаллизовывает» в себе лучшие качества. Сложный и противоречивый процесс становления личности, «вочеловечивания» является важнейшим и в

русской классической литературе. Так, в очерке А. Чайки «Подтверждение боем» рассказывается, как новички, совершая поначалу множество ошибок из-за нехватки физических и моральных сил, затем, пройдя испытание боем, в братской обстановке, чувствуя поддержку друзей-товарищей, как бы «оттаивают» и крепнут душой: «...когда прибывали в подразделение новички и случалось, что у кого-то собственная совесть оказывалась слаборазвитой или еще дремала, тогда Совесть роты ее будила, тормошила, заставляла действовать, работать, влиять на своего хозяина, с пристрастием оценивать его поступки и судить строго, непримиримо» [8, 172]. Вера в человека, в его духовные возможности в творчестве русскоязычных авторов в преемственной связи с лучшими классическими произведениями является доминантой повествования.

Трагедией XX в. полноправно можно назвать аварию на Чернобыльской АЭС, масштабы бедствия которой еще не оценены. В результате техногенного взрыва в зоне радиоактивного загрязнения оказалось четверть территории Беларуси, по официальным данным – каждый пятый житель стал жертвой катастрофы. Тема Чернобыля стала актуальной на страницах научных, литературно-художественных и общественно-политических журналов. Интерес к публицистическому нарративу вызван попыткой авторов осмыслить последствия аварии в разных аспектах – социальном, медицинском, философском и др. Развитие публицистического дискурса усиливает тенденцию обращения к художественно-документальным формам повествования. Чернобыльская трагедия сразу вызвала ассоциативный ряд апокалиптических предсказаний о падении звезды «Полынь» из Откровения Иоанна Богослова, что находит отражение в авторской номинации произведений: хроника «Стали воды горькими» О. Чернова и В. Гигевича, роман-диалогия «Полынь-вода» А. Резановича.

Библейские аллюзии и реминисценции присутствуют в художественно-документальной хронике «Чернобыльская молитва» С. Алексиевич. В своем подзаголовке «хроника будущего» автор делает акцент на документальную основу повествования «хроника» и на предупреждение о возможных трагических последствиях в будущем при безответственном и халатном отношении человека – «будущего».

Произведения о Чернобыле проникнуты трагическим пафосом, авторами поднимают проблемы ответственности человека перед другими людьми и природой. Осознание того, что трагедию можно было предотвратить или принять скоординированные меры по ее устранению, усиливает трагизм повествования.

Вневременная, трагическая ситуация проявляется в выражении разнообразных форм экзистенциального сознания в отражении Чернобыльской катастрофы русскоязычными авторами Беларуси. Так, бегство от экзистенциального одиночества обычно остается неразрешенной дилеммой в противостоянии, «вечном» конфликте личности и общества в романе Э. Скобелева «Беглец».

В прозе русскоязычных авторов Беларуси поднимаются актуальные проблемы современности: развитие национального и цивилизационного путей развития страны и мира в целом, сохранение мира и утверждение ценности человеческой жизни, ответственности человека перед обществом. В преемственной связи с традициями русской классической литературы в творчестве писателей утверждается высшая ценность на Земле – человек, а мысль о его совершенствовании, исправлении, «вочеловечивании» является смыслообразующим мотивом всего повествования.

Литература

1. Алексиевич, С. А. Чернобыльская молитва. Хроника будущего: докум. повесть / С. А. Алексиевич. – М., 2013. – 304 с.
2. Андреев, А. Н. Острова Архипелага N. / А. Н. Андреев // Неман, № 1, 2016. – С. 186 -189.
3. Гончарова-Гробовская, С. Я. Русскоязычная драматургия Беларуси рубежа XX–XXI вв. (проблематика, жанровая стратегия) / С. Я. Гончарова-Гробовская. – Минск: БГУ, 2015. – 202 с.
4. Скоропанова, И. С. «Минская школа» на рубеже XX-XXI вв.: Хрестоматия // Русская литература: Курс лекций. – Мн.: БГУ, 2007. – 126 с.
5. Скобелев, Э. М. Беглец: роман / Э. М. Скобелев. - Мн., 1989. – 366 с.
6. Скобелев, Э. М. Гефсиманский сад (блуждания соврем. духа): роман / Э. М. Скобелев. - Мн., 1993. – 336 с.
7. Сухих, И. Мы были на войне, которой не было / И. Сухих // Лит. обозрение. 1991. № 10. С. 54-57.
8. Чайка, А. Ф. Среди афганских гор: докум. повести / А. Ф. Чайка. – Мн.: Беларусь, 1989. – 191 с.

ВКЛАД М. Н. МЕЛЬНИКОВА В РАЗВИТИЕ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ И ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ НОВОСИБИРСКОЙ ОБЛАСТИ

Урсегова Наталья Александровна

кандидат искусствоведения,
доцент кафедры народной художественной
культуры и музыкального образования
Института культуры и молодежной политики
Новосибирского государственного
педагогического университета
г. Новосибирск

Аннотация: В статье предложен подход в оценке научного наследия выдающегося сибирского фольклориста М.Н. Мельникова, учитывающий уровень собственно научных результатов и вклад ученого в развитие общества посредством образовательной (педагогической) и просветительской (общественной) деятельности.

Отражен многогранный вклад ученого в научную и практическую фольклористику, дан краткий обзор работ, осмысляющих отдельные направления его научных интересов, приведены статистические данные национальной библиографической базы российского индекса научного цитирования. Описаны причины, затрудняющие работу фольклористов с научным наследием М.Н. Мельникова.

Ключевые слова: фольклористика, этнохудожественное образование, научный потенциал, сибирский фольклор, этнокультурное творчество

THE CONTRIBUTION OF M.N. MELNIKOV TO THE DEVELOPMENT OF FOLKLORE AND ETHNO-CULTURAL EDUCATION OF THE NOVOSIBIRSK REGION

N. A. Ursegova

Abstract: The article offers an approach in assessing the scientific heritage of the outstanding Siberian folklorist M.N. Melnikov, taking into account the level of the scientific results and the scientist's contribution to the development of society through educational (pedagogical) and teaching (public) activities.

The scientist's multifaceted contribution to scientific and practical folklore studies is reflected, the brief review of the works studying individual directions of his scientific interests is given, the statistical data of the national bibliographic base of the Russian index of scientific citation are given. The reasons that hamper the work of folklorists with M.N. Melnikov's scientific heritage are described.

Keywords: folklore studies, ethno-artistic education, scientific capability, Siberian folklore, ethno-cultural creativity.

Михаил Никифорович Мельников – профессор Новосибирского государственного педагогического университета, выдающийся сибирский ученый-фольклорист второй половины XX века, сподвижник и организатор этнохудожественного просвещения и образования в Новосибирской области. Разносторонние интересы, активная социальная позиция и неудержимая энергия М.Н. Мельникова предопределили проявление его природного таланта и трудолюбия в различных сферах и видах деятельности – научной, педагогической, общественной, литературно-публицистической, организаторской. Круг его интересов охватывал проблемы общей педагогики и этнопедагогики, филологии, фольклористики, этнографии, культурологии, экологии культуры, эстетики, социологии, литературоведения, методологии научных исследований, методики собирательской работы и архивирования фольклорных материалов.

В 2018 году исполняется 20 лет со дня смерти профессора М.Н. Мельникова – это серьезный повод обратиться к наследию ученого, оценить его вклад в развитие фольклористики и этнокультурного образования Новосибирской области с позиций современных достижений науки и образовательной политики начала XXI века, наметить перспективы использования его наследия в научных, образовательных, просветительских целях.

Научная биография М.Н. Мельникова, его научное наследие пока не стали объектом пристального внимания исследователей, хотя отдельные направления его научных интересов осмыслены в ряде статей, вышедших, в основном, уже после смерти ученого. Особо в этом ряду выделим статьи В.В. Болонева и Е.Ф. Фурсовой, освещающие основные направления научной деятельности Мельникова [2] и возможные пути развития его наследия в современных научных исследованиях [18]. В статье Н.В. Леоновой рассматривается одно из направлений многогранной научной деятельности М.Н. Мельникова – издателя фольклора [9], а в статье Ф.Ф. Болонева – научные достижения М.Н. Мельникова-этнографа [3].

Преобладающая в количественном отношении часть научных статей посвящена проблемам архивного хранения фольклорных материалов, собранных М.Н. Мельниковым и его студентами, перспективам их использования: в работах обобщен первоначальный опыт работы с наследием Мельникова в Государственном архиве Новосибирской области (далее – ГАНО) и Новосибирском областном центре русского фольклора и этнографии [6, 7, 8, 10, 11, 12, 13].

Первая попытка систематизации трудов Мельникова была предпринята в 2003 году: к первой региональной научно-практической конференции «Мельниковские чтения» был опубликован библиографический список научных трудов профессора М.Н. Мельникова [1]. Данная работа в настоящее время требует коррекции и дополнения, в первую очередь, в связи с посмертным изданием ранее неопубликованных рукописей и расшифрованных архивных фонозаписей из фольклорного фонда М.Н. Мельникова [4, 5, 15, 16]. Кроме того, библиография может быть дополнена иными источниками, вышедшими после 2003 года – статьями (научными, о жизни и деятельности ученого), сборниками фольклорных текстов, в которых опубликованы материалы фонда Мельникова, вспомогательными указателями (например, географическими указателями мест записи фольклорных материалов в ГАНО и Новосибирском областном центре русского фольклора и этнографии).

На современном этапе существования науки вклад исследователя определяется с помощью таких условно объективных характеристик как количество публикаций, индекс цитируемости, индекс Хирша и т.п. Данные национальной библиографической базы российского индекса научного цитирования (РИНЦ) показывают, что в течение последних тридцати лет научное наследие М.Н. Мельникова привлекает к себе внимание исследователей: начиная с середины 80-х годов XX века на его труды активно ссылаются, его идеи и записанные им фольклорные произведения – цитируют. Последние по времени известные нам работы, содержащие ссылки на труды М.Н. Мельникова, датируются 2018 годом: и спустя 20 лет после смерти ученого его научные идеи не потеряли своей актуальности.

Основные направления научно-исследовательских интересов М.Н. Мельникова – фольклор и народная педагогика; этнокультурные процессы и взаимосвязи восточнославянского фольклора в Сибири; современное состояние фольклора и экология культуры; развитие традиционных культур коренных народностей Севера, получили широкое, многоаспектное продолжение в трудах современных российских фольклора. Научные идеи, сформулированные впервые Мельниковым, так или иначе, реализованы в

многочисленных диссертациях, статьях, монографиях, репертуарных сборниках и сборниках фольклорных текстов, хрестоматиях, учебных пособиях, программах учебных курсов, библиографических справочниках и т.п., о чем свидетельствуют данные, опубликованные на сайте научной электронной библиотеки elibrary.ru. Общее количество публикаций М.Н. Мельникова в РИНЦ – 24, количество цитирований работ автора, входящих в РИНЦ – 392, число цитирований из публикаций на elibrary.ru – 475, индекс Хирша (без учета самоцитирований) – 7, индекс Хирша по всем публикациям на elibrary.ru – 8.

Значимость научных достижений М.Н. Мельникова действительно велика, ведь будучи, в первую очередь, фольклористом-филологом, М.Н. Мельников оказал огромное влияние на развитие сибирской этномузыкологии, этнографии, этнопедагогике и других смежных наук, предопределив основные направления исследовательских интересов современных сибирских ученых – 1) комплексный подход в организации полевых исследований фольклорно-этнографических традиций Сибири, 2) взаимодействие и локализация народно-поэтических традиций в фольклоре сибиряков, межнациональные культурные связи в Сибири, отдельные национальные песенные традиции Новосибирской области, 3) традиционное и новое в фольклорном творчестве сибиряков, 4) комплексный подход в издании сибирского фольклора – сборников фольклорных текстов с нотировками, 5) методологические проблемы типологии фольклорных явлений, 6) функциональность фольклора (фольклорных жанров), 7) проблемы воспитания подрастающего поколения и экологии культуры, 8) этнокультурное развитие коренных народов Сибири, 9) судьбы традиционной народной культуры и ее роль в жизни современного человека, 10) проблемы духовной жизни, 11) музыкальные вкусы молодежи и проблемы их музыкально-эстетического воспитания, 12) трансляция этнокультурного наследия в школьное и вузовское образование, художественную самодеятельность.

М.Н. Мельников вносит весомый вклад и в другие, ассоциированные с наукой сферы деятельности: участвует в организации науки в качестве редактора научных сборников, является членом научных и общественных советов, оргкомитетов конференций, а также передает свои знания и навыки фольклористической работы молодёжи, прежде всего студентам-филологам в процессе их обучения в Новосибирском государственном педагогическом институте (ныне – университете). Так, например, в 1979 году в организации полевых работ в Новосибирской области произошёл качественный сдвиг – М.Н. Мельниковым «был подготовлен отряд молодых фольклористов,

способных возглавить экспедиционные группы. Летом работало три этнографических, одна фольклорно-этнографическая и семь фольклорных экспедиций. В их составе было 89 собирателей» [14, с. 167].

Внедряя этнокультурные традиции в современное образование, М.Н. Мельников выступил идейным вдохновителем и инициатором создания в 1994 году фольклорно-этнографического отделения Новосибирского областного колледжа культуры и искусств [17], в 80-е годы – известных аутентичных фольклорных коллективов «Ансамбль сибирской народной песни» (руководитель В.В. Асанов), «КрАсота» (руководитель О.И. Выхристюк), инициатором проведения Новосибирского областного фольклорного фестиваля, где, по большей части, исполнялись этнографически достоверные фольклорные произведения.

Таким образом, научный вклад М.Н. Мельникова включает две главные смысловые составляющие: 1) уровень собственно научных результатов и 2) вклад ученого в развитие/улучшение общества посредством образовательной (педагогической) и просветительской (общественной) деятельности. Описанные выше направления научной и общественной деятельности М.Н. Мельникова сосуществует во взаимодействии, формируя, так называемый системный «эффект сложения», превышающий действие, оказываемое каждым компонентом деятельности ученого в отдельности. Достижения М.Н. Мельникова в научной сфере и их практическое применение (апробация) в реальном образовательном процессе, живой исполнительской практике новосибирских фольклористов взаимно усиливают и дополняют друг друга, проявляя мощный синергетический эффект. Многогранная, высокоэффективная деятельность профессора М.Н. Мельникова в 60-е–90-е гг. XX века позволяет характеризовать этот период в развитии новосибирской фольклористики как «золотой век».

Окончательная оценка вклада М.Н. Мельникова в развитие фольклористики и этнокультурного образования Новосибирской области в настоящее время не может быть выполнена в полном объеме в связи с невозможностью использования материалов фольклорного фонда М.Н. Мельникова в ГАНО – продолжаются работы по их описанию и постановке на государственный учет, а фономатериалы коллекции не переведены в электронный формат.

Решение проблемы сохранения и использования научного наследия М.Н. Мельникова позволит восстановить историческую преемственность в фольклористических исследованиях новосибирских ученых, расширить источниковую базу научных изысканий, ввести в научный обиход,

образовательный процесс и живую исполнительскую практику записанные в прошлом веке достоверные фольклорно-этнографические материалы.

Литература

1. Библиографический список научных трудов проф. М.Н. Мельникова / Сост. Д.А. Третьяков. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. – 15 с.
2. Болонев В.В. Профессор М.Н. Мельников и основные направления его научной деятельности // Мельниковские чтения: Материалы первой региональной научно-практической конференции. Новосибирск, 19-21 февраля 2003 г. / Отв. составитель Н.В. Леонова.- Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – С. 8-16.
3. Болонев Ф.Ф. М.Н. Мельников как этнограф // Мельниковские чтения: Материалы второй региональной научно-практической конференции. Новосибирск, 24-26 февраля 2005 г. / Отв. составитель Н.В. Леонова.- Новосибирск: ООО Издательский дом «Сова». – 2007. – С.35-42.
4. Захарченко В.Г., Мельников М.Н. Песни сибирского села Ольшанка. – Краснодар: Изд-во «Эдви». – 2003. – 171 с.
5. Золотая птица: Сказки А. Е. Егоровой из собрания М. Н. Мельникова / Сост. Т. Ю. Мартынова. – Новосибирск: ИД «Сова», 2006. – 284 с.
6. Константинова Н.В. Из опыта работы с наследием М.Н. Мельникова в Государственном архиве Новосибирской области // Мельниковские чтения: материалы третьей и четвертой региональных научно-практической конф., Новосибирск, 9-11 апреля 2007 г.; Новосибирск, 26-28 февраля 2009 г. – Новосибирск: НГОНБ, 2011. – С. 138-142.
7. Леонова Н.В. Архивное хранение фольклорных материалов: Фонд М.Н. Мельникова в Государственном архиве Новосибирской области // Архивная служба Сибири на рубеже XX-XXI веков (правовые, организационные и научно-методические вопросы деятельности архивной службы). Тезисы научно-практической конференции 31 мая 2000 г. Тезисы докладов и сообщений. – Новосибирск, 2000. – С. 33-34.
8. Леонова Н.В. Елена Андреевна Мамонтова и фольклорный фонд М.Н. Мельникова в Государственном архиве Новосибирской области // Мельниковские чтения: материалы восьмой межрегиональной научно-практической конференции, Новосибирск, 16-17 февраля 2017 г. / Научн. ред. Н. В. Леоновой. – Новосибирск: НГОНБ, 2017. – С. 65-71.
9. Леонова Н.В. Мельников как издатель фольклора // Мельниковские чтения: Материалы первой региональной научно-практической конференции. Новосибирск, 19-21 февраля 2003 г. / Отв. составитель Н.В. Леонова.- Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – С. 33-36.

10. Леонова Н.В. Проблемы и перспективы использования фольклорного фонда М.Н. Мельникова // Новосибирский архивный вестник. Архивы Сибири. История и современность. Материалы региональной научно-практической конференции 22 марта 2005 г. – Новосибирск, 2005. – С. 90-94.

11. Леонова Н.В. Фольклорные материалы в Государственном архиве Новосибирской области // Вестник Томского государственного университета: Общенаучный периодический журнал. Бюллетень оперативной научной информации. – 2006. – № 100. – С. 41-52.

12. Мамонтова Е.А. Фольклорное собрание М.Н. Мельникова [в ГАНО]: итоги описания, роль в сохранении культурного наследия // Новосибирская область в контексте Российской истории: материалы II Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию образования Новониколаевской губернии, 25 окт. 2011 г., г. Новосибирск. Ч. 1 / Управление Государственной архивной службы Новосибирской области, ГА Новосиб. обл., Новосиб. регион. отд-ние РОИА.– Новосибирск, 2011.– С. 185-190.

13. Мартынова Т.Ю. Фольклорные материалы М.Н. Мельникова в «Фонд-архиве» ОЦРФиЭ // Мельниковские чтения: Материалы второй региональной научно-практической конференции. Новосибирск, 24-26 февраля 2005 г. / Отв. составитель Н.В. Леонова.- Новосибирск: ООО Издательский дом «Сова». – 2007. – С. 57-63.

14. Мельников М.Н. Коротко об экспедициях Сибирский фольклор: межвузовский сборник научных трудов / редкол.: М. Н. Мельников и др.; Новосиб. гос. пед. ин-т. - Новосибирск: НГПИ, 1980. – С. 167-168.

15. Песни сибирской деревни Ольшанки, напетые Анной Мефодьевной Красниковой / Составление М.Н. Мельникова, нотирование В.Г. Захарченко. – Новосибирск: Книжица. – 2003. – 76 с. – В надзаг.: Новосиб. обл. центр русского фольклора и этногр. – (Библиотека сибирской старины).

16. Свадебный обряд и песни в записи от Ефросиньи Денисовны Прозвицкой: из архива М.Н. Мельникова / Составление и редактирование Н.В. Леоновой. – Новосибирск: изд-во НГОНБ, 2013. – 135 с. – (Приложение к сборнику материалов VI-й межрегиональной научно-практической конференции «Мельниковские чтения»).

17. Урсегова Н.А. Современные образовательные технологии в подготовке фольклористов в ГБОУ СПО НСО «НОККиИ» // Современное среднее профессиональное образование: от теории к практике. Материалы Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и преподавателей. Под редакцией Э.Г. Скибицкого. – Новосибирск: Сибирская академия финансов и банковского дела, 2010. – С. 129-131.

18. Фурсова Е.Ф. Развитие этнографического наследия М.Н. Мельникова в современных научных исследованиях // Мельниковские чтения: Материалы второй региональной научно-практической конференции. Новосибирск, 24-26 февраля 2005 г. / Отв. составитель Н.В. Леонова.- Новосибирск: ООО Издательский дом «Сова». – 2007. – С. 43-50.

УДК: 1751

УКРАИНСКАЯ ПЕСНЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: ВОПРОСЫ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВОСПРИЯТИЯ¹²

Хмелевский Михаил Сергеевич

кандидат филологических наук,
доцент кафедры славянской филологии
филологического факультета
Санкт-Петербургского
государственного университета
г. Санкт-Петербург

Аннотация. В настоящей статье представлен анализ образов из украинских песен, вошедших в современную русскую культуру. Данные коннотативные компоненты содержат в своей структуре фитонимы, т.е. наименования различных единиц растительного мира. С течением времени многие из них становятся знаковыми составляющими национальных культур.

Ключевые слова: Культурология, этнолингвистика, фольклор, фразеология, менталитет, метафоры, национальная символика, этнонациональный символ.

UKRAINIAN SONG IN MODERN RUSSIAN CULTURE: QUESTION OF PERCEPTION

Mikhail Khmelevski

Abstracts: In given article there has been executed an analysis of the main symbols in Ukrainian songs, which entered into the modern Russian culture. These connotative components contain in their structure so called 'floristic elements', i.e. the names, titles of different trees and flowers.

¹² Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований. Проект «Проведение комплексного социолингвистического исследования роли и функций русского языка в украинском полиязычном пространстве и описание положения русского языка в современной языковой ситуации на Украине» (№ 18-012-00754; шифр ИАС 31.15.69.2018).

From time they are an essential part of many human cultures.

Key words: Culturology, ethnolinguistics, folklore, idioms, mentality, metaphors, national symbols, ethno-national symbol.

Украинская песенная культура родственна русской, но при этом между ними видны и довольно глубокие различия. Некоторые украинские песни, как фольклорные, так и авторские (такие, как «Ти казала в понеділок», «Несе Галя воду» или «Червона рута» и т.п.) вошли в современную русскую песенную традиционную культуру, но при этом степень восприятия образности, заключенной в текстах этих песен, сильно различается у носителей русского и украинского менталитетов. Несмотря на то, что «прецедентные» тексты украинских песен вошли в современную русскую песенную культуру, стали ее частью и довольно часто исполняются, их образность в силу разности восприятия заложенных в них символов трактуется по-разному по причине ассоциативного восприятия носителей украинской и русской культур, в частности, образов растительного мира.

Проведем некоторые параллели в украинско-русской этносимволике. Наш выбор иллюстративных примеров обусловлен несколькими факторами: во-первых, культурно-исторической и языковой близостью двух народов, относящихся к общей славянской, и конкретнее – восточнославянской культуре; во-вторых – сходными (но далеко не одинаковыми) климатическими и природными условиями. В то же время, несмотря на культурную, языковую и «климатическую» близость, как в украинской, так и русской культурах обнаруживаются и принципиальные расхождения не только в образах национальных символов с «фитонимическим» компонентом, но и в восприятии определенных видов растительного мира. Иными словами, можно говорить о функционально-прагматических различиях целого ряда единиц фитонимической лексики, которая является общей для украинского и русского языков, но имеет в двух рассматриваемых в статье восточнославянских культурах совершенно разное внутреннее концептуально-символическое наполнение.

Если говорить о центральных, ключевых этносимволах Украины, то это, несомненно, *калина*. Несмотря на существующее образное выражение пословичного типа «Россия и Украина – из одного корня калина» [4; 734], восприятие украинцами своего национального символа – калины – в значительной мере отличается от русского восприятия, равно как невозможно поставить знак равенства между восприятием национального русского символа – березы – русскими и украинцами. Здесь можно вспомнить, например, весьма расхожую в современной русской культуре

украинскую песню «Розпрягайте, хлопці, коні» и слова из нее: «Маруся раз, два, три, калины, чорнявая дівчина...».

Образ калины в украинской культуре многозначен и складывается из целого ряда компонентов, а также ее цветовой символики: красный цвет издавна почитался в славянской культуре. Калину сажали на могилы (например, погибших казаков), т.к. ее красные ягоды символизируют кровь (метафорика цвета), героизм и жизнь, отданную в борьбе за родную землю. Н. Костомаров отмечает: «Калина, посаженная на могиле, есть символ любви, в какой бы форме эта любовь не проявлялась – любовь ли это супружеская, братняя, материнская, привязанность к родине: калина, опустившая свои раскидистые ветки на могилу, как будто знаменовала, что под нею тлеет сердце, умевшее любить, сердце, убитое безграничным чувством» [7; 74]. В связи с этим можно вспомнить слова из популярной в России песни, которую исполняют С. Ротару и др.: «Одна родина за столом, одна *калина* за вікном...».

Традиция сажать куст калины на кладбищах в знак бессмертия и вечной памяти об умерших до сих пор существует на Украине (ср. русскую традицию сажать березу на могиле). Калину также можно считать «деревом-символом», которое связывает мир мертвых с миром живых: «*Тоді неси мою душу туди, де мій милий Червоною калиною постав на могилі*» (Т.Г. Шевченко).

Куст калины с красными ягодами, как и сам красный (укр. *червоний*) цвет, в украинском сознании также ассоциируется с понятием красоты (по модели «красный – красивый»): *дівчина гарна та рум'яна як калина; ой, ти дівчино, червона калино*. Толчком для развития образа стало переносное значение прилагательного *калиновий* – «красный, цвета ягоды калины, калинового сока»: *Молодий чоловік притиснув до себе... дівчину і поцілував її калинові уста; в небо підніс калинові знамена*. Сочетание первого образа («связанный с Украиной») и второго («красивый») проявляется в метафорическом наименовании украинского языка – *калинова мова*.

В начале лета калина начинает цвести белыми цветами, отсюда закрепился «женский, девический» символ калины, включающий в себя чистоту, девственность, честь, а также любовь и молодость: *калину при собі носити* – «беречь девичью честь, девственность», *калину згубити, стратити* – «потерять девственность, чистоту», *калину зламати* – соответственно, «лишить чести» (известен также обряд ломания калины на русской свадьбе [9;286]. «Белизна цветов [калины] – символ девственности и невинности» [9; 72]. Сочетание белого цвета как образа женской чистоты и красного цвета ягод как символа женской красоты, страсти породило в

украинском сознании и культуре ассоциацию калины с любовью.

В украинском фольклоре до сих пор жива традиция ходить за калиной, что отразилось во фразеологии: *ходити по калину, збирати калину* – «искать любви, возлюбленного». У входа в сельскую хату часто вывешивали ветку калины, которая означала, что в доме живет девушка на выданье, и, наоборот, о молодой девушке, которой еще рано выходить замуж, метафорически говорится: *калина ще не дозріла*.

В украинской народной культуре калина как женский символ «умеет» слушать, видеть, думать, говорить, сострадать, поэтому в песенном фольклоре часто можно встретить образ девушки, плачущей в ожидании своего возлюбленного в кустах калины, а склоненная ветка калины и горечь ее ягод ассоциируется с печалью, грустью, как, например, в народной песне: «*Червоная калинонька на яр-воду схилилася... Там дівчина журилася*». Считается, что калина способна выслушать и утешить горе: «*Ой, зацвіла калинонька у лузі, Ой, чого ж моє серденько в тузі*».

В фольклоре, песнях символ калины часто связан не просто с образом юной девушки, а – шире – с образом самой Украины. Например, в таком фрагменте: «*Ой у лузі червона калина похилилася. Чогось наша слава Україна зажурилася*» – образ опущенных вниз ветвей калины, как было сказано выше, служит традиционным образом печали, грусти, уныния.

То, что образ калины не так сильно распространен в русском языковом сознании, подтверждают языковые данные, в частности русские фразеологические и паремиологические словари, где фитоним *калина* представлен крайне редко. Примечателен пример с региональной пометой «брянское»: *красивый как калина*. Брян. Одобр. Об очень красивом человеке [4; 240]. В то же время образ калины можно обнаружить в русской популярной культуре: например, в народных песнях, напр., в песне «Калинка-малинка», стереотипно прославившей Россию далеко за ее пределами. Образ красной калины глубоко вошел в современную русскую культуру также благодаря одноименному фильму «Калина красная», снятого В. Шукшиным по написанной им повести, и народной песне «Калина красная, калина вызрела». Как видим, ассоциативный ряд, возникающий в русской культуре весьма отличается от представленной выше украинской образности – это в основном цвет крови.

В продолжение темы растений как этнонациональных символов следует также упомянуть барвинок (укр. *барвінок*) – общая для русского и украинского языков лексема, обозначающая род стелющихся полукустарников с синими цветками. Здесь вспомним часто исполняемые русскими такие украинские песни, как «*Я казала в понеділок пійдем разом по*

барвінок» или «*Несе Галя воду, коромисло гнеться. А за нею Івано, як барвінок в'ється...*». В русской культуре барвинок не имеет такого образно-ассоциативного наполнения, как в украинской, а следовательно, ни украинский песенный фольклор, столь популярный в современной русской традиции, ни художественные произведения украинской литературы или русскоязычной литературы, созданной носителями украинской культуры, такими как, например, Н.В. Гоголь, где фигурирует образ барвинка, не может быть до конца и со всей глубиной воспринят носителем русской культуры. При том, что, отметим, данная лексема является общей для обоих языков, тем не менее, носителю русской культуры зачастую приходится обращаться к словарю для уточнения ее значения, тогда как для носителя украинской культуры – это не просто наименование растения, которое на Украине встречается повсеместно: вдоль дорог и рядом с украинскими хатами (*зелений, як барвінок* – о зеленом цвете чего-либо), но и один из этносимволов. Популярная в России украинская песня «*Несе Галя воду, коромисло гнеться, А за нею Іванко, як барвінок, в'ється*» ввиду отсутствия символического наполнения у данного растения в русской культуре не может быть воспринята с такой глубиной образности, как в украинском сознании, где барвинок имеет богатую символику: это, прежде всего, вечная, не увядающая любовь, а также молодость и свежесть, как, например, в устойчивом сравнении *хлопець молодий як барвінок* – ‘очень молодой, юный’. Именно поэтому на Украине существует традиция собирать барвинок, девушки вплетают его в косы, невесте и жениху на свадьбе надевают венки из барвинка в знак долгой и верной любви. Например, образ барвинка из вышеприведенной украинской песни «*Ти казала в понеділок, пійдем разом по барвінок*» у носителя русской культуры остается затемненным и непонятным, тогда как в украинском сознании эта фраза *пійти разом по барвінок* отсылает к древней традиции – собирать барвинок вместе, т.е. проявлять взаимную симпатию, надеяться на любовь или обещать любить. Барвинок – хоть и не примечательное, но неприхотливое и устойчивое ко всем непогодам растение, которое начинает зеленеть еще под снегом и цветет с конца мая до поздней осени, поэтому, надевая венок из барвинка на молодых, верят, что любовь их будет крепкая и вечная, и приговаривают: «*Як цей барвінок ніколи не блідне, так най і життя твоє ніколи не блідне*». Именно поэтому барвинок также символизирует жизненную силу и вечность.

Не до конца понятна образность барвинка носителю русской культуры в другой популярной в России украинской песне «*Стелися, барвінку, буду поливати, Вернися, Іванку, – буду шанувати*» – образ девушки, которая

обещает своему возлюбленному особую заботу (напомним, что барвинок – неприхотливое растение и не нуждается в уходе и поливе, вследствие чего данный образ заботы усиливается). Вообще, отметим, что в украинской культуре барвинок – это прежде всего свадебный символ и свадебный цветок, причем цветущий барвинок ассоциируется со счастливым браком, а увядший – наоборот – с неудачным замужеством. Барвинок также символизирует девичью молодость, а о девушке, потерявшей свою чистоту, говорят *вона свій барвінок потоптала*.

Барвинок – это еще и символ вечной памяти об умерших, поэтому его часто сажают на могилах. По мнению Н.И. Костомарова, эта традиция уходит корнями вглубь веков, когда украинцы верили в святость и тайную связь между браком и смертью [7; 61]. Испокон веков к барвинку относились очень бережно, поскольку верили, что он оберегает от нечистой силы; венки из барвинка до сих пор в украинских селах часто вешают у входа в дом как своеобразный оберег.

В заключение отметим, что, несмотря на близкое родство русского и украинского языков, схожесть менталитетов и восприятия действительности, мы часто находим существенные различия в мировоззренческой и ассоциативной интерпретации одних и тех же образов, символов и знаков. На наш взгляд, это объясняется как разницей культурно-исторического фона, так и географическо-природных условий, формирующих, по мнению Л. Гумилева, сознание нации. Так, на основании вышепредставленных примеров, их реализации в языке и ассоциативного наполнения мы можем увидеть различие в трактовке конкретных образов окружающего мира в русском и украинском сознании, что, с одной стороны, сближает, а с другой – придает своеобразие, национальную специфику, колорит, а именно это в конечном итоге и отличает (но отнюдь не разъединяет!) русскую и украинскую нации.

Литература

1. Баландіна Н.Ф. Береза і калина в сучасній мовній свідомості (за матеріалами вільного асоціативного експерименту) // Мовознавство, 2011, N 5. С. 50-59.
2. Білоноженко В.М., Винник В.О., Гнатюк І.С. та ін. Фразеологічний словник української мови. Книга 1 та 2. Київ: Наукова Думка, 1993. С. 984.
3. БМС (1998): Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб, Фолио-Пресс. 1998.
4. БСРП (2010): Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь

русских поговорок. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2010.

5. Борейко В.Е. Лесной фольклор. Дерва жизни и священные роци. Киев, 2003. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.litmir.co/br/?b=129239>

6. Гладкий М. Образ берези в народных віруваннях українців. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ddpu.drohobych.net/wp-content/uploads/2016/10/gladkuj-mykola.pdf>

7. Костомаров М. І. Слов'янська міфологія. Київ, 1994.

8. Кузнецова И.В. Отражение некоторых мифологических поверий в фразеологии славян // Славянские языки и культура. Т. 1: Знание. Язык. Культура: материалы Междунар. науч. конф. – Тула: Петровская гора, 2007. С. 48–52.

9. Кузнецова И.В. Русская фразеология о девичестве и замужестве (на фоне славянской) // Frazeologické štúdie V : Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii. – Ružomberok, 2007. С. 273-289.

УДК 316:811

РАБОТА С ТЕКСТОМ КАК СФЕРА ИНТЕРНЕТ-ЗАНЯТОСТИ¹³

Хусяинов Тимур Маратович

менеджер департамента социальных наук,
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского,
г. Нижний Новгород
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

Аннотация. В данной работе рассматривается одна из наиболее популярных и развитых сфер Интернет-занятости - работа с текстом: копирайт и рерайт. Автор проводит социологическое исследование, используя контент-анализ в отношении заказов, размещённых на фриланс-бирже Weblancer. В результате приводятся данные демонстрирующие основные количественные показатели заказов на подготовку различных текстов (новостей, стихов, рассказов и т.д.).

¹³ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (отделение гуманитарных и общественных наук) научного проекта №17-03-00074 «Самостоятельная интернет-занятость: между прекаризацией и нормальностью».

Ключевые слова: фриланс, Интернет-занятость, работа с текстом, копирайт, рерайт, информационное общество, атипичная занятость.

WORKING WITH TEXT AS A SPHERE OF E-WORK

T.M. Khusyainov

Abstract. In this paper, one of the most popular and developed areas of Internet employment is considered - working with text: copyright and rewrite. The author conducts a case study using content analysis for orders placed on the Weblancer freelance exchange. As a result, data are given showing the main quantitative indicators of orders for the preparation of various texts (news, poems, stories, etc.).

Keywords: Freelance, e-work, work with text, copyright, rewrites, information society, atypical employment.

Информационная революция рубежа 1970-1980 гг. оказала существенное влияние на социальную структуру общества и отдельные сферы жизни человека, заметно возросло значение информации, которая стала новым сверхценным ресурсом. На фоне бурного развития технологий формируется новая структура общества, в том числе и в социально-трудовая. Прежние профессии сменяются новыми, взамен стандартной занятости приходят атипичные формы, доля физического труда заметно уступает интеллектуальному. Если ранее труд ассоциировался прежде всего со средством выживания, данностью, с которой людям приходится мириться, теперь он выступает основной сферой жизни человека. В контексте этого трудовая занятость и профессия превращаются в определяющие факторы самоидентификации, формируя особый менталитет, габитус [1].

Развитие и распространение Интернет-технологий породило возникновение новой формы трудовых отношений - Интернет-занятость. Данная форма труда может быть охарактеризована как трудовая деятельность, которая ранее выполнялась на рабочем месте предоставляемом работодателем в специальном помещении (например, офисе), а теперь с развитием современных информационно-коммуникативных технологий - новых инструментов обработки и передачи информации стала возможна, как домашняя или мобильная, и выполняться по гибкому графику, в зависимости от выбора Интернет-работника [8].

В рамках нашего исследования, мы анализируем деятельность самостоятельных Интернет-работников в одной из наиболее значимых сфер деятельности - работа с текстами, которая особенно актуальна в контексте

становления “Общества знаний” и формирования Цифровой экономики [4, 7].

Крупные фриланс-биржи, которые выполняют роль своего рода биржи труда, как правило есть раздел для заказов посвящённых созданию, редактированию, распространению текстов. Анализ фриланс-биржи Weblancer демонстрирует, что с 2007 по 2018 гг. заказов на работу с текстами было размещено 53060, из них было выполнено лишь 28720. Основной массив заказов приходится на копирайт (более 38 тысяч) и переводы (более 10 тысяч). Однако, среди заказов можно встретить и варианты более творческие: написание стихов, песен, прозы, сценариев, однако их число составило лишь 412 за весь период наблюдения.

Кроме выполнения разовых заданий, предлагаются и варианты долгосрочного сотрудничества, так на сайте было размещено 10800 вакансий работы с текстом, что уступает лишь созданию и работе с сайтами (около 18 тысяч). Подобная ситуация вероятно связана с тем, что для большинства ресурсов необходимо постоянное наполнение новыми текстами, и продолжение работы с прежним исполнителем может снизить издержки и обеспечить более оперативное выполнение.

При этом можно отметить, что если несколько лет назад далеко не каждый заказ получал отклик со стороны Интернет-работников, вследствие чего оставалось достаточно много не выполненных, то теперь такая ситуация практически не встречается. Вероятно в силу слабой уверенности в безопасности подобной формы трудовых отношений, исполнители, в силу низкой конкуренции, имели большие возможности выбирать заказы. То, теперь, когда рынок Интернет-труда наполнился большим числом работников, они вынуждены бороться за заказы.

Сфера работы с текстом так велика и динамична, что постоянно требует новых исполнителей, способных подготовить материалы на актуальные темы, быстро перевести или отредактировать чужой текст. При этом стоимость выполнения заказов может варьировать от нескольких сотен рублей до десятков тысяч.

Кроме того, в Интернет-пространстве создаются биржи копирайтинга - специализированные платформы, связанные с работой с текстом. Подобные проекты

(например, Адвего [2] и eTXT [3]) включают в себя как функции фриланс-бирж, так и постоянно растущих магазинов контента. Если первоначально они ориентировались только на тексты, теперь в дополнение к ним идут и иллюстрации, которые могут быть полезны для оформления текстового материала. Таким образом, у авторов появляется возможность

писать не на заказ, а предлагать приобрести созданные ими самостоятельно тексты.

Проведение данного исследования демонстрирует, что рынок текстов в русскоязычном сегменте Интернета значительно расширяется, растет как число исполнителей, так и заказчиков. Спрос породил предложение, развитие информационной экономики потребовало значительно развития Интернет-пространства, в том числе и наполнения его текстовой информацией. Каждый Интернет-ресурс заинтересован в наличии уникальной информации, уникального контента, которого нет у других. В с одной стороны для привлечения большего числа потенциальных пользователей, с другой для лучшей индексации поисковыми системами.

В результате это все большее число профессионалов переходит к новой форме трудовых отношений, включаясь в Цифровую экономику. Анализируя все многообразие заказов на тексты, мы можем отметить, что среди заказчиков есть как представители Интернет-бизнеса, которые испытывают потребность в создании контента, так и частные лица, решающие свои повседневные задачи.

В заключение хотелось бы поговорить о перспективах данной сферы и профессионалов, включенных в неё. Современные тенденции автоматизации демонстрируют снижение участия человека в трудовой деятельности, что вызывает серьезные опасения исследователей [5]. Если ранее, в "дотехническую эпоху" люди мечтали об избавлении от труда, то проблема XX века в том, что эти мечты могут сбыться [6]. Так, с развитием искусственного интеллекта, создание "простых" текстов может быть автоматизировано. То есть, написание связного текста по определенным критериям, может быть осуществлено автоматически. Также, развитие систем автоматического перевода способно лишать отдельных профессионалов работы.

Если на данный момент подобные системы ещё недостаточно развиты, и могут заменить самых низкоквалифицированных исполнителей, то дальнейшее развитие может затронуть уже большую часть работников в сфере. Такие тексты будут обладать низкой художественной ценностью, однако их создание будет дешево и эффективно, выполнять поставленные задачи. В наибольшей безопасности от безработицы находятся высококвалифицированные профессионалы, которые или обладают очень широкими навыками и способностями, транспрофессионалы [10], или наоборот очень узконаправлены и обладают очень глубокими познаниями. Таким образом, развитие автоматизированных систем работы с текстом может сократить потребность в работниках-создателях этих текстов.

Литература

1. Багирова А.П., Турсукова И.И. Эффективность использования гибких форм занятости на региональном рынке труда: теория и методика оценки: монография. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2014. 78 с.
2. Биржа копирайтинга Advego. URL: <https://advego.com>
3. Биржа копирайтинга eTXT. URL: <https://www.etxt.ru>
4. Кульков В.М. Цифровая экономика: надежды и иллюзии // Философия хозяйства. 2017. № 5. С. 145—156.
5. Кутырев В.А. Отдадим труд машинам... Что будет с человеком? // Человек. 2017. №5. С. 68-74.
6. Кутырев В.А. Прельщение бессмертием (об абиотических тенденциях современной цивилизации). URL: <http://www.ssu.samara.ru/research/philosophy/journal5/13.html>
7. Сизова И.Л., Хусяинов Т.М. Труд и занятость в Цифровой экономике: проблемы российского рынка труда // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 376-396.
8. Хусяинов Т. М. Идентичность самозанятых Интернет-работников // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2017. № 1 (45). С. 127-132.
9. Фриланс биржа Weblancer. URL: <https://www.weblancer.net>
10. Perkin G. The Third Revolution: Professional Society in International Perspective. L., 1996.

ПРОВЕДЕНИЕ БИНАРНЫХ УРОКОВ ПО ИСТОРИИ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМУ ИСКУССТВУ В МУЗЕЕ

Чуракова Ольга Владимировна

кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной истории
Высшая школа социально-гуманитарных наук
и международной коммуникации
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова
г. Архангельск

Рафальская Валентина Валерьевна

студентка 5 курса
кафедры отечественной истории,
Высшая школа социально-гуманитарных наук
и международной коммуникации
Северный (Арктический) федеральный
университет имени М.В. Ломоносова
г. Архангельск

Аннотация. В статье анализируются перспективы сетевого взаимодействия «школа - музей» на примере проведения в художественных музеях бинарных уроков по истории и изобразительному искусству.

Ключевые слова: сетевое взаимодействие, бинарные уроки, уроки в музее, педагогические новации.

BINARY LESSONS IN HISTORY AND FINE ART AT THE MUSEUM

Churakova O.V.

Rafalskay V.V.

Abstract. The article analyzes the prospects of interaction between school and museum on the example of binary lessons on history and fine arts held in art museums.

Keywords. network interaction, binary lessons, lessons in art museums, pedagogical innovations.

Среди педагогических новаций начала XXI века одно из приоритетных направлений - развитие сетевого взаимодействия образовательных и культурно-просветительских учреждений. Сетевое взаимодействие – сложный механизм, позволяющий задействовать в образовательном процессе ресурсы разных учреждений. Особенности интеграции социальных партнеров регламентируются Федеральным законом «Об Образовании в Российской Федерации от 29 декабря 2012 года № 273 –ФЗ. Согласно данному документу, в осуществлении образовательной деятельности, помимо школ и вузов, могут участвовать «научные организации, ... организации культуры,...обладающие ресурсами, необходимыми для осуществления ... учебной деятельности»(Ст.15, ФЗ). Однако, субъекты сетевого взаимодействия сами могут разрабатывать схемы и проекты, согласовывать проблематику, временные рамки, выбирать методические приемы совместной деятельности.

Наиболее тесное сотрудничество традиционно связывало учебные заведения (школа, вуз) и музеи, как краеведческие, так и художественные. Здесь очевидна «двусторонняя полезность»: музей предоставляет обучающимся возможность общения с первоисточниками - артефактами истории, произведениями художественной культуры, а студенты и школьники являются самой массовой категорией посетителей музеев. Если в XX веке наиболее популярной формой занятий были учебные экскурсии в музеи и проведение тематических мероприятий, то в современных педагогических технологиях все большее место занимают интерактивные методы обучения.

Одной из подобных форм проведения занятий являются бинарные уроки. Если бинарные уроки проводятся в музее, то происходит двойная интеграция - между предметами и учреждениями. Сам по себе бинарный урок - это уже реализация межпредметных связей. В музеях могут проходить интегративные занятия по истории (как отечественной, так и мировой) и изобразительному искусству, истории и мировой художественной культуре, литературе и рисованию. Что касается программы вуза, это могут быть гуманитарные дисциплины: история и культурология, история и геополитика, геополитика и культурология, культурология и толерантность.

Интеграция знаний данных предметов помогает школьникам и студентам формировать целостную картину мира, а пространство музея позволяет провести различные формы занятий, проявить творческую активность, как педагогам, так и учащимся.

Важно, что бинарные уроки помогают экономить время (особенно важно это для вузов, где на гуманитарные дисциплины отводиться все

меньше учебных часов) и удвоить дидактический потенциал педагогов. Точнее, - увеличить в несколько раз, если в подготовке и проведении занятий участвуют научные сотрудники музея (в художественных музеях - искусствоведы) и музейные педагоги. Вне сомнения, очень значима квалификация и психологическая совместимость педагогов. Следует согласиться с мнением исследователей, что бинарные уроки «могут быть успешными только при условии слаженной творческой работы ... преподавателей» [1, с.16], а совместное творчество специалистов имеет «большое значение в плане повышения квалификации самих педагогов, их профессиональной направленности» [2, с. 20].

Не менее важно и то, что присутствие специалистов смежных специальностей позволяет, при единых подходах к методам преподавания, продемонстрировать различные дискурсы исследования и интерпретации одних и тех же музейных экспонатов, к примеру - артефактов истории и культуры. Поэтому, на наш взгляд, проведение бинарных уроков «История + ИЗО» наиболее эффективно в художественных музеях. Проведение подобных занятий на протяжении нескольких лет имело место в филиалах музейного объединения «Художественная культура русского севера» в городе Архангельске. В одном из филиалов музея расположена экспозиция «Русское классическое искусство XVIII – начала XX века», которая служит прекрасной площадкой для проведения интегрированных занятий, в том числе бинарных уроков. В залах данной картинной галереи можно изучать исторические, культурологические и искусствоведческие аспекты различных периодов русской культуры: эпохи Просвещения XVIII века, русской академической живописи (вторая половина XVIII – XIX вв.), салонное искусство, творчество передвижников как апогей эпохи социализма и пр. Кроме того, отдельные залы в музее посвящены исторической живописи начала XX века, серебряному веку русской культуры, художественному освоению севера и пр. Посетители – обучающиеся могут не только проследить эволюцию и смену художественных стилей, сравнить жанры живописи и скульптуры (например, выявить признаки камерного и официального портретов, символической и аллегорической скульптуры), но и «прочувствовать» эстетические предпочтения эпох, ощутить атмосферу каждого из периодов истории отечественной культуры.

Бинарные занятия в музее помогают осознать то, что «памятники истории и культуры созданы в конкретных исторических условиях» и, следовательно, несут информацию этих эпох. Исследователи выделяют «историко-культурную, эстетическую, технологическую информацию, заключенную в объекте культурного наследия» [2, с.100]. Эстетическая

информация включает в себя «свидетельства, зафиксированные в произведениях художественной культуры, характеризующие эстетические взгляды и уровень мастерства искусства определенной эпохи, передаваемые в художественном образе» [2, с.100-101]. Семиотическое поле культурологической информации «представлено социально-культурным пространством и временем, социально-культурной памятью и менталитетом, идеалами и символами эпохи, субъектами культуры, их ценностными ориентациями, моделями мышления, чувствами, поведением [2, с.101].

Чтобы «считать» и дешифровать данную информацию и необходимы интегрированные занятия, где преподаватели могли бы продемонстрировать различные подходы к изучению и «подаче» материала. Прежде всего, это культурологический подход, но с акцентом на антропологическую его составляющую. Особенно успешно можно применять его для характеристики эпох и выявления смысла творчества отдельных мастеров. Культурологический дискурс применим в вузовском образовании в изучении таких дисциплин, как философия, психология, культурная антропология, толерантность.

Не менее важен на занятиях по истории, изобразительному искусству (в школе) и мировой художественной культуре (в школе и вузе) историко-культурный подход, который помогает реконструировать исторический и культурный фон эпох.

Присутствие на занятиях специалиста - искусствоведа предполагает возможность применения искусствоведческих походов. Старшеклассники и студенты вузов под руководством специалиста могут овладеть элементами искусствоведческой атрибуции произведений искусства. Необходимы данные навыки и для изучения стилей и направлений в развитии отечественной художественной культуры и сопоставления ее с судьбами мировой. В отличие от советского периода, когда в анализе памятников культуры доминировала идеологическая составляющая, современные искусствоведы могут давать «чисто» художественные оценки творческого наследия России, в том числе – советского периода.

Еще одно преимущество проведения бинарных занятий в музеях в начале XXI века – возможность использование ИКТ (информационно - компьютерных технологий). Лекция – экскурсия по музею может дополняться просмотром презентаций в Power Point, сопровождаться работой с электронными ресурсами (на планшетах, смартфонах) – если необходимо, например, провести сравнение предметов искусства или осуществить поиск информации о творце культуры и его произведениях. Наличие в музеях средств виртуальной коммуникации с другими российскими музеями и

хранилищами художественного наследия мира («Виртуальный Русский музей» и др.) помогает расширить информационное поле сетевого взаимодействия образовательных и культурного – просветительских учреждений. Это импонирует современной молодежи, так как, по мнению ученых, в нашем столетии формируется новая эстетика - «экранный тип культуры», соответствующий «клиповому сознанию» современного школьника и даже студента. Однако, бинарные уроки с применением ИКТ - это достойный ответ на вызовы молодежной культуры. Между тем, именно в музее обычный для молодого человека XXI века «теле-видео ряд» заменяется на общение с первоисточником, и обращение к электронным ресурсам может и должно быть сведено до минимума.

Эффективность проведения бинарных и других интегративных занятий достаточно полно рассмотрена в дидактической и педагогической литературе [3]. Например, педагоги констатируют, что «интегративные уроки совершенствуют педагогический процесс..., вдохновляют учителей на творческий поиск, активизируют мыслительную деятельность учащихся, что положительно влияет на психологию и эффективность восприятия учеником учебного материала» [4, с.142]. Действительно, подобные занятия носят, как правило, интерактивный характер, что активизирует творческую активность обучающегося, его восприятие становится более эмоциональным, следовательно, запоминание идет эффективнее, нежели при простом заучивании. Повышается и мотивация обучения. Как отмечают специалисты, «главная цель применения образовательных технологий - придание познавательной деятельности на уроке характеристик интереса, активности» [5, с.7]. На бинарных уроках в музеях данная цель достигается.

Современные педагоги обращают внимание и на важность применения на бинарных занятиях методик групповой работы, отмечая, что «результаты совместной работы учащихся в группе, как правило, всегда значительно выше по сравнению с выполнением того же задания каждым учащимся индивидуально» [6, с.74]. Групповая работа в музее как раз возможна, так как учащиеся не «привязаны» к партам и столам. Но главное то, что в наш век разобщенности и проблем с коммуникативными практиками, групповая работа дает возможности формирования компетенций и навыки общения как по «горизонтали» (со сверстниками), так и «по вертикали» (с педагогами и специалистами музея). В свою очередь, знакомство с музейными работниками создает потенциал дальнейшего общения молодежи с музейными коллекциями при следующих самостоятельных посещениях музея.

Следует добавить, что бинарные педагогические технологии эффективно формируют различные компетенции. У школьников это, прежде

всего, жизненные компетенции: коммуникативные, личностные. У студентов это и общекультурные, и профессиональные, если речь идет о студентах гуманитарных специальностей. В действующем на настоящий момент Федеральном образовательном стандарте одной из первых компетенций предписывается необходимость выработать у студентов всех направлений подготовки способность анализировать основные этапы и закономерности исторического развития для формирования гражданской позиции. Для студентов – историков есть еще добавление о необходимости «формирования патриотизма». Вне сомнения, бинарные занятия в музее способствуют этому. Помимо комбинированного воздействия на мировоззренческие, эстетические установки обучающихся, интегрированные занятия обладают огромным воспитательным потенциалом. Бинарные уроки формируют одновременно и чувство прекрасного, и чувство гордости за достижения культуры в стране. Это соответствует современной парадигме образования, а основе которой – «гуманизация процессов обучения и воспитания духовно-нравственных личностей, патриотов; единство фундаментализации и специализации образования; ... непрерывность образовательного процесса, реализуемая посредством многоуровневых преемственных образовательных программ...; интеграция науки и образования [7, с.142].

Таким образом, бинарные уроки в музеях, как пример реализации сетевого взаимодействия образовательных и научных, культурно – просветительских учреждений, наглядно демонстрируют возможности эффективного освоения образовательных программ на современном уровне. Этому способствует как объединение материальных и кадровых педагогических ресурсов, так и возможность применения методик традиционных и инновационных интерактивных образовательных технологий.

Литература

1. Петряева О. А., Артамошкина Ю. Н., Федулаева Н. Ю., Назарова Т. Г., Назарова М. Н. Бинарный урок –реализация межпредметных связей // Современные технологии обучения и воспитания в образовательном процессе. Материалы III Международного Форума педагогов-инноваторов. Негосударственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Экспертно-методический центр». 2016. С. 16-20.
2. Зорина Л. Н. Памятники истории и культуры как носители культурологической информации // Никоновские чтения: сборник научных статей по материалам Международного культурологического форума

«Никоновские чтения» (в память о Заслуженном работнике образования ЧР Г. Л. Никоновой) : в 2-х тт. Т. 1. Актуальные вопросы культурологии и искусствоведения / под ред. М. С. Уколовой, А. В. Никитиной, А. Ю. Николаевой.– Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – 310 с. С.100 -102.

3. Развитие метапредметных умений на бинарном уроке: сборник методических материалов из опыта работы учителей истории и обществознания. Под редакцией Кирилловой Л.П. Ханта-Мансийск: Редакционно – издательский отдел АУ ДПО ХМАО–Югры «Институт развития образования», 2013. 72 с.

4. Овчинникова Н.П. Предметы гуманитарного цикла в проектировании отдельных интегрированных тем в курсах истории//Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования: Материалы Всероссийской научно-практической конференции: В 6 ч. Ч.1. /Челябинск, Изд-во «Образование», 2005. С. 259-262.

5. Дейнеко Ирина Ивановна, Современные образовательные технологии учебной деятельности //Современные технологии обучения и воспитания в образовательном процессе. Материалы III Международного форума педагогов-инноваторов 26 сентября 2016 г. Чебоксары 2016. 148 с. С. 7-11.

6. Овчаренко В.А., Карасева Л.М. Бинарный урок как одна из форм интеграции дисциплин и реализации//Проблемы и перспективы развития образования в России. 2015. № 34. С. 51- 55.

7. Кошелева А. В. Роль вуза в формировании духовно-нравственной элиты современного российского общества // Никоновские чтения: сборник научных статей по материалам Международного культурологического форума «Никоновские чтения» (в память о Заслуженном работнике образования ЧР Г. Л. Никоновой) : в 2-х тт. Т. 1. Актуальные вопросы культурологии и искусствоведения / под ред. М. С. Уколовой, А. В. Никитиной, А. Ю. Николаевой.– Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2016. – 310 с. С.138-143.

**ФОРМИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ И
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ УЧАЩИХСЯ
НАЧАЛЬНОЙ ШКОЛЫ
ПРИ ОБУЧЕНИИ РОДНОМУ ЯЗЫКУ В ЧЕХИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ)**

Яромира Шинделаржова

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры чешского языка и литературы
Университет им. Яна Евангелиста Пуркине,
г. Усти-над-Лабем, Чехия

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме развития компетентностного подхода в общеобразовательной школе Чешской Республики. Компетентностный подход в обучении чешскому языку формируется параллельно с разработкой в лингвистике понятия лингвокультурной компетенции. В статье рассматриваются возможности использования фразеологических сравнений с анималистическим компонентом в процессе изучения языка с целью формирования комплексной фразеологической компетенции уже на начальном этапе обучения, а также приведены результаты анкетирования

Ключевые слова: фразеология, устойчивые сравнения, фразеологическая компетенция, лингвокультурная компетенция, ученик, учитель чешского языка, начальная школа, анималистический компонент

**THE FORMING A PHRASEOLOGICAL AND LINGUISTIC-CULTURAL
COMPETENCE WHEN TEACHING A LANGUAGE IN THE PRIMARY SCHOOL OF
THE CZECH REPUBLIC**

Jaromira Shindelarzhova

Abstract. The article deals with a highly relevant subject of developing the competence approach in a secondary school of the Czech Republic. Competence-based approach in teaching the Czech language is formed in parallel with the elaboration of the concept of linguo-cultural competence in linguistics. The article discusses the possibility of using phraseological comparisons with the animalistic component in the process of learning the language in order to form a comprehensive phraseological competence at the initial stage of training; there are the results of the survey as well

Keywords: phraseology, phraseological units, similes, phraseological competence, linguo-cultural competence, pupil, Czech teacher, primary school, animalistic component

Школьное образование в Чешской Республике (ЧР) направлено на углубленное изучение гуманитарных дисциплин. Гуманизация образования, формирование компетентностного подхода в обучении родному языку нацелено на его изучение как средства коммуникации и носителя культуры. В соответствии с современным пониманием методики обучения чешскому языку в начальной школе фразеологию в ЧР включают в обязательную учебную программу. Фразеологическая компетенция в начальной школе предполагает знание фразеоминимума, понимание контекстуального значения фразеологических единиц (ФЕ) и умение использовать их в своей речи. Ее формирование связано с запоминанием ФЕ и смысловой информации о них. О фразеологической компетенции на материале библейских ФЕ писала наша словацкая коллега В. Ковачёва [15]; мы рассматривали ее на материале устойчивых сравнений (УС) [12], так как «тема “Устойчивые сравнения” сегодня включена в учебную программу 1-го этапа основных (начальных) школ, и практический материал, в том числе в виде упражнений, составляет значительную его часть не только в процессе обучения чешскому языку как родному, но и в практике преподавания иностранных языков в школах ЧР» [13, с. 195].

По Г. В. Токареву, лингвокультурная компетенция заключается в умении видеть и интерпретировать языковые факты в контексте культуры. «Знание культурных коннотаций слова, умение учесть эти коннотаций слова, умение учесть эти коннотации в акте коммуникации указывают на сформированную языковую и коммуникативную компетенции. Умение же видеть увидеть данное явление, объяснить причины появления коннотаций составляют суть лингвокультурной компетенции» [11, с. 49–50].

УС содержат культурную информацию, являются способом ее сохранения, передачи последующим поколениям. Они восходят к чешским сказкам, легендам: *jako Zlatovláska* ‘о красивой светловолосой девушке’; *hloupý jako Honza* (*hloupý Honza* – синоним рус. *Иванушка-дурачок*), *ostrý jako Bruncvíkův meč* ‘очень острый’; связаны с историческими личностями: *být starý jako Žižka* ‘очень старый’; *dopádnout jako Kec u Jankova* ‘плохо кончить, проиграть’, известными объектами: *kejvá jako Smrt na Staroměstském rynku* /кивает как Смерть на Староместской ратуше/ ‘соглашается со всем, не имеет своего мнения’ (во время боя часов на ратуше Старого города фигурка Смерти кивает головой); *je tu lidí jako na Václaváku* /здесь людей как на

Вацлавской площади/ (на этой площади в Праге всегда многолюдно); *vítr jako na Vyšehradě* /ветер как на Вышеграде/ ‘сильный, порывистый’ (Вышеград – район Праги на высоком холме).

Один из любимых объектов разнопланового описания УС – единицы с компонентом-анимализмом, в том числе и у членов Международного семинара В. М. Мокиенко [2; 3; 4; 5; 8; 9]. Методические условия активизации фразеологизмов в речи учащихся, описанные Г. В. Масловой и Е. И. Рогалёвой [10], подходят и для активации употребления УС [6]. Ученики чешских начальных школ изучают сравнения, в том числе и с анималистическим компонентом. Эти УС характеризуют человека: *žlutý jako kanárek* /желтый как канарейка/, *hubený jako koza* /худой как коза/, *chudý jako kostelní myš* /бедный как костельная мышь/, *hbitý jako lasička* /проворный как ласка/, *líný jako veš* /ленивый как вошь/, *hladový (mít hlad) jako vlk* /голодный как волк/, *rozumět čemu jako koza petrželi* /разбираться в чем-л. как коза в петрушке/ ‘совсем не разбираться’, *mlčet jako ryba* /молчать как рыба/, *zdravý jako rybička* /здоровый как рыбка/. Многие из них имеют ясную внутреннюю форму и их семантизация не вызывает затруднений у учащихся: *mít nohy jako slon* /ноги как у слона/, *dupat jako slon* /топать как слон/, *zpívat jako slavík* /петь как соловей/, *silný jako kůň (lev)* /сильный как конь (лев)/, *pilný jako včelka (včelička)* /трудолюбивый как пчелка/, *věrný jako pes* /верный как пёс/.

Многие представители фауны вызывают определенные коннотации. Образ змеи тесно связан со словом *had*, восходящим к общесл. **gad* ‘пресмыкающееся’, прасл. **gadъ*. Лексема, как считает Й. Рейзек, является табуированным наименованием с исходным значением ‘нечто отвратительное’ [16]. Переносное значение слова *had* – негативная характеристика предателя: *Ty hade (jedovatý, zrádný)! Ty jsi (ale) (učiněný) had!* Но оно может употребляться с положительной окраской – как шуточный «комплимент» красивой молодой, стройной и высокой женщине: *To je ale hadice!* [14, с. 111].

В чешском фольклоре культурная символика змеи многопланова. Так, змей (змея) выступают в роли хозяина или домового, приносящего счастье, богатство и охраняющего дом. Убивший змею повергнет дом в несчастье: кто-либо из обитателей дома (чаще всего хозяин) умрёт. Фразеологизмы (в том числе и чешские *mít plivníka; mít hospodářička*), восходящие к славянским поверьям о духах-обогатителях в виде змеи, рассматривала И. Кузнецова: «по функции умножения богатства “огненному змею, приносящему людям обилие и богатство (хлеб и золото), чехи дают название *plivník, plevník, pleve*” <...> К совершенно иному типу относится чеш. *hospodářiček* – домашний дух в облике змеи (змея домовая), считающийся духом первого умершего в доме

хозяина и опекуном всей семьи; в номинации подчеркиваются функции хозяина и покровителя дома» [7, с. 27]. Части змеиного тела (особенно кожа, сало, мясо и яд) наделяются лечебными или волшебными свойствами. Змеиный язык и пища из змеиного мяса имеют волшебные свойства (см. сказку К. Я. Эрбена «Златовласка») [14, с. 112].

Чтобы выявить, как образ змеи отражается в чешских УС, мы провели зондирование фразеологической компетенции учеников и их учителей в чешской начальной школе. Анкетированием 3750 учеников 5-го класса начальных школ и их 150 преподавателей 1-й степени основной школы в разных регионах Чехии мы попытались установить, понимают ли сейчас анкетлируемые символику змеи в УС, которые встречаются в процессе обучения. Объект описания – чешские УС в рамках дидактической компетенции Я. А. Коменского, создавшего актуальный фрагмент «*Orbis pictus*».

Зондирование фразеологической компетенции наших респондентов мы провели дихотомически, по методике, разработанной Д. Балаковой [1, с. 68–74]. В группе информантов мы сначала исследовали их фразеологическую компетенцию с позиции активного и пассивного знания УС с оценкой правильности их семантизации. В анкете было 7 УС: 1) *být jako had* ‘о коварном, хитром, злом человеке’, 2) *přetrhnout / roztrhnout koho jako hada* /разорвать кого как змею/ ‘о жестокой, беспощадной расправе с кем-л., тяжёлых телесных повреждениях; часто как выражение угрозы’, 3) *kroutit se jako had (úhoř)* ‘изворачиваться, юлить, хитрить’, 4) *jako když ho uštkne had* /как будто его змея укусила/ ‘кто-л. неожиданно проявил беспокойство’, 5) *slizký jako had* ‘о коварном, опасном человеке’, 6) *chytrý jako had* ‘об умном и хитром человеке’, 7) *jako had pokušitel* ‘о коварном, опасном человеке, соблазняющем чем-л. недозволенным, запрещенным’. Потом оценили результаты в плане актуальности и предпочтения употребления УС со словом *had* в современном чешском языке для определения самых частотных.

Таблица № I – Фразеологическая компетенция респондентов

	1 АБ (активное знание)	2 АБ (пассивное знание)	3 (незнан ие)
Ученики	50%	39%	11%
Преподават ели	62%	37%	1%

Полученные данные свидетельствуют о сравнительно хорошем знании

учениками и их преподавателями обсуждаемого набора ФЕ, в котором их активное употребление превышает пассивное знание и незнание. Сопоставление с исследованными статистически обработанными данными в чешской начальной школе подтвердило, что активное знание ФЕ у учителей на 12% выше, чем у школьников, что нами и предполагалось. С точки зрения пассивного употребления ФЕ результаты между респондентами были почти сходными (39% и 37%). Третий уровень обнаруживает такое количество и процентное соотношение неизвестных респондентам ФЕ, которые у учеников составляют 11% и у преподавателей 1%.

Следующим критерием была оценка набора ФЕ на оси «центр (ядро) – постцентр – периферия» с целью определить актуальность отдельных УС. Среди опрошенных не было ни одного учителя и даже школьника, которые бы не знали четыре из УС (100%). К центру у учителей принадлежат ФЕ № 4 – *jako když ho uštkne had* и № 6 – *chytrý jako had*, которые относятся к постцентру у учеников. На периферии у школьников и у преподавателей находится только одно УС № 7 – *jako had pokušitel*, восходящее к Библии.

Таблица № II – **Фразеологическое употребление**

УС	Учен ики	Преподават ели
1) <i>být jako had</i>	100%	100%
2) <i>přetrhnout / roztrhnout koho jako hada</i>	100%	100%
3) <i>kroutit se jako had(úhoř)</i>	100%	100%
4) <i>jako když ho uštkne had</i>	60%	90%
5) <i>slizký jako had</i>	100%	100%
6) <i>chytrý jako had</i>	60%	90%
7) <i>jako had pokušitel</i>	25%	50%

Таблица является убедительным доказательством преобладающего положения центра, что свидетельствует о том, что наши респонденты знают обсуждаемый набор из 7 УС и их значения и активно употребляют их в общении. Так как многие из УС нашего набора почти совпадают по своей употребительности в начальной школе, то они могли бы стать основной частью фразеологического минимума для студентов учительского профиля на 1-ом этапе школ в Чешской Республике. Поэтому на основе нашего исследования и его частных результатов мы рекомендуем включить выше приведенные ФЕ в систему чешского вузовского образования будущих педагогов, ибо мы убеждены в том, что это приведет к развитию их фразеологической компетенции в родном языке.

Литература

1. Балакова Д., Ковачова В., Мокиенко В. М. Наследие Библии во фразеологии. – Грайфсвальд : Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald, 2013. – 307 с.
2. Беляева З. М., Кузнецова И. В. Изучение в чувашской аудитории русских устойчивых сравнений с компонентом-представителем фауны // Проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Вестник факультета русского языка и литературы Университета китайской культуры. Вып. 9. – Тайбэй, 2006. – С. 309–317.
3. Воробьева Л. Б. Названия птиц в русских и литовских устойчивых сравнениях // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллективная монография. – Санкт-Петербург ; Грайфсвальд, 2016. – С. 178–184.
4. Кабанова Н. М., Николаева Е. К. О формировании признаковой базы компонентов-анимализмов в устойчивых сравнениях польского и болгарского языков // Идеографический и историко-этимологический анализ славянской фразеологии : тез. докл. Междунар. симпозиума. – Псков : ПГПИ, 1994. – С. 47–49.
5. Коваль В. И. Русское сравнение *как заяц под бороной* и его инославянские параллели в этнолингвистическом освещении // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллективная монография. – Санкт-Петербург ; Грайфсвальд, 2016. – С. 135–138.
6. Кузнецова И. В. Изучение устойчивых сравнений в начальной школе // Вестник ЧГПУ им. И. Я. Яковлева. №3 (8). – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 1999. – С. 87–91.
7. Кузнецова И. В. Мифологические реминисценции в фразеологии славян // Parémie národů slovanských II : sborník příspěvků z mezinárodní konference konané v Ostravě ve dnech 10.–11. 11. 2004. – Ostrava : Filozofická fakulta Ostravská univerzita, 2005. – S. 22–30.
8. Кузнецова И. В. Религиозно-мифологический «подтекст» некоторых украинских устойчивых сравнений с компонентом – анимализмом // Мовознавство : тези та повідомлення III Міжнародного конгресу українців 26–29 серпня 1996 р. – Харків : Око, 1996. – С. 207–212.
9. Кузнецова И. В., Хрусталёва И. В. Русские и чувашские устойчивые сравнения с компонентом-орнитонимом // Фразеологические чтения. – 2011. – Курган : Курганский гос. ун-т, 2011. – С. 186–189.
10. Маслова Г. В., Роголёва Е. И. Методические условия активизации фразеологизмов в речи младших школьников // Вестник Псковского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 183–191.
11. Токарев Г. В. Лингвокультурология. – Тула : Ид-во ТГПУ им. Л. Н.

Толстого, 2009. – 136 с.

12. Шинделаржова Я. Сравнения как фразеологическая компетенция студентов педагогического профиля начального этапа обучения (результаты исследования) // Устойчивые сравнения в системе фразеологии. Коллективная монография. – Sankt-Petereburg – Greifswald, 2016. – С. 266–272.

13. Шинделаржова Я. Сравнения как фразеологическая компетенция при обучении родному языку в начальной школе Чешской Республики // Актуальные проблемы педагогики и методики начального образования : сборник научных статей [Электронный ресурс]. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2018. – С. 193–201.

14. Шинделаржова Я. Символ змеи в фольклоре и его отражение в фольклоре и фразеологии (в аспекте преподавания в чешской начальной школе) // Phraseologie und Folklore : Ihre linguokulturelle und lexikografische Beschreibung. Kollektivmonografie. Фольклорная фразеология : проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания. Коллективная монография. – Грайфсвальд : Ун-т. им. Эрнста Морица Арндта, 2018. – С. 110–117.

15. Kováčová V. Frazeologická kompetencia slovenskej strednej generácie (na materiáli biblickej frazeológie) // Słowo. Tekst. Czas XI. Frazeologia słowianska w aspekcie onomazjologicznym, lingwokulturologicznym i frazeologicznym. – Szczecin – Greifswald, 2012. – S. 686–693.

16. Rejzek J. Český etymologický slovník. Praha: Leda, 2015. – 824 s.

УДК 373

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРОЦЕСС ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ

Шишони́на Натали Владимировна

кандидат педагогических наук, доцент
Пятигорский государственный университет
г. Пятигорск

Аннотация. Обучение является одним из дидактических условий языковой подготовки в школе. В статье рассматриваются факторы, обуславливающие необходимость использования дифференцированного

подхода в преподавании русского языка, уровни, на которых проходит дифференцированное обучение и его возможности в обеспечении учебного процесса.

Ключевые слова: обучение, школа, русский язык, преподавание.

FACTORS AFFECTING THE LANGUAGE LEARNING PROCESS IN THE MODERN RUSSIAN SCHOOL

N.V Shishonina

Abstract: Education is one of the didactic conditions of language training at school. The article discusses the factors that determine the need for a differentiated approach in the teaching of the Russian language, the levels at which the differentiated training and its capabilities in providing the educational process.

Keywords: education, school, Russian language, teaching

Реалии сегодняшнего дня таковы, что владение русским языком является необходимым условием при обучении в российской школе. Согласно новым стандартам образования, дисциплина «Русский язык» входит в число обязательных и именно её предметные результаты освоения стоят на первом месте во ФГОСе среднего общего образования. Однако, декларативное заявление о необходимости изучать русский язык не решает тех многих проблем, которые сложились и продолжают складываться сегодня.

Факторы, негативно влияющие на процесс обучения русскому языку условно можно разделить на две группы: внешние (находятся вне учебного процесса, но оказывают на него косвенное влияние) и внутренние (касаются непосредственно самого учебного процесса) [1,17]. К основным внешним факторам можно отнести социально-экономические и политические изменения, происходящие в современном обществе – демократизация, глобализация, интеграция, гуманизация. Все эти процессы влекут за собой модернизацию образования, а вместе с этим и формирование новой образовательной парадигмы, основанной на лично-ориентированном подходе к обучению и способной воспитать социально адаптированного человека, самостоятельного, готового к самосовершенствованию и самообразованию. Однако, ни общество, ни само образование к переходу от когнитивной парадигмы к новой пока не готовы. Одним из проявлений этого является пренебрежительное, а иногда и негативное отношении к русскому

языку, что значительно снижает его значимость и ценность в глазах обучающихся.

К внутренним факторам негативного влияния на процесс обучения русскому языку можно отнести:

1. Теоретико-методические факторы. Здесь речь идёт, прежде всего, о существующих программах и схемах изучения русского языка в школе. Программы пишутся не методистами, а самими преподавателями, что не совсем верно, ибо преподаватель может, как практик, внести некоторые коррективы, а стратегия определяется теоретиками. Ещё совсем недавно при обучении в российской школе практически все поступающие владели русским языком. Сегодня мы сталкиваемся с проблемой обучения детей-инофонов (здесь имеются ввиду дети мигрантов). К сожалению, надо признать тот факт, что традиционные методики не приносят положительного результата, так как у детей отсутствуют элементарные знания по русскому языку и не все педагоги владеют этими методиками.

2. Технические факторы – связаны с неудовлетворительными условиями обучения русскому языку детей-инофонов. В этом случае наблюдается отсутствие или нехватка специально оборудованных аудиторий, недостаточное обеспечение учебной и методической литературой и проч.

3. Личностные факторы – касаются не только обучающихся, но и преподавателей. В условиях отсутствия вступительных испытаний по русскому языку в школу, независимо в какой класс, создаётся ситуация, когда в одном классе обучаются дети с совершенно разными уровнями языковой подготовки, что значительно осложняет работу преподавателя и процесс усвоения знаний самими учениками. Если преподаватель будет ориентироваться на слабых учеников, сильные потеряют всякий интерес к обучению, и, наоборот, если в поле внимания преподавателя будут исключительно сильные ученики, мотивация слабых скоро приблизится к нулю. Что касается самих преподавателей, далеко не все готовы применять новые методы и технологии преподавания своего предмета на русском языке детям-инофонам. В такой ситуации дифференцированный подход становится одним из дидактических условий языковой подготовки обучающихся. Существует несколько определений дифференцированного обучения. В широком смысле дифференцированное обучение – это система образования, обеспечивающая развитие личности каждого обучающегося с учётом его возможностей, интересов, склонностей и способностей [2, 89]. В более узком смысле дифференцированное обучение понимается как учебно-воспитательный процесс, протекающий с учётом доминирующих особенностей групп учащихся и/или индивидуальных психологических

различий (особенностей) отдельных обучающихся [3, 257]. Применительно к преподаванию русского языка дифференцированное обучение – это система обучения, позволяющая сделать каждого обучающегося активным участником учебного процесса, исходя из его личностно-психологических особенностей и уровня подготовки. К сожалению, в реальности, далеко не все общеобразовательные учреждения могут обеспечить такие условия своим обучающимся. Иногда нет даже возможности создать разноуровневые группы, и преподаватель осуществляет дифференцированное обучение в классе, где ученики имеют разные уровни языковой подготовки. На основе наблюдений и тестирования выделяются подгруппы, куда входят обучающиеся с высоким уровнем подготовки, средним и низким. Работа организуется таким образом, чтобы каждый обучающийся, независимо от уровня его подготовки, был вовлечён в учебный процесс. При этом преподаватель привлекает сильных учеников в качестве своих помощников.

Под содержанием обучения русскому языку подразумеваются знания, умения и навыки, которыми необходимо владеть при поступлении в российскую школу. При дифференцированном подходе они должны быть определены на законодательном уровне для каждого поступающего в образовательное учреждение по результатам предварительного тестирования. Формы оценки полученных знаний детьми - мигрантов – наиболее эффективной и объективной в данном случае может стать балльно-рейтинговая система.

В заключении можно отметить, что дифференцированное обучение русскому языку позволяет развивать творческие начала обучающихся и формировать интерес к предмету, устойчивую внутреннюю мотивацию к изучению русского языка и прочные знания, навыки самостоятельной работы.

Литература

1. Осмоловская, И.М. Дифференциация обучения: за и против // Школьные технологии. – 2001. – № 6. – С.16-18.
2. Актуальные проблемы дифференцированного обучения/ Под ред. Л.Н. Рожиной. – М., 1992. – 190 с.
3. Хуторской А.В. Методика личностно-ориентированного обучения. Как обучать всех по-разному?: пособие для учителя/ А.В. Хуторской. – М.: Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2005. – 383 с.

СМЫСЛОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСЛОВИЦАХ С СИНТАКСИЧЕСКИМ ПАРАЛЛЕЛИЗМОМ

Юркина Татьяна Николаевна

кандидат филологических наук, доцент
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары

Аннотация. В русских пословицах распространенным принципом их построения является синтаксический параллелизм. При параллельном построении конструкций между предикативными частями в основном выражаются отношения противопоставления и обусловленности, что находит отражение в лексическом и морфологическом составе паремий. В настоящей работе на примере русских пословиц, построенных с использованием синтаксического параллелизма, проводится языковой анализ семантических отношений между входящими в пословицу предикативными частями.

Ключевые слова: обусловленность, синтаксический параллелизм, смысловые отношения, пословица.

SEMANTIC RELATIONS IN PROVERBS WITH SYNTACTIC PARALLELISM

T. N. Yurkina

Abstract. In Russian Proverbs, a common principle of their construction is syntactical parallelism. At parallel construction of designs between predicative parts the relations of opposition and conditionality that is reflected in lexical and morphological structure of paremias are generally expressed. In this paper, on the example of Russian Proverbs constructed using syntactic parallelism, a linguistic analysis of the semantic relations between the predicative parts included in the proverb is carried out.

Keywords: conditionality, syntactic parallelism, semantic relations, proverb.

Пословицы и поговорки представляют отражение обобщенной системы жизненных устоев и ценностей, проверенной веками и пропущенной через народный опыт. В них выражаются правила поведения, принятые в обществе, опыт, законы психологии, объяснение разнообразных процессов и явлений

природы. Пословицы типизируют окружающие явления жизни от частного к общему, таким образом они сохраняют и фиксируют накопленные знания людей.

В паремиях отражается целостный окружающий мир, законы физических явлений по аналогии переносятся на законы общения людей. Ср.: *Яблоко от яблони недалеко падает* (кинетическое физическое движение), *Как аукнется, так и откликнется* (акустический закон), *Старый друг лучше новых двух* (законы общения людей между собой), *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* (законы маркетинга). Не зря же пословицы, их форма и содержание привлекают внимание многих лингвистов [2], [4], [7], [8], [10].

С древних времен люди обратили внимание на параллельное построение пословиц, иначе, синтаксический параллелизм. В нем всегда используется принцип повтора, симметрии (полной или частичной) соседних фраз или компонентом фраз (см. дефиницию термина «синтаксический параллелизм» в [1, 311], [6, 196]).

Например: *Всем угодишь – себе насолишь. Гусь свинье не товарищ, конный пешему не попутчик. Знай наших, поминай своих. Изба красна углами, обед – пирогами. Конь любит овес, а воевода – принос* (здесь и далее пословицы цитируются по источникам [3], [5]). Использование синтаксического параллелизма позволяет актуализировать отношения сопоставления и противопоставления, что связано с отражением мировидения народа. Пытаясь понять устройство мира, человек пытался найти что-то общее, аналогии в известных ему явлениях, а потом фиксировал полученные наблюдения в виде кратких, но метких и емких пословиц и поговорок. Уникальность паремий состоит в том, что народ сохранил законченную мысль во фразе в минимальном объеме, но в яркой и образной форме. Рассмотрим подробнее семантические отношения, имеющиеся в пословицах и поговорках с синтаксическим параллелизмом.

Противительные отношения наблюдаются в пословицах, содержание которых противопоставлено: *Счастье ума прибавляет, несчастье последний отымает. Время красит, безвременье старит.*

Синтаксические конструкции, используемые для выражения логического противопоставления, дополняются лексическими: противопоставленные члены предложения являются либо языковыми, либо контекстными антонимами: *Счастье бредет на клюках, а несчастье летит на крылах.* Ср.: счастье – несчастье, бредет – летит, на клюках – на крылах.

Полное противопоставление выражается в языке сложносочиненным предложением с противительными союзам *а*, *реже да* или бессоюзным

сложным предложением: *Лихо помнится, а добро забывается. Амбар крепок, да углы худы. Знай наших, поминай своих.*

При неполном противопоставлении компоненты предикативных единиц имеют общий член / группу членов и противопоставляются друг другу не в целом, а какими-либо компонентами: *Иному счастье мать, иному мачеха. Овому талан, овому два. Бойся коровы спереди, а лошади – сзади.* Общий компонент опускается, остаются лишь противопоставляемые части, и они располагаются параллельно.

Первая предикативная часть сложносочиненного предложения с союзом «да» может быть представлена глаголом «быть» в сослагательном наклонении и выражает событие, которое не состоялось, а вторая предикативная часть – глаголом совершенного вида в форме прошедшего времени, называющего причину невозможности осуществления события в первой части: *Был бы покос, да пришел мороз. Было бы и счастье, да одолело ненастье.*

Противительные отношения могут осложняться уступительным оттенком: *Горевать не горевать, и хоронить не миновать.*

Соединительные отношения выражаются сложносочиненными предложениями с соединительными союзами: *Делу время, и потехе – час. Дурак завяжет – и умный не развяжет. Время придет, и час пробьет. Пора придет, и вода пойдет.*

Союз может повторяться, при этом происходит нанизывание параллельных конструкций: *И богу свечка, и черту кочерга. И дешево, и сердито. И шито, и крыто. И козы сыты, и сено цело. И недопекши едят, и перепекши едят.*

Разделительные отношения выражаются в сложносочиненных предложениях с разделительными союзами «либо», «или»: *Либо мед пить, либо битую быть. Либо со сковороды отведают, либо сковородника. Либо в стремя ногой, либо в пень головой. Либо дождь, либо снег, либо будет, либо нет. Либо пан, либо пропал. Или пан, или пропал. Или полковник, или покойник.*

Присоединительные отношения выражаются в сложносочиненных конструкциях с использованием присоединительных союзов *и, да и* : Союз «и» при этом синкретичен, он сочетает в себе значение союза и усилительной частицы: *Беда вымучит, беда и выучит. Бог дал, бог и взял. Большие денег – большие и хлопот. Большие друзей – большие и врагов. Жить тяжело, да и умирать нелегко. Счастлив медведь, что не попался стрелку, и стрелок счастлив, что не попался медведю.*

С точки зрения выражения информативности присоединяемая часть является более значимой, в ней сосредоточивается основное содержание пословицы. Можно сказать, что она выражает рему, а первая часть – тему.

Распространенными являются пословицы, построенные по следующим моделям:

- «где, там и»: *Где лад, там и клад. Где дым, там и огонь. Где закон, там и страх. Где кашель, там и хворь. Где конь, там и седло.*

- «куда, туда и»: *Куда иголка, туда и нитка. Куда ветер дует, туда и дым пойдет.*

- «кто, тот и»: *Кто правдив, тот и силен. Кто виноват, тот и кается. Кто барствует, тот и царствует. Кто богат, тот и свят.*

- «как, так и»: *Как аукнется, так и откликнется.*

Такое построение фразы, конечно же, поддерживает выражение синтаксического параллелизма.

В пословицах используется довольно ограниченный состав сочинительных союзов. З.К. Тарланов объясняет это тенденцией «к унификации грамматических форм, которая так последовательно проявляется именно в народном языке» [9, 21].

Более распространенными в пословицах являются отношения обусловленности, они в основном выражаются сложноподчиненными и бессоюзными конструкциями.

В пословицах, представленных бессоюзными конструкциями, выражаются **сопоставительные отношения**.

Сопоставляемые части объединяются по принципу синтаксического параллелизма (см. о структурной характеристике пословиц с синтаксическим параллелизмом в [11]). Вторая предикативная часть структурно повторяет первую, при этом сохраняется даже порядок расположения компонентов. *Жилы рвутся от тяжести, слезы льются от жалости. Дитя падает – бог перинку подстилает, стар падает – черт борону подставляет. В лес дров не возят, в колодезь воды не льют. Рука руку моет, вор вора кроет.*

Каждая из предикативных частей внутри может быть осложнена другими смысловыми отношениями, чаще противительными: *Велик пень, да дуплист, мал золотник, да дорог. Говори, да не заговаривайся, ходи, да не оглядывайся.* Двухчастная конструкция по структуре фактически превращается в четырехчастную.

Сравнительно-сопоставительные отношения в пословицах с синтаксическим параллелизмом одновременно с параллельным отражением явлений они включают в себя дополнительные присоединительные отношения: *Без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить. Рысь*

пестра сверху, а человек лукав изнутри. Мрут люди не по старости, а живут они не по младости. Добрый конь не без седока, а честный человек не без друга.

В выражении сравнительно-сопоставительных отношений в сложноподчиненных предложениях наблюдается структурное разнообразие:

Как лист к листу, так деньги к деньгам липнут.

Какие труды, такие и плоды. Какие думы, такие и песни.

Каков век, таков и человек. Каков голосок, таков и отголосок. Каков дуб, таков и клин, каков батька, таков и сын. Каков поп, таков и приход.

Кто любит свет, тот любит правду.

Лучше недоговорить, чем переговорить. Лучше недосказать, чем пересказать. И ср. обратную конструкцию: Чем завираться, лучше молча почесаться. Чем с плачем жить, так лучше с песнями умереть.

Чем старше, тем правее; а чем моложе, тем дороже.

Темпоральные (временные) отношения выражаются в сложноподчиненных предложениях с придаточным времени: *Когда деньги говорят, правда молчит. Когда хмель говорит, тогда ум молчит.* Последний пример осложнен выражением сопоставительных отношений, что обусловлено конструкцией «когда, тогда».

Следственные отношения: *Счастье отпало – и ничего в доме не стало.* Логическая связь, на которой основана данная конструкция, не допускает какого-либо изменения относительно расположения составляющих частей, и это свидетельствует о едином целом в представлении частей пословицы.

Условно-следственные отношения выражаются в бессоюзных сложных предложениях. При выражении условно-следственного значения условная часть занимает препозицию по отношению к следственной части: *Встанешь пораньше, шагнешь подальше. За большим погонишься – и малого не увидишь. За ум возьмешься – до дела доберешься. Гром не грянет – мужик не перекрестится. Дают – бери, бранят – беги. Есть слезы – есть и совесть. Есть совесть – есть и стыд.* Семантически такие конструкции синонимичны сложноподчиненным предложениям с придаточными условия.

Условие, выраженное инфинитивом, также препозитивно: *Счастья искать – от него бежать. Бояться несчастья – и счастья не будет.*

Обусловленное действие характеризуется как неизбежное, если представлено глаголом будущего времени несовершенного вида: *Будет день, будет и ночь. Будет ночь – будет и день. Будет дождь – будет и ведро. Будет зима – будет и лето. Будет роток – будет и кусок. Будет суд – будет и расправа.* Глаголу быть в этих пословицах присуще значение обобщенного факта, что усиливает будущее осуществление ситуации.

Действия - состояния тесно связаны между собой, когда предикаты выражаются формами настоящего времени: *Счастье видишь – смелее идешь.*

Предикаты также могут быть выражены глаголами совершенного вида в форме прошедшего времени. В таких конструкциях наблюдается переносное употребление формы прошедшего времени в значении будущего: *Недоля сталась – печаль досталась. Седина напала – счастье пропало.* Встречается сочетание форм настоящего и будущего времени: *Нет талану, не пришьешь к сарафану.*

Использование синтаксического параллелизма в пословицах позволяет в виде аналогии, зеркального отражения ситуаций передать разнообразные смысловые отношения, на которые обратил внимание русский народ в ходе наблюдения за миром и которые обобщил в пословицах и поговорках. Анализ пословиц, построенных с использованием синтаксического параллелизма, показал, что чаще всего в них выражаются отношения противопоставления, а также сопоставительные и отношения обусловленности.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. Энциклопедия, 1969. – 607 с.
2. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Эксмо, 2004. – 616 с.
4. Данилова Е. А. О семантике антицели в высказываниях с отношениями обусловленности / Е.А. Данилова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. № 4. – Чебоксары : ЧГПУ, 2009. – С. 213–217.
5. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок / В.П. Жуков. – М. : Рус. яз., 2000. – 544 с.
6. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов / Д. Э. Розенталь. – М. : Просвещение, 1985. – 399 с.
7. Санников В.З. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве / В. З. Санников. – М. : Языки славянских культур, 2008. – 624 с.
8. Тарланов З.К. Очерки по синтаксису русских пословиц / З.К. Тарланов. – Ленинград : Изд-во Ленинград. ун-та, 1982. – 135 с.

9. Тарланов З.К. Русские пословицы: синтаксис и поэтика / З.К. Тарланов. – Петрозаводск : Петрозаводский гос. ун-т, 1999. – 448 с.

10. Юркина Т.Н. Прагматический тип «опасение» в высказываниях с семантикой мотивации «от противного» / Т.Н. Юркина // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. № 2 (62). – Чебоксары : ЧГПУ, 2009. – С. 174–178.

11. Явление синтаксического параллелизма в русских поговорках / Т.Н. Юркина // Русский язык в условиях би- и полилингвизма [Электронный ресурс]: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (30 марта 2018 г., г. Чебоксары) – Киров: Изд-во МЦИТО, 2018. – С. 115–117.

УДК 378.016 : 81

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Пастухова Людмила Борисовна

кандидат филологических наук, доцент
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары

Якушкина Зинаида Никитична

кандидат педагогических наук, доцент
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары

Аннотация. Статья посвящена вопросам преподавания филологических дисциплин в рамках лингвокультурологического подхода к преподаванию русского языка. Предлагается система упражнений, призванных помочь студентам-филологам понять механизмы воплощения в ключевых концептах знаков национальной и общечеловеческой культуры.

Ключевые слова: лингвокультурология, ключевые концепты, компетенции, лексикографический портрет, межкультурная коммуникация.

USE OF LINGUISTIC AND CULTURAL POTENTIAL LANGUAGE UNITS IN THE PROCESS OF TEACHING PHILOLOGICAL DISCIPLINES

L. B. Pastukhova

Z. N. Yakushkina

Abstract. The article is devoted to the teaching of philological disciplines within the framework of the linguoculturological approach to the teaching of the Russian language. A system of exercises designed to help Philology students understand the mechanisms of implementation in key concepts of signs of national and universal culture is proposed.

Keyword: linguoculturology, key concepts, competencies, lexicographic portrait, intercultural communication.

В преподавании филологических дисциплин наметился новый поворот в связи с появлением и развитием новой дисциплины синтезирующего типа, акцентирующей внимание на восприятии человеком мира через призму культуры и на связи используемых в коммуникации языковых выражений с менталитетом народа. Лингвокультурология изучает языковую картину мира, концепты, стереотипы, символы и их роль в формировании культурного самосознания этноса. Ценность лингвокультурологического представления языкового материала изначально была осознана в лингводидактических концепциях, ориентированных на межкультурную коммуникацию. Хорошие образцы работы над усвоением национально-культурного компонента языка, предполагающие творческую активность учащихся, даны в элективном курсе, разработанном Л. Г. Саяховой, В. В. Воробьевым и Л. К. Муллагалиевой [2; 10]. Выполнение заданий этого курса способствует формированию и развитию культуроведческой компетенции обучающихся. Разработаны методические основы лингвокультурологического подхода к анализу ценностей восточной, русской и европейской лингвокультур [5; 7].

Последние проекты Федерального компонента государственного образовательного стандарта общего образования поставили на первый план формирование и развитие у учащихся системы компетенций, включающей в себя наряду с коммуникативной, лингвистической и культуроведческую компетенцию, поэтому возникает потребность в методических разработках, выполненных в рамках лингвокультурологического подхода к преподаванию русского языка. В журнале "Русский язык в школе" печатаются статьи о проведении лингвокультурологического анализа как эффективного инструмента глубокого и целостного понимания текста [4; 10; 11; 12]. Не вполне достаточное, на наш взгляд, использование в вузовской методике

преподавания русского языка возможностей лингвокультурологического подхода определяет актуальность данной статьи. Хотя этот подход используется в работе студентов над курсовыми проектами (ср. названия тем: "Концепт "счастье" в русской языковой картине мира", "Лексикографическое отражение русских концептов "правда" и "истина", "Концепт "хлеб" в русской лингвокультуре", "Концепт "страх" в русской и чувашской лингвокультурах" и др.) и выпускными квалификационными работами (напр., "Концепт "верность" в русской и туркменской лингвокультурах", "Текстовая реализация концепта "дом", "Концепт "война" и его текстовая реализация"), однако мы считаем, что развитие культурно-языковой компетенции студентов-филологов будет более результативным, если в вузовском преподавании активнее использовать возможности лингвокультурологического подхода, позволяющего вооружить учащихся знаниями современной лингвистической теории, улучшить усвоение ими русской и других концептосфер, развить умения дешифровать и интерпретировать то культурное содержание, которое несут в себе ключевые концепты. Помня о концепции В. Гумбольдта, считавшего, что всякая культура национальна, ее национальный характер выражен в языке посредством особого видения мира, и опираясь на труды отечественных методистов, мы разработали систему упражнений, призванных помочь студентам-филологам понять механизмы воплощения в ключевых концептах знаков национальной и общечеловеческой культуры [9; 13; 14]. Продолжить подобную работу можно используя фрагменты текстов произведений художественной литературы современных авторов и афористические высказывания известных людей.

Упражнение 1. Прочитайте тексты. Выясните, о каком концепте идет речь.

1. *Он пел много песен редких, но и самые известные, самые запетые песни звучали у него свежей новизной, может быть, оттого, что пение было формой жизни его же собственного поэтического чувства. А «Славное море – священный Байкал» пел вполне традиционно, но как-то особенно серьезно, истово. Однажды сказал: "Удивительная песня. Я мог бы написать, наверное, целую статью, разбирая ее строчка за строчкой"...*

И он принялся разбирать песню, идя от строки к строке. Это была блестящая импровизация, как бы конспект ненаписанной статьи. «Славное море – священный Байкал...» Первая строка завязочная, – говорил Твардовский, – камертон всего стихотворения. Байкал – сибирское море, и море священное, потому что помощник беглецу. Первая строка всегда очень

важна в песне. Она и место действия определяет, и сразу дает нужный тон и масштаб изображения. Кажется, Горнфельд говорил, что по первой строке сразу можно определить, удалось ли все стихотворение. Может быть, это наблюдение и не ко всем случаям, но правда, что без сильной, запоминающейся первой строки стихотворение редко получается, я это по себе знаю.

«Славный корабль – омулевая бочка...» Вторая строка незаметно переводит нас к конкретности – и вот уже вся картина озера и беглеца в бочке, плывущей по волнам...

«Долго я звонкие цепи носил, Долго бродил я в горах Акатуя...» У Давыдова было иначе: «Худо мне было в норах Акатуя», то есть в шахтах, в Акатуйском руднике. Но, когда песня сделалась народной, общерусской, те, кто ее пел, не понимали этих слов и переделали – «в горах Акатуя», что легче доходит. Вообще местные названия и изоциренные образы в народной песне не держатся. «Старый товарищ бежать подсобил. Ожил я, волю почуя...» Понимаете ли вы, что эти строки трагические в отношении к еще одной судьбе? Старый-то товарищ сам не бежит. Отбежался. Когда-то, видно, попался, присужден к новому сроку и теперь только помогает молодому. Были такие, что бегали по нескольку раз, возвращены обратно, и сил уже не хватало на новый побег

«Шилка и Нерчинск не страшны теперь. Горная стража меня не поймала...» Очень сильно звучит эта география, это простое перечисление самых страшных каторжных тюрем...

Твардовский рассказывал, что, работая над «Далями» (так он называл в разговоре свою поэму «За далью – даль») и собираясь ехать в Сибирь, он прочел чуть не все о Байкале и песню Давыдова тогда впервые узнал всю.

- Она длинная, - говорил Александр Трифонович... Вообще мы едва одну треть поем, и является соблазн сказать: вот народ-редактор оставил самое сильное, ненужное пропустил. Но это, может, и не всегда верно. Вот мы поем: «Славный мой парус – кафтан дыроватый». Кафтан – одежда старинная, уже в девятнадцатом веке редкость. А в стихотворении было: «армяк дыроватый», – это сразу увидишь, драная тюремная одежда беглеца. Но вообще-то – великая слава стихотворению стать такой песней. Бывают подобные шедевры-одиночки. И Твардовский запел, а все подхватили с каким-то чувством бережности к песне и нового понимания знакомых слов (В. Лакшин. Твардовский. Песня).

2. Он набирает полную грудь воздуха, напрягается и начинает заунывно и дрожаще чистейшим и высочайшим тенором:

Вдо-о-оль по морю ...

Мо-о-орю си-и-инему ...

Аленка зажмуривается, мучительно сотрясается, выжидая время, и вступает низко, звучно и точно - дух в дух:

Плывет ле-ебедь со лебе-едушко ...

Но себя, но своего низкого, матового, страстного голоса она и не слышит уже - где уж там! Чувствует она только, как мягко, благородно давит, сжимает ее плечо рука Егора, слышит только его голос. Ах, что за сладость - песня, что за мука! А Егор, то обмякая, то напрягаясь, то подпуская сиплоты, то, наоборот, металлически-звучно, все выговаривает дивные слова, такие необыкновенные, такие простонародные, будто сотню лет петье:

Плывет ле-ебедь, не всколо-о-охнется,

Желтым мелким песком

Не взворо-о-охнется ...

Ах да что же это? И как больно, как знакомо все это, будто уж и знала она всю-то свою жизнь заранее, будто уж и жила когда-то, давным-давно, и пела вот так же, и дивный голос Егора слушала!

Откуль взялся сизо-о-ой орел...

Стонет и плачет Егор, с глубокой мукой отдается пению, приклонив ухо, приотвернувшись от Аленки. И дрожит его кадык, и скорбны губы.

Ах, этот сизой орел! Зачем, зачем кинулся он на лебедя белого, зачем поникла трава, подернулось все тьмою, зачем попадали звезды! Скорей бы конец этим слезам, этому голосу, скорей бы конец песне!

И они поют, чувствуя одно только - что сейчас разорвется сердце, сейчас упадут они на траву мертвыми, и не надо уж им живой воды, не воскреснуть им после такого счастья и такой муки.

А когда кончают, измученные, опустошенные, счастливые, когда Егор молча ложится головой ей на колени и тяжело дышит, она целует его бледное холодное лицо и шепчет, задыхаясь:

Егорушка, милый... Люблю тебя, дивный ты мой, золотой ты мой...

"А! Трали-вали..." - хочет сказать Егор, но ничего не говорит. Во рту у него сладко и сухо. (Ю. Казаков. Трали-вали).

Упражнение 2. Прочитайте тексты. О какой черте русского человека идет речь? Какие концепты можно выделить в этих текстах?

1. Сева сложно устроен. Где-то в нижнем углу большой залы внутри его головы невидимый граммофон урчит песню:

АнИ-гаварЯт-им-нельзЯ-ри-ска-вАть,

ПотомУ-что-у-нИх-есть-дОм,

ВдОме-го-рИт свЕ-е-ет.

А возле окна этой залы неподвижно стоит юноша, глядящий в окно. Прямо перед его глазами широко течет Дон. Молодой человек обдумывает важный вопрос: что случается с тем, кто однажды начинает петь и более не останавливается? Он думает о том, что это за почва, в которой созревает песня? К блаженству и покою ли этот путь – или песня уводит от них навсегда? Как она находит того, кого можно выхватить из рядов? Куда она отправляет своего героя? Вернет ли своим или – неузнаваемым чужим, пропащим?

И-Я-не-зна-ю-тОчно-кто-из-нас-прАв.

МенЯ-ждет-на-У-ли-це-дОждь,

Их-ждет-дОма-А-бед.

В этой песне Сева любил только первый куплет – его спокойный драматизм. В нужном месте Сева явственно слышит гитарный проигрыш. На самом деле он сейчас вышел из общежития на улице Зорге в Ростове-на-Дону и напевал, оставляя за спиной эту монструозную типовую образину...

Во втором куплете появится какое-то странное, непонятное «мы». Цой, наверное, знал, о чем речь.

До Цоя вообще не было никаких песен. Просто потому, что кто-то всегда приходит первым в мир немоты. Остальная мировая культура была потом.

Сева не сосредотачивался, не пытался спеть похожим голосом – пел, не придавая действию значения. Однако не мычал про себя, а именно что пел – прямо посреди города. В городе можно идти по тротуару и петь чуть не во весь голос, не опасаясь, что кто-либо тебя услышит. Никто не услышит. Как выражаются строители, воздушная подушка в стене лучше всего сохраняет тепло и оберегает от звуков извне. Сева шел, со всех сторон окруженный толстой и почти непроницаемой воздушной подушкой (В. Козлов. Рассекающий поле).

2. Сначала песня была чуланом, в который можно незаметно спрятаться. Но как только глаза привыкали к темноте...

Песня очерчивала пространство, в котором можно было жить. Она давала готовую эмоцию, до которой еще нужно дорасти. Хорошую незнакомую песню вертишь, как огромную перчатку – и видишь, какого размера у людей бывают души. А таких, как твоя, сюда бы можно было бы насыпать десятка два.

ДОбрые лЮ-у-у-ди,

– пел Сева посреди дороги. –

НЕ-па-ни-мА-ют.

ПрА-авды не лЮ-у-у-бят,

ЖЫЗни-не-знАют...

Голос в поле звучал непривычно естественно. Сева привык, что в городе песня билась, будто в комнате, обитой подушками, – как сумасшедшая. А тут, в открытом пространстве, она вдруг полетела во все стороны. Сева пел и чувствовал, как его случайную песню впитывает весь мир.

Песня приходила сама. Сейчас он вытягивал манерные гласные и чувствовал, что струя песни наполняет его, как полого холщового человека на ярмарке — того, что нетвердо стоит и машет руками до тех пор, пока через него проходит струя воздуха. Он легко входил в состояние, в котором он уже не знал в себе ничего, кроме песни. Оттенки голоса, звучащего в вязкой тишине степи, переходы с ноты на ноту, длинноты, интонация, которая, кажется, передает даже выражение лица – это все, что сейчас собой представлял. И этого было с избытком.

Музыкального образования Сева не имел – как и абсолютного слуха. Он в музыке понимал, пожалуй, только одно – мелодию, которая достается голосу. Когда начиналась знакомая песня, он не мог ее узнать – до тех пор, пока певец не начинал свою партию. Вся остальная музыка была для него лишь аккомпанементом, который может быть любым. А вот мелодия любой быть не может – потому что она и есть песня. Мелодия – обнаруженная гармония, окольцованный ее гением мир. Справится ли голос с этой гармонией? Что он о ней думает? Принимает ли он ее? Прибавит ли что от себя или будет, как школяр, твердить на зубок? (В. Козлов. Рассекающий поле).

3. Мелодия – всесильна, она может вывернуть куда угодно, всему найдет место, разрешит в гармонию даже консервную банку. Она найдет, с чем ее закольцевать. Мелодия отрицает одиночество и случайность вещей. Мелодия не знает абсурда. Во всяком случае – поешь и чувствуешь: есть надежда, что не существует обделенных гармонией. Поешь незнамо что – и будто находишь способ то ли себя добавить в мир, то ли мир – в себя, будто нашел к нему путь, через него дорогу – и теперь, даже закрывая глаза, не можешь его не видеть, он уже записан в подкорку каждым камнем, на который наступил. Поешь незнамо что – а миру не хватало маленькой смертной части моего проникающего во все поры голоса, чтобы превратиться из свалки, где рядом раздавленная собака с вывернутым мясом на трассе и сияние из-за облака, – в создание Божие. Поешь — и мир более не кажется незнакомым. А ты его не видел, конечно, еще, но как будто прощупал своей мелодией наперед. Или даже как будто вдел в него мелодию, как руку в перчатку. И теперь можно смелее двигаться на ощупь (В. Козлов. Рассекающий поле).

4. – Ну, что наследство? – спросил брат Петр.

Григорий Максимович безнадежно махнул рукой, встал, вновь заходил по комнате и рассказал брату всё.

– А я бы на твоём месте, – обратился к нему Петр, – поступил бы именно так, как советовал тебе адвокат.

– А истина? А правда? – встревожился Григорий.

Брат Петр глубоко вздохнул.

– Да что такое истина? – сказал он. Ведь если бы не было ночи, то не было бы и дня; если бы не было плюса, то не было бы и минуса. Ведь мы только потому и познаем добро, что есть зло. И если ты не признаешь зла так же необходимым в природе, как и добро, то не будешь тогда иметь понятия и о добре. Согласись, что не мог же законодатель при составлении законов о наследстве предусмотреть наш случай. Тогда бы получилось не сорок пять томов закона, а все сто сорок пять... Наоборот, запродажная, которая кажется тебе злом, на мой взгляд, является только добром: с одной стороны, она уstraивает дело, а с другой – только рельефнее подтверждает твою личную порядочность и душевную чистоту. (М. Чехов. Наследство).

Опыт свидетельствует, что эффективность развития речевых умений обучающихся во многом зависит от системы аналитических и конструктивных упражнений. Аналитические упражнения рассчитаны на то, чтобы студенты освоили особенности структуры произведений разных типов, конструктивные – на их создание с учётом достижений современной лингвистики. Для построения связных текстов на определенную тему предлагаются различные концепты, отражающие суть русского менталитета (душа, верность, воля, время, красота, любовь, правда, судьба) и заключенные в афоризмах [6] и пословицах [3]. Учиться рассуждать можно, например, используя концепты *песня, музыка, воля, женщина, правда, судьба, ум, успех* и другие.

Упражнение 3. Сделайте лингвокультурологический анализ следующих афоризмов [6]:

1. *Русская народная песня есть драгоценнейший образец народного творчества* (П. Чайковский).

2. *Нигде народная песня не играла и не играет такой роли, как в нашем народе, нигде она не сохранилась в таком богатстве, силе и разнообразии, как у нас* (В. Стасов).

3. *Музыка так же, как и всякий другой человеческий язык, должна быть неразлучна с народом, с почвою этого народа, с его историческим развитием* (В. Стасов).

4. Музыка – высшее в мире искусство (Л. Толстой).
5. Музыка не имеет отечества; отечество её – вся Вселенная (Ф. Шопен).
6. У женщины сердце умнее её ума: потому-то она чувствует умно и размышляет глупо (В. Ключевский).
7. У женщин нет характера, у них бывают страсти в молодости⁴ вот почему так легко изображать их (А. Пушкин).
8. Почти каждая женщина способна в любви на самый высокий героизм (А. Куприн).
9. Меркою достоинства женщины может быть мужчина, которого она любит (В. Белинский).
10. От любви к женщине родилось всё прекрасное на земле (М. Горький).
11. Гораздо важнее не судьба человека, а то, как он сам её воспринимает (В. Гумбольдт).
12. Правда – это значит победа совести в человеке (М. Пришвин).
13. Правда требует стойкости: за правду надо стоять или висеть на кресте, к истине человек движется. Правды надо держаться – истину надо искать (М. Пришвин).
14. Только правда, как бы она ни была тяжела, – легка (А. Блок).
15. Ум – это духовное оружие человека (В. Белинский).
16. Успех – это успеть (М. Цветаева).
17. Крупный успех составляется из множества предусмотренных и обдуманых мелочей (В. Ключевский).

Упражнение 4. Проанализируйте приведенные ниже пословицы из сборника В.И. Даля [3]. Определите содержательные признаки концептов.

1. Чему быть, того не миновать. Чему быть, тому и стать. Как чему быть, так и быть.
2. Над кем стряслось, над тем и сбылось.
3. Видно, так на роду написано.
4. От судьбы не уйдешь.
5. Сужена ряжена не обойдешь и на коне не объедешь.
6. Покорись беде – и беда покорится.
7. Хороша воля с умом да деньгами.
8. Не Стенька: на ковре по Волге не поплывёшь.
9. Ведь я не Пугач: хоть царём скажись, не поверят.
10. Хоть под небеса летай, а сове соколом не быть.
11. Хоть волком вой, а песню пой.
12. Не по голосу погудка. Не пой высоких стихов.

13. *Высоко взял, не вынесешь голосом.*
14. *Затянул песню, так веди до конца (допевай, хоть тресни).*
15. *Не умеешь петь, в запевалы не суйся (не лезь, не мыкайся).*
16. *Не знаешь песни, так и не затягивай.*

Думается, после подобной аналитической работы написание творческих работ на различные темы уже не составит труда для учащихся.

Таким образом, характер современных научных лингвистических исследований, ориентированных на изучение языковых единиц в контексте национальной культуры, диктует необходимость использования в вузовской практике обучения языку в дополнение к традиционным и новые подходы, среди которых особо выделяется лингвокультурологический. Вслед за профессором Г.А. Анисимовым мы также считаем, что *"от качества текстов упражнений, от степени их национальной маркированности и способности передавать красоту, гибкость, образность и богатство изучаемого языка в значительной мере зависит успех в реализации ... лингводидактического принципа культуросообразности в воспитании билингвальной личности ...* [1, с. 114]. Это особенно важно для последующей профессиональной деятельности, в процессе которой востребованы будут не только лингвистические, но и лингвокультурологические знания и умения.

Литература

1. Анисимов Г.А. Лингвоэтнокультурологический аспект обучения двуязычию // Избранные работы по лингводидактике и языкознанию. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2010. – С. 113–114.
2. Воробьев В.В., Сяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур: учебное пособие / Элективный курс для 10–11 классов школ гуманитарного профиля. – М.: Ладомир, 2006. – 286 с.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа. – Москва : Эксмо; ННН, 2004. – 616 с.
4. Дейкина А.Д., Левушкина О.Н. Методический потенциал лингвокультурологических характеристик текста в школьном обучении русскому языку // Русский язык в школе. – 2014. – № 4. – С.12–17.
5. Евсюкова Т.В., Бутенко Е.Ю. Лингвокультурология : учебник. – М. : Флинта; Наука, – 2014. – 480 с.
6. Золотая энциклопедия лучших афоризмов / сост. И. В. Булгакова. – Ростов н/Д.: Владис, 2010. – 640 с.
7. Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – 3 изд-е, испр. – М. : Академия, 2007. – 208 с.

8. Муллагалиева Л.К., Саяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур / Элективный курс для 10–11 классов школ гуманитарного профиля. – М.: Ладомир, 2006. – 198 с.
9. Пастухова Л.Б. Современные аспекты анализа слова : творческие задания для аудиторной и самостоятельной работы студентов : учебное пособие. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2013. – 133 с.
10. Устьянцева Е.В. Лингвокультурологический портрет слова *хлеб* // Русский язык в школе. – 2008. – № 14. – С.16–31.
11. Ходякова Л.А. Лингвокультуроведческий анализ текста на уроке-проекте // Русский язык в школе. – 2012. – № 4. – С. 3–10.
12. Черникова Н.В. Лингвокультурологические аспекты работы со словом (Материалы к урокам словесности) // Русский язык в школе. – 2017. – № 4. – С.17–21.
13. Якушкина З.Н. Концепт «Верность» в русской и туркменской лингвокультурах // Актуальные вызовы современной науки : III международная науч. конф. 21–22 июля 2016 г. : сб. науч. тр. Вып. 3. Ч. 2. – Переяслав-Хмельницкий, 2016. – С. 98–101.
14. Якушкина З.Н., Латибов И. Концепты "любовь" и "ненависть" в туркменском и русском языках (План-конспект элективного занятия в старших классах школы) : Материалы Международной науч.-практ. конф. «54-е Евсевьевские чтения». – Саранск, 2017 (в печати).

УДК 80

**КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ РАЗНОЖАНРОВЫХ
НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
У СТУДЕНТОВ-ФИЛОЛОГОВ**

Ушакова Галина Михайловна

кандидат филологических наук, доцент
Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева

Труфанова Светлана Леонидовна

Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева

Аннотация: статья посвящена комплексному (идейно-содержательному, композиционно-синтаксическому, типологическому, стилистическому) анализу разножанровых научных текстов для студентов-филологов.

Ключевые слова: комплексный анализ, языковая, лингвистическая, коммуникативная, культуроведческая компетенции, жанры, подстили, экстралингвистические и языковые факторы.

**COMPLEX ANALYSIS OF UNFOLDED
SCIENTIFIC TEXTS AS A MEANS OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL
COMPETENCE OF STUDENTS-PHILOLOGISTS**

Ushakova G. M.

Trufanova S. L.

Abstract. The article is devoted to the complex (ideological, content, compositional and syntactic, typological, stylistic) analysis of diverse scientific texts for philological students.

Keywords: complex analysis, lingual, linguistic, communicative, cultural competence, genres, substyles, extralinguistic and linguistic factors.

Современные требования к выпускнику как средней, так и высшей школы предполагают формирование у него языковой, лингвистической, коммуникативной, культуроведческой компетенций [1, 38-39].

Таким образом, комплексный анализ текста является одной из важнейших составляющих современного филологического образования. В связи с этим большое внимание уделяется выработке у студентов старших курсов умения анализировать текст прежде всего как индивидуальную словесно-речевую структуру. При этом определяющим должно явиться понимание того, что выбор и сочетание языковых средств обусловлены как объективными (жанр, речевые нормы), так и субъективными (идейно-эстетическая позиция автора, особенности индивидуального стиля) текстообразующими факторами. Не менее важным является и умение рассматривать анализируемые фрагменты в широком историко-литературном и культурном контексте (как части глобального макротекста). Выработка навыков такого многопланового анализа является одним из важных аспектов формирования коммуникативной компетенции.

Комплексный анализ текста предполагает изучение его в идейно-содержательном, композиционно-синтаксическом, типологическом, стилистическом аспектах, а также выявление роли образно-выразительных средств в каждом из них. При этом версии идейно-содержательного и стилистического анализа ни в коей мере не должны быть восприняты как единственно возможные, ибо, по утверждению Ю.М. Лотмана, «чем значительнее, глубже произведение, чем дольше живет оно, тем дальше расходятся крайние точки возможных интерпретаций» [5, 123].

Такой многоаспектный подход к тексту позволяет в полной мере реализовать знания, полученные студентами в процессе изучения всех дисциплин лингвистического и литературоведческого циклов.

Как показывает практика, на едином государственном экзамене по русскому языку выпускникам предлагаются для анализа либо художественные тексты, либо тексты, относящиеся к публицистическому и научному стилям. При этом анализ научного текста вызывает определенные трудности, в первую очередь смешение научно-популярного подстиля как разновидности научного стиля (далее НС) и публицистического стиля, а также смешение строго научного и научно-популярного подстилей НС. На наш взгляд, это происходит из-за неумения учитывать не только стилевую, но и жанровую специфику научного текста, а также экстралингвистические и собственно языковые признаки, направленные на реализацию его важнейших функций.

В обобщенном виде функцию НС можно представить как информативную.

К *экстралингвистическим* признакам научного стиля относятся:

а) точность;

б) логичность;
в) абстрактность, обобщенность;
г) интеллектуальность, необщедоступность;
д) объективность, максимальная отстраненность автора, безличность (информация фиксируется, анализируется, но эмоциональная, личная оценка происходящего отсутствует). В НС оценочность является не эмоциональной, а интеллектуальной. Она может выражаться с помощью таких слов, как *высокий, низкий, полный, недостаточный, ценный, отрицательный, положительный* и др. Объективность также выражается с помощью пассивных и безличных конструкций, фиксирующих внимание не на деятеле, а на действии или его результате;

е) резкое ограничение стилистически окрашенных языковых средств способствует объективности НС (оценка и эмоциональность субъективны), точности (экспрессивность связана с нарушением нормы) [6, 69].

Все указанные выше экстралингвистические признаки организуют в систему языковые средства, формирующие НС [2, 3, 4]

Общие признаки стиля не исключают его внутренней дифференциации, которая во многом определяется особенностью жанра и отраслью знания. Так, для научных текстов, относящихся к филологическим и искусствоведческим дисциплинам, характерно использование языковых средств, обладающих эмоционально-экспрессивной окрашенностью. В этих случаях они способствуют точности научного текста (искусство по своей природе эмоционально, следовательно, эмоционально-экспрессивная окрашенность максимально *точно* передает его специфику).

При сравнении приведенных ниже текстов, относящихся к строго научному подстилю, можно проследить особую роль эмоционально-экспрессивно окрашенных языковых средств.

Текст №1

Проблема культуры не может быть решена без определения ее места во внекультурном пространстве. Вопрос этот можно сформулировать так: своеобразие человека как культурного существа требует противопоставления его миру природы, понимаемой как внекультурное пространство. Граница между этими двумя мирами не только будет отделять человека от внекультурных существ, но и будет проходить внутри человеческой психики и деятельности. Определенными своими сторонами человек принадлежит культуре, другими же связан с внекультурным миром. В равной мере неосторожно было бы категорически исключить животный мир из сферы культуры. Таким образом, граница размыта и определение каждого

конкретного факта как принадлежащего культурной или внекультурной сфере обладает высокой степенью относительности. Но то, что обладает относительностью применительно к отдельному случаю, в достаточной мере ощутимо, когда мы говорим в категориях абстрактной классификации. С этой оговоркой мы можем вычленить мир культуры как некоторый объект дальнейших рассуждений. Тютчев в стихотворении с эпиграфом «Est in arundineis modulatio musica ripis» с философской точностью поставил этот, всегда мучительный для него вопрос: вопрос о двойной природе человека как существа, вписанного в природу и в ней не уместяющегося:

Певучесть есть в морских волнах,
Гармония в стихийных спорах,
И стройный мусикийский шорох
Струится в зыбких камышах.
Невозмутимый строй во всем.
Созвучье полное в природе, -
Лишь в нашей призрачной свободе
Разлад мы с нею сознаем...

Тютчевская тема «двойной бездны», имеющая большую философско-поэтическую традицию, получает здесь специфическое истолкование: природа, по Тютчеву, наделена гармонией. Ей противостоит дисгармония человеческой души. Философское понятие гармонии подразумевает «единство в многообразии; в музыке оно означает созвучие многих тонов в одно целое и отсюда заимствовано пифагорейцами, учившими о гармонии сфер, т.е. о правильном обращении небесных светил вокруг центрального огня, дающих гектохорд». Приводя это определение, Э.Л. Радлов добавляет: «Сведенборг говорит об «установившейся» (констабилированной) гармонии, обуславливающей порядок организации мира». Тютчевский разрыв между человеком и миром – противоречие между гармонией и дисгармонией. Но одновременно гармония мыслится Тютчевым как вечно неизменное или вечно повторяемое бытие. Между тем как человек включён в дисгармоническое, т.е. несимметричное развернутое движение. Мы подходим к коренному вопросу: конфликту между замкнутым, т.е. правильно повторяющимся, движением и движением линейно направленным.

Ю.М. Лотман. Культура и взрыв. – М., 1992. – С. 44-46.

Идейно-содержательный анализ

В данном тексте Ю.М. Лотман поднимает одну из важнейших философско-этических проблем: что такое культура и где проходит граница между культурным и внекультурным пространством? Автор приходит к

следующему выводу: человеческая природа амбивалентна, она принадлежит в равной мере как культурному, так и внекультурному мирам. Комментируя строки из стихотворения Ф.И. Тютчева, а также рассуждения философов (пифагорейцев, Э. Радлова, Э. Сведенборга), Ю. М. Лотман утверждает, что «культура» не есть «гармония», «не-культура» не есть «дисгармония», поскольку человеческой природе присуща именно дисгармоничность. Сверхзадача же автора – доказать, что человек способен, несмотря на свою двойственную природу, стать существом культурным.

Типологический анализ

Функционально-семантический тип – *рассуждение*: предложения 1- 9 – *тезис*, проиллюстрированный стихотворением Ф.И. Тютчева: вопрос о двойной природе человека мучителен, это источник «разлада» в душе; в 10-15 предложениях это положение *доказывается*, раскрывается в трактовке как самого Ф.И. Тютчева, так и пифагорейцев, Э. Радлова, Э. Сведенборга; в 16- 17 предложениях формулируется *вывод*: природа в основе гармонична, так как ее развитие циклично; природа человека в основе дисгармонична, потому что он включен в «несимметричное» движение. Следовательно, текст в целом представляет собой рассуждение.

Стилистический анализ

Автор текста решает сложную философскую проблему соотношения культурного и внекультурного в духовном мире человека. Таким образом, сама тема позволяет утверждать, что текст относится к научной сфере (область знания – философия и культурология). Функция текста – информационная (когнитивная).

Текст характеризуется точностью, логичностью, высокой интеллектуальностью, доказательностью всех положений, имеет четкую композицию, присущую такому функционально-семантическому типу текста, как рассуждение.

Текст является фрагментом монографии Ю.М. Лотмана «Культура и взрыв» и, следовательно, относится к собственно научному стилю. Это подтверждается анализом языковых средств, использованных в нем.

Лексический уровень: большое количество специальных понятий – терминов (*психика, культурное / внекультурное пространство, культурное / некультурное существо; сфера культуры, категории абстрактной классификации; мир культуры как объект дальнейших рассуждений; философско-поэтическое истолкование* и т.д.); общенаучной лексики, как то: *проблема, сформулировать, своеобразие, противопоставление, миры, относительность, рассуждение, объект, гармония, дисгармония* и т.д.;

использование нейтральных языковых средств; преобладание лексики с абстрактным значением и др.

Анализ текста показывает, что отбор и сочетание языковых средств ориентированы на высокую книжно-литературную норму, например: «*В равной мере неосторожно было бы категорически исключить...*»; «*...обладает относительностью применительно к отдельному случаю*»; «*в достаточной мере ощутимо...*»; «*когда мы говорим в категориях абстрактной классификации...*», «*между тем*» вместо «но», «однако» и т.д.

Морфологический уровень: преобладание формы настоящего вневременного над другими временными формами глаголов-сказуемых: *обладает относительностью, гармония мыслится Тютчевым, принадлежит культуре, философское понятие гармонии подразумевает; означает созвучие, требует противопоставления* и т.п.; употребление форм местоимения 1 лица множественного числа в значении единственного (авторское «мы»): «*С этой оговоркой мы можем вычленим...*». Авторское «мы», а также конструкции типа «*проблема культуры не может быть решена...*», «*неосторожно было бы исключить*» отражают такой экстралингвистический признак, как объективность.

Синтаксический уровень: наличие составных глагольных и сложных сказуемых: *можно сформулировать, неосторожно было бы исключить, можем вычленим*; прямой порядок слов; причастные и деепричастные обороты: «*Тютчевская тема «двойной бездны», имеющая большое философско-поэтическое истолкование*», широкое использование конструкций с *как*, обладающих ярко выраженной книжной научно-стилевой окраской: «*Можем вычленим мир культуры как некоторый объект дальнейших рассуждений*»; «*...вопросе двойной природе человека как существа, вписанного в природу и в ней умирающего*», «*...определение каждого конкретного факта как принадлежащего культурной или внекультурной сфере*» и т.д.

Логическая стройность текста, его высокая доказательность обеспечиваются использованием целого ряда вводных слов, указывающих на последовательность мысли при рассуждении: *таким образом*; на источник информации: *по Тютчеву* и т.д.

В тексте используются специфические для научного стиля сопоставительные и пояснительные союзы: *между тем как, то есть* и др.

Произведенный анализ позволяет утверждать, что данный текст относится к научному стилю.

Анализ образно-выразительных средств

Поскольку анализируемый текст относится к собственно научному стилю, для него не характерно употребление образно-выразительных средств. Между тем в нем можно обнаружить метафору: «граница размыта». Кроме того, данный фрагмент строится на антитезе, реализующейся с помощью контекстуальных и лексических антонимов: *культурный – внекультурный; человек – животный мир; гармония – дисгармония; неизменное, повторяемое – несимметрическое; замкнутое – линейное.*

Так как текст является отрывком из монографии, посвященной науке гуманитарной, то наличие образно-выразительных средств не противоречит его стилевой окрашенности.

Текст №2

У Врубеля есть как бы парные картины, которые подсказывают нам, как возникали из «кружев» природы его русалки, лешие, феи. Это «Лебедь» и «Царевна-Лебедь»; «Куст сирени» (без фигуры) и «Сирень» (с девичьей фигурой); «Жемчужная раковина» просто и «Жемчужная раковина» с фигурами русалок. В первом ряду этих пар – живые впечатления природы, во втором – выступившая из них сказка. Картина «Лебедь» написана годом позже «Царевны Лебедь», но проясняет ее истоки. У «Лебеди» нет человеческого лица и наряда, это всего только большая птица в черно-зеленых камышах на фоне закатного неба. Но не совсем обыкновенная птица – мы верим, что она может превратиться в царевну. Свет пылающего заката, пронизывая камыши, придает оперению лебедя фосфоресцирующую окраску, бледно-сиреневую, голубую (тона, дополнительные к оранжевым краскам неба). Волшебной кажется сама форма крыла с зубчатым напластованием перьев. Миг – и превращение произойдет: крылья станут венчальным убором, вспыхнут алмазы и жемчуга, и дивная птица, обернув голову, взглянет человеческими глазами.

Разглядывая эскизы «Сирени» (их несколько), мы верим, что в этих шевелящихся «тысячах и тьмах» соцветий прячутся какие-то еще не оформившиеся существа, может быть, эльфы. Появление темноглазой феи как бы уже подготовлено созерцанием сиреневых масс, напоминающих груды аметистов. Она просто не может не появиться там. Так и шаловливые наяды возникают из игры волн, а дочери морского царя всплывают из радужных глубин жемчужной раковины.

Не всегда «вторичный» сказочный образ получается у Врубеля лучше первичного, в котором фантастика уже есть, но сказка еще затаена. На наш современный вкус, недоговоренность бывает предпочтительнее: возможно, в «Жемчужнице» лучше было бы обойтись без царевен. На пейзаж «Пана»,

наверно, утратил бы свою поэзию, не будь в нем фигуры старого лешего, а картина «К ночи» много потеряла бы без пастуха. Здесь фигура и ландшафт составляют единство, друг без друга не мыслятся. И могут друг в друга превращаться. Стихия превращений, царящая в сказках, для картин Врубеля естественна, потому что в его живописи сняты перегородки между царством природы, между живым и неживым, между человеком и лесными тварями, стихиями и всем, что наполняет землю, воду и небо. Единая, общая жизнь во всем.

Н.А. Дмитриева. Михаил Врубель. – М., 1984. – С. 81-82.

Идейно-композиционный анализ текста

Ключевые слова, в которых сконцентрирована основная мысль текста и которые повторяются неоднократно, - «сказка», «волшебство», «фантастика», «превращение», «жизнь». Следовательно, смысл текста можно понять таким образом: для стиля картин Врубеля характерны как стихия превращений реального в сказочное и наоборот, так и выражение единства между живым и неживым, человеком и природой.

Типологический анализ

Текст представляет собой рассуждение с элементами описания. Он начинается с тезиса («У Врубеля есть как бы парные картины...»), далее следует ряд доказательств, причем во втором абзаце в качестве доказательства используется фрагмент описательного характера (автор подробно рассказывает, что изображено на картине «Лебедь»), в последнем абзаце содержится вывод («Стихия превращений, царящая в сказках, для картин Врубеля естественна...»). Такое построение текста способствует его четкости и логичности, что является одним из экстралингвистических признаков НС.

Стилистический анализ

Текст представляет собой фрагмент монографии искусствоведа Н.А. Дмитриевой «Михаил Врубель». Эта книга посвящена биографии и творчеству художника. Автор анализирует проблему «двуплановости» ряда картин Врубеля, в которых гармонично сочетаются реальность и фантастика, сказка. Таким образом, сама тема позволяет предположить, что текст относится к научной сфере (область знаний – искусствоведение). Функция текста – информационная (когнитивная).

Текст характеризуется точностью, логичностью, доказательностью всех положений, имеет четкую композицию, присущую такому функционально-семантическому типу, как рассуждение; элементы описания того, что изображено на картинах Врубеля, служат доказательством выдвинутого автором тезиса («У Врубеля есть как бы парные картины...»).

С точки зрения лексического состава текст характеризуется насыщенностью искусствоведческими терминами (*фосфоресцирующая окраска; тона, дополнительные к основным; эскизы*).

На морфологическом уровне текст характеризуется наличием союзов с присоединительным значением (*так и*); глаголов в форме настоящего вневременного (*подсказывают, придает, кажется, может, возникают и под.*); употреблением авторского «мы» (*На наш современный вкус...*).

На синтаксическом уровне текст характеризуется наличием пассивных конструкций (*«Картина «Лебедь» написана годом позже...», «Появление темноглазой феи как бы уже подготовлено созерцанием сиреневых масс...»*), составных именных сказуемых (*«Стихия превращений для Врубеля естественна...»* и др.); причастных и деепричастных оборотов (*«Свет пылающего заката, пронизывая камыши, придает оперению лебедя фосфоресцирующую окраску», «созерцанием сиреневых масс, напоминающих груды аметистов»* и др.).

Однако в силу того что текст относится к особой области знания (искусствоведению), предмет которой сам по себе является воплощением эмоций и чувств, в нем уместны образно-выразительные средства: олицетворения (*выступившая из них сказка*), сравнения (*сиреневых масс, напоминающих груды аметистов*), эпитеты (*шаловливые наяды*) и др., подробнее см. далее. Ряд высказываний обладает субъективной модальностью (*«мы верим, что она может превратиться в царевну»; «волшебной кажется сама форма крыла»; «пейзаж «Пана», наверное, утратил бы свою поэзию»* и др.), что опять же обусловлено объектом исследования – искусством, в котором не может быть категоричных суждений, а при оценке произведения искусства возможны различные интерпретации.

Сказанное выше позволяет утверждать, что текст относится к научному стилю.

Анализ образно-выразительных средств

Текст строится в первую очередь на антитезе «реальное – фантастическое в картинах М. Врубеля» с целью доказать единство этих противоположностей. Данная антитеза реализуется с помощью лексической антонимии (*вторичный – первичный; живое – неживое*); контекстуальной антонимии (*«Лебедь» - «Царевна-Лебедь»; «Куст сирени» - «Сирень»; натура – сказка; птица – царевна; человек – существа, лесные твари, стихи*). Для описания картин автор широко использует эпитеты (*парные картины, живые впечатления, выступившая сказка, пылающий закат, закатное небо, фосфоресцирующие краски, волшебная форма, зубчатое*

напластование, *дивная* птица, *темноглазая* фея, *шаловливые* наяды, *радужные* глубины); метафоры (*кружева природы*); олицетворения (*выступившая из них сказка*; пейзаж *утратил бы свою поэзию*); сравнения (*сиреневых масс, напоминающих груды аметистов*). Образно-выразительные средства позволяют автору максимально точно передать специфику картин Врубеля и убедительно доказать мысль, выдвинутую в тезисе.

Таким образом, эмоциональность и экспрессивность искусствоведческого текста не противоречат его научности, а позволяют наиболее четко и ясно выявить его особенности, прежде всего его информативность.

Что же касается научно-популярного подстиля НС, то при сохранении основных экстралингвистических качеств НС он обладает особыми свойствами, в частности:

- 1) ориентирован на неспециалистов, следовательно, адаптирован для восприятия широкой аудиторией;
- 2) при сохранении четкости структуры в научно-популярных текстах возрастает роль образно-выразительных средств (в этом проявляется близость научно-популярного подстиля к языку художественной литературы);
- 3) научно-популярный подстиль по своей природе синкретичен, он может совмещать в себе признаки строго научного стиля и других функциональных стилей (а также языка художественной литературы) в разных соотношениях.

Текст, проанализированный далее, является образцом именно научно-популярного подстиля.

Текст №2

Деяния основателя Византии и первого христианского царя Константина Великого (272-337), подобно гигантскому лезвию, расчленили мировую историю: эпоху древности они отделили от эпохи средневековья.

Веком Константина историки называют не только четвертое столетие. Деяния его пережили многие века. Созданный им союз государства и Церкви продолжает существовать и в наши дни.

Хрестоматийно давнишнее высказывание о том, что царь Константин явил народам четыре главные добродетели, ставшие краеугольными столпами мировой нравственности: умеренность, мудрость, справедливость и храбрость.

Константин совершил много славных дел – недаром еще при жизни его называли Великим. И все же историки Византии выделяют три главных деяния Константина.

Первое – его эдикт 313 года о веротерпимости.

Константин начал править в Империи, где люди в основном были язычниками и поклонялись таким богам, как Аполлон, Юпитер, Венера, Диана, Митра... Никакая другая религия не знала стольких божеств. Им возводились величественные храмы, им приносились многочисленные жертвы.

Мало кто сомневался, что Бог может быть иным. Учеников Христа было совсем немного, их называли сектантами и жестоко преследовали: жгли на кострах, выкалывали глаза, подрезали сухожилия на ногах так, что человеку ходьба приносила мучение...

Когда Константин был на подступах к императорскому трону, гонения на христиан в стране приняли размах стихийного бедствия. Не будет преувеличением сказать, что явление Константина спасло христианство, которое было тогда на грани уничтожения.

Изданный им в 313 году эдикт давал «как христианам, так и всем прочим гражданам полную свободу отправления той религии, которую каждый считает наилучшей для самого себя».

Эдикт Константина 313 года – не о запрещении язычества и не о введении христианства. Это эдикт о веротерпимости.

С.М. Власов. Константин Великий. – М., 2001. – С. 15-16.

Идейно-композиционный анализ

Тема отрывка из книги С.М. Власова – роль в истории византийского императора Константина, еще при жизни названного Великим. Из многих «славных дел», совершенных Константином, автор справедливо ставит на первое место его эдикт о веротерпимости, предполагавший «полную свободу отправления той религии, которую каждый считает наилучшей для самого себя», то есть, говоря современным языком, свободу совести.

Историк подробно анализирует положительную роль этого документа, благодаря которому были прекращены гонения на христианство и, следовательно, Европа получила возможность встать на новый путь культурного развития. Как известно, мысли о веротерпимости, толерантности актуальны и в наше время, т.к. именно благодаря признанию права человека, народа на то, чтобы следовать своей вере, своим обычаям, возможна продуктивная межкультурная коммуникация как между отдельными людьми, так и между нациями и государствами.

Типологический анализ

Текст представляет собой рассуждение с элементами повествования: 1 предложение можно рассматривать как *тезис* (Константин – великий исторический деятель); 2-16 предложения – *доказательства* (частично в

функции доказательств выступают фрагменты повествовательного характера): Константин создал союз государства и Церкви, явил народам четыре главные добродетели; особо значимое его деяние – эдикт о веротерпимости. 17-18 предложения – *вывод* (еще раз подчеркивается основная идея главного деяния Константина – утверждение веротерпимости).

Стилистический анализ

Основная функция текста – информативная (когнитивная): текст представляет собой рассказ об исторической обстановке в Римской империи IV века и об одном из важнейших документов, принятых императором Константином.

Текст характеризуется употреблением общекнижной, нейтральной лексики, а также наличием специфических для соответствующей области знания (истории) терминов (*эпоха, эдикт, язычники, сектанты*).

Текст отличается точностью (указаны даты, имена собственные, наименование изданного Константином документа), логичностью; оценка деяний Константина дана с достаточно высокой степенью объективности и подкреплена убедительными доказательствами.

В функционально-семантическом плане текст представляет собой рассуждение.

Названные признаки позволяют определить стиль текста как научный, однако наличие образно-выразительных средств (*Деяния..., подобно гигантскому лезвию, расчленили мировую историю; гонения на христиан... приняли размах стихийного бедствия* – сравнения; *расчленили мировую историю, на грани уничтожения* – метафоры; *славные дела* – эпитет и др.), а также открытая оценочность и эмоциональность позволяют утверждать, что в данном тексте реализуется научно-популярный подстиль научного стиля.

Анализ образно-выразительных средств

Употребленные в тексте образно-выразительные средства делают его более эмоциональным, придают ему особую торжественность, приподнятость, подчеркивают значимость совершенных императором Константином деяний.

К одному из наиболее ярких образно-выразительных средств следует отнести повтор ключевых слов: *деяния* – стилистический синоним слова *дела*, относящийся к высокому стилю; *веротерпимость*. Автор употребляет сравнения (*подобно гигантскому лезвию, расчленили мировую историю; гонения... приняли размах стихийного бедствия*); метафоры (*расчленили мировую историю; краеугольными столпами мировой нравственности*); олицетворения (*деяния его пережили многие века; религия не знала*); параллелизм конструкций (*им возводились величественные храмы, им*

приносились многочисленные жертвы). В то же время образность и экспрессивность не противоречат точности и логичности текста, а особым образом подчеркивают ее, а также делают текст более доступным для восприятия.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что описанная в работе методика комплексного анализа научного текста пригодна для обучения интерпретации разнотипных речевых жанров как школьников, так и студентов. Каждый из компонентов анализа предполагает прочтение текста с одной целью: при первом прочтении происходит определение основной мысли, темы, идеи текста; при втором – производится типологический анализ, при третьем – определяются признаки стиля, при четвертом – выявляются и характеризуются образно-выразительные средства языка. При этом необходимо учитывать, что все образно-выразительные средства должны «работать» на одно из экстралингвистических свойств: на точность – в строго научном тексте (в том числе искусствоведческом), на точность и доступность – в тексте научно-популярном.

Литература

1. Быстрова Е.А. Цели обучения русскому языку, или какую компетенцию мы формируем на уроках // Русская словесность. – 2003. - №1. – С. 38-45.
2. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. – М. 2001. – 431 с.
3. Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В. Функциональные типы русской речи. – М., 1981. – 223 с.
4. Культура русской речи / Под ред. Л.К. Граудиной, Е.Н. Ширяева. – М., 1999. – 549 с.
5. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. – СПб., 1996. – 845 с.
6. Харченко В.К. Разграничение оценочности, образности, экспрессивности и эмоциональности // Русский язык в школе. – 1976. – №3. – С. 66.
7. Ушакова Г.М. Комплексный анализ текста: Интерпретации, модели, схемы, разборы: Учебно-методическое пособие для студентов факультета русской филологии. Изд. 2-е. испр. и доп. /Г. М. Ушакова, С. П. Труфанова. – Чебоксары: Чуваш. гос. пед. ун-т, 2017. – 81 с.

**ОПЫТ ПРОВЕДЕНИЯ МУЗЕЙНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
ПРОГРАММЫ «ДЕТСКИЕ ОБРАЗЫ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ
ИСКУССТВЕ 1920 – 1930-Х ГГ.»**

Григорьева Анастасия Олеговна

ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет»

Научный руководитель: Колчева Э.М.,
канд.искусствоведения, доцент
г.Йошкар-Ола, РФ

Аннотация. В статье раскрывается опыт проведения музейно-образовательной программы в Детском музейно-выставочном центре.

Ключевые слова: музей, музейная педагогика

**EXPERIENCE OF CARRYING OUT THE MUSEUM-EDUCATIONAL
PROGRAM “CHILDREN'S IMAGES IN THE FINE ART OF 1920–1930-s.”**

Grigorieva Anastasia

Abstract. The article reveals the experience of the museum educational program in the Children's Museum and Exhibition Center.

Keywords: museum, museum pedagogy

Детский музейно-выставочный центр (далее ДМВЦ) – филиал Национального музея РМЭ им.Т.Евсеева был открыт посетителям 3 ноября 2015 года. За время своей деятельности, в центре проводились многие музейно-образовательные программы созданные сотрудниками Национального музея и опубликованные в сборник «Я поведу тебя в музей».

Целью научных сотрудников ДМВЦ, с марта 2017 года, стало написание музейно-образовательной программы по профилю музея. При открытии Детского музея в экспозиции находилось две картины: Г.Ф. Богатыревой-Кононовой «Портрет внучки» и И.И.Мамаева «Сын механизатора», эти две картины неизменно привлекали внимание посетителей. В ходе проведенных устных опросов посетителей, интерес представила тема показа картин марийских художников на детскую тематику. Были выбраны периоды 1920 –

1930-х гг. и 1950 – 1980-е гг., по которым были написаны 2 музейно-образовательные программы, объединенные в цикл «Красочный мир детства».

Первая музейно-образовательная программа имеет рабочее название: «Детские образы в изобразительном искусстве 1920 – 1930-х гг.»

Для создания программы были выбраны 6 картин из изобразительного фонда Национального музея РМЭ им.Т.Евсеева:

1. П.А.Радимов «В крестьянской избе» 1926 г.
2. В.К.Тимофеев «Женщины-марийки за рукоделием» 1927 г.
3. П.А.Радимов «Девушка с ведрами» 1927 г.
4. Е.Д. Атлашкина «Марийская девушка за газетой» 1930-е гг.
5. В.К.Тимофеев «Проводка радио (д. Кокшамары)» 1935 – 1936 гг.
6. В.К.Тимофеев «Водная станция на берегу Кокшаги» 1929 г.

Сотрудниками музея была собрана и творчески переработана имеющаяся информация о картинах в документальном и изобразительном фондах Национального музея РМЭ им.Т.Евсеева, в книгах по искусству Марий Эл и, что немаловажно, были изучены материалы по дисциплине «История и культура народов Марий Эл» 5 и 6 классов.

Музейно-образовательная программа, длящаяся 45 минут, состоит из трех частей:

- 1) лекционная часть, беседа;
- 2) проверочная часть на запоминание имен художников по картинам;
- 3) загадки на знание традиционной культуры народа мари.

24 января была апробирована тема для 6 «а» класса МБОУ «СОШ №2», а 15 февраля – для 6 «б» класса МБОУ «Гимназия №14 г. Йошкар-Олы».

В ходе проведения музейно-образовательной программы для двух классов были выявлены плюсы и минусы подачи и восприятия информации детьми.

Плюсы проведения для 6 «а» класса:

- сопровождающий – учитель дисциплины «История и Культура народов Марий Эл»;

- знание детьми традиционной культуры народа мари;
- знание детьми имен некоторых художников;
- активное участие школьников в диалоге.

Минусы проведения:

- нецеленаправленное посещение музейно-образовательной программы, рассеивание внимания;

- отсутствие интерактивного момента;

- сложная формулировка периодизации профессионального изобразительного искусства Марийского края.

В первом случае, школьники из 6 «а» класса пришли с учителем ИКНМ, которая делала акценты на тех темах, которые ученики уже затрагивали в предыдущих занятиях. Так как сюжет картин связан с традиционной жизнью мари рубежа XIX – XX веков, многие действия, костюм, постройки были знакомы ученикам, и они активно участвовали в обсуждении. Плюс был и в том, что в 5 классе дети проходили тему о первых профессиональных художниках Марийского края и многие имена они знали на слух.

Сотрудники музея, разработавшие программу, учли минусы и при проведении программы для школы № 14 добавили интерактивный момент в части разгадывания загадок – был придуман квест по выставке «Советское детство» в ДМВЦ, где находились картины. Такая музейная форма деятельности оживила учеников и позволила более плодотворно провести работу. Также было несколько положительных моментов: 1) планомерная совместная работа музейного педагога и преподавателя; 2) постепенная увлеченность и появление здоровой конкуренции внутри группы.

Минусы: 1) в отличие от учеников школы № 2, дети были мало мотивированы на изучение изобразительного искусства Марий Эл и темы о традиционной культуре народа мари.

2) разобщенность учеников внутри группы.

6 «б» классу МБОУ «Гимназия №14 г. Йошкар-Олы», которому была представлена программа, был задан честный и открытый вопрос: «Интересно ли вам искусство, в частности, изобразительное искусство Марийского края?». На этот вопрос сотруднику был дан весьма категоричный ответ: «Нет». Учитывая минусы, перед сотрудником встала весьма интересная проблема: проблема мотивации к изучению самой дисциплины «История и культура народов Марий Эл». Так как самого преподавателя дисциплины не было, ученики были максимально откровенны. Для пробуждения интереса к изучению не только темы программы, но и традиционной культуры народа мари, а также истории края, сотрудником были приняты такие активные методы работы как: диалог, сравнение, «примеры из жизни». В ходе программы сотрудник наблюдал, как преобразуется настроение учеников, как с интересом они включаются в работу, особенно в соревновательных моментах: «Угадай художника по картине», квест-игра, где ученики, разбившись на команды, искали ответы на вопросы на самой выставке с «живыми» картинами.

Таким образом, мы сравнили опыт проведения музейно-образовательной программы «Детские образы в изобразительном искусстве 1920 – 1930-х гг.»

для двух классов: 6 «а» класса МБОУ «СОШ №2 и 6 «б» класса МБОУ «Гимназия №14». Выявили плюсы и минусы программы. Сделаны следующие выводы: программа будет интересна и полезна ученикам 5 – 9 классов, из-за особенностей возрастного восприятия. Адаптация программы для учеников начальной школы возможна, но подачу необходимо сделать в ином ключе, так как немногие знают про Советский период и в целом про изобразительное искусство.

Главная проблема, которую нужно решить – это выход в школы с программой, включение музейно-образовательной программы в школьную программу, прежде всего, 5 класса. Большинство школ города Йошкар-Олы изучают предмет «История и культура народов Марий Эл» по пособию Л.П. Москвиной, Г.Н. Петуховой, Ю.М. Никитина «История и культура народов Марий Эл»: учебное пособие для 5 класса, где есть целый раздел о первых профессиональных художниках Марийского края. 6 класс изучает предмет по учебному пособию С.К.Свечникова и С.С. Волкова., где, к сожалению, не затронута тема изобразительного искусства края, но актуальным будет разработка новых программ на изучение истории родного края по сюжетным картинам, передающих дух прошлых лет. И в достижении этой цели поможет богатый фонд Национального музея РМЭ им. Т.Евсеева.

Наш цикл музейно-образовательных программ «Красочный мир детства» имеет ряд преимуществ, так как детям легче изучать прошлое Марийского края на примере жизни детей того времени. Здесь появляются неограниченные возможности сравнения с современной жизнью, опыт сопереживания своим сверстникам и многое другое. На наш взгляд, программа весьма актуальна и имеет дальнейшие возможности развития.

Источники и литература

1.История и культура народов Марий Эл [Текст] : учебное пособие для 5-го класса / Л. П. Москвина, Г. Н. Петухова, Ю. М. Никитина. - Йошкар-Ола : Марийское книжное изд-во, 2012. с. 126.

2. История и культура народов Марий Эл [Текст] : учебное пособие для 6 класса / С. К. Свечников, С. С. Волков. - Йошкар-Ола : Марийское кн. изд-во, 2016. – с.117.

ТАНЦЕТЕРАПИЯ КАК ОДИН ИЗ КОМПОНЕНТОВ ДВИГАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ У ДЕТЕЙ С УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

Игнатенко Ксения Вячеславовна

студентка 2 курса
магистерской программы
«Теория и история культуры»
факультета чувашской и русской филологии
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева

Аннотация. В статье раскрывается опыт использования танцетерапии как одного из компонентов двигательной активности у детей с умственной отсталостью. Отмечается, что реабилитация танцевальными средствами эффективна при лечении большинства психологических проблем и стрессов. Танцетерапия рассматривается как средство преодоления трудностей, связанных с ограничениями здоровья.

Ключевые слова: дети с умственной отсталостью, танцетерапия, реабилитация

DANCING THERAPY AS ONE OF THE COMPONENTS OF MOTOR ACTIVITY IN CHILDREN WITH INTELLECTUAL DISABILITY

Ignatenko Ksenia

Abstract. The article reveals the experience of using dance therapy as one of the components of physical activity in children with intellectual disability. It is noted that the rehabilitation of dance means is effective in the treatment of most psychological problems and stresses. Dance therapy is considered as a means of overcoming the difficulties associated with health restrictions.

Keywords: children with intellectual disability, dance therapy, rehabilitation

Обучение и воспитание детей с умственной отсталостью – это проблема, которая стоит перед современной педагогикой наиболее остро. Умственная отсталость определяется как стойкое и необратимое нарушение

познавательной деятельности, которое обусловлено нарушением высших психических функций. Все это, помимо очевидных проблем, вызывает также негативные переживания ребенка, а отсюда и замкнутость. Поэтому необходимы такие средства реабилитации, которые будут работать сразу над решением комплекса проблем. Одной из эффективных методик, на наш взгляд, является танцетерапия.

Танцетерапия, как методика может быть использована в коррекционных заведениях, где обучаются дети с умственной отсталостью. Реабилитация танцевальными средствами эффективна при лечении большинства психологических проблем и стрессов.

Цель танцетерапии – восстановление психоэмоционального состояния с помощью танца и танцевальных упражнений, в процессе которого развивается подвижность, память, творческие способности, выразительность движений и самовыражение. Считается, что посредством танца и движения можно быстрее и эффективнее установить контакт и что взаимный диалог всегда успешнее тогда, когда он осуществляется с помощью движений.

Очень важно понимать, что умственно отсталые дети отличаются от здоровых ровесников. У ребенка с умственной отсталостью отмечается небольшой объем воспринимаемой информации. Умственно отсталые дети выхватывают отдельные части в обозреваемом объекте, в прослушанном тексте, не видя и не слыша иногда важный для общего понимания материал. Отмечается нарушение избирательности восприятия.

Дети с такими особенностями развития испытывают трудности восприятия пространства и времени, это препятствует им ориентироваться в окружающем их мире.

В результате затрудняется определение связи между элементами. Выделяя в танцевальной связке отдельные их части, они не устанавливают связи между ними, поэтому затрудняются составить представление о танце в целом.

Характерной особенностью мышления детей с умственной отсталостью является отсутствие самокритики и неумение самим оценивать свою работу. Они часто не обращают внимание на собственные недочеты.

Умственно отсталые дети имеют сильные проблемы с памятью. Им трудно осознавать и запоминать внутренние логические связи. Легче всего для них запоминать внешние и зрительно воспринимаемые знаки. Трудности восприятия информации проявляются не столько в получении и сохранении её, а сколько в воспроизведении.

Человек, который занимается спортом, танцует оказывается наиболее жизнестойким, активным, здоровым. У него становятся лучше обмен

веществ, работа сердечно-сосудистой и дыхательной систем, увеличивается невосприимчивость к разным болезням.

Танцетерапия дает возможность каждому ребенку самовыразиться и возможность реализовать естественные и самопроизвольные движения в танце. Коррекционная направленность танцевальных занятий обусловлена поэтапностью коррекционной работы при устранении различных нарушений в развитии.

На занятиях двигательной активности важно помнить о необходимости разминки. Без предварительной подготовки можно повредить позвоночник, вызвать растяжение связок, мышечных сухожилий и вывихнуть суставы.

Осваивая методику релаксации, умело чередуя напряжение и расслабление связок, приучает организм ребенка к физическим нагрузкам. Выполняя танцевальные упражнения, у ребенка задействованы все отделы позвоночника, благодаря этому укрепляются мышцы, улучшается осанка и движения становятся более грациозными.

Очень обширный круг разных жизненных ситуаций тесно связан с танцетерапией. Музыка здесь является одним из главных компонентов. В танце ярко выражены творческие аспекты и терапевтические.

Танцетерапия полезна для детей с умственной отсталостью. Заметно это на релаксационных занятиях, целью которых является раскрепощение, расслабление и осмысление движений в танце. Эти занятия оказывают положительное влияние на физическое здоровье, эмоциональную и духовную деятельность ребенка.

Для решения эмоционально-волевых проблем важно, что по ходу танцетерапии ребенок естественно оказывается в ситуации взаимодействия с другими детьми, не приобретая при этом негативного опыта общения. Даже дети, которые никогда не позволяют прикасаться к себе, во время танца держат друг друга за руки. Танцуя, все смотрят друг на друга и выполняют определенные движения. Постепенно дети учатся согласовывать свои действия с действиями других людей, и тогда танец становится более организованным и ритмичным.

Танец учит выражать эмоции, снимает скованность, позволяет освоить разнообразные умения и навыки, развивает природные способности, физиологическое состояние, психическое, нравственное здоровье, что в целом способствует адаптации детей и их реабилитации.

INSTAGRAM И МОДНАЯ ИНДУСТРИЯ

Иванова Татьяна Владимировна

студентка 2 курса
магистерской программы
«Теория и история культуры»
факультета чувашской и русской филологии,
Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева

Научный руководитель –
кандидат философских наук, доцент
Никитина А.В.

Аннотация. Инстаграм как часть дигитальной и «образной» революции стал агентом социальных изменений в современной модной индустрии. В статье описывается, как модная индустрия лишилась эксклюзивности и каким образом сэлфи стали частью моды.

Ключевые слова: инстаграм, модная индустрия, мода.

INSTAGRAM AND FASHION INDUSTRY

Ivanova Tatyana

Abstract. Instagram as part of the digital and “imaginative” revolution has become an agent of social change in the modern fashion industry. The article describes how the fashion industry lost its exclusivity and how selfies became a part of fashion.

Keywords: instagram, fashion industry, fashion.

Лев Манович в своей последней книге обращается к термину «Инстаграмизм», чтобы показать его как особое эстетическое направление, которое заключается в обмене фотографиями в социальной сети. Инстаграм реализует свой эстетический потенциал через профили популярных блогеров, которые являются уже не просто личностями, но в большей степени образами-товарами, основанными на технологиях. Именно технология сегодня меняет мир. Д. Джослит отмечает, что «образы никогда не

множились в таком масштабе и никогда не путешествовали с такой скоростью, как сегодня» [1, 32]. Также автор выделяет такой термин как «эмерджентный образ», который им определяется как динамическая форма, возникающая в ходе циркуляции. Инстаграм сегодня одна из стратегий циркуляции образов.

Поле исследования – международная сфера модной индустрии. В России и Чувашской республике модная индустрия развивается не так стремительно, как это происходит в европейском или американском контексте [2].

Рассмотрим, прежде всего, термины: инстаграм – «приложение для обмена фотографиями и видеозаписями с элементами социальной сети, позволяющее снимать фотографии и видео, применять к ним фильтры, а также распространять их через свой сервис и ряд других социальных сетей» – так себя определяет сама социальная сеть.

Инстаграм успешно интегрирует миллионы активных пользователей с разным опытом и интересами в динамичную и глобальную сеть граждан, которые разделяют ценность красоты. Инстаграм успешен в силу своей визуальности и способности создавать легкие креативные образы. Фото и видео стали ключевыми социальными валютами.

В этих условиях меняется структуры, связанные с образами. В частности, мы рассмотрим, как инстаграм и вообще инстаграм-культура изменяет моду.

Прежде всего, отчасти изменилась структура индустрии. С одной стороны, Инстаграм можно воспринять как избыточность моды. Посредством технологий, предлагаемых этой сетью, устраиваются онлайн-показы мод, простой зритель может проникнуть за кулисы показа, ведь одной из стратегий продвижения бренда стала модель с телефоном в руках. Она показывает внутреннее мира моды, но тщательно отобранное, чтобы не выбиваться за пределы образа. Индивидуальность модели становится частью бренда. Каждый дом мод представлен в Инстаграме со своей отличительной образной политикой и рядом звезд. С другой стороны, упростился поиск трендов – если раньше данные о них могли передаваться через инсайдеров, то сейчас инстаграм предлагает гораздо более простые способы. Дизайнер Маниш Малхотра вспоминает те времена, когда показ мод был событием, в котором участвовали только избранные. Это был клуб, который процветал на эксклюзивности. Но сегодня, благодаря цифровой революции, каждый смартфон – это витрина, каждый пост – билет в клуб, и каждый хештэг приглашает на вечеринку. Сегодня бренд, отмечает Малхотра, - это только клик. Дигитальное медиа – это революция в витринном показе. Часть дизайнеров недовольна этими изменениями, поскольку Инстаграм по их

мнению превращает моду в цирк. «Раньше единственными людьми, которые были в курсе того, что я демонстрировал, были те, кто присутствовал на шоу или наткнулся на него в газетах на следующий день. Сегодня у всех есть первые места на моих шоу».

Особое влияние на современную культуру и моду в том числе оказывает «селфи» – фотография, чаще всего сделанная фронтальной камерой, которая представляет образ личности, автопортрет. Поскольку селфи чаще всего выполняется с расстояния вытянутой руки, держащей аппарат, изображение на фото имеет характерный ракурс и композицию – под углом, чуть выше или ниже головы.

Фотография типа «селфи» выдвинула новые проблемы перед модой. Политика индентичности, глобальные стандарты красоты, доминирование «белокожести» и т.д. В новом мире технологий и «обществе спектакля» феминистическая концепция мужского взгляда сменяется саморефлексивным машинным взглядом. Сэлфи – искусственный автопортрет. Мы редактируем свои фотографии сообразно той моде и той степени ироничности, которую диктует современная модная индустрия. От мнимого здорового образа, без морщин и проблем с кожей сегодня мода переходит на реалистичность. Это связано в большей степени с феминистическим движением, которое сегодня оказывает большое влияние на модную индустрию.

Это явление обыгрывается и в искусстве. Так, Синди Шерман, вдохновленная цифровой культурой создает ироничные сэлфи в маске клоунов с намеком на истинную природу сэлфи. Одна из последних серий Синди Шерман, созданная в 2008, посвящена вопросам пола, красоты, опыта и старения. Каждая из героинь серии несёт отпечатки представлений о гламуре и социальной иерархии, имидже и статусе. Каждая фотография сопровождается подписями, имитирующими плоские философские сентенции под сэлфи.

Сэлфи также связано с рынком «влиятельных лиц» - это популярными профилями, которые составляют брендинговое поле модной индустрии. Глянцевое изображение идеального представления женственности формирует в обществе потребления жертвенники, где поклоняются молодым и здоровым телам.

Другим направлением изменений стало открытие обратной связи. Это формирует новый уровень прозрачности и ожиданий. Если что-то не нравится публике, то она ответит волной критики. В общем, это характерно любым медиа, но часто связано с Инстаграмом, т.к. визуальный образ подчас оказывается более убедительным и показательным.

Повышение осведомленности формирует пространство диалога. Когда дизайнер Марс Jacobs украсил белокожих моделей дредами для своего показа, сообщество Инстаграма внесло свой вклад в диалог о культурной апроприации. Это заставило дизайнера изменить свои взгляды о присвоении культурных элементов. Даже само начало движения культурной апроприации было связано с визуальной революцией и повышением идентичности в связи с развитием новых медиа.

Сообщество Инстаграма не только заявило новые темы, но и в, сущности, потребовало от модной индустрии изменений в политике выбора моделей. Требование культурного многообразия привело к появлению на подиумах представителей разных рас. Сейчас же идет тенденция к изменению параметров красоты. На подиумах часто выступают девушки и мужчины нестандартных размеров.

Таким образом, Инстаграм стал агентом социальных изменений в мире модной индустрии и спровоцировал движение к коммуникации с публикой и разрушению эксклюзивности в мире моды.

Литература

1. Джослит Д. После искусства. – М.: V-A-C press, 2017. – 144 с.
2. Никитина А.В. Культурные индустрии В Чувашской Республике // Никоновские чтения: сборник научных статей. Чебоксары: Чуваш.гос.пед.ун-т, 2017. – С. 82-85.

ДИСКУССИОННЫЙ КИНОКЛУБ КАК ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ (ИЗ ОПЫТА КЛУБА «POLYGON.DOC»)

Кузьмин Михаил Кронинович

студент 2 курса магистерской программы
«Теория и история культуры»
факультета чувашской и русской филологии,
Чувашский государственный педагогический
университет им. И.Я. Яковлева

Аннотация. В статье представлен некий культурологический «портрет» современной дискуссионной киноплощадки из непосредственного опыта клуба «Polygon.doc».

Ключевые слова: дискуссионный киноклуб, кино, «Polygon.doc»

FILM DISCUSSION CLUB AS A CULTURAL SPACE (FROM THE EXPERIENCE OF THE CLUB “POLYGON.DOC”)

Kuzmin Mikhail

Abstract. The article presents a culturological “portrait” of a modern discussion film platform from the direct experience of the club “Polygon.doc”.

Keywords: film discussion club, cinema, “Polygon.doc”

Говорить о том, что сегодня в России хорошо развит формат дискуссионного киноклуба, было бы не совсем верно, как, впрочем, и утверждать обратное. В Москве, Санкт-Петербурге, Перми, Ярославле, Владимире и других городах сегодня с переменным успехом существуют практики открытого показа и обсуждения актуального кино. В целом, несмотря на региональную специфику, они очень похожи по формату и содержанию, а также по общему вектору развития.

В данной статье, опираясь на опыт создания в Чебоксарах клуба «Polygon.doc» и на опыт коллег, с которыми мне довелось общаться в рамках мастерской для лидеров региональных киноклубов Гильдии неигрового кино

и телевидения [1], попытаюсь составить некий *культурологический «портрет»* современной *дискуссионной киноплощадки*.

Среди практиков и теоретиков-киноведов нет единого мнения о той роли, которую сегодня выполняют киноклубы. Часть экспертов полагает, что клубы имеют прежде всего функции эстетические и воспитательные, часть – считает, что просветительские и образовательные, часть – психотерапевтические.

Одним из первых по этому вопросу высказался В.А. Монастырский в своей статье «Киноклуб как форма социокультурной самозащиты» в 1996 году. Размышляя о нелегкой истории тамбовского киноклуба «Контакт» и перечисляя основные вехи развития киноклубного движения в стране, он заявил, что это объединение по интересам имеет не только эстетическое значение, но и социально-культурное. «...Есть категория людей, вполне благополучных, хорошо образованных, отличающихся достаточно высоким духовным потенциалом, чьи интересы нуждаются в особом рода защите – социокультурной, ибо они оказались в ситуации прогрессирующего сужения культурного пространства...» [2, с. 102], и в условиях дефицита высокого искусства эта часть социума в киноклубах ищет поддержки, можно сказать «подпитки» культурой, в «сообществе близких по духу людей» [2, с. 103].

С последним утверждением невозможно не согласиться. Киноклубы, спустя двадцать-тридцать лет, остаются способом объединения и организации заинтересованных, активных и равнодушных горожан. Однако, как нам представляется, аудитория сильно изменилась за этот период. Прежде, в условиях «дефицита» культурной атмосферы (В.А. Монастырский пишет об отсутствии газет, возможностей выехать за границу за новыми впечатлениями, недостаточной технической оснащенности, проблемах с доступом к высокохудожественному кино) киноклуб действительно выполнял эстетические и социально-культурные функции, служил местом консолидирования интеллигенции, ностальгирующей по высокому искусству, и способом бегства от жестокой реальности. Спустя время кинодискуссионные площадки перестали быть пространством объединения исключительно элиты. Напротив, в большинстве своем они приобщают к новым и актуальным практикам культуры горожан вне зависимости от их убеждений, взглядов, уровня образования. Открытый для всех формат позволяет киноклубам не только выполнять социально-культурную *защитную* функцию, но и функцию *формирования и развития гражданского общества*. С 2000-х гг. киноклубы перестали быть бастионами, «башнями из слоновой кости» и, без преувеличения, начали содействовать развитию ответственного, самостоятельно мыслящего

гражданина, который, осознанно или неосознанно, направляет свои силы на преобразование себя и окружающей действительности. В этом и заключается, на наш взгляд, наиважнейшая функция кино клубов – «разбудить» «спящих» горожан, менять их отношение к себе, к другим, к месту, к реальности.

Еще одна особенность: современные кинодискуссионные площадки концентрируют в основном внимание не на признанных фильмах, а на актуальном, проблемном кино, прежде всего – документальном. Неигровые фильмы – это то пространство, в котором современный зритель ориентируется не так спокойно, как в художественном: они требуют большей отдачи, терпения, труда, полного погружения. Качественная документалистика злободневна, остра, она ставит перед зрителем трудные задачи – не просто осмыслить актуальную проблему, но, возможно, сформировать отношение к ней и даже найти способ ее решения, хотя бы на личном уровне. Именно поэтому для проекта «Polygon.doc» мы отбираем фильмы с острой социально-культурной повесткой: состояние экологии, проблемы городов, волонтерство и активизм, деятельность зоозащитников, смерть деревень и затухание национальных языков, жизнь инвалидов и многое другое.

Очень важно, что кино клубы – это места не только показа кино, но его обсуждения. Сюда зрители приходят не как немые свидетели, а как *деятельные участники*. Они получают возможность переживать и сопереживать, а также делиться с другими своими мыслями вслух и открыто. Иногда это очень *травматичный опыт* для участников клубов, и, несомненно, важнейшую роль здесь должен выполнять *модератор* дискуссии. Насколько умело и грамотно он будет выводить аудиторию на непростой разговор, на что обратит внимание, какие векторы заложит в беседу – от этого будет зависеть результат.

Одним из ярких примеров живой кинодискуссионной площадки в этом смысле является клуб Елены Погребижской в Центре толерантности (Москва). Отстаивая идею психотерапевтического воздействия кино клуба, она говорит следующее: «Мы говорим с людьми о них самих. И это та причина, которая их приводит и удерживает в нашем кино клубе. Если мы смотрим фильм о патриотизме, мы говорим в кино клубе о том, кто из нас патриот, а кто нет, почему и на что мы готовы ради своих убеждений. Если мы смотрим фильм о семье, мы обсуждаем свои собственные семьи и кем мы выросли в этой среде» [1, с. 8]. Это утверждение представляется очень точным: обсуждение фильма в документальном кино клубе – это в меньшей степени беседа о его художественных особенностях и в большей – о тех

проблемах, которые затронуты в кино. Такой подход представляется наиболее оптимальным, если мы говорим о кинодискуссии, главной целью которой является «пробуждение» «спящих» граждан.

В киноклубе «Polygon.doc» зрителей привлекает и то, что можно пообщаться с создателями кино здесь и сейчас. Для этого мы в рамках проекта организовываем *живые и скайп-встречи* с режиссерами, продюсерами и операторами. Так, фильм «Доктор Лиза» мы обсуждали с Еленой Погребижской, «Геннадий Айги» – с Мариной Разбежкиной, «Волонтеры. Игра с огнем» – с Марией Мускевич, «Код города» – с Анной Селяниной, «Резунс» – с Алин Зутер, «Последний лимузин» – с Евгением Курбатовым. Надо отметить, что в присутствии автора «градус напряжения» дискуссии сильно снижается. Зрителей интересуют детали и подробности создания фильма и история его проката, проблематика фильма зачастую остается на втором плане, и это представляется нам большим минусом.

Таковы, на наш взгляд, самые общие черты в культурологическом «портрете» дискуссионного киноклуба. Он, как мы считаем, является и должен быть сегодня способом для людей не сбежать в иллюзорный мир, а напротив – прикоснуться к самым острым и «больным» сторонам жизни, учиться принимать ответственные решения, быть частью гражданского общества.

Для «пробуждения» «спящих» требуется время, поскольку любой проект в культуре долгосрочен и его результаты можно ощутить лишь через годы, а то и десятки лет. К сожалению, по разным причинам российские киноклубы долго не живут. Так, в ближайшее время «Polygon.doc» Чебоксар может прекратить свое существование из-за невозможности проводить кинопоказы и дискуссии в культурном центре «Полигон», который муниципалитет намерен закрыть, и это – не единственный пример в стране. Кроме проблем на местах, ситуацию с киноклубами в России могут кардинально изменить принятые недавно поправки в законодательство о кинематографии. Возможно, в этих условиях все острее ощущаемого дефицита культуры для всех «разбуженных» вновь станет актуальной не гражданско-созидательная, а *защитная* функция киноклубов, о которой размышлял В.А. Монастырский в 1990-х гг., и спустя несколько лет мы будем вынуждены составлять иной «портрет» кинодискуссионных площадок.

Литература

1. Мой киноклуб: практическое пособие для руководителей киноклубных дискуссионных площадок / сост. М. Мускевич [Электронный

ресурс]. – Режим доступа:
http://rgdoc.ru/upload/medialibrary/f7c/Methodicka_Dok_Film.pdf

2. Монастырский В. А. Киноклуб как форма социокультурной самозащиты / В. А. Монастырский // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 1996. № 1. С. 101–103.

УДК 398.831

СТЕРЕОТИПЫ ГЕНДЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РУССКОЙ КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНЕ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Кузнецова Мария Егвеньевна

студентка 2 курса по направлению
51.03.01. Культурология,
профиль «Теория культуры»
ФГБОУ ВО «Самарский государственный
институт культуры»

Аннотация: В данной работе рассматривается статус жанра детского фольклора - колыбельная песня. Приводятся определение и функции колыбельной песни. Определено понятие гендерные стереотипы и их актуальность в современном обществе. Представлен гендерный сравнительно-типологический анализ русских колыбельных песен на наличие в них гендерных установок. Приводятся результаты гендерного социологического опроса, целями которого являются, определение популярности колыбельной песни при воспитании ребенка среди современных родителей, предпочтения вида колыбельной песни между традиционной и авторско-исполнительской и др. аспекты.

Ключевые слова: колыбельная песня, гендерные стереотипы, гендер, традиционное общество, современное общество, фольклор.

STEREOTYPES OF GENDER BEHAVIOR IN THE RUSSIAN LULLABY: TRADITIONS AND MODERNITY

M.E. Kuznetsova

Abstract. In this paper, the status of the genre of children's folklore is considered - a lullaby song. The definition and functions of a lullaby song are given. The notion of gender

stereotypes and their relevance in modern society is defined. A gender comparative-typological analysis of Russian lullabies is presented for the presence of gender attitudes in them. The results of a gender-based sociological survey are presented, the goals of which are to determine the popularity of a lullaby song in the upbringing of a child among modern parents, the preference for a kind of lullaby between traditional and authoritative, and other aspects.

Keywords: lullaby song, gender stereotypes, gender, traditional society, modern society, folklore.

В эпоху глобализации общество все больше проявляется тенденция к поддержанию собственной национальной культуры. Поиск традиционных ценностей, идеалов начинается с рассмотрения фольклорного наследия.

Наше исследование основано на сравнительном гендерном анализе русской традиционной и авторско-исполнительской колыбельных песен. Колыбельная особый жанр фольклора. Несмотря на определённую трансформацию художественных текстов и музыки, колыбельная не потеряла своего первоначального значения в воспитании ребенка. Детский фольклор содержит основы традиционной культуры.

Колыбельная песня передаёт уклад бытовой жизни людей, их традиции. Она включает в себе весь мировоззренческий комплекс представлений о своем адресате – младенце. Именно в колыбельной закладываются основы восприятия мира ребенком, она передает стереотипы поведения, гендерные различия, устройство общества, окружающей среды, религиозные мировоззрения. Песня представляет собой простенькое повествование, которое состоит из небольших картинок, произвольно связанных между собой.

Жанр колыбельной песни привлекает внимание исследователей различных гуманитарных областей. Фольклористы и этнографы В.П. Аникин [1], Г.С. Виноградов, О.И. Капица [6], А.Н. Мартынова, А.Н. Мартынова, Н.М. Элиаш занимались собиранием колыбельных песен, разработкой типологий, определением функций, изучением происхождения колыбельной. Педагоги Л.В. Демин, И.С. Карабулатова [7], М.Н. Мельников в рамках направления этнопедагогика изучали педагогическую и воспитательную функции колыбельной, способы её влияние на ребенка и его мировоззрение. Филологи и лингвисты П.М. Бердников, Н.И. Русецкая выделили ключевые концепты колыбельной песни, изучение также содержит культурологическую направленность. Ханойские филологи Динь Тхи Тху Хуэн и Чинь То На исследователи изучали лексические, морфологические, структурные, синтаксические, культурологические особенности колыбельных песен.

Культурологическими исследованиями традиционного фольклора в современном обществе и значением традиции в культуре занимались Л.Ю. Егле [2], Е.А. Каменская [5] и многие другие. Так культурологические исследования колыбельных песен проводил В.В. Головин, рассматривая каждый аспект колыбельной в связи с традиционной культурой. Культуролог Н.А. Подчередниченко [8] рассматривала детский музыкальный фольклор с целью изучения культуры детства, отражения мира ребенка в культуре, этнокультурного смысла детских традиций на примере колыбельной. Однако немногие обращали свое внимание на гендерные стереотипы в колыбельных песнях. Д.М. Мухамадиева в своей научной работе «Коммуникативное пространство в традиционной колыбельной песне», затронула данный аспект на примере казахских народных песен.

Анализом гендерных стереотипов поведения в традиционной культуре и фольклоре занимались психолог Е.И. Замфир, историк А.И. Макарова, филолог Н.С. Шушанян, этнограф С.Е. Сэрпиво [9].

Колыбельная песня – это жанр народного детского и материнского фольклора, выполняющий различные функции: когнитивная, коммуникативная, педагогическая, функция самоидентификации, эстетическая, обрядовая.

Рассмотрим функции колыбельной поподробнее:

Когнитивная функция - воздействие на ребёнка с целью его успокоения и дальнейшего погружения в сон. Равномерное и монотонное пение и покачивание малыша способствует быстрому засыпанию.

Коммуникативная функция - в ходе исполнении песни между ребенком и исполнителем устанавливается тесная взаимосвязь при помощи психофизиологических реакций.

Педагогическая функция - колыбельная песня способствует оформлению первой коммуникативной системы простейших знаков, которые могут понимать и различать родители и близкие малыша. Она развивает навыки речи, знакомит с названиями предметов.

Функция самоидентификации - ребенок познает свою этническую идентичность, соприкасаясь с архетипами национальной культуры. Слушая колыбельную, он получает совокупный метод его далеких предков, самостоятельно переживая всю историю человечества.

Эстетическая функция - колыбельная неотделима от красоты, она развивает эстетические чувства, а тем самым совесть, сердечность и другие нравственные идеалы.

Гендер, несомненно, один из важных факторов в жизни человека. Определение понятия «гендер» звучит, таким образом, это социальный пол,

определяющий деятельность человека в социуме и то, как эта деятельность воспринимается. Гендер также является частью культуры, которая меняется вместе с ней и входит в процесс развития социума. «Проблемы гендерного равенства и справедливости, преодоления дискриминационных гендерных стереотипов относятся к числу наиболее актуальных в современном обществе»[3, с. 159].

Гендерные стереотипы поведения – это сформированная в обществе и культуре тенденция к присваиванию индивиду наиболее типичных качеств и характеристик, присущих «мужскому» и «женскому» поведению. Установки «мужественности» и «женственности» это представления, о том какими именно психологическими и поведенческими свойствами мужчины и женщины обладают [10, с.2]. Гендерные установки являются частью традиционной культуры, поскольку фольклор формируется под влиянием общества его ценностей и норм.

В традиционной колыбельной песне можно встретить гендерный стереотип поведения по содержанию мужской и женской деятельности. Например, мальчик должен заниматься добычей пищи, в данном контексте рыболовством: «Будешь бегать и ходить, будешь рыбацку ловить». Существуют другие варианты: «станешь пашенку пахать», «будешь лес рубить». Такие же гендерные установки можно найти в колыбельной: «А баю-баю-баю, дед пошел за рыбою, бабушка коров доить, ну отец – дрова рубить». Мать воспитывает дитя, бабушка ведет домашнее хозяйство, дед заботится о пище, отец занимается довольно тяжелой работой.

Мужчина и женщина должны были выполнять разную по сложности работу. Мужчина пропахивать землю и готовить позоьмо к посеву, женщина заботиться о сборе корма для домашних животных. Пример: «Папе надо паренька, да на полоску пахарька, а маме надо девушку, на полоску жнеюшку да на лужок грабеюшку».

В колыбельной песне «Бай, да побай, ты живи, не умирай» можно найти такие строки: «Уродилась девушка, будешь белошвеюшка, будешь белошвеюшка, прялки попрядеюшка» и «Уродился паренек, в чистом поле пахарек, будешь пашенку пахать, огородку городить, на озерушках ловить». Колыбельная передаёт информацию о традиционных хозяйственных занятиях мужчин и женщин в русской крестьянской среде.

Женщина должна заниматься домашним хозяйством, воспитывать детей. Проявление этих установок содержится в колыбельной «Татары шли, ковылку жгли»: «И дал он ей три дела делать – вот глазками гусей стеречь, а ручками – ковыль травку прясть, а ножками – дитя качать».

Мать воспитывала в сыне помощника по хозяйству и кормильца семьи. Он должен был уметь работать в поле, ловить рыбу, пилить дрова, чтобы стать хорошим хозяином дома. Пример: «Я повырощу тебя, да повозрощу молодца, да во чист поле севца. Да во озёрышко ловца, на гумешко молотить да под окошком дров пилить».

Колыбельная песня несёт в себе обрядовые функции, которые содержат гендерные установки. «Баюшки, баю! Не ложися на краю. Заутро мороз, А тебя на погост! Дедушка придёт, гробок принесёт, бабушка придёт, холстинки принесёт. Матушка придёт, голосочек проведёт, батюшка придёт, на погост отнесёт. Баюшки, баю, колотушек надаю». Эта колыбельная напевалась для защиты ребёнка от злых духов. В колыбельной четко просматриваются гендерные установки. Дедушка, обладал мастерством по изготовлению гроба, старые люди могли заранее заготовливать гроб, чувствуя приближение смерти. Бабушка являлась проводницей между живым и мёртвым миром, её обязанностью было изготовить саван из нитей, символом пути. Матушка представительница женского пола обладает сердечностью и чувствительностью. Батюшка проявляет мужскую силу и сдержанность.

Ребенка мальчика также могла ждать судьба не деревенского крестьянина, а солдата. Пример: «Федя маленький, во солдатушки пойдешь - ровно к маменьке».

Как правило, семья в традиционном обществе большая и девочка постарше уже с ранних лет должна была помогать родителям в воспитании младших детей. Пример: «Отец пошел за рыбою. Мать пошла коров доить, брат пошёл верёвки вить, сестра пошла пелёнки мыть».

Молодая девушка обязательно должна выйти замуж, а будущий муж стать ей опорой и хозяином дома. Поэтому у девушки должно быть приданое, соответствующее ее социальному положению. Данная установка проявляется в колыбельной «Иванушка-сокол вылетал высоко»: «Я ширинку шью, Макаринку шью, женихи во дворе, скоро в избу войдут, Марусю уведут».

Мужчина был главой большой, по преимуществу многодетной семьи, его обязанность состояла в том, чтобы прокормить своих детей. Пример: «Живёт мужик на краю. Он не беден, не богат, у него много ребят. Все по лавочкам сидят, кашку масляну едят».

Ещё одна гендерная установка состоит во мнении о присутствии в мужчине такого качества, как щедрость. Мальчик, когда вырастет должен не скупиться на подарки своим воспитательницам. Пример: «Вырастешь велик,

будешь в золоте ходить, нянюшке, мамочке обновочки дарить, красным девицам по ленточке».

Муж являлся хозяином дома, жена хранительница домашнего очага: «Зайдик Семену на двор. Семенова жена платишечко дала. К Алексею на двор. Алексеева жена, она богатая была, она платьице дала». Женщина обязана встречать дорогих гостей, угощать их и давать подарки, тогда в её доме будет мир и покой.

Часто в колыбельных использовался образ материнства – Богородица. Святая Мария является символом жизни, святости, вечности и всепобеждающей любви. Культ почитания матери, как главы рода и охранительницы, сохраняется во многих культурах до настоящего времени [4, с.36]. Пример: «Богородица Мария, уложи дитя скорее на всю тёмную ночь, на весь белый день»

По другой гендерной установке женщина должна быть красивой и ухоженной. Достаточно много колыбельных посвящено красоте русской женщины (волос, лица, одежды и т. д.). Примеры: «Расти кудри по часам, чтобы русые кудерышки», «Да угомон ее возьмет. Баю-баиньки-баю раскрасавицу мою».

На сегодняшний день колыбельная практически утратила механизмы трансляции гендерных стереотипов, содержащихся в традиционной колыбельной песне. Авторско-исполнительская колыбельная больше направлена на развитие абстрактного мышления. Существует несколько колыбельных, содержащих гендерные установки поведения. Например, в колыбельной песне М. Исаковского «Сыночку» автор уверен, что мальчик, когда вырастет, вылетит из родного гнезда для выбора собственного жизненного пути («Быстро промчатся года, ты улетишь из гнезда»). В другой колыбельной Г.Гладков «Доченька», дает наставление девочке, быть красивой и умной («Будь красива и умна, будь красива и нежна»).

В марте 2018 года нами был проведён социологический опрос, направленный на определение популярности колыбельной песни при воспитании ребенка среди современных родителей. Благодаря опросу нам удалось выявить информацию о том, какую роль играет традиционная колыбельная песня в современной культуре воспитания, какой вид колыбельной песни предпочитают исполнять современные родители своим детям: традиционные или авторско-исполнительские. Было выявлено, что более 90% опрошенных респондентов поют или пели колыбельные своим детям. Из них более 80% предпочитают использовать в повседневной культуре семейного воспитания традиционную колыбельную песню. Репертуар колыбельных не широкий, обычно поются песни про волчка и

кота: «Баю баюшки баю, не ложися на краю, придет серенький волчок», «Аи да серые коты. Принесите дремоты». Практически 90% респондентов не замечали в колыбельных наличия гендерных установок, хотя в ходе социологического опроса 80% респондентов оказались не против присутствия их присутствия и в современной авторско-исполнительской песне.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что традиционная русская колыбельная песня являлась одним из первых факторов формирования стереотипов гендерного поведения русского человека, которые закладывались с первых лет его жизни. Опираясь на свой жизненный опыт, родители очерчивали в колыбельной будущее девочки или мальчика. С помощью колыбельной устанавливалась модель хозяйственной и трудовой деятельности мужчины и женщины, обозначались психологические характеристики, свойственные им.

Современная русская колыбельная песня практически утратила, заложенные ней стереотипы гендерного поведения. Колыбельная песня как жанр фольклора, сохранив свою функциональность, утратила некоторые способы воздействия на ребёнка.

Литература

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство просвещения РСФСР, 1957. 239 с.

2. Егле Л.Ю. Музыкальный фольклор в контексте современной культуры Сибири [Электронный ресурс] // Человек и наука : [сайт]. [2005]. URL: <http://cheloveknauka.com/muzykalnyy-folklor-v-kontekste-sovremennoy-kultury-sibiri> (дата обращения 08.04.2018).

3. Зайцева И.А. Пол и гендер как социальные конструкты культурных преобразований: интриги, соблазны и табу эмансипирующей культуры // Модернизация культуры: от культурной политики к власти культуры: материалы IV Международ. науч.-практич. конфер. [под редакцией С.В. Соловьевой, В.И. Ионесова, Л.М. Артамоновой]. Самара, Изд-во Самар. госуд. ин-та кул.-ры., 2016. С. 158-162.

4. Зайцева И.А., Самсонова И.В. Трансформация образов материнства в русском изобразительном искусстве / Научный поиск. 2014. № 2.6. С. 36-38.

5. Каминская Е.А. Традиционный фольклор: культурные смыслы. Современное состояние и проблемы актуализации [Электронный ресурс] // Челябинский государственный институт культуры: [сайт]. [2016]. URL:

http://chgik.ru/sites/default/files/dissovet01_kaminskaya_diss.pdf(дата обращения 08.04.2018).

6. Капица О.И. Детский фольклор. СПб.: Печатный двор, 1928. 213 с.

7. Карабулатова И.С., Демина Л.В. Колыбельные песни Тюмени. Тюмень: Экспресс, 2004. 160 с.

8. Подчередниченко Н.А. Этнокультурные смыслы детских музыкальных традиций (на примере колыбельной) [Электронный ресурс] // КиберЛенинка: электронная библиотека. 2013. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-smysly-detskih-muzykalnyh-traditsiy-na-primere-kolybelnyh> (дата обращения 25.03.2018).

9. Серпиво С.Е. Гендерные стереотипы в традиционной культуре ненцев [Электронный ресурс] // КиберЛенинка: электронная библиотека. 2017. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/gendernye-stereotipy-v-traditsionnoy-kulture-ntsej> (дата обращения 23.03.2018).

10. Шушанян Н.С. Гендерный стереотип в фольклоре как отражение менталитета народа (на примере былины) [Электронный ресурс] // КиберЛенинка: электронная библиотека. 2013. URL:<https://cyberleninka.ru/article/n/gendernyy-stereotip-v-folklore-kak-otrazhenie-mentaliteta-naroda-na-primere-byliny>

УДК 1:316.28

ПРОБЛЕМА КОММУНИКАЦИЙ В ВЕК КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Курносова Д.А.

студент 1 курса магистерской программы
«Теория и история литературы»
факультета чувашской и русской филологии
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева,
г. Чебоксары

Научный руководитель –
кандидат филологических наук, доцент
Бычкова О.А.

Аннотация. Статья посвящена влиянию коммуникаций на процесс образования в современном мире и на решение коммуникаций между

учеником и учителем в современной школе. В статье рассматриваются пути и методы решения рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: коммуникации, информатизация, горизонтальные коммуникации, достоверная информация, коммуникационные технологии.

THE PROBLEM OF COMMUNICATION IN THE AGE OF COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Kurnosova D.A.

Abstract. The article is devoted to the influence of communications on the education process in the modern world and on the solution of communications between a student and a teacher in a modern school. The article discusses the ways and methods of solving the problem.

Keywords: communications, informatization, horizontal communications, reliable information, communication technologies.

Актуальность исследуемой проблемы. 21 век – век новых технологий и компьютеризации общества. В современном информационном обществе базисом развития социума являются информационные процессы, в которых широко используются информационно-коммуникационные технологии. (Под информационными и коммуникационными технологиями понимают комплекс объектов, действий и правил, связанных с подготовкой, переработкой и доставкой информации при персональной, массовой и производственной коммуникации, а также все технологии и отрасли, обеспечивающие перечисленные процессы. (4)) Внедрение данных технологий практически во все сферы деятельности человека дало возможность развитию глобального процесса информатизации. Именно этот процесс стал отправным пунктом в развитии информатизации образования, а также важнейшим условием реорганизации и модернизации системы российского образования, так как именно в сфере образования подготавливаются и воспитываются те люди, которые не только формируют новую информационную среду общества, но которым предстоит самим жить и работать в этой новой среде. Именно поэтому данная тематика актуальна сегодня.

Материал и методика исследований. Был проведен теоретический анализ педагогической и психологической литературы в аспекте изучаемой проблемы.

Результаты исследований и их обсуждение. И педагоги, и общество в целом разделились на 2 лагеря- одни поддерживают дух времени и стремятся

вводить все больше современных технологий в процессы обучения школьников, другие полностью отрицают компьютеризацию, как инновацию в образовании.

Сторонники процесса информатизации аргументируют его благо тем, что информатизация, будучи сама инновационным процессом, способствует появлению и внедрению других инноваций (появление и внедрение новых методик обучения), кроме того, она вызывает потребность в информации (объемы которой возрастают), а, следовательно, приводит к увеличению познавательной активности. Изменения отношений «учитель-ученик» и перевод их на качественно более высокий уровень с изменением статуса «ученика», становящегося субъектом этих отношений, и выступлением в роли объекта информации.

Основными же доводами противников являются: увеличение расслоения общества вследствие различных возможностей (как материальных, так и физических) отдельных его членов по использованию результатов процессов информатизации, уход от фундаментальных знаний в обучении и использование лишь последних достижений, появление и развитие функциональной непригодности вследствие изучения больших объемов информации и усвоения малого объема знаний (то есть получения специалиста знающего много, но не умеющего ничего. (2)

Критики информатизации (Ф. Кумбс, Д. Уэбстер) указывают, что в результате доступа к информации посредственность становится ведущей в образовательном процессе. Информатизация усиливает достиженческий эффект образования, создает условия, при которых индивиды, имеющие худшие стартовые условия, могут соревноваться с теми, кто имеет качественный стартовый образовательный уровень. Информатизация рассчитана на «средний ум», не склонный к инновационному развитию и применению особых усилий, чтобы достигнуть приемлемого старта информированности. Происходит и девальвация фундаментальных дисциплин: информатизация предпочитает «конечный результат», не зависит от уровня познавательной активности индивида. (1)

Как говорилось ранее, процесс информатизации – это важнейшее условие реорганизации и модернизации системы российского образования, следовательно, проблема информационно-коммуникационных технологий актуальна и для школ. В телепередаче «Агора. Российское среднее образование. Инновации, традиции, перспектива. Эфир от 25.11.2017» Любовь Николаевна Духанина, заместитель председателя комитета по образованию и науке в Государственной Думе Российской Федерации сказала: «Темп изменения изменений на столько высок, что существующая

система управления в образовании не успевает за этим темпом. Механизмом, который позволяет компенсировать это, является закон об образовании и действующие новые федеральные стандарты, которые дают большое пространство для свободы образовательной организации. Но учитель по-прежнему старается увидеть единый учебник и единую программу, чтобы при определенных проверках к нему не было претензий. Действительно претензий не будет, но и не будет удовлетворенности у родителей и работодателей уровнем такой подготовки ребенка. Сегодня мы должны учить тому, что не знаем, ни учителя, ни родители, ни ребенок. Нам нужен объем фундаментальных знаний в основных областях и большой объем компетенций, который часто называют «мягкие компетенции» - умение работать с информацией, умение взаимодействовать, создавать коллективы. У нас проблема с выращиванием великих конструкторов, великих руководителей производства.» Обозначим эту проблему как: проблема коммуникаций в век коммуникационных технологий и рассмотрим ее на примере предмета литература.

На уроке литературы традиционно посредством изучения классической литературы и на примерах героев книг в учениках закладываются моральные установки, восприятие мира и общества.

Современная проблема образования: воспитание культуры человека, воспитание мировоззрения. В наше время доступ к знаниям (через интернет) обесценился, но это не помогает образованию. Страдает воспитание мировоззрения. Существующий поток информации «замусорен» и человек должен уметь «фильтровать» его и этому его должен научить учитель. (3)

Однако урок литературы также учит и основам коммуникаций между учениками, преподавателем и учеником, учеником и окружающим миром. Современные технологии по-другому выстраивают организационные формы общения. Выстраиваются не вертикальные, а горизонтальные связи. В этих связях — чем сильнее авторитет учителя как человека — тем сильнее это будет притягивать учащихся. Самооценка учащихся увеличивается, когда преподаватель им говорит: «давайте сделаем это вместе». В википедии статью может править и двоечник, и профессор — и эта схема успешно работает. В сети все стоят у одной доски. (3)

Не стоит также забывать, что для ученика нравственным примером остается учитель. «Важно выстроить систему отношений между ребенком и учителем. Если между детьми и взрослыми не выстраивается система доверительных отношений, она может выстроиться только, если учитель внимательно и уважительно относится к детям, если он склонен и умеет наблюдать, и видеть возможности и ограничения каждого ребенка. Если мы

хотим, чтобы дети научились учиться, взаимодействовать учитель каждый день должен им демонстрировать это. У нас в школе не бывает ситуаций, когда учитель показывает, как он чего-то не умел, и вместе с детьми или на глазах у детей чему-то научился. Например, не умел работать с цифровыми технологиями, как я этому у детей научился. Жизнь в цифровом мире и дети в цифровом мире – это вызов для нас, для тех, кто пришел из мира нецифрового. И если мы не изменим свою позицию и не начнем учиться, то разрыв между нами и ими будет нарастать.», - отметила в интервью «Агора. Российское среднее образование. Инновации, традиции, перспектива. Эфир от 25.11.2017» Елена Игоревна Булин-Соколова директор частной школы «Хорошкола»

Интернет – принципиально новое средство массовой коммуникации, обладающий доступом к неограниченно большому объему информации. И не всегда ученик, который обращается к глобальной сети, может найти нужную, а главное правдивую информацию. Ученики, все чаще не глядя, копируют текст, увидев знакомое слово, они не хотят думать и рассуждать. Теряется смысл образования, как поиска и получения знаний.

Доступ к информации в интернете благо – но, как и всякая «халява» «разжижает» мозг. Возможно, интернет убивает интерес к обучению? Объемы информации возросли в сотни раз. Есть возможность посмотреть все шахматные партии за последние сто лет, но количество гроссмейстеров это не увеличивает. (3)

Учитель в этом процессе, как ментор и наставник, должен научить поиску нужного материала. Определенно, не стоит отрицать глобальную сеть, как место, где можно получить нужные знания. Кто ищет - тот всегда найдет! Осталось лишь научить молодежь «фильтровать информацию», а для этого преподаватели сами должны правильно пользоваться интернетом. Интернет источники не вызывают доверия у большинства, но в 21 веке в эпоху глобальной информатизации и компьютеризации образования нужно развиваться и идти вперед, оставаться преподавателем 20 века не позволительно учителю нового времени. Сегодня необходимо быть преподавателем нового типа! Обладать новыми компетенциями. Преподаватель должен сам уметь учиться, он должен уметь переносить свой язык на интернет.

Гибкость и мобильность - это характеристика не только общества в целом, это характеристика каждого процесса, происходящего в нашем мире. Образование и преподавательская деятельность не исключение. Преподаватель обязан обладать этими компетенциями, он обязан развиваться вместе с каждым новым поколением, которому передает знания.

Резюме. Следовательно, в век коммуникационных технологий:

1. Учитель должен адаптироваться к новым технологиям;
2. Обучением детей поиску достоверной информации в сети интернет должен заниматься учитель;
3. Коммуникации между учителем и учеником должны быть горизонтальными.

Литература

1. Гончаров, В.Н. Информатизация российского образования как форма социально-культурной деятельности / В.Н. Гончаров // *Фундаментальные исследования*. – 2011. – № 8-1. – С. 17-21.

2. Ростова Э.С. Информатизация образования: состояние и перспективы г. Челябинск [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/55954/1/klovsm_2008_03_57.pdf

3. Образование 2.0: тезисы конференции-выставки [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://habrahabr.ru/post/22502/>

4. Понятие об информационных и коммуникационных технологиях и их классификации [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <http://bukvi.ru/computer/ponyatie-ob-informacionnyx-i-kommunikacionnyx-technologiyax-i-ix-klassifikacii.html>

УДК 930.85

ФЕНОМЕН КУКОЛЬНОГО ДОМА В КУЛЬТУРЕ

Мутина Ольга Николаевна

студент 2 курса магистерской программы
«Теория и история культуры»
факультета чувашской и русской филологии
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева

Научный руководитель –
кандидат философских наук, доцент
Никитина А.В.

Аннотация. Кукольный дом является не только репрезентацией реального мира в миниатюре, но и отражением социальной структуры. Предназначение

кукольного дома иллюстрирует структуру социальных отношений. В статье рассматривается история изменения функций кукольного дома.

Ключевые слова: кукольный дом, функция, миниатюра, повседневность.

PHENOMENON OF THE DOLLHOUSE IN CULTURE

Mutina Olga

Abstract. The dollhouse is not only a representation of the real world in miniature, but also a reflection of the social structure. The purpose of the doll house illustrates the structure of social relations. The article is reviewed the history of changes in the functions of the doll house.

Keywords: doll house, function, miniature, routine life.

Кукольный дом – один из древних феноменов культуры. Миниатюрные дома, снабженные разнообразными миниатюрными предметами быта, миниатюрными фигурками людей встречаются уже в гробницах Древнего Египта. Одним из ярких примеров является гробница Мекетры (Среднее царство), в которой представлена миниатюрная скульптурная модель мира древнеегипетского вельможи. Однако уже в Древнем царстве в пирамидах быди найдены деревянные модели слуг, обстановки, лодок, домашнего скота и домашних животных. Очевидно, что эти миниатюры предназначались для обслуживания погребальных ритуалов и, скорее всего, являлись прообразами реальных предметов, которые должны были отразиться в посюстороннем мире.

В Европе миниатюрные кукольные дома появляются в XVI веке. Это были шкафы-витрины, в которые изображали отдельные комнаты. Кукольные домики этого периода демонстрировали идеальные интерьеры в комплекте с подробно выполненными мебелью и аксессуарами. Шкафы были построены вручную, украшены архитектурными деталями и были заполнены миниатюрными предметами домашнего обихода и предназначались исключительно для взрослых. Они были недоступны для детей. Такие кабинеты являлись своего рода трофейными коллекциями, которые принадлежали матронам, Голландии, Англии и Германии. Миниатюрные дома являлись в это время частью распространенной культуры коллекционирования. Позволить их себе могли только очень богатые и знатные сословия.

Самый первый из известных домиков для кукол был изготовлен немецким мастером для дочери герцога Баварии Альберта V. Это был роскошный четырехэтажный замок, который окружали причудливый фонтан и по-немецки аккуратный сад. Все детали были исполнены с потрясающей скрупулёзностью разными мастерами. К сожалению, этот шедевр сгорел при пожаре, сохранился лишь список обстановки и аксессуаров.

Самый большой кукольный дом находится в Англии. Он был сделан известным архитектором начала XX века Эдвином Лютенсом по заказу и был преподнесён в подарок королеве, которая любила миниатюры. Работа на домом размером больше двух метров растянулась на целых четыре года и объединил в себе усилия 500 мастеров. Подлинным было всё: и швейная машинка фирмы «Зингер», и настоящие духи «Вдова Клико», и «Роллс-Ройсы» – всё, конечно же, в сильно уменьшенном варианте. А Конан-Дойль специально для книжки миниатюрного размера написал короткий рассказ всего в пятьсот слов. Этот удивительный домик хранится сегодня в Виндзорском дворце.

Самый дорогой кукольный домик-замок спроектирован художницей Элейн Диль. Стоимость этого замка – 8,5 миллионов долларов. Проектирование и строительство этого дома заняло 14 лет. Идея создания у Элейн Диль возникла после прочтения баллады Альфреда Теннисона «Леди Шалот». «Жилой» дом оснащен не только всем необходимым, электричеством, водопроводом и канализацией, но в нем еще установлено более 30000 единиц эксклюзивной мини мебели, столовых предметов из серебра и золота, посуды, картин и много чего еще. Причем некоторые миниатюрные предметы во много раз превышают свою стоимость, если бы их сделали в полном, традиционном размере. Кукольный домик находится в частной коллекции.

Важно понимать, что помимо развлечения и украшения интерьера кукольные домики играли еще и важную практическую роль. Обставляя их, молодые девушки учились вести хозяйство – сервировать стол, размещать мебель, подбирать шторы и ковры, – ведь убранство домиков зачастую в точности повторяло обстановку реальных домов того времени. А по сохранившимся до наших дней экземплярам мы и сегодня можем глубже понять, какие предметы окружали человека в ту или иную эпоху.

Усложнение социальной структуры приводит и к тому, что кукольные дома начинают приобретать новые функции. Рассмотрим их подробнее.

«Свет в квартире погашен. Двери закрыты. По всему дому видны следы стрельбы – дыры от пуль в стенах. В кухне – лужи крови и оружие на полу. Из кухни в детскую комнату ведут кровавые следы, мертвые муж и жена

находятся в спальне». И все это в масштабах кукольного домика. Именно такие пугающие сцены в домиках собирала Фрэнсис Глесснер Ли в 1950–е годы. Дочь богатого чикагского промышленника получила домашнее образование и запрет на обучение в колледже, тогда как её брат уехал в Гарвард. Ее очень заинтересовали рассказы однокурсника брата о случаях необъяснимой смерти, на изучении которых он специализировался, и у Ли проснулся интерес к криминалистике. Но лишь в возрасте 52 лет, получив наследство после смерти брата, она смогла воплотить свою мечту помочь развитию этой области и направила наследство на обеспечение специально созданного первого в стране Гарвардского факультета судебной медицины под названием «Скрупулёзные исследования необъяснимых смертей». При создании отделения она руководствовалась главным принципом криминалистики: «Осудить виновных, оправдать невинных и найти истину».

В 50-е годы 20 столетия криминалистика находилась на заре своего развития и Ли проводила семинары и лекции по расследованию убийств для сотрудников полиции, приглашая самых талантливых детективов, следователей и полицейских всего мира, чтобы на примере 20 скрупулёзно созданных макетов изучить реальные сцены убийств. Одним из немногих гражданских, допущенных на эти занятия, стал Эрл Стенли Гарднер, автор романов о Перри Мейсоне. Восхищенный деятельностью Фрэнсис, он посвятил ей свою новую книгу «Дело о незадачливом женихе».

Личное участие Фрэнсис в судебных делах не осталось незамеченным, и в 1943 году ей присвоили звание капитана полиции Нью-Гемпшира. До конца жизни ее называли «Капитан Ли». На создание каждой сцены убийства Ли тратила сумму по тем временам близкую к стоимости дома – до трех тысяч долларов. В ее кукольных домиках все было настоящим: двери и окна открывались и закрывались, на некоторых из них при внимательном рассмотрении можно было обнаружить следы пуль, светильники включались и выключались, крошечные журналы, календари и лекарственные этикетки были прекрасно отпечатаны, а патроны и полки для ружей выполнялись с потрясающей точностью. Используя две булавки для галстуков и швейные нитки, Ли любовно вязала одежду для каждой жертвы.

Кукольные домики были полны подсказок и ловушек, на миниатюрных телах были тщательно воспроизведены все детали, от трупных пятен до опухлости части тела или вмятин черепа, которые Ли видела во время реальных процедур вскрытия, на которых она присутствовала. Здесь полно нюансов и мелочей. Они не только весьма правдоподобно выглядят, но и умело подстёгивают аналитические и дедуктивные способности сыщиков.

Вот описание одного из «этюдов» в подробностях. Ванная комната с розовой мраморной сантехникой и отделкой того же цвета. Здесь была убита женщина. Изображающая её кукла одета в халат, она лежит на спине, руки вытянуты вдоль тела. Жертва отражается в большом, до пола, зеркале на внутренней стороне приоткрытой двери. На шее куклы рана, из неё торчат нитки.

В ногах ванны, рядом с телом, стоит белый табурет. Стены поделены надвое горизонтальными панелями. Верхняя часть оклеена цветочными обоями, нижняя выкрашена белой краской. На мраморной ванне висит бело-розовое банное полотенце, а над ней, в головах, прибит кронштейн с полотенцами розового цвета.

Ещё один кронштейн находится слева от мраморной раковины, на нём – белые полотенца для рук. На той же стене, над раковиной, зеркало. Справа от раковины, в углу комнаты, расположен унитаз. За ним, вдоль правой стены – держатель для туалетной бумаги, радиатор водяного отопления, напольные весы и трюмо с туалетными принадлежностями.

Окно над радиатором украшено короткими розовыми занавесками: они раздвинуты в стороны и завязаны лентой в цветочек. Центр комнаты занимает круглый бежевый ковёр с розовой бахромой. На краю ковра, ближе к ванне, стоят женские тапочки. С верхнего края двери свисает пучок ниток.

Изучив место преступления, студенты должны отметить отсутствие следов взлома, обнаружить короткие нитки, свисающие с двери и их сходство с нитями, найденными в ране на шее убитой.

В итоге будущим следователям необходимо раскрыть преступление и сделать вывод, что смерть наступила в результате самоубийства. Жертва встала на табурет, оттолкнула его и повесилась на двери в ванную комнату.

Том Мориелло, профессор и последователь Фрэнсис Ли, который при обучении использует диорамы с репрезентацией мест преступления, заявляет, что всегда сразу распознает, кому из будущих следователей будет трудно потом расследовать реальные убийства. «Это всегда те, кто во время учебы неохотно прикасается к убитым и окружающим их предметам. Для того, чтобы получить нужные ответы, нужно проверять все – перевернуть постельное белье и одеяла, перевернуть мертвое тело, подобрать газету на полу, чтобы взглянуть на дату ее выпуска... В кукольном домике сделать все это легко и просто. Так что, если вы в свое время не поиграете в куклы, вы не раскроете и настоящего преступления».

Функция инсценировки – одна из существенных ролей кукольных домов сегодня. Отражается это также и на технологическом уровне. М. Канис, С. Роббен и В. Из Амстердамского университета прикладных наук предлагают

использовать кукольные дома как интерактивные модели технологий «умного дома».

Первый интерактивный кукольный дом подобного рода был реализован в голландском городе Наардерхим. Он иллюстрировал дом для пожилых людей и был оснащен множеством датчиков, посредством которых симулировалась реальность, вплоть до соответствующей атмосферы и климатических условий. В целом, кукольный дом собирался самими пожилыми людьми. Таким образом, разработчики получали прямой отзыв от тех, для кого дом был предназначен. Подобные кукольные дома, уверяют разработчики, дают пользователю возможность увидеть и понять, как технология будет интегрирована в их дом. Используя интерактивную модель, пожилые люди смогли через игру понять свою повседневность и то, что происходит в их доме.

В последние десятилетия в связи с развитием социальных наук, кукольные дома стали привлекаться для исследований гендерной проблематики. В частности, Карл Терриен и Джойс Гоггин из университета Монреаля рассматривают кукольные дома как строящиеся когнитивные отражения представлений о домашнем мире и женщине в нем. В их представлении кукольный дом является следствием гипернормального миметизма и конструирования протезного тела реальности.

Литература

1. Marije Kanis, Saskia Robben & Ben Kröse. Miniature Play: Using an Interactive Dollhouse to Demonstrate Ambient Interactions in the Home [Электронный ресурс]//https://www.academia.edu/2487720/Miniature_play_Using_an_interactive_dollhouse_to_demonstrate_ambient_interactions_in_the_home

2. Carl Therrien & Joyce Goggin. Welcome to the Dollhouse. Constructing Bodies in Crytek's Crysis and Mattel's Kiddle Dolls // Exploring the Frontiers of Digital Gaming: Traditional Games, Expressive Games, Pervasive Games. April 2016. P. 53-70.

ИНФОГРАФИКА НА УРОКАХ ЛИТЕРАТУРЫ

Петрова К. В.

студент 1 курса
магистерской программы
«Теория и история культуры»
факультета чувашской и русской филологии,
Чувашский государственный
педагогический университет им. И.Я. Яковлева,

Аннотация: В статье рассматриваются основные моменты использования в преподавательской деятельности приема визуального представления учебного материала – инфографики. Представлены ключевые понятия, входящие в термин «инфографика», описываются трудности, связанные с применением данного метода на уроках, его преимущества перед другими визуальными средствами, а также приводятся примеры готовой инфографики, взятые из открытых источников.

Ключевые слова: инфографика, визуальные средства.

INFOGRAPHICS AT THE LITERATURE LESSON

Petrova K. V.

Abstract: The article is devoted to the basic aspects of using infographics as one of the forms of the visual means during the lessons. There are the main points, which are concerned with the term 'infographics', potential difficulties involving the usage of this method and its advantages over the other visual means. The examples of the infographics are taken from the open sources.

Keywords: infographics, visual means.

Современные реалии таковы, что учащимся школ простого восприятия, «на слух», недостаточно. Развитие кино и телевидения, игровой индустрии, разнообразных социальных сетей, фото и видео-сервисов, которые доносят информацию до своих пользователей именно посредством визуального воздействия, люди просто-напросто привыкли полагаться на глаза.

Данное обстоятельство особенно важно для учителей литературы. Чтение художественных произведений требует серьезных временных затрат

на вдумчивое и осмысленное «погружение» в мир книги, тогда как стремительная жизнь современного человека не позволяет ему это сделать. Учащиеся не привыкли к работе со значительными по объему и сложно организованными текстами. Для них это скучно и не интересно, так как привычка воспринимать информацию визуально, в готовом виде, негативно влияет на способность интерпретировать, самому перерабатывать информацию, тогда как успешное усвоение знаний зависит от заинтересованности учеников и стоящей перед ними необходимости.

Что же делать учителям? Каким образом мотивировать учащихся начать активно воспринимать информацию? Каким образом ее представить? Здесь на помощь придет инфографика – современная технология, освоение которой в полной мере педагогам только предстоит.

Инфографика – это визуальное, графическое представление информации, связей предметов и явлений, числовых данных и других знаний. Это содержательный и продуктивный способ представления материала, информирующий о какой-либо проблеме, явлении, ряде фактов и так далее [4].

Одним из первых такой способ представления информации стал использовать Найджел Холмс, долгое время проработавший графическим дизайнером знаменитого журнала TIME. По его собственному признанию, он всегда хотел, «чтобы читатель получал удовольствие от изучения, а не чувство, что он делает домашнюю работу» [6]. Но почему же домашняя работа для школьников должна ассоциироваться с чем-то трудным или непосильным? Мы, учителя, также стремимся, чтобы наши ученики находили радость в изучении нового материала, поэтому берем на вооружение все, что будет способствовать достижению данной цели.

Интерактивные плакаты, графики, схемы, конспекты к образовательной инфографике не относят. Необходимо, чтобы информация была сгруппирована и представлена так, чтобы представлять собой единый визуально-информационный блок [1], при этом ученик должен быть способен без чьей-либо помощи изучить его, выделить основные мысли и сделать собственные выводы.

Таким образом, инфографика направлена на решение целого ряда задач. Использование ее на уроках помогает развитию образного и логического мышления, учит школьников работать с разными видами информации.

Взаимодействие с визуальной информацией способствует формированию личности учащегося, его эстетического вкуса и нравственных основ. При этом работа с различными видами текстов, как художественных,

поэтических, так и научных, медийных, деловых и так далее, позволяет развивать эрудированность и творческий подход.

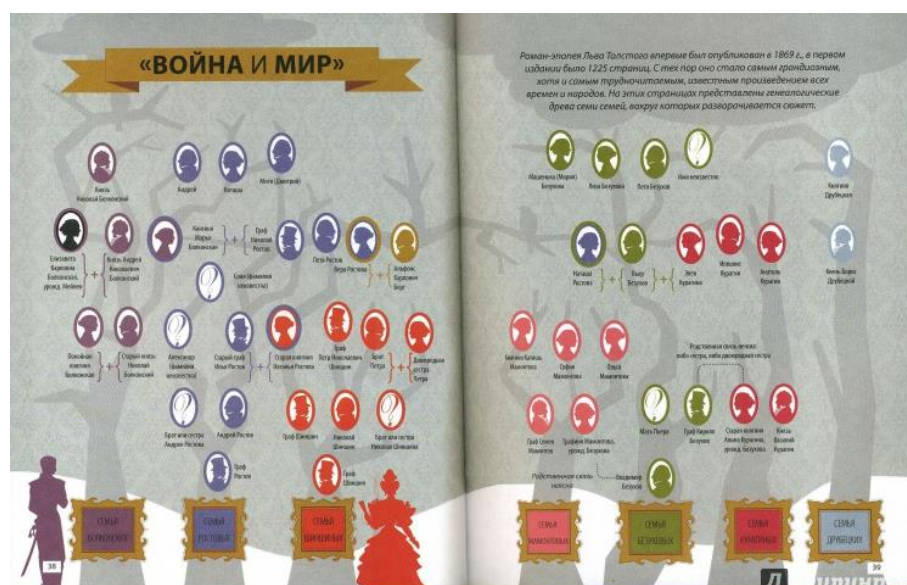
Инфографика может быть применима для изучения различных аспектов на уроках литературы. С ее помощью возможно как оригинально представить биографию писателя, его основные труды, раскрыть содержание произведения и рассказать о его героях, так и достаточно наглядно объяснить значения и функции литературных терминов. При этом, как подчеркивает автор статьи «Инфографика в медийном и учебном текстах», включение данного метода представления информации в урок «обеспечивает обращение к текстам, входящим в круг прецедентных текстов языковой личности» [7]. То есть, у учащихся повышается мотивация обратиться к первоисточнику, к книгам.

Работая с готовыми примерами инфографики, которые можно найти на многих, в том числе образовательных, ресурсах, (arzamas.academy, mel.fm, ed.ted.com) и в различных сообществах в социальных сетях, учащиеся видят, что знания могут передаваться и храниться в различных формах.

Пример инфографики, созданной в рамках проекта «Поэзия в инфографике» [5]

Задачей учителя на данном этапе станет также помощь учащимся при создании их собственных проектов по представлению информации в виде инфографики. Таким образом, использование данного метода способствует включению школьников в проектную деятельность.

Пример инфографики, опубликованный в книге «Мировая литература в инфографике» автора Дж. Элиот [2]

Сжатие и разделение связного текста по ключевым моментам, представление аналогий, работа с лексическими и грамматическими конструкциями при переводе текстов в форму инфографики – все это может быть успешно реализовано как в рамках внеклассных занятий, так и на самом уроке. Однако процесс освоения данной формы работы может быть несколько затруднен тем, что на создание инфографики, отбор подходящего графического, то есть визуального, а также текстового материала затрачивается большое количество времени. К тому же большую роль здесь также играет недостаток умений и навыков в сфере дизайна – одним из показателей качества инфографики является ее эстетичность.

Рассмотрение готовых вариантов и создание собственной инфографики на занятиях литературой поспособствует созданию проблемных ситуаций, организации деятельности по поиску информации, развитию критического мышления и мотивации к изучению предложенной темы [3].

Таким образом, благодаря усвоению принципов создания инфографики (актуальность выбранной темы, ее востребованность, краткость, простота, творческий подход, организованность информации и эстетическая привлекательность) учащиеся смогут использовать данный метод для эффективной подготовки к занятиям, в работе над различными творческими и научными проектами.

Литература

1. Бурак, Н. В. Законы простоты или образовательная инфографика. Режим доступа: <https://nsportal.ru/shkola/obshchepedagogicheskie-tekhnologii/library/2015/11/20/zakony-prostoty-ili-obrazovatel'naya>

2. Джоанна Элиот. Мировая литература в инфографике. Рецензия на книгу. Режим доступа: <https://www.labyrinth.ru/reviews/show/1347639/>
3. Инфографика в школе. Режим доступа: <https://vizual.club/2017/07/05/infografika-v-shkole/>
4. Инфографика как способ визуализации учебной информации на уроке. Режим доступа: <https://pedsovet.org/publikatsii/russkiy-yazyk/infografika-kak-sposob-vizualizatsii-uchebnoy-informatsii-na-uroke>
5. Поэзия в инфографике. Сообщество ВКонтакте. Режим доступа: https://vk.com/poetry_infographic
6. Про юмор в инфографике от Найджела Холмса. Режим доступа: <http://infographer.ru/tag/najdzhel-holms/>
7. Соловьева, Т. В. Инфографика в медийном и учебном текстах // Вестн. Новг. Гос. Ун-та. Сер.: Филология. История. 2010. №57

УДК 371.32

ВАРИАТИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Семенова И. В.

студент 1 курса магистерской программы
«Теория и история литературы»
факультета чувашской и русской филологии
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева

Киргизова М. М.

студент 1 курса магистерской программы
«Теория и история литературы»
факультета чувашской и русской филологии
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева

Аннотация. Статья посвящена изучению понятия вариативное образование. Рассмотрены такие основные принципы вариативного образования, как индивидуализация, социализация и мотивация. Разработана система дифференцированных заданий по произведению М. Ю. Лермонтова «Мцыри».

Ключевые слова: вариативное образование, индивидуализация, мотивация, социализация, дифференцированное обучение.

THE VARIATIONAL EDUCATION IN A MODERN SCHOOL

Semenova I.V.
Kirgizova M.M.

Abstract. The article is devoted to the study of the concept of variable education. The basic principles of variational education: individualization, socialization and motivation are considered. A system of differentiated tasks on M. Yu. Lermontov's work «The Novice» is developed.

Key words: variable education, individualization, motivation, socialization, differentiated education.

У истоков вариативного образования стоит А. Г. Асмолов. Это понятие появилось в 1990-е годы и активно вошло в современное образование. Вариативное образование представляет собой «процесс, направленный на расширение возможностей компетентного выбора личностью жизненного пути и на саморазвитие личности» [2, 9]. Важным элементом в вариативном образовании является совместная деятельность учеников со взрослыми и сверстниками, позволяющая сформировать мировоззрение ученика, приобщить его к культуре. Таким образом, ученики учатся мыслить и принимать решения.

Теория личностно-ориентированного обучения А. Г. Асмолова опирается на труды Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева, Д. Б. Эльконина, В. В. Давыдова и Л. В. Занкова, в которых заложена идея развития личности, способной к саморазвитию и к самореализации, также идея совместной деятельности взрослого и ребенка.

И. Я. Шияпова в своей статье пишет, что главное направление личностно-ориентированных технологий образования – формирование интеллектуальных и речевых качеств школьников, развитие критического и творческого мышления. Это достигается непосредственно на уроках литературы [4, 55].

Когда речь идет о вариативном образовании, на первый план выходят термины «социализация», «индивидуализация», «мотивация». «Сегодняшний стандарт - это, прежде всего, стандарт побуждения мотивации учителя к обучению» [1, 7]. Современный учитель должен создать такие условия учебного процесса, которые приведут ученика к пути самообучения.

Требование развития универсальных учебных действий на уроках также преследует цель вовлечения ученика в активную познавательную деятельность.

Развитие личности невозможно без социализации, которая подразумевает усвоение общественных норм и ценностей. «...ключевыми установками позитивной социализации личности являются установки, направленные на приобщение, интериоризацию социо-культурных образов поведения, социальных норм, социальных <... > эмоций». [2, 7] Современная школа должна формировать ценностную, смысловую картину мира ребенка. [1, 8]. Кроме того, в рамках вариативного образования важную роль играет национальная среда, учет особенностей которой является одним из условий качественной социализации. «Национальная школа выступает как один из важных элементов сохранения и развития этнической общности своего неповторимого «Я», его духовного ядра. В связи с этим крайне важно освоение представителями этнических общностей родных языков, являющихся не только средством общения, но и приобщения личности ребенка к культуре своего народа» [2, 11].

Принцип индивидуализации подразумевает под собой создание вариативной образовательной среды, которая позволит раскрыть потенциал ученика и развить в нем социально-ценные и личностно-значимые качества. [3, 80]. Ориентация на школу жизненных задач позволит выйти за рамки традиционных задач, в которых даны все условия, и тем самым сформировать личность, способную принимать решения в нестандартных ситуациях. Личность – это человек, способный сделать выбор и нести за него ответственность.

Современная школа ориентирована на интеграцию знаний. Появляются междисциплинарные области, интегрированные уроки. «Переход от учебного предметоцентризма к образовательным областям стимулирует появление интегративных учебных курсов, обеспечивающих приобщение школьников к целостной картине мира» [2, 11]. Таким образом, ученик будет иметь не разрозненные знания, которые он будет не способен применить на практике, а цельное представление об окружающем мире, что в свою очередь является одним из показателей развитой личности.

Школа, ставящая перед собой цели развития личности, не может существовать без качественного гуманитарного образования. Таким образом, важную роль в личностно-ориентированном образовании играют предметы филологической направленности. Уроки литературы непосредственно направлены на развитие личности. Они рассчитаны на диалог и на эмоциональный отклик.

Современные учителя литературы в рамках вариативного образования осуществляют выбор традиционных и инновационных форм и методов работы на уроках. Среди инновационных форм урока можно выделить уроки-концерты, уроки-конференции, уроки-расследования и т. д. На современных уроках активно используются сингапурские технологии, основанные на коммуникации и групповой форме работы, система дифференцированных заданий. Следует отметить, что о дифференцированном обучении говорил еще Я. А. Коменский. В современном образовании такое обучение направлено на учет индивидуальных особенностей учащихся. Учёные выделяют несколько способов дифференциации: по возрастному составу, по полу, по области интересов, по уровню умственного развития, по личностно-психологическим типам, по уровню здоровья.

В современной практике обучения наиболее часто применяются задания различного уровня сложности, которые даются стабильным по успеваемости ученикам и преследуют цель повышения успеваемости, качества знаний. Ученикам предоставляется выбор уровня сложности, выполняемых заданий, а учителя в свою очередь получают возможность оценивания работ учащихся с учетом их потенциала, индивидуальных особенностей.

М. А. Скотинин, В. А. Онищук, В. Б. Мксименко выделяют три уровня усвоения качества знаний: репродуктивный, реконструктивный и творческий.

Нами разработана система дифференцированных заданий для 8 класса по произведению М. Ю. Лермонтова «Мцыри».

Задания репродуктивного уровня сложности, рекомендуемые для оценки в три балла, могут быть следующего характера:

1. Прочитать биографию М. Ю. Лермонтова в учебнике, подготовить сообщение;

2. Подготовить историю создания произведения;

3. Прочитать произведение, подготовить его краткий пересказ

Задания реконструктивного уровня, рекомендуемые для оценивания в четыре балла:

1. Найти черты романтизма в произведении;

2. Ответить на вопросы по произведению (содержание);

3. Составить вопросы по биографии автора, по произведению;

4. Составить кроссворд по произведению;

5. Сделать иллюстрацию по произведению;

6. Найти средства художественной выразительности.

Задания творческого уровня сложности, рекомендуемы для оценивания в пять баллов:

1. Ответьте на вопросы, аргументируйте примерами из текста: Как сложилась бы судьба главного героя, если бы он не покинул монастырь?

Почему Мцыри сбежал из монастыря?

Почему он сбежал именно во время грозы?

Почему герой не испугался вступить в схватку с барсом?

Почему главный герой погибает?

Если бы он выжил, смог бы он дальше жить в монастыре?

2. Составьте киносценарий, сценарий по произведению, по эпизоду произведения.

Таким образом, вариативное образование ставит своей целью развитие личности, ориентированной на выбор жизненного пути и на самореализацию. В рамках вариативного образования важное место приобретают гуманитарные предметы, имеющие большой потенциал в формировании личности ребенка.

Литература

1. Асмолов, А. Г. Вариативное образование в изменяющемся мире: социокультурная перспектива (Тезисы о том, какой быть начальной школе) / А. Г. Асмолов // Образование и наука. – 2013. – № 8. – С. 3 – 13.

2. Асмолов, А. Г. Психология XXI века и рождение вариативного образовательного пространства России / А. Г. Асмолов // Новое время — Новая дидактика: Педагогические идеи Л.В. Занкова и школьная практика. – Корпорация Федоров Москва, Самара, 2001. — С. 5–24.

3. Сидельник, В. В. Индивидуализация учебно-воспитательного процесса в начальной школе в условиях вариативного образования / В. В. Сидельник, Т. Д. Скуднова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2017. – Выпуск 1. – С. 76 – 80.

4. Шияпова, Е. А. Новые педагогические технологии в преподавании русского языка: технология дифференцированного обучения / Е. А. Шияпова // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2007. – т. 13. – С. 55 – 58.

АМЕРИКАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ В ТВОРЧЕСТВЕ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ МАРИШЫ ПЕССЛ

Семенова Анна Владимировна

студентка 2 курса магистерской программы
«Теория и история культуры»
факультета чувашской и русской филологии,
Чувашский государственный педагогический
университет им. И. Я. Яковлева

Научный руководитель –
кандидат философских наук, доцент
Никитина А.В.

Аннотация. В статье рассматривается творчество американской писательницы М. Пессл, анализируется роман «Некоторые вопросы теории катастроф». Особое внимание уделяется функционированию групп и особенностям школьной среды в американской культуре.

Ключевые слова: Мариша Пессл, повседневность, американская культура, радикальная культура

AMERICAN LIFESTYLE IN CREATIVITY WRITERS OF MARISHA PESSL

Semenova Anna

Abstract. The article allowed the creativity of the American writer M. Pessl, analyzes the novel «Special Topics in Calamity Physics». Special attention is paid to the functioning of groups and the characteristics of the school environment in American culture.

Keywords: Marisha Pessl, everyday life, American culture, radical culture

Мариша Пессл – современная американская писательница, которая родилась в штате Мичиган в семье инженера. В 2006 году она выпустила свой первый роман «Некоторые вопросы теории катастроф», который впоследствии был переведен на 35 языков. В 2013 году вышел роман

«Ночное кино», также переведенный на многие языки. Романы М. Пессл продолжают игровую традицию постмодернистских романов, предлагая нелинейное повествование с неожиданной развязкой, необычные формы изложения, интерактивы с читателями.

В данной статье мы проанализируем книгу «Некоторые вопросы катастроф». Рассмотрим вкратце сюжет. Главный персонаж книги – чрезвычайно эрудированный подросток Синь ван Меер. Она является дочерью странствующего по университетам академического профессор Гарета ван Меера, который после смерти своей жены, начинает бродячий образ жизни. На время выпускного класса Синь они поселяются в городе Стоктон. Со временем сторонящийся всех подросток попадает в общество «Аристократов» (Bluebloods), которым руководит загадочный преподаватель Ханна Шнайдер.

В начале книги дается список глав, из названия которых собирается список для чтения. К примеру, первая глава называется «Отелло», Вильям Шекспир». В ней рассказывается о матери Синь и обстоятельствах ее смерти. А во второй главе «Портрет художника в юности», Джеймс Джойс» рассказывается о жизни отца и его характере. Вся книга насыщена цитатами из несуществующих книг, роман, как палимпсест, вырисовывается из этих бесконечных отступлений, сносок и примечаний, наглядных иллюстраций. Весь роман похож на исследовательскую статью, которую пишет герой книги – Синь ван Меер. Роман начинается как роман об одиночестве подростка, о ее первой любви и заканчивается детективом и политическим романом.

Одной из наиболее интересных тем, которые исподволь раскрываются в книге, является американский образ жизни белого населения. Культура белых обнаруживается во многих деталях: закрытые элитарные клубы, академическая сфера, противостояние высокомерных красивых и богатых подростков с тихоней и умницей главной героиней, специфика столкновений поколений.

А американской культуре действительно присутствует такая социальная структура как закрытые американские клубы, членство в которых приобретается через прохождение испытания. Синь приглашается в эту группу лично Ханной, которая действовала через членов «Аристократов».

В молодежной жизни США большое значение имеет традиция закрытых клубов. Изначально они были основаны на идеях древнегреческих философов, которые можно выразить фразой: будь другом тому, с кем у тебя общие взгляды, интересы и цели. И хотя «Аристократы» не являются в полной мере канонической студенческой организацией, тем не менее, формально они повторяют их структуры. И если для американской культуры

данные студенческие клубы являются предметом гордости, то в романе писательница с иронией показывает бессмысленность подобных элитарных собраний, где вместо взаимовыручки царит эгоизм и себялюбие.

Эта стратегия – от очарования к разочарованию – присутствует и в отношениях с отцом. От восхищения его тонкой натурой, его интеллектуальностью и остроумием Синь приходит к пониманию истинной природы отца – бунтаря, разыскиваемого ФБР террориста.

В сущности, это роман о взрослении Синь, о ее прощании с подростковыми иллюзиями. В какой-то мере он перекликается этой подростковой тематикой с романом Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи». Разочарованность миром, всем наносным – именно это объединяет романы. Хотя Синь никогда не была полностью уверена в окружающем ее мире, тем не менее, открытие его нереальности были жестоки.

Радикальная группа, в которой состоял отец Синь, выступает своего рода антагонистом для «Аристократов». Насколько пусты аристократы, настолько идейно насыщены представители радикальной группы, насколько глупы первые, настолько остроумны вторые. Если первые яркие и сразу заметно, то вторые загадочны и незаметны.

Особого внимания стоят описания школьной жизни. «Папа шутил, что меня, мол, среди ночи разбуди, отбарабаню книгу «В поисках Годо: как отыскать в Америке приличную школу», но это он был чрезмерно суров. Сам преподавал в университетах, где «студенческим клубом» называлась пустая комната, в которой стояли только аппарат для игры в настольный футбол да торговый автомат с парой шоколадок. А я, между прочим, училась в просторных, пахнущих свежей краской классах и монументальных спортзалах. В школах Тысячи команд (футбольная, баскетбольная, бального танца); школах Тысячи списков (прогульщиков, отличников, наказанных); школах, Исполненных новизны (новая автостоянка, новое меню, новый кабинет изобразительного искусства); школах, Овеянных стариной (там очень любят употреблять в рекламных брошюрах слова «классический» и «традиционный»); школах Блистательных библиотек (где книги пахнут клеем и «Мистером Проктором»); школах Отвратных библиотек (где книги пахнут нафталином и мышинными какашками); в школах со Слезливыми учителями, Сопливыми учителями, Учителями, которые не расстаются с кружкой остывшего кофе, Учителями, которым не наплевать на детей, Учителями, которые втайне люто ненавидят всех этих мелких поганцев» [1].

Школа не только выступает декорациями для всего этого действия, она предстает особого рода прагматически обустроенным пространством, которое в миниатюрной форме повторяет всю страну. Школа регулирует не

только жизнь подростка, но и определяет его психологические особенности. В романе школа представлена как что-то существующее вне жизни Синь. Ее позиция (школьница, сменившей множество школ) ставит ее выше и позволяет ей обобщать и находить интересные тенденции в школьной культуре США. К примеру, некоторые директора, по мнению Синь, страдают синдромом Голубого глаза: «Билл – не первый директор школы, страдающий синдромом Голубого глаза. Многие директора, а особенно мужчины, принимают полутемную школьную столовку или учебную аудиторию со скверной акустикой за обитую алым бархатом «Копа-рум», школьников – за восторженную публику, раскупившую билеты на месяц вперед, а себя самого – за Фрэнка Синатру, которому все простится, и фальшивая нота, и пропущенная строчка» [1].

Образы учителей, в связи с этим, также подвергнуты деконструкции со стороны Синь. Она видит их изнутри, нисколько не очаровываясь их личностями. Исключением является Ханна Шнайдер, которую в конце концов Синь все же «разгадывает».

Таким образом, во всей этой тонкой паутине умело расставленных акцентов, умело сконструированных пространств, персонажей и диалогов чувствуется что-то ненастоящее, ложное, разыгрывающее реальность. Действительно, роман начинается как исследование, ставятся задачи, со временем начинают выясняться подробности и Синь, как главный исследователь, который зрит в корень истины, открывает, что эта реальность не реальна, а умело и тонко сконструирована. Элитарный клуб оказывается не таким уж элитарным, истории персонажей, исходя из которых Синь составляла свое отношение к ним, выдуманы преподавателем Ханной, ее отец оказывается членом террористической группы, ведущей тактику незаметной войны с воротилами потребительского мира. К концу книги, как и в конце любого исследования, открывается истина – мир во всей своей правде. Синь через весь роман наконец-то обретает право быть собой.

Литература

1. Пессл М. Некоторые вопросы теории катастроф. М.: Иностранка, 2016.
2. Никитина А.В. Геопозия: диалог и монолог // История русского литературного процесса XI-XX вв. и закономерности его развития на современном этапе: сборник статей по материалам Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. под редакцией О. А. Бычковой. – Чебоксары: Чуваш.гос.пед.ун-т, 2015. – С. 119-124.

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЕ

Федотова Д. Г.

студент 1 курса
магистерской программы
«Теория и история литературы»
факультета чувашской и русской филологии
Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева

Научный руководитель –
кандидат филологических наук, доцент
Бычкова О.А.

Аннотация: В данной статье предпринимается попытка осветить основные проблемы образования и воспитания в современной школе. Представлены разнящиеся мнения ученых относительно модернизации образовательного процесса. Актуализируется воспитательная функция литературного образования.

Ключевые слова: образование, воспитание, современная школа, вариативное образование, воспитание литературой.

EDUCATION AND TRAINING IN MODERN SCHOOL

Fedotova D. G.

Abstract: This article attempts to highlight the main problems of education and training in the modern school. Different opinions of scientists regarding the modernization of the educational process are presented. The educational function of literature education is being updated.

Keywords: education, training, modern school, variable education, training by literature

Целью данной статьи является освещение проблем модернизации образования, а также актуализация роли художественной литературы в качестве воспитателя современного поколения.

Мы живем в век постоянных перемен, когда каждый новый день приносит новые знания и новые науки, возникающие на стыке уже имеющихся. Неизбежные перемены в образовательном процессе вызывают неоднозначную реакцию общества. Нововведения в образовании: зло или польза, и есть ли в современном образовательном процессе место воспитанию?

Какого современное состояние образования в России на данном этапе развития? Со стороны государства наблюдается сокращение государственного финансирования образовательной системы как таковой. Учебным заведениям предлагается «содержать» самих себя, создавая все новые и новые платные услуги для Заказчика и Клиента-ученика, где Учитель предоставляет образовательные услуги, где сакральный смысл слова Учителя как наставника скоростно уходит в небытие. Что несет в себе и куда «вариативность образования» в начальной и средней школе? Впервые идея вариативности, как и само понятие «вариативное образование», было предложено А. Г. Асмоловым, российским психологом, политиком и учёным, в 1991 году. Методологической основой данной идеи послужило понимание образования как механизма социогенеза личности и культуры, где ориентация культуры в тоталитарную или либеральную сторону погашает или поддерживает проявления индивидуума [1].

Т.е. вместо всесторонне развитого и развивающего в себе все необходимые качества и навыки для социальной адаптации учащегося предлагается образовывать человека узкой компетенции, который выбирает свое будущее на среднем этапе обучения, будучи с еще неустойчивыми ценностями и взглядами на мир.

Явным оппозиционером идей вариативности выступает Е. Ю. Спицын, историк-практик, эксперт по политическим и межнациональным вопросам. В своей статье «Оборотни из минобра. Образование для «избранных»» историк и педагог поднимает современные проблемы образования и воспитания. Одним из пунктов обсуждения становится программа «Модернизации детского движения Забайкальского края», в рамках которой детей представляют «участниками рынка воспитательных и развивающих услуг» и делят их на три класса, невольно вызывая ассоциации с фашистской идеологией [3].

В современной обстановке как никогда важно создавать условия для духовного роста личности. Актуализация воспитательной функции есть также и в Федеральном государственном образовательном стандарте. В Законе Российской Федерации «Об Образовании» понятие «образование» представлено как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения,

которое является общественно значимым благом в интересах человека, семьи, общества и государства, а также данное понятие включает в себя совокупность знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности, компетенции в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов. В свою очередь «воспитание» есть деятельность, целью которого является развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил и норм поведения, ценная для человека, семьи, общества и государства [2].

Воспитательная функция является ведущей в литературном образовании. Как отмечает преподаватель Джизакского государственного педагогического института им. А.Кадыри, З. И. Балатукова, с прогрессом в науке и технике меняются также идеалы и оценки нынешнего поколения. Однако высшие духовные и культурные ценности не должны отвергаться, а материальные богатства не должны выходить на передний план. Так, произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, М. Шолохова позволяют подрастающему поколению не только узнавать прошлые исторические процессы, переживать душевные движения главных героев, но и формировать взгляды, чувства, характер, пробудить любовь к прекрасному, воспитывать готовность к борьбе за торжество добра и правды [2].

Великие умы древности от Конфуция и Аристотеля до Ломоносова и Гегеля, понимали, насколько вектор развития и судьба народа зависит от того, как государство управляет системой образования. Причем, роль образования в современном мире значительно возросла. Тогда как в более давние времена духовно-нравственное развитие человека происходило через традиции, семейные и народные предания, на сегодняшний день эта роль в большей степени отводится образованию. Таким образом, мы убеждены, что образование и воспитание взаимодополняют друг друга и эффективны только в тандеме.

Литература

1. Асмолов А. Г. Стратегия вариативного образования: мифы и реальность // Магистр. — 1995. — № 1.
2. Балатукова З. И. Роль художественной литературы в воспитании молодого поколения // Молодой ученый. — 2015. — №15. — С. 661-663. — URL <https://moluch.ru/archive/95/21305/> (дата обращения: 24.03.2018)

3. Спицын Е. Ю. Обратни из минобра. Образование для «избранных» // «Академия Тринитаризма». - М. - Эл № 77-6567, публ.20710, 08.06.2015.

4. Федеральный закон от 29.12.2012 №273_ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»

Научное издание

НИКОНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Электронный сборник научных статей

Дизайн обложки А. В. Никитиной

Редакция не несет ответственности за полноту содержания и достоверность информации, материалов.

Авторы несут персональную ответственность за содержание материалов, точность перевода аннотации, цитирования, библиографической информации.

Мнение редакции может не совпадать с мнением автора статьи.

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» данная продукция не подлежит маркировке

Чувашский государственный
педагогический университет им. И. Я. Яковлева
428000, г. Чебоксары, ул. К. Маркса, 38

ПАМЯТИ НИКОНОВОЙ Г.Л.

Никонова Галина Леонидовна (1950–2015) была ведущим преподавателем факультета. Область ее научных интересов – история культуры и литературы от античности до наших дней. За годы работы в вузе ею было опубликовано более 80 научных статей, учебных пособий и книг. В 2003 году Г.Л. Никоновой была создана кафедра культурологии и мировой художественной культуры, что сделало возможным реализацию на факультете дополнительной специальности «Культурология». Возглавляемая Галиной Леонидовной кафедра стала центром консолидации культурных сил региона, что свидетельствует о масштабах ее деятельности и организаторском таланте руководителя. В настоящее время кафедра культурологии и мировой художественной культуры – одна из самых творческих и успешных структур педагогического университета. Галина Леонидовна Никонова была продолжателем традиций, талантливым наследником семьи композиторов В. П. и Г. В. Воробьевых, основоположников чувашской профессиональной музыки. Никонова Г.Л. со своими коллегами шла по пути культурного просветительства, соответствующего ее собственным убеждениям и профессиональным возможностям. Результатом ее многолетней деятельности стало создание научно-образовательного культурного центра Приволжского региона, в который входят представители родственных кафедр Йошкар-Олы, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга, Москвы. Под ее руководством было проведено значительное количество международных и всероссийских конференций, цель которых – изучение этнокультурных ценностей в образовательном пространстве, взаимодействие мировой, национальной и региональной культур в синхроническом и диахроническом аспектах. Под руководством Г.Л. Никоновой на кафедре сформирована научная школа по изучению культуры Чувашии в различных ее аспектах. Впервые организовано исследование творчества известных чувашских художников. Без деятельного участия Г.Л. Никоновой не обходилась ни одна выставка произведений изобразительного искусства. Г.Л. Никоновой последовательно проводилась в жизнь задача культурного развития молодого поколения, учащейся и студенческой молодежи республики и региона. Ею созданы и продолжают успешно функционировать «Центр элитарного образования» и «Школа юного филолога», основной целью которых является актуализация креативных способностей одаренных школьников Чувашии. Деятельность Г.Л. Никоновой отмечена заслуженными наградами. Одна из первых на факультете русской филологии она получила звание «Заслуженный работник образования Чувашской Республики» (1995), награждена Почетной грамотой Министерства образования Российской Федерации (2002), многочисленными грамотами и благодарностями Министерства образования и молодежной политики Чувашской Республики. Г.Л. Никонова щедро делилась своими знаниями со студентами и учителями республики, безотказно помогала молодым преподавателям и аспирантам. Светлая память о Никоновой Галине Леонидовне, жизнерадостной и обаятельной женщине, прекрасном работнике, глубоко интеллигентном и доброжелательном человеке, авторитетном руководителе, навсегда останется в наших сердцах.